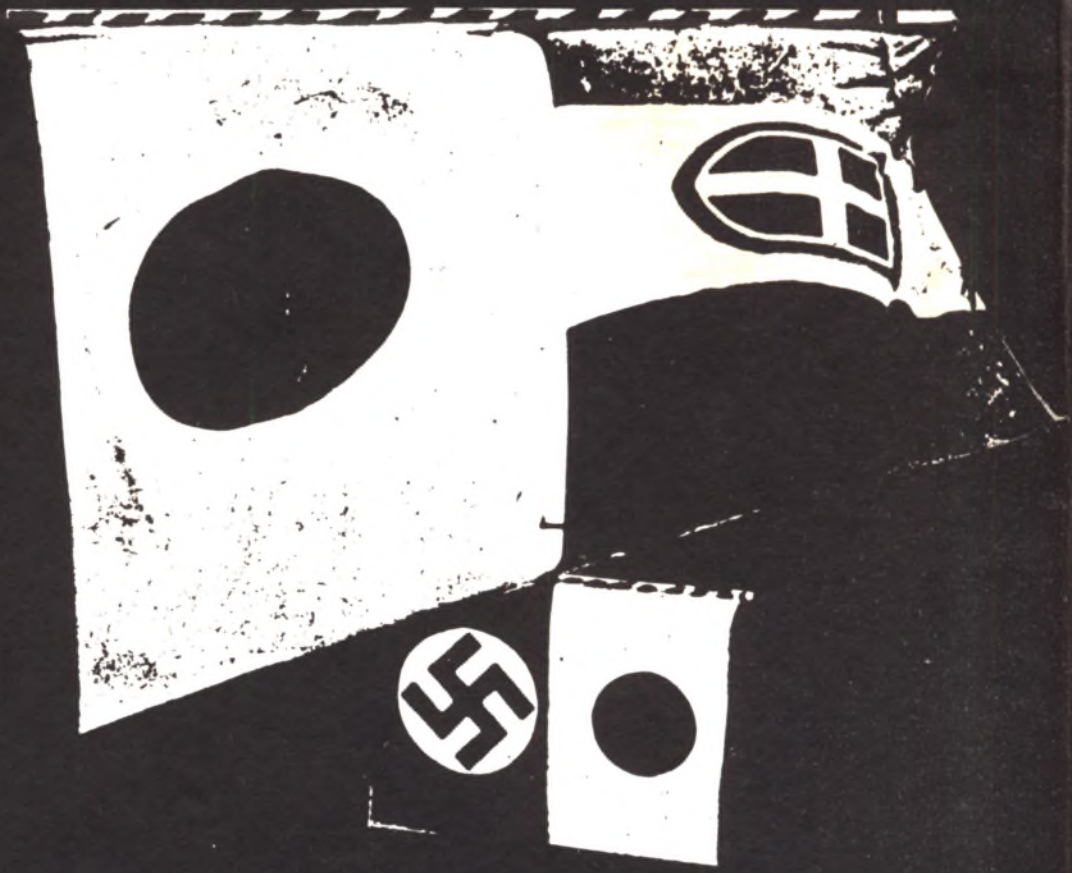

Милитаристы на скамье подсудимых

По материалам
Токийского
и Хабаровского
процессов

«ЮРИДИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

Милитаристы, втянувшие войну, принесли народу этой страны много горя и страданий.

Убиты 2,5 млн., искалечены миллионы японских военнослужащих. Потери гражданского населения составили 668 тыс. человек. 300 тыс. убитыми

ие Японию в войну,
страны много горя

чены 94,5 тыс.

щих.

населения

овек, из них около

67.91
Р 14

Марк
Юрьевич
Рагинский

Милитаристы
на скамье
подсудимых

По материалам
Токийского и
Хабаровского
процессов

Ответственный редактор доктор исторических наук, Лауреат международной премии Академий наук социалистических стран по общественным наукам
А. С. Савин

Рецензенты:
кандидат исторических наук
В. Е. Быстров,
кандидат исторических наук
Г. И. Коротков

Предисловие
доктора
юридических наук
А. Н. Николаева

Автор раздела
„Фотодокументы“ —
кандидат исторических наук
В. П. Зимонин

Оформление
и макет
В. И. Пантелеева

Редактор
Т. С. Парфенова
Художественный редактор
Э. П. Батаева

Технический редактор
А. А. Арсланова
Корректор
В. Д. Рыбакова

Оператор
Е. А. Мотина

Оператор-макетчик
Р. Г. Шишкова

ИБ № 1672

Сдано в набор 14.12.84.
Подписано в печать
30.04.85. А-10104.
Формат 70 x 108¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1
Гарнитура универс.
Печать офсетная.
Объем: усл. печ. л. 31,5;
усл. кр.-отт. 63,7;
учет.-изд. л. 29.08.
Тираж 30 000 экз.
Заказ № 201
Цена 1 руб. 80 коп.
Оригинал-макет
подготовлен
с использованием
наборно-печатающего
автомата
в ордена „Знак Почета“
издательстве
„Юридическая
литература“
121069, Москва, Г-69,
ул. Качалова, д. 14.

Ярославский
полиграфкомбинат
Союзполиграфрома
при Государственном
комитете СССР
по делам издательства,
полиграфии и книжной
торговли.
150014, Ярославль,
ул. Свободы, 97.

Рагинский М. Ю.

Р 14 Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. — М.: Юрид. лит., 1985. — 360 с.

В книге „Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов“ освещается история агрессивных войн Японии, показывается преступный путь японских милитаристов, приведших страну к полному политическому и экономическому краху, в ее военную и политическую верхушку — на скамью подсудимых, описываются участники обоих процессов, подсудимые и их судьбы.

Книга подготовлена видными учеными — юристами, историками, снабжена большим количеством документов и фотоматериалов.

Для широкого круга читателей.

Р 1207000000-053
012 (01) -85 КБ-13-3-85

67.91

ПРЕДИСЛОВИЕ

Токийский и Хабаровский судебные процессы над японскими военными преступниками — грозные уроки второй мировой войны, являющиеся предостережением всем милитаристам и поджигателям войны.

Знакомство с книгой, в которой собран воедино, обобщен и проанализирован в авторском тексте огромный массив самых разнообразных материалов этих процессов, вызвало во мне много воспоминаний о событиях многолетней давности, участником и очевидцем которых мне пришлось быть.

В феврале 1946 года, когда я служил в Ульяновске в качестве председателя военного трибунала гарнизона, меня срочно вызвали в Москву, в Народный комиссариат юстиции СССР, и сообщили, что в составе советской делегации меня направляют в Токио, в Международный военный трибунал для Дальнего Востока, который будет судить главных японских военных преступников.

В составе делегации было около 70 человек: военные и гражданские судьи, прокуроры, следователи и технические сотрудники.

Возглавлял делегацию член коллегии, начальник договорно-правового управления МИД СССР, Чрезвычайный и Полномочный Посланник, член-корреспондент АН СССР, доктор юридических наук, профессор С.А.Голунский. Это был высокообразованный юрист, дипломат, свободно владеющий тремя европейскими языками. Он участвовал в крупнейших международных конференциях: Думбартон-Оксской, Сан-Францисской, Ялтинской, Потсдамской.

Членом Международного военного трибунала для Дальнего Востока от СССР был генерал-майор юстиции И.М.Зарянов — член Военной коллегии Верховного Суда СССР, начальник Военно-юридической академии Советской Армии. Он обладал необходимыми теоретическими знаниями и практическим опытом для выполнения возложенных на него обязанностей.

10 апреля два военных фрегата, на которых разместились советская делегация, пройдя через Японское море и Сангарский пролив,

разделяющий острова Хоккайдо и Хонсю, вошли в воды Тихого океана, круто повернули на юг и направились вдоль восточного берега Хонсю к Токио.

13 апреля наши фрегаты подошли к Токийскому заливу, где 2 сентября 1945 г. на борту американского линкора „Миссури“ был подписан исторический Акт о капитуляции Японии.

Соответствующим морским сигналом фрегаты были остановлены, и прибывшие на корабли японские лоцманы в сопровождении американских моряков провели их в Токийский порт.

Подходя к причалу, мы увидели огромное количество грузов американского производства, сложенных штабелями около пакгаузов. В порту было оживленно: бесконечный поток американских грузовиков, вагонеток, огромные краны, толпы солдат и офицеров американской армии.

В 5 час. 30 мин. по местному времени фрегаты пришвартовались к причалу. На просторной асфальтированной набережной было много встречающих, в том числе наши товарищи, ранее прибывшие сюда самолетом: представитель СССР в Союзном Совете для Японии генерал-лейтенант К.Н.Дервянко, подписавший от имени Советского Союза Акт о капитуляции Японии, работники нашего Представительства и многие неизвестные мне лица.

Столица некогда могущественной японской империи показалась нам городом контрастов: европейский просторный, зеленый и чистый центр, азиатские миниатюрные, мрачные и грязные окраины. Всюду бросались в глаза последствия войны, и в первую очередь разрушения, причиненные американской авиацией.

Глядя на огромные разрушения в Токио, невольно вспоминалось известное изречение: „поднявший меч от меча и погибнет“.

* * *

В итоге дипломатических переговоров между заинтересованными государствами — СССР, США, Великобританией, Китаем,

Францией, Австралией, Канадой, Новой Зеландией, Голландией (Нидерландами) — было достигнуто соглашение о том, что главных японских военных преступников будет судить специально учрежденный Международный военный трибунал для Дальнего Востока, состоящий из представителей названных девяти государств. Позже к этому соглашению присоединились Индия и Филиппины.

В основу деятельности Международного военного трибунала для Дальнего Востока были положены принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и подтвержденные резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 11 декабря 1946 г. Трибунал имел „право судить и наказывать лиц, которые... совершили любое из следующих преступлений:

а) *преступления против мира*, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий;

б) *военные преступления*, а именно: нарушение законов и обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления;

с) *преступления против человечности*, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым и религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

Руководители, организаторы, подстрека-

тели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана”*.

Таким образом, агрессивная война, военные преступления и преступления против человечности признавались тягчайшими международными преступлениями.

На основании своего устава Международный трибунал, заседавший в Нюрнберге с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г., осудил главных немецких военных преступников за совершенные ими преступления. К этому времени Токийский процесс велся почти пять месяцев, однако политическая обстановка в мире уже несколько изменилась.

В частности, необходимо отметить, что Токийский процесс начался спустя два месяца после того, как Черчилль 5 марта 1946 г. в присутствии президента Трумэна выступил в Фултоне (США) с резко антисоветской речью, в которой предложил образовать англо-американский военный союз для борьбы с „восточным коммунизмом” и для установления господства „мира, говорящего по-английски”. В этой речи Черчилля, по сути, была изложена программа „холодной войны”, развязанной Западом против социализма, революционного и национально-освободительного движений. Начавшаяся „холодная война” определенно отразилась на работе Международного военного трибунала в Токио.

* * *

Коротко расскажу о некоторых участниках процесса и о работе суда.

Председатель Трибунала, австралийский судья Уэбб, в 1887 году окончил католическую школу, а затем университет. Работал адвокатом, нотариусом, судьей, а последние годы — членом Верховного суда Австралии. Внешне он выглядел весьма представительно: высокого роста, широкоплечий, с большой головой, с проседью на

* Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в семи томах. Т. 1. М., 1957, с. 67—68.

висках, большим орlichem носом и крупными серыми глазами. При входе в здание Трибунала он снимал шляпу и, держа ее в правой руке, а в левой стэк, медленно и важно направлялся к себе в кабинет. При встрече он, слегка наклонив голову, мягко и приятно улыбался.

Судьи выходили из кабинетов и направлялись в зал судебного заседания по одному, цепочкой. Впереди шел высокий и смуглый индус Пэл, а белокурый и статный Уэбб заключал эту процессию. Свое место он занимал последним и сидел, почти не двигаясь, чуть склонившись к микрофону. Справа от него располагалось кресло американского судьи Крамера, за ним сидел английский судья Патрик, слева — китайский судья Мэй, далее — советский судья И.М.Зарянов и т.д. Уэбб говорил в микрофон спокойно и негромко, всем своим видом подчеркивая беспристрастность суда, к коллегам и представителям обвинения и защиты обращался вежливо, тактично. Вот типичный пример поведения Уэбба в суде. Защитник задает свидетелю вопрос, на первый взгляд явно не относящийся к делу. Обвинитель выступает с возражением и просит Трибунал снять вопрос. Казалось бы, в этой ситуации председатель Трибунала должен четко и однозначно решить этот спор: оставить вопрос или снять его. Уэбб же в таких случаях говорил примерно таким образом: если я правильно понимаю мнение моих уважаемых коллег, то данный вопрос действительно не относится к делу, хотя, возможно, защитник в ходе своего дальнейшего допроса и сможет показать полезность ответа на заданный им вопрос. И ... вопрос вставал в силе. Подобные ситуации возникали довольно часто, и это отнимало большое количество рабочего времени у Трибунала.

Следует заметить, что председатель Уэбб с подчеркнутой вежливостью относился к члену Трибунала от СССР — генерал-майору юстиции И.М.Зарянову, который своим опытом, знаниями, тактичным поведением вызывал симпатии окружающих.

Главным обвинителем на Токийском процессе был представитель США — адвокат Дж. Кинан. В силу своего положения Кинан вынужден был выступать с разоблачением преступлений, совершенных главными японскими военными преступниками.

После нескольких месяцев работы Трибунала Кинан отозвали в Вашингтон, откуда он вернулся и приступил к исполнению своих обязанностей только в августе 1947 года. Таким образом, Токийский судебный процесс почти в течение года проходил в отсутствие главного обвинителя. Вернувшись в Токио, Кинан значительно изменил свою позицию по сравнению с той, которую занимал в начале Токийского судебного процесса. На его поведении в Трибунале, несомненно, сказалась новая, резко анти-советская, внешнеполитическая программа правительства США, изложенная 12 марта 1947 г. президентом Трумэнном в его послании конгрессу („Доктрина Трумэна“). Политика „холодной войны“ стала официальной внешней политикой США.

По прибытии в Токио Кинан рекомендовал Макартuru освободить из токийской тюрьмы Сугамо 23 японских деятеля, подозревавшихся в совершении военных преступлений, среди которых были и видные представители крупного промышленного капитала, якобы за отсутствием доказательств против них. Макартур издал приказ, и в августе 1947 года эта группа была освобождена.

На заседании Трибунала 25 сентября 1947 г. Кинан в ходе перекрестного допроса адмирала Окада всячески стремился показать, что император Японии Хирохито не желал развязывания войны, и в подтверждение этого заявил: „... Я, как Главный обвинитель, назначенный по Уставу, почтительно обращаю внимание трибунала на тот факт, что лиц, находящихся сейчас на скамье подсудимых, мы считаем ответственными за развязывание этой войны. Если бы были ответственны еще другие люди, то они тоже сидели бы на скамье подсудимых“.

Отсюда вытекало, что японский император — верховный главнокомандующий вооруженными силами Японии — не виновен в развязывании войны, поскольку он не сидит на скамье подсудимых.

Дополнительными обвинителями на Токийском судебном процессе были представители от СССР, Голландии, Канады, Великобритании, Австралии, Китая, Франции, Новой Зеландии, Филиппин.

Обвинитель от СССР С.А.Голунский имел несколько помощников. Советские обвинители вели упорную борьбу за торжество

правосудия, за разоблачение и осуждение главных японских военных преступников. Другие обвинители в ходе судебного процесса во многом придерживались позиции советских обвинителей.

Защита главных японских военных преступников была представлена американскими и японскими юристами.

На скамье подсудимых в Международном военном трибунале в Токио находились 28 главных японских военных преступников. О каждом из них рассказывается в настоящей книге.

Здесь хотелось бы отметить, что из 28 японских деятелей, преданных суду Международного военного трибунала, 18 являлись военными, входившими в состав японской милитаристской клики.

Заметим также, что далеко не все главные военные преступники оказались на скамье подсудимых. На ней сидели только политические, военные и идеологические лидеры. А хозяева крупных японских промышленных монополий остались безнаказанными. Главный обвинитель американец Кинан и главнокомандующий войсками союзных держав на Дальнем Востоке генерал Макартур, действуя по инструкции из Вашингтона, не допустили включения в список главных японских военных преступников ряда реакционных деятелей, и прежде всего руководителей крупнейших японских финансово-промышленных объединений (дзайбачу), которые создали материальную базу для ведения Японией агрессивных войн. При этом явно преследовалась цель — сохранить их и в будущем использовать для реализации планов восстановления военного потенциала Японии.

Главным японским военным преступником, находившимся на скамье подсудимых в Международном военном трибунале в Токио, являлся Тодзио. Он был небольшого роста, худой, с пожелтевшим лицом, напоминавшим бронзовую маску, с узким разрезом глаз, приплюснутым носом и плотно сжатыми тонкими губами. Тодзио имел воинское звание полного генерала, во время войны занимал посты премьер-министра и военного министра. Он считал себя всемогущим политическим и военным лидером Японии и надеялся осуществить мечту о мировом господстве. На скамье

подсудимых Тодзио пытался сохранить апломб премьер-министра среди бывших подчиненных ему министров и военачальников. Но он знал, какой приговор его ждет, и поэтому еще до суда пытался покончить с собой. Выстрел из пистолета произошел в момент сжатия сердца, и пуля прошла чуть выше него. В течение месяца он находился в американском военном госпитале, а затем был заключен в тюрьму Сугамо. Там он вновь пытался совершить самоубийство. На этот раз он решил повеситься на веревке из кусков кимоно, но тюремный полицейский вовремя заметил его приготовления и помешал совершить самоубийство.

В соответствии с Обвинительным актом, составленным от имени одиннадцати Объединенных Наций, который был представлен Международному военному трибуналу 29 апреля 1946 г., 28 подсудимых обвинялись в совершении преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности.

Международный военный трибунал для Дальнего Востока в Токио заседал в здании бывшего военного министерства, что было удобно не только с точки зрения условий работы Трибунала. В этом заключался и большой символический смысл, поскольку именно в стенах этого здания, в кабинетах военного министерства, в первую очередь разрабатывались и проводились в жизнь агрессивные планы японского империализма. Если посмотреть с холма, на котором находилось здание военного министерства, на город, то можно легко увидеть, что все здания, расположенные ниже и вокруг этого холма, были разрушены и сожжены союзной авиацией, тогда как здание военного министерства осталось совершенно нетронутым. Здесь проявился расчет американского командования, по которому не были затронуты императорский дворец, другие здания официальных учреждений и здания посольств союзных государств.

Следует отметить, что организацию работы Трибунала всяло на себя правительство США. Хотя судебный процесс в Токио длился очень долго: с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г., т.е. свыше 2,5 лет, техническая сторона деятельности Трибунала была четко организована,

в частности, слаженно работал огромный аппарат секретариата международного Трибунала.

Весь судебный процесс стенографировался на английском и японском языках. Текст стенограммы заседаний, составлявший ежедневно до 200 страниц, готовился весьма быстро и тщательно.

Советская делегация в Международном военном трибунале была представлена советской частью обвинения и советской частью Трибунала. В среднем в составе советской делегации было около 60 человек: обвинитель, его помощники, следователи, член Трибунала, консультанты, судебные секретари, секретари, переводчики, стенографистки, машинистки, хозяйственные сотрудники и др. Работать приходилось много. Большая нагрузка ложилась на переводчиков. Обычно в зале суда сидели: член Трибунала, судебный секретарь, обвинитель или его помощник с переводчиком и два переводчика в будке для устного перевода. Остальные товарищи работали в своих кабинетах и посещали зал суда лишь тогда, когда там происходило что-либо особенно интересное. Суд заседал пять дней в неделю, суббота и воскресенье считались днями отдыха. Трибунал имел утреннее и дневное заседания и в общем в течение дня работал 4 час. 30 мин. Это был слишком короткий рабочий день, непривычный для нас. Нельзя не отметить точность соблюдения установленного распорядка в работе Трибунала. Так, чем бы ни занимался Трибунал (слушание представителей обвинения или защиты, допрос свидетелей и проч.), как только стрелка часов достигала двенадцати, председатель Уэбб объявлял о перерыве на ленч, а ровно в 16 час. — об окончании рабочего дня, абсолютно не считаясь с тем, что происходило в суде в этот момент.

Хотя в Уставе Трибунала речь шла о „скором суде“ над главными японскими военными преступниками, фактически суд получился не „скорый“. Известно, что затяжка судебного разбирательства выгодна подсудимому, и поэтому защита обычно сознательно старается осложнить и затянуть судебный процесс с тем, чтобы он утратил свою актуальность, чтобы сократилось число свидетелей, уменьшилось количество и качество вещественных доказательств и т. д.

В отношении Международного суда в Токио, который имел не только правовое, но и политическое значение, несомненно, действовали влиятельные силы, которые старались сознательно затянуть процесс, чтобы он утратил свою остроту. Слишком сложной была и процессуальная процедура: множество фаз, длинные вступительные речи, излишняя подробность в доказательствах, бесконечные дебаты между сторонами при представлении доказательств и при допросах свидетелей.

Несколько слов об охране. Охрану подсудимых и всего Трибунала в целом несла американская военная полиция. Она состояла из специально отобранных американских солдат. Замечу, что они с подчеркнутой симпатией относились к русским.

Подсудимых доставляли из тюрьмы Сугамо в Трибунал за час до начала заседания, т. е. в 8 час. 30 мин. утра. Их привозили в большом американском автобусе темно-зеленого цвета. Автобус конвоировался двумя полицейскими джипами белого цвета, один из которых шел впереди, а другой сзади. На джипах, снабженных рациями, сидели вооруженные полицейские. Автобус подходил к главному подъезду здания (в это время всякое постороннее движение через главный подъезд запрещалось). Здесь их встречал усиленный полицейский караул, построенный вдоль стен коридора, по которому проводили подсудимых из машины в специальную комнату, расположенную рядом с залом судебных заседаний.

Примерно за две минуты до начала заседания Трибунала подсудимых вводили в зал суда. Шли они по одному друг за другом, на скамье подсудимых садились на свои места, которые были для них постоянными с начала и до конца судебного процесса. Во время перерыва выводились в особую комнату, где они обедали и проводили время обеденного перерыва. По окончании дневного судебного заседания подсудимых отвозили в тюрьму Сугамо.

Первое заседание Трибунала открылось 3 мая 1946 г. В краткой вступительной речи председатель Трибунала Уэбб заявил: „Мы будем вести наше заседание с наибольшей быстротой, не нарушающей справедливости в отношении обвиняемых“. После

этого был оглашен Обвинительный акт и опрошены подсудимые. Все они заявили, что не признают себя виновными по всем пунктам Обвинительного акта.

4 июня 1946 г. началась фаза обвинения. С большой речью выступил главный обвинитель Кинан, который, в частности, сказал: „Это не обычный процесс, так как он является частью битвы, которую ведет цивилизация за спасение всего мира от полного уничтожения. Эта угроза уничтожения исходит не от сил природы, а от заранее спланированных преднамеренных действий как отдельных лиц, так и членов различных групп, которые хотят привести мир к преждевременному концу в своем безумном стремлении к господству“.

После речи Кинана обвинение приступило к представлению доказательств по всем пунктам Обвинительного акта в отношении всех стран, пострадавших от агрессии Японии.

С 8 по 21 октября советское обвинение представляло доказательства по разделу „Агрессия Японии против СССР“.

Вступительную речь произнес обвинитель от СССР С.А. Голунский. Его полуторачасовая политически острая, юридически обоснованная содержательная речь была заслушана с большим вниманием.

В обоснование своего раздела обвинения советские обвинители представили 174 документа, в том числе 24 письменных свидетельских показания, и допросили в суде 7 свидетелей, в том числе 5 японцев.

По окончании девятимесячной фазы обвинения, 24 февраля 1947 г., началась фаза защиты, которая длилась почти десять месяцев. Американские и японские адвокаты пошли в лобовую атаку против Трибунала и обвинения.

Большим подспорьем для защиты оказалось упомянутое ранее послание президента Трумэна конгрессу, в котором содержался призыв к борьбе против коммунизма. Американские адвокаты ссылались на это послание и просили Трибунал принять его в качестве обоснования тезиса о том, что Трибунал несправедливо судит. Трибунал отклонил эту просьбу защиты.

Защита выдвинула много возражений против доказательств, представленных советским обвинением, но они не были приняты Трибуналом.

Трибунал принял от защиты 1527 документов и 214 письменных показаний свидетелей, в том числе бывшего министра иностранных дел Германии Риббентропа, который подписал свои показания накануне его казни — 15 октября 1946 г. В ходе судебного процесса были допрошены в качестве свидетелей защиты 310 человек, в том числе 16 подсудимых. Интересно отметить, что 9 подсудимых — Доихара, Хата, Хиранума, Хирота, Хосино, Кимура, Сато, Сигэмицу и Умэдзу — отказались от дачи показаний.

После завершения судебного следствия была оглашена заключительная речь обвинения. В ней подводился итог двухгодичного судебного процесса, раскрыто его политическое значение, даны анализ и оценка доказательств, представленных обвинением, разоблачены и подвергнуты критике маневры защиты, показана неполноценность представленных ею доказательств, необоснованность ее выводов и заключений, рассмотрены правовые вопросы, касающиеся судебного процесса, дан подробный анализ преступлений, совершенных всеми подсудимыми и каждым из них в отдельности, сделан вывод, что подсудимые совершили тяжчайшие преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности и должны понести суровое наказание.

Советский обвинитель, оглашая раздел заключительной речи, касающийся агрессии Японии против СССР, отметил, что цель приговора трибунала — „осудить японскую агрессию против миролюбивых народов, сурово покарать главных японских военных преступников и этим помочь превращению Японии в мирное демократическое государство и предохранить мир от новой агрессии, предостеречь тех, кто, ослепленный сумасбродной идеей мирового господства, идеями захвата чужих земель и покорения народов, захотел бы осуществить что-либо подобное тому, во имя чего развивали свою преступную деятельность японские сподвижники Гитлера“.

4 ноября 1948 г. в итоге совещания судей, длившегося 6 месяцев и 19 дней, был подготовлен и согласован текст приговора, который оглашался в Трибунале по 12 ноября. Приговор занимает 1214 страниц.

Приговор Международного военного трибунала в Токио подтвердил, что агрессивная война является преступлением.

В Приговоре утверждается, что главные японские военные преступники совершили преступления против мира — планировали, подготавливали, развязывали и вели агрессивные войны против других стран; грубо нарушали международное право, договоры и соглашения; в широком масштабе совершали военные преступления и преступления против человечности; участвовали в общем плане или заговоре в целях осуществления любого из перечисленных преступлений.

Трибунал признал, что Япония вела агрессивную войну против Китая и развязала войну на Тихом океане, совершив агрессию против США, Великобритании, Голландии, Франции и других стран.

В Приговоре значительное место отводится японской агрессии против СССР. В нем записано: „Трибунал считает, что агрессивная война против СССР предусматривалась и планировалась Японией в течение рассматриваемого периода (1928—1945 гг. — А.Н.), что она была одним из основных элементов японской национальной политики и что ее целью был захват территории СССР на Дальнем Востоке“.

Касаясь Пакта о нейтралитете, заключенного Советским Союзом и Японией 13 апреля 1941 г. в Москве, Приговор отмечает, что Япония не была искренней при заключении этого пакта и использовала его как ширму для оказания помощи Германии и для подготовки нападения на СССР.

В Приговоре подробно описываются военные преступления, предусмотренные международными конвенциями, в том числе Женевской конвенцией о военнопленных 1929 года, приводятся многочисленные факты массовых убийств, истязаний, пыток военнопленных и мирного населения.

По Приговору Международного военного трибунала в Токио были осуждены: 7 подсудимых к смертной казни через повешение, 16 — к пожизненному заключению и 2 — к различным срокам лишения свободы.

В книге содержится раздел, посвященный судебному процессу над бывшими военнослужащими японской армии, которые обвинялись в подготовке и применении бак-

териологического оружия. Это дело рассматривалось Военным трибуналом Приморского военного округа в Хабаровске 25—30 декабря 1949 г.

По Хабаровскому процессу опубликовано несколько книг, в частности: „Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия“ (М., Госполитиздат, 1950); М.Ю.Рагинский, С.Я.Розенблит, Л.Н.Смирнов. Бактериологическая война — преступное орудие империалистической агрессии. Хабаровский процесс японских военных преступников (М., Изд-во АН СССР, 1950). О создании в Японии бактериологического оружия и испытании его на живых людях японским автором Сэйити Моримура написана книга „Кухня дьявола. Правда об „отряде 731“ японской армии.“ Книга переведена на русский язык и вышла в издательстве „Прогресс“ в 1983 году.

Тем не менее включение раздела о Хабаровском процессе в настоящую книгу вместе с разделом о Токийском судебном процессе над главными японскими военными преступниками представляется вполне оправданным. Ведь в обоих случаях идет речь о японских военных преступниках. На Токийском процессе среди главных японских военных преступников был Умэдзу — генерал, командующий Квантунской армией, занимавший пост начальника генштаба армии перед капитуляцией Японии. На Хабаровском процессе на скамье подсудимых сидел Ямада — генерал, тоже бывший командующий Квантунской армией.

Как отмечалось, на Токийском судебном процессе было установлено, что агрессивная война против СССР являлась одним из основных элементов политики японских правящих кругов, ставивших своей целью захват советских территорий.

В своих преступных планах агрессивных войн против СССР и других стран японские милитаристы предусматривали применение бактериологического оружия для массового истребления войск и мирного населения путем распространения смертоносных эпидемий чумы, холеры, сибирской язвы и других тяжелых болезней.

В этих целях в японской армии были созданы особые формирования, предназначенные

для производства бактериологического оружия, и подготавливались специальные воинские команды и диверсионные банды для заражения бактериями населения городов и сел, скота и посевов и других объектов территории государств, подвергшихся японской агрессии.

Все это предпринималось в нарушение Женевского протокола о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств, подписанного 17 июня 1925 г., который ратифицировали более 100 государств, в том числе и Япония.

Японские империалисты, захватив в 1931 году Маньчжурию, стали готовить ее как плацдарм для нападения на Советский Союз. Именно в Маньчжурии дислоцировалась основная ударная сила японского империализма — Квантунская армия. В эту армию направлялась новейшая военная техника, производимая промышленностью Японии.

Именно на территории Маньчжурии генеральный штаб японской армии создал крупные строго секретные бактериологические учреждения — „отряд № 731” и „отряд № 100” — по изысканию способов ведения бактериологической войны и производству бактериологического оружия для полного снабжения японской армии.

Оба отряда имели большое число филиалов, расположенных на направлениях главных ударов, предусмотренных оперативным планом войны против СССР. Эти филиалы являлись по сути боевыми подразделениями, готовыми в любой момент по приказу командования применить бактериологическое оружие.

Доказано, что в отряде проводились бесчеловечные опыты над живыми людьми, главным образом, военнопленными.

Люди, намеченные для опытов, доставлялись в специальную внутреннюю тюрьму отряда № 731. Эти операции условно именовались „специальными перевозками”. Свои жертвы японские палачи цинично называли „бревнами”.

В отряде № 731 наряду с тюрьмой, где содержались „бревна”, были еще „комнаты ужаса”, правом входа в которые пользовалось только небольшое число лиц. Среди этих комнат находилась „выставочная ком-

ната”. Вот как описывает ее Сэйити Мори-мура в книге „Кухня дьявола”.

„Тот, кто впервые входил в эту комнату, впадал в шоковое состояние, и даже выдавшие виды люди, шатаясь, искали опоры.

На полках, расположенных в два или три ряда вдоль стен, стояли наполненные формалином стеклянные сосуды диаметром 45 и высотой 60 сантиметров. В формалиновом растворе находились человеческие головы. Отделенные от шеи, с открытыми или закрытыми глазами, с колыхающимися волосами, они тихо покачивались в стеклянном сосуде.

Головы с раздробленным, как гранатовый плод, лицом.

Головы, разрубленные на две части от темени до уха.

Головы, распиленные, с обнажившимся мозгом.

Головы с разложившимся лицом, на котором невозможно распознать ни глаз, ни носа, ни рта.

Головы с широко открытым ртом, с красными, синими, черными пятнами на коже.

Китайцы, монголы, русские...

Головы людей разных рас, мужчин и женщин, старых и молодых, смотрели из коричневатого формалинового раствора на вошедшего в комнату и обращались к нему с немой вопросом: „Почему мы здесь?”.

В „выставочной комнате” были не только головы. Человеческие ноги, отрезанные по бедро, туловища без головы и конечностей, желудки и кишки, причудливо переплетенные в растворе, матки, некоторые с плодом. Короче говоря, это была выставка всех составных частей человеческого тела...

Были среди них и совершенно невероятные. Например, человеческая рука, отрезанная по локоть. Владельцем этой руки был служащий отряда. Раз в месяц он приходил в „выставочную комнату”, оставившись перед своей рукой и долго глядел на нее”.

Вот что творили японские изуверы на созданном ими „заводе смерти”.

Японские милитаристы совершали бактериологические диверсии на территории СССР, Китая и МНР.

В своих оперативных планах войны с Советским Союзом они намеревались применить бактериологическое оружие в первую очередь в районе городов Ворошилов (Уссурийск), Хабаровск, Благовещенск и Чита. Но этим преступным планам не суждено было осуществиться.

В день вступления Советского Союза в войну против Японии, 9 августа 1945 г., началась ликвидация отряда № 731. Тюрьма была взорвана. Всех заключенных умертвили цианистым калием, введенным в пищу, а тех, кто не принимал в тот день пищи, расстреляли из пулеметов. 13 августа была закончена операция по ликвидации отряда и следов его деятельности.

На Хабаровском судебном процессе было установлено, что японские империалисты готовились к тому, чтобы, развязав агрессивную войну против СССР и других государств, широко применить в ней бактериологическое оружие и таким образом причинить человечеству новые неслыханные бедствия.

Героическая Советская Армия своими мощными ударами по японской армии сорвала эти преступные античеловеческие планы милитаристской Японии.

Советский трибунал сурово и справедливо наказал японских военных преступников, виновных в подготовке и применении бактериологического оружия.

Приговоры Токийского и Хабаровского трибуналов — грозное предостережение для всех поджигателей новой мировой войны; для тех, кто замышляет новые злодеяния против человечества и готовит новые средства массового истребления людей.

*Доктор юридических наук
А. Н. Николаев*

* * *

В книге „Милитаристы на скамье подсудимых (по материалам Токийского и Хаба-

ровского процессов)“ содержится оригинальный авторский текст, вводящий читателя в историю агрессивных войн Японии, показывается преступный путь японских идеологов и руководителей, приведших страну к полному политическому и экономическому краху, а ее военную-политическую верхушку — на скамью подсудимых, описываются участники обоих процессов, подсудимые и их судьбы, детально показывается ход самих процессов, вынесение и исполнение приговоров.

Авторский текст подтверждается документами, которые несут и самостоятельную смысловую нагрузку. Приводятся свидетельские показания, допросы подсудимых, письменные доказательства: секретные телеграммы, выписки из дневников, планы японского командования, сугубо секретные документы из архивов японской жандармерии и др.

Кроме того, в книге имеется самостоятельный раздел — „Фотодокументы“, содержащий более 300 фотографий, сопровождаемых научным комментарием. Он построен по тематическому принципу с учетом хронологии зафиксированных в фотоматериалах событий. Предлагаемые читателю научно систематизированные фотодокументы особенно ценны тем, что позволяют с высокой степенью наглядности и достоверности показать те стороны преступной деятельности японской военно-политической верхушки периода второй мировой войны, которые порой скрываются за скуными строками материалов Токийского и Хабаровского процессов.

Ценно в этом издании и то, что автор предисловия — доктор юридических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР А. Н. Николаев — являлся непосредственным участником Токийского процесса, работал в то время судебным секретарем советской части Трибунала.

Книга, подготовленная видными учеными — юристами и историками, — представит несомненный интерес для самой широкой читательской аудитории.

Исторический путь капиталистической Японии отмечен особой ролью военщины, ее огромным влиянием на внутреннюю и внешнюю политику государства. Милитаристская государственная машина Японии — главный инструмент ее агрессивной политики

Перл-Харбор

Укрепление союза агрессоров

Правомерный гуманный акт СССР

Принятие Потсдамской декларации

Союз агрессоров

Пакт о нейтралитете. Ширма для японской агрессии

Активизация подготовки Японии к агрессии против Советского Союза

Агрессия против Китая

Вторжение в районе озера Хасан

План „Операции № 51“

„Операция № 8“

Милитаризм и агрессия

В истории

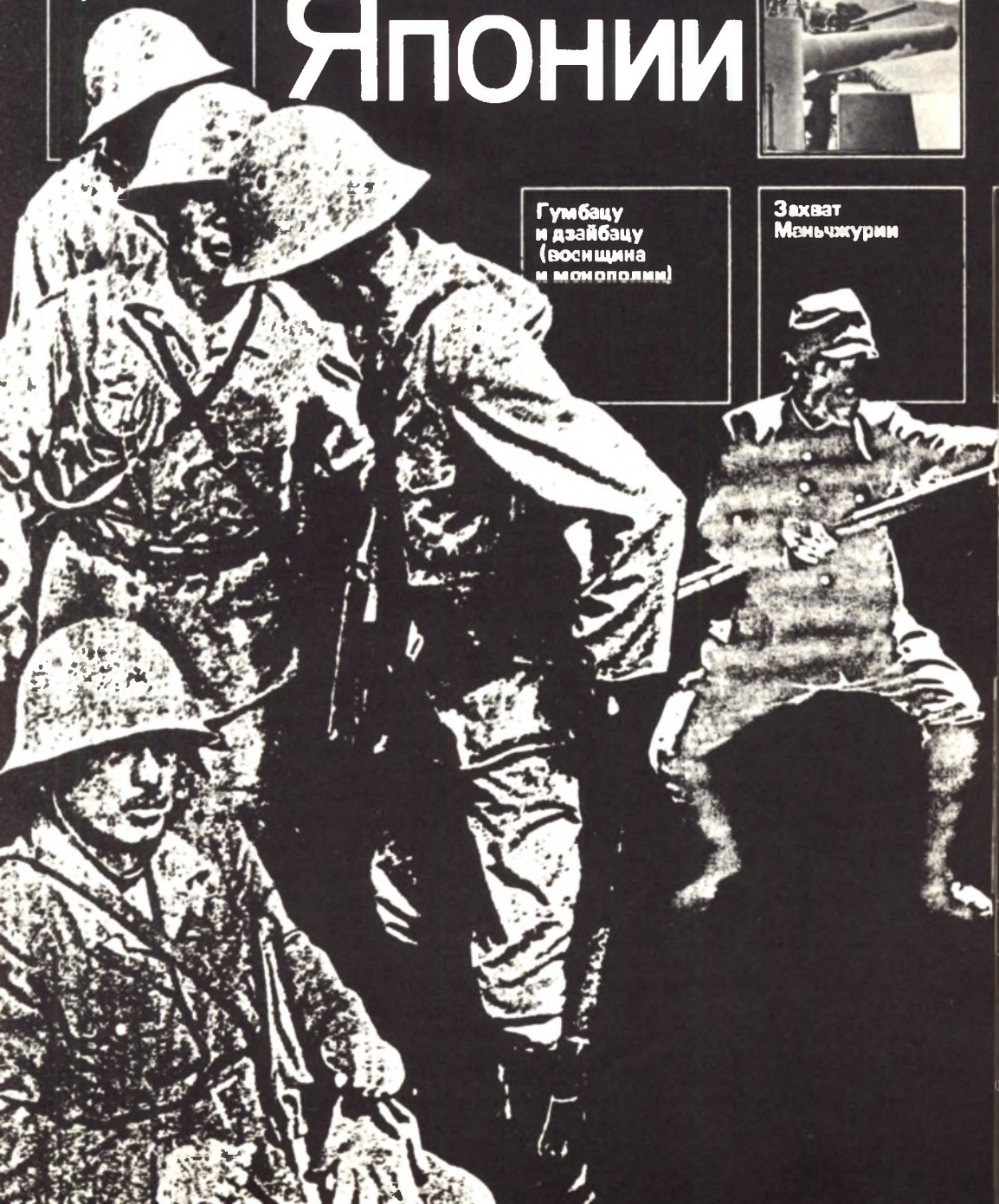
Японии

„Антикомин-
торновский пакт“

Гумбацу
и дзайбэцу
(восхищена
и монополиям)

Захват
Меньчжури

**Гумбацу и дзайбацу
(военщина
и монополии)**

Исторический путь капиталистической Японии отмечен особой ролью военщины, ее огромным влиянием на внутреннюю и внешнюю политику государства.

Милитаристская государственная машина Японии — главный инструмент агрессивной политики — рассматривалась как важнейшая опора, любимое детище империалистических правящих кругов. Привилегированность японских милитаристов уходит корнями в далекое прошлое.

Феодальный строй в Японии сохранялся до конца 70-х годов XIX столетия. Его характерной чертой было господствующее положение военного дворянства — самурайства. Капиталистическая Япония унаследовала многие стороны феодального прошлого. В частности, японская военщина сохраняла и культивировала некоторые традиции самурайства. Это было связано не только с социальным происхождением большин-

ства главарей милитаристской правящей клики, но и с ее стремлением проводить империалистическую политику под прикрытием идей об „исключительности“ японской монархии. С такой целью идеологи милитаризма широко пропагандировали морально-этический кодекс самураев „бусидо“ („путь воина“), особенно его принципы верности хозяину и своему долгу. „Бусидо“ тесно связан с синтоизмом — национальной японской религией, обожествляющей главу японского государства и проповедующей культ почитания душ умерших героев. Этот неписанный кодекс проникнут глубоко феодальными идеями и чувствами: освящение оружия, преклонение перед императором как высшим существом, презрение к смерти, наконец, совершение харакири в случае военной неудачи или „потери лица“. Однако главенствующим принципом кодекса все же оставался принцип обожествления императора.

**Из заявления японского правительства
3 августа 1935 г.**

„Государственный строй Японии определился еще тогда, когда по божественному повелению спустились на землю потомки Аматэрасу (богини Солнца. — М.Р.). Непрерывная в веках линия императоров правит нашей страной. Процветание Трона создало небесный рай на земле“.

Для воспитания армии и всего населения в воинственно-агрессивном духе культивировалась идея превосходства японцев, „избранности“ японской нации, пропагандировались презрение и жестокость к врагу как существу низшему, „варвару“. Все это формировало фанатиков.

Премьер-министр Японии в 1932 году Ину-

каи писал: *„Япония — избранная страна, миссия ее велика и почетна. Еще первый японский император Дзимму в своем манифесте перед вступлением в права божественного управителя страной и народом провозгласил принцип „Хакко Ити У“ — „восемь углов под одной крышей“, что означает объединение всех народов под крышей японской империи.*

**Из заявления в Лиге Наций делегата Японии — графа Утида
в официальном интервью
1932 г.**

„Миссия Японии на земле — руководить миром. Япония будет колыбелью нового мессии“.

Руководящей клике японского империализма удалось добиться того, что до разгрома японской военной машины большая часть населения считала, что „раса Ямато“ — божественная раса, миссия которой — подчинить себе все народы и господствовать над миром.

Это предопределяло значительную самостоятельность японской военщины. Ее представители занимали привилегированное положение в системе японской монархии, нередко оказывались во главе правительства, причем всегда стояли на страже классовых интересов наиболее реакционных элементов японского общества.

Особенно агрессивно проявлялась внешняя функция японского милитаризма. Все войны, которые вела Япония в XIX—XX веках, носили агрессивный характер.

В 1876 году Япония направила в Корею военно-морскую эскадру и под дулами пушек принудила ее заключить неравноправный договор, согласно которому японским гражданам в Корее предоставлялись права экстерриториальности и консульской юрисдикции. Ряд корейских портов был открыт для беспошлинной торговли с Японией.

Следующим актом агрессивного характера стала война Японии против Китая (1894—1895 гг.), в результате которой Япония по неравноправному договору получила остров Формозу (Тайвань) и 300 млн. юаней (свыше 25 млн. английских фунтов) контрибуции.

В 1900 году Япония вместе с другими державами приняла участие в кровавом подавлении антиимпериалистического Ихэтуаньского восстания в Китае.

В начале XX века японский империализм поставил перед собой задачу прежде всего вытеснить Россию с Дальнего Востока и получить простор для колониальной эксплуатации Кореи и Китая.

8 февраля 1904 г. без предварительного объявления войны японский флот под командованием адмирала Того вероломно напал на русскую эскадру, стоящую на порт-артурском рейде. Война, продолжавшаяся около 17 месяцев (до заключения Портсмутского мирного договора), нанесла тяжелейший урон воюющим государствам.

В результате
русско-японской
войны Япония
потеряла

270 тыс.
человек, из них
убитыми

86 тыс.
человек,

Россия —

270 тыс.
человек,
в том числе
убитыми более

50 тыс.
человек.

Обе стороны

540 тыс.
человек
убитыми
и ранеными

Итоги войны 1904—1905 гг. были использованы японскими монополиями и военщиной для пропаганды непобедимости японского оружия, для распространения шовинистических и националистических настроений в стране. Корея и Северо-Восточный Китай (Маньчжурия) стали важнейшей базой японского колониализма. Концерн „Мицуй“ уже в 1906 году захватил многие источники угля, железной руды и большие площади леса в Корее. В Корею и Маньчжурию устремились и концерны „Мицубиси“, „Сумитомо“, „Кухара“ и другие, которые под охраной японских штыков грабили маньчжурское и корейское население.

Летом 1910 года японская армия фактически аннексировала Корею. Захваченные Японией земли равнялись 76% территории метрополии и 66% ее населения.

Японские милитаристы жестоко подавляли антияпонские выступления корейцев. В 1907—1911 гг. японские части 2852 раза посылались на подавление мятежей корейских крестьян, доведенных до отчаяния гнетом японских колонизаторов. В этих акциях участвовало более 141 800 военнослужащих армии и жандармов. Каратели потеряли за это время около 17 700* солдат и офицеров.

* По данным: Тайхэй сэнсё си (История войны на Тихом океане). В шести томах. Т. 1, Токио, 1972. Судя по этой цифре, восставших крестьян погибло несравненно больше.

В начале первой мировой войны (1914 г.) Япония захватила арендованную Германией

территорию Шаньдуна, а также Маршалловы, Каролинские и Марианские острова.

Япония, писал В.И. Ленин, „выиграла очень много, оставаясь в стороне от европейско-американского конфликта и захватывая громадный азиатский материк“ (Полн. собр. соч., т. 41, с. 218).

Японская интервенция в Советской России

Ярким проявлением агрессивных устремлений японского империализма явилась интервенция, направленная против Советской России, начатая японскими милитаристами весной 1918 года в согласии с английскими и американскими правящими кругами.

В январе 1918 года во Владивостоке бросил якорь японский крейсер, а с апреля того же

года Япония приняла активное участие в интервенции США, Великобритании и Франции против Советской России. Японские войска захватили Приморье, Восточную Сибирь, Северный Сахалин. Интервенция Японии продолжалась до 1922 года.

Участие японских войск в интервенции против первого в мире социалистического государства преследовало цель: свержение Советской власти, захват богатств Дальнего Востока и Сибири.

В.И. Ленин писал в 1918 году: „Англо-японцам нужен не только захват и грабеж русской земли, но и свержение Советской власти...“ (Полн. собр. соч., т. 37, с. 38).

Методы провокаций и террора характеризовали японских завоевателей. Командование экспедиционной армии отменило наказание за грабеж и зверства, насилия, поджоги, массовые убийства садистского характера

(например, сжигание живых людей на кострах или в топках паровозов), чинимые офицерами и солдатами японской армии над мирным населением, в том числе над стариками, женщинами и детьми.

Из резолюции дальневосточного съезда трудящихся

„...Интервенты разрушают наши села и города, убивают наших жен и дочерей, расстреливают каждого, кто не подчиняется их распоряжениям; рука об руку с злейшими врагами трудового народа они губят завоевания нашей революции и топчут в грязь права и свободу трудящихся; они вмешиваются в наши внутренние дела, уничижая избранные нами Советы, и навязывают нам авантюристов и царских палачей; расстреливают наших братьев на Уссурийском и Забайкальском фронтах, оплевывая все, что дорого и свято трудовому люду России“.

По приказу
японского
генерала Отаки
2 октября 1918 г.
майор Хасабэ

изъял в Зейском
казначействе
56
пудов
и **3** фунта золота

ТЕЛЕГРАММА УПРАВЛЯЮЩЕГО АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ 30 ЯНВАРЯ 1919 Г.

...Хранившееся в селе Угловском золото в количестве около 12 пудов взято японским штабом и находится в Хабаровске..."

Из захваченного
белогвардейцами
в Казани
и вывезенного
в Омск золотого
запаса России

Япония получила

2672
пуда золота

4 апреля 1920 г. японские части, находившиеся во Владивостоке, внезапно, без всякого повода и предупреждения, открыли артиллерийский и пулеметный огонь по важнейшим пунктам города. Пехота заняла административные и военные здания и склады, разоружила отряды милиции, начала аресты и расстрелы коммунистов. Внезапные, неспровоцированные выступления японских войск произошли также в Никольске-Уссурийском, Спасске, Хабаровске. В результате этих действий погибли и получили ранения более 5 тыс. человек.

Военное министерство и МИД Японии заявили, что их войска якобы неожиданно подверглись нападению русских и они были вынуждены принять ответные меры. Однако эти официальные заявления опровергались даже союзниками Японии. Адмирал Гливс, командовавший Тихоокеанским флотом США, полковник Уинтенборн, консулы США Макгаун и Гаррис сообщили 5 апреля в Вашингтон, что японская оккупация Владивостока осуществлялась по заранее разработанному плану, без какого-либо повода со стороны русских, для которых это выступление оказалось полной неожиданностью.

Японская политика на Дальнем Востоке отличалась жестокостью, лицемерием и коварством.

Например, в своих официальных заявлениях, сделанных на территории Дальнего Востока и Сибири, японские военные представители часто говорили о симпатиях к русскому народу, о стремлении установить мир, спокойствие и порядок. Они даже заявляли о сочувствии революционным шагам рабочих и крестьян...

А вслед за этим жестоко расправлялись с этими рабочими и крестьянами, представителями народной власти.

Командующий японскими войсками в Хабаровске генерал Сиродзу выступил в местной газете 3 апреля 1920 г. с заявлением, в котором было сказано:

„В стране водворился долгожданный порядок и мир, за сохранение и поддержание которого японцы боролись... Жаль покидать население Дальнего Востока, с которым мы познакомились так близко, так кровно, питая к нему самую теплую дружбу. Желаем полного успеха в строительстве и сохранении мира и порядка“.

На следующий день, рано утром, японские войска внезапно открыли артиллерийский огонь по государственным учреждениям, штабу революционных войск, по воинским казармам и общественным зданиям Хабаровска. Погибло много бойцов и мирных жителей.

Японские оккупанты вывозили награбленные ценности, по всему Приморью вырубали лес, угоняли русские канонерки, пароходы и другие транспортные средства.

Хищническая эксплуатация интервентами железных дорог привела их к полному развалу. Только одна Забайкальская железная дорога понесла ущерб, составивший 3250 тыс. руб. золотом.

Огромный урон был нанесен русскому торговому и военному флоту на Дальнем Востоке. Корабли торгового флота, использованные для вывоза из России награбленных богатств, как правило, оставались в портах США и Японии.

Из **549** судов,
числившихся
в 1918 году
в составе
российского
торгового флота

на Дальнем
Востоке,
к 1922 году
осталось

301

**Из постановления правительства Японии от 4 августа 1922 г.,
принятого на секретном заседании**

„Японское императорское правительство вынуждено принять следующее решение: общеевропейское положение, победы советских армий на польском фронте, ощущаемая антипатия со стороны Соединенных Штатов и Китая, шаги, предпринятые Америкой в вопросе о Сахалине, общая подготовка к войне в Соединенных Штатах — заставляют нас наши политические проекты в Сибири полностью не проводить... Настоящее положение вынуждает нас отказаться от оккупационных планов в Сибири на некоторое время, оставаясь укрепленными на тех территориях, где имеются наши войска. В японо-корейском вопросе положение вынуждает быть несколько уступчивее. Наибольшую важность приобретает Советское правительство, так как опасность, которая заключается в объединении всех русских, может принести нам неожиданные препятствия. Мы можем рассчитывать только на себя... Мы считаем наилучшим и приказываем, чтобы войска, находящиеся в Приморской области, зиму оставались на своих местах. Операция против Амурской области должна быть приостановлена, но войска должны быть готовы...“

25 октября 1922 г. Владивосток был занят войсками Дальневосточной Республики (ДВР).

Из постановления № 2 Приморского военно-революционного комитета от 27 октября 1922 г.

„25 октября русский Дальний Восток стал красным и свободным от иностранной интервенции; вместе с ней исчезли изгнанные силой революции злейшие враги трудящихся, покинувшие свою землю помещики и остатки авантюристов прогнившей царской армии; преследуя личные цели, играя на руку захватническим устремлениям японской дипломатии, авантюристы всех

рангов грабили русский Дальний Восток; после четырех с лишним лет борьбы за мир и освобождение Приморья, как неотъемлемой части России, Приморье снова может жить единой с ней трудовой жизнью“.

14 ноября 1922 г. Народное собрание ДВР постановило объявить на всем Дальнем Востоке власть Советов, просить ВЦИК и Съезд Советов России вновь слить Дальний Восток с РСФСР как составную и неотделимую от нее часть.

Однако в Токио не отказались от плана антисоветской войны в будущем и вели активную диверсионную и подрывную работу против СССР.

**Указание Генштаба японской армии
военному атташе Японии в Москве — Кавабэ Торасиро
от 5 октября 1932 г.**

„Для подрыва обороноспособности Советского Союза предлагаем: оказать поддержку движению за независимость Украины и Азербайджана и поднять там восстания; заставить эмигрантские организации русских установить связь с их единомышленниками внутри Советского Союза, поднять в различных частях Союза восстания с целью свержения рабоче-крестьянского правительства; еще в мирное время оказать материальную поддержку сепаратистам и держать с ними неразрывный контакт; с началом войны с Советским Союзом снабжать сепаратистов денежными средствами и оружием, чтобы они приступили к конкретной работе“.

В течение 1932 года японцы, захватив перевалочный пункт КВЖД, арестовывали и истязали советских служащих доро-

ги, организовывали постоянные налеты бандитов (хунхузлов) на дорогу.

Захват Маньчжурии. Экспансия в Северный Китай и Внутреннюю Монголию

14 сентября 1931 г. генерал-майор Татэкава Ёсицугу, занимавший в то время пост начальника первого отдела генштаба армии, по приказу военного министра выехал из Токио в Квантунскую армию с секретным заданием. Он прибыл в Мукден 18 сентября. В тот же день в 10 час. вечера в Лютяогоу, севернее Мукдена, произошел небольшой взрыв, который японские милитаристы использовали как предлог для оккупации Маньчжурии. *К концу 1931 года вся ее территория — 1 303 143 кв. км с населением 35 822 тыс. человек — была оккупирована японскими войсками.*

Захват Маньчжурии проходил под аккомпанемент миролюбивых заявлений японского правительства.

22 сентября Лига Наций направила Японии телеграмму, предлагающую немедленно отозвать японские войска из Маньчжурии.

В ответ на эту телеграмму японское правительство заявило: „Япония не имеет никаких территориальных притязаний в Маньчжурии и в самый кратчайший срок отведет свои войска из зоны железной дороги“.

США и Англия попустительствовали захвату Японией Маньчжурии, надеясь использовать ее для подавления революционного движения в Китае и стремясь направить японскую агрессию против Советского Союза.

Меморандум президента США Гувера американским послам:

В пользу Японии надо сказать, что если бы японцы прямо заявили, что агрессия направлена против Советского Союза и революционных сил Китая, то мы не могли бы выдвинуть возражений (против оккупации Маньчжурии. — Прим. ред.).

В 1933—1935 гг. Япония, используя попустительство США и Англии, стремившихся направить японский милитаризм против СССР, усилила свою агрессию в Северном Китае, утвердилась в Маньчжурии, объявив ее императором свою марионетку Генри Пу И.

Однако японская агрессия встречала все более крепнувшее сопротивление — росло партизанское движение китайских рабочих и крестьян.

Японские войска захватили китайские провинции Чахар и Хэбэй, их агенты инспирировали „автономистское движение“ во Внутренней Монголии.

Значительно усилилась провокационная деятельность японской агентуры, направленная на подготовку агрессии против СССР и Монгольской Народной Республики, в Хинганской провинции, во Внутренней Монголии и в Синьцзяне.

В 1935 году начались нарушения границ МНР значительными вооруженными силами Маньчжоу-го (такое название дали японские оккупанты Маньчжурии). Японо-маньчжурские власти предъявили наглые претензии на исконные земли МНР (Халхин-Суме у озера Буир-Нур). В начале 1936 года они захватили пограничную заставу МНР — Булун-Дерсу.

Захватив Маньчжурию и провинцию Жэхэ, (Северный Китай), японские милитаристы стали усиленно превращать эти территории в плацдарм для войны против Советского

По официальным японским данным, только за три года — с сентября 1931 по октябрь 1934 — японскими захватчиками

было проведено
1950
карательных экспедиций против партизанских отрядов

Союза и МНР, а также для дальнейшего расширения агрессии против Китая.

Общие экспансионистские замыслы дзайбацу и помещичьей верхушки в конкретном виде были выражены в принятых 11 августа 1936 г. узким составом правительства Японии „Основных принципах государственной политики“.

Основным принципом политики определялось внутреннее и внешнее укрепление Японии с тем, чтобы она *„превратилась, номинально и фактически, в стабилизирующую силу в Восточной Азии“*.

Проведение „национальной“ политики должно было представлять собой *„обеспечение прочного положения (японской) империи на азиатском континенте, а также освоение районов Южных морей путем дипломатических мер и национальной обороны“*. Причем под *„национальной обороной“*, как указывалось в Приговоре Международного военного трибунала для Дальнего Востока, понималось *„завоевание других стран путем применения вооруженной силы“*.

Для осуществления планов создания колониальной империи кабинет министров Японии решил обеспечить „развитие“ империи (т.е. милитаризацию страны. — Прим. ред.), чтобы *„завершить... вооружение, необходимое для обороны“*.

Милитаризация Японии должна была обеспечить усиление армии и флота в такой мере, чтобы они могли *„противостоять любым вооруженным силам, которые Россия сможет выставить и использовать на Дальнем Востоке“*. Особое внимание уделялось наращиванию военной мощи в Корее и Маньчжурии, с тем чтобы Япония могла *„нанести решающий удар русским с самого начала войны“*.

В „Основных принципах...“ ставилась и такая задача: *„Военно-морские вооружения должны быть усилены до такой степени, чтобы в западной части Тихого океана было обеспечено превосходство над флотом Соединенных Штатов“*.

Таким образом, японским правительством была поставлена общая цель достижения господства в Восточной Азии и бассейне Тихого океана, а для ее осуществления определены планы милитаризации страны, усиления военной мощи.

„Антикоминтерновский пакт“

После принятия японским правительством программы создания японской колониальной империи подготовка агрессии против Китая и к „большой войне“ за передел мира стала проводиться ускоренными темпами. 23 октября 1936 г. в Берлине Япония и фашистская Германия подписали „Антикоминтерновский пакт“, который 25 ноября 1936 г. был ратифицирован Тайным советом Японии.

Кроме того, Япония и Германия заключили секретное соглашение, направленное против Советского Союза. Министр иностранных дел Японии Арита заявил на этом заседании Тайного совета: *„Советская Россия должна понимать, что ей приходится стоять лицом к лицу с Японией и Германией...“*

Агрессивный характер „Антикоминтерновского пакта“ стал очевиден уже на следующий день после его ратификации. 26 ноября 1936 г. группа японских и маньчжурских солдат силой до батальона перешла советскую границу у озера Ханка и напала на советских пограничников. Однако провокаторы были изгнаны с советской территории.

Агрессия против Китая

7 июля 1937 г., использовав инцидент в районе моста Лугоуцзяо, близ Пекина, Япония начала войну против Китая, рассчитывая в короткие сроки захватить его важнейшие районы и принудить к капитуляции. Ведя военные действия в Китае, японские войска подвергали обстрелам и бомбардировкам гражданское население.

С июля 1937
по июнь
1938 года

275
узлов —
шестнадцати
провинций Китая

2472
раза
подвергались
налетам авиации

в результате чего
было убито
и ранено около

38
тыс. человек,
большинство
из которых
составляли
женщины и дети.

Японская армия творила на китайской земле неслыханные злодеяния. Массовое уничтожение жителей городов и сел было

повсеместным явлением. Захватив столицу Китая — город Нанкин, японские солдаты уничтожили более 200 тыс. его жителей.

ИЗ ПРИГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

...К моменту вступления японской армии в город (Нанкин. — Прим. ред.) утром 13 декабря 1937 г. всякое сопротивление прекратилось. Японские солдаты бродили толпами по городу, совершая различного рода зверства. Многие солдаты были пьяны. Они ходили по улицам, без разбора убивая китайцев — мужчин, женщин и детей, пока площади, улицы и переулки не были завалены трупами. Насиловали даже девочек-подростков и старух. Многих женщин, изнасиловав, убивали, а их тела обезображивали. После ограбления магазинов и складов японские солдаты часто поджигали их”.

Однако сломить сопротивление китайской армии Японии не удалось. В Токио понимали, что без изоляции СССР, оказывавшего помощь Китаю, никакие усилия не могут привести японцев к победе. Поэтому летом 1938 года японское военно-политическое руководство решилось на агрессию против Советского Союза.

Вторжение в районе озера Хасан

В мае-июне 1938 года милитаристские круги Японии развернули пропагандистскую кампанию вокруг вопроса о так называемых „спорных территориях” на границе между Маньчжурией и Советским Приморьем.

Посол Японии в Москве Сигэмицу предъявил Советскому правительству категорическое требование о передаче Японии „спорных территорий” под предлогом необходимости выполнения обязательств Японии перед Маньчжоу-го. Одновременно военный министр Итагаки добивался санкции императора на проведение наступательной операции в районе озера Хасан с целью поддержать японскую дипломатическую акцию в Москве. При этом доказывалось, что намеченный к вторжению район наиболее „слабо подготовлен Советами к обороне”.

22 июля план нападения был одобрен на заседании пяти министров Японии. Пока шли переговоры в Москве, у границ Приморья были сосредоточены 19-я и 20-я пехотные японские дивизии, пехотная бригада, три пулеметных батальона,

кавалерийская бригада, отдельные танковые части и 70 самолетов. Японские войска 29 июля вторглись на советскую территорию и, захватив выгодные в тактическом отношении сопки Заозерную и Безымянную, приготовились к дальнейшему наступлению с целью захвата Посьетского района и создания непосредственной угрозы военно-морской базе и порту Владивосток.

Советское командование в ответ на эти агрессивные действия японских милитаристов привело в боевую готовность Приморскую армию и Тихоокеанский флот. 6 августа советские войска перешли в наступление и к 9 августа 1938 г. разгромили группировку противника, полностью очистив советскую территорию.

„Операция № 8”. Халхин-Гол

Осенью 1938 года генеральный штаб армии Японии приступил к разработке нового плана агрессии против Советского Союза, получившего наименование „План операции № 8”. В рамках этого плана были разработаны два варианта: вариант „А”, предусматривавший нанесение главного удара в направлении Советского Приморья, и вариант „Б” — в направлении Забайкалья.

С весны 1939 года развернулась подготовка к осуществлению агрессии против МНР и СССР согласно варианту „Б”.

11 мая 1939 г. японский отряд перешел монгольскую границу и напал на ряд пограничных застав. Монгольские пограничники

вступили в неравные тяжелые бои с превосходящими силами противника. Это было начало необъявленной агрессивной войны Японии против МНР и СССР в районе реки Халхин-Гол, длившейся четыре месяца. Сосредоточив на границе крупные силы, японские войска, имевшие тройное численное превосходство, при поддержке танков, артиллерии, бронемашин, кавалерии и авиации 28 мая перешли в наступление.

Ожесточенные бои продолжались с 28 мая по 31 августа и закончились победой советских и монгольских войск.

Общие японские
потери составили
около **61** тыс.
убитыми,
ранеными
и пленными.
Было уничтожено
660
вражеских
самолетов,

захвачено **200**
орудий,
около **400**
пулеметов
более **100**
автомашин
и т. д.

Начало войны в Европе создало благоприятную обстановку для осуществления японских захватнических планов в тихоокеанской зоне, для форсирования организации „нового порядка“ в Восточной Азии. Уже в конце 1939 года в официальных японских документах фашистский термин „новый порядок“ стал расшифровываться как создание „великой Восточно-Азиатской сферы совместного процветания“, что предусматривало присоединение к Японии зависимых или колониальных азиатских стран, включая Китай, Филиппины, Австралию, Бирму, Таиланд, Новую Зеландию, Индокитай, Малайю, Новую Гвинею, а также Советское Приморье и Восточную Сибирь путем военного насилия.

Японские правящие круги решили использовать сложившуюся в Европе обстановку для укрепления военно-политического союза с фашистскими агрессорами — Германией и Италией.

27 сентября 1940 г. в Токио был подписан японо-германо-итальянский договор. Наиболее важными в нем были первые три статьи.

Статья 1

Япония признает и уважает руководство Германии и Италии в деле создания нового порядка в Европе.

Статья 2

Германия и Италия признают и уважают руководство Японии в деле создания нового порядка в Восточной Азии.

Статья 3

Германия, Италия и Япония берут на себя обязательства поддерживать друг друга всеми политическими, экономическими и военными средствами в случае, если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы.

Антисоветская направленность пакта была завуалирована оговоркой, изложенной в ст. 5: „приведенные выше статьи соглашения ни в коей мере не затрагивают существ-

Поражения, нанесенные японским милитаристам у озера Хасан в 1938 году и в районе реки Халхин-Гол в 1939 году, на известное время заставили их отказаться от нападений на советскую территорию и территорию Монгольской Народной Республики. Правящие круги Японии оказались вынужденными маневрировать в своих отношениях с Советским Союзом и пошли на то, чтобы начать переговоры о заключении договора о нейтралитете, одновременно проводя более тщательную подготовку к нападению на СССР.

Союз агрессоров

В сентябре 1939 года фашистская Германия напала на Польшу.

вующих в настоящее время политических отношений между каждым и любимым участником пакта и Советским Союзом". О том, что эта оговорка была неискренней, свидетельствует выступление министра иностранных дел Японии Мацуока на заседании исследовательского комитета Тайного совета 26 сентября 1940 г., который заявил: „Япония окажет помощь Германии в случае советско-германской войны", а „Германия окажет помощь Японии в случае русско-японской войны".

К договору был приложен секретный протокол, предусматривающий создание военных, военно-морских и экономических комиссий в Токио, Берлине и Риме с целью сотрудничества между тремя странами.

После заключения пакта трех держав премьер-министр Коноэ представил правительству „Программу внешней политики Японии", которая была утверждена на секретном заседании кабинета министров 3 октября 1940 г.

Программа предусматривала: укрепление союза с Германией и Италией; ускорение капитуляции Китая и создание под контролем Японии „сферы соприцветания великой Восточной Азии", в которую должны войти Китай, Бирма, Индокитай, Таиланд, Филиппины, Малайя.

29 декабря 1940 г. между державами „оси" было заключено соглашение о создании „общих, военных и экономических комиссий" в столицах Японии, Германии и Италии. В „общие комиссии" вошли министр иностранных дел данной страны и послы двух других договаривающихся держав.

Пакт о нейтралитете — ширма для японской агрессии

Летом 1940 года японское правительство согласилось начать переговоры о заключении пакта о нейтралитете с СССР. Заключение такого пакта Япония рассматривала как фактор обеспечения своих северных границ и вместе с тем как ширму, под прикрытием которой она могла продолжать подготовку к войне с Советским Союзом. Министр иностранных дел Мацуока, подписывая 13 апреля 1941 г. пакт о нейтралитете, уже знал о готовящемся нападении Германии на СССР.

Еще до приезда в Москву, ведя в Берлине переговоры о совместной политике Японии и Германии в отношении Советского Союза, Мацуока заявил: „Никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел не сумеет заставить Японию остаться нейтральной, если между Германией и Советским Союзом возникнет конфликт. В этом случае Япония начнет войну против России. Тут не поможет никакой пакт о нейтралитете".

После начала агрессии Германии против СССР 22 июня 1941 г. японские милитаристы усилили подготовку к войне против него. Долгосрочные политические решения относительно участия Японии в мировой войне были приняты на императорской конференции*, созывавшейся в чрезвычайных случаях. В принятой на этой конференции „Программе национальной политики империи" нападение на Советский Союз было поставлено в зависимость от изменения обстановки на советско-германском фронте. „Если германо-советская война, — указывалось в Программе, — будет развиваться в направлении, благоприятном для империи, она, прибегнув к вооруженной силе, разрешит северную проблему".

Это решение, принятое высшим руководящим органом государства, фактически разрывало пакт о нейтралитете между Японией и СССР, 2-я статья которого гласила: „В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта".

В нарушение пакта о нейтралитете летом 1941 года Япония вела всестороннюю подготовку к агрессии против Советского Союза. 5 июля военный министр Тодзио утвердил план „Кан Току Эн" („Особые маневры Квантунской армии"). В соответствии с этим планом была проведена секретная мобилизация, переброска войск, оружия и боевой техники в Маньчжурию. Генеральный штаб армии спланировал начать военные действия против СССР 29 августа 1941 г.

* Совещание высших государственных деятелей Японии.

В середине июля в генеральном штабе армии Японии сложилось мнение, что настало время подыскать предлог и принять политическое решение для развертывания боевых действий против СССР.

Однако к концу июля 1941 года уверенность японского командования в быстрой победе Германии над СССР была поколеблена.

22 июля 1941 г. в секретном „Дневнике войны“ генерального штаба японской армии появляется запись: *„Прошел один месяц после начала германо-советской войны. Операции германской армии протекали в благоприятных условиях, но сила и гибкость Советской власти, вопреки ожиданию, оказались большими. Советская дальневосточная армия не была перебросена на запад. Похоже, что возможность завершения немцами операций и войны в ранее запланированные сроки уменьшилась“.*

9 августа императорская ставка приняла решение на период 1941 года отказаться от нападения на Советский Союз в связи с предстоящим началом войны Японии против США, Англии и Голландии. Однако планы агрессии против СССР японское высшее командование не отменяло. Об этом, в частности, свидетельствует приказ ставки от 3 декабря 1941 г. № 578 командующему Квантунской армии.

„В соответствии с принятым 3 декабря решением о начале войны против Соединенных Штатов, Великобритании и Голландии, — говорится в преамбуле приказа, — направляем приказ ставки командующему Квантунской армией о подготовке к войне против Советского Союза“.

К приказу была приложена директива ставки № 1048, в которой уточнялось, что боевые действия могут быть начаты весной 1942 года.

Вероломное нападение Японии на США и Великобританию 7 декабря 1941 г. освобождало СССР, согласно ст. 2 пакта о нейтралитете, от всех обязательств по данному пакту. Статья 2 пакта предусматривала сохранение Советским Союзом нейтралитета

в том случае, если Япония окажется „объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав“. Однако Япония сама совершила агрессию, став субъектом международного преступления. Оценка этого факта была дана в газете „Правда“ в декабре 1941 года: *„Японский агрессор бросился в очень рискованную авантюру, которая не предвещает ему ничего, кроме разгрома“.*

Правительству Японии, таким образом, было со всей определенностью указано, что оно своими агрессивными действиями вышло за жесткие, точно очерченные пределы советского нейтралитета на Дальнем Востоке, определенные ст. 2 советско-японского пакта от 13 апреля 1941 г.

Пёрл-Харбор

7 декабря 1941 г. японские вооруженные силы вероломно, без объявления войны, напали на основные базы США и Великобритании в бассейне Тихого океана и в Юго-Восточной Азии.

Японская авианосная авиация нанесла по военно-морской базе США на Гавайских островах — Пёрл-Харбор — мощный удар, в результате которого было уничтожено или выведено из строя *8 линкоров, 6 крейсеров, эсминец, 272 самолета и убито более 2,5 тыс. американцев.*

Японская агрессия была реализацией части замысла стран фашистского блока, предусматривавшего установление мирового господства.

Укрепление союза агрессоров

11 декабря 1941 г. японское правительство заключило с Германией и Италией пакт, согласно которому три страны обязались совместно вести войну против США и Великобритании до конца, не заключая сепаратного мира, а после победы осуществлять тесное сотрудничество. Официальные представители Японии планировали и предпринимали агрессивные действия совместно с главным командованием фашистской Германии, которая в это время вела захватническую войну против СССР.

* Дайтов сэно кокан сэн си (Официальная история войны в великой Восточной Азии). Т. 35, кн. 3. Токио, 1970, с. 68.

**Сообщение о совещании между японским послом — генерал-лейтенантом
Осима и Гитлером в присутствии Риббентропа
14 декабря 1941 г.**

„Прежде всего фюрер наградил посла... Он признает заслуги Осима в деле достижения германо-японского сотрудничества... Фюрер сказал: „Вы правильно объявили войну!!!“

Генерал Осима разложил карту и подробно проинформировал фюрера о войне на Тихом океане и на островах.

Осима сказал, что после захвата Сингапура японские войска должны повернуть в направлении Индии. В связи с этим он считает, что Германия и Япония должны синхронизировать свои операции. Было бы хорошо, если бы в то время, когда Япония атакует Индию с востока, Германия угрожала ей с запада.

Фюрер снова объяснил Осима свои планы на весну и рассказал о Юге... Кавказе... Иране... Ираке... Индии... Восточном фронте... Москве... Северной Африке...

*Осима выразил желание, чтобы все эти немецкие и японские операции синхронизировались. Если это сделать умно, если метод проведения операций выработать такой, чтобы он представлял своего рода рычаг, то это неизбежно привело бы к гибели англо-саксонских держав. С этим Гитлер согласился...“**

Вслед за этим, 18 января 1942 г., было подписано военное соглашение между тремя странами, предусматривавшее раздел сфер действия их вооруженных сил. По этому соглашению в сферу действий Японии отошли все территории и воды к востоку от 70° в.д., включая бассейн Тихого океана, Австралию, часть Американского континента, а также Западную Сибирь, Забайкалье и другие восточные территории СССР**.

Заключение пакта и военного соглашения свидетельствовало о единстве внешнеполитических целей агрессивного блока, о стремлении милитаристско-фашистских стран установить координацию всех своих сил в новых условиях войны и организовать действия участников по единому плану.

Захваты, убийства...

К маю 1942 года японские вооруженные силы захватили Гонконг, Малайю, Филиппины, Голландскую Индию (Индонезию), Бирму, оккупировали Таиланд и вышли на подступы к Индии и Австралии.

Была захвачена
территория
общей
площадью

4242

тыс. кв. км
с населением

204

млн.
человек,

а с учетом
оккупированной
японскими
войсками части
Китая —

9801

тыс. кв. км
с населением
около

400

млн. человек

В ходе военных операций японские милитаристы применяли крайне жестокие методы ведения войны. Во время операций в Юго-Восточной Азии бомбардировкам подверглись жилые кварталы крупных городов, в частности Манилы, Сингапура, Рангуна, Калькутты, в результате которых погибли тысячи мирных жителей и значительная часть горожан бежала в сельские районы. Во время первого же налета на Калькутту в конце 1942 года город были вынуждены покинуть 1,5 млн. жителей.

Известны многочисленные факты жестокого обращения японской военщины с военнопленными. Их расстреливали, закалывали штыками, отрубали головы, сжигали заживо.

* ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 460/17, л. 268—269.

** ЦГАОР, ф. 7868, оп. 1, д. 119/3, л. 41.

Американская армия в боях на Филиппинах за полгода потеряла убитыми 428 человек, но многие тысячи американских пленников были забиты насмерть и заколоты конвои-

рами на 100-километровом пути от места капитуляции до лагерей в Сан-Фернандо. Этот трагический переход получил название „марша смерти“.

Свидетельство историка Г. Тюрка о зверствах японских милитаристов в Малайе

*„Японские солдаты сбросили с носилок раненых и безжалостно швырнули в бамбуковую хижину. Потом принесли канистры с бензином и облили раненых, а один из японцев, отойдя подальше, выстрелил из ракетницы. Хижина запылала. Несколько минут слышались вопли заживо сжигаемых“. После этого офицеры зарубили мечами 53 военнопленных австралийца. „Пленным велели встать на колени. Офицеры подошли к ним, по команде генерала Нисимуры разом подняли мечи и резким взмахом опустили их на затылки своих жертв...“**

Активизация подготовки Японии к агрессии против Советского Союза

В ходе развернувшегося зимой 1941–1942 гг. наступления японских вооруженных сил на юге в Токио неоднократно обсуждался вопрос о начале войны против СССР.

10 января 1942 г. на совещании Совета по координации действий ставки и правительства начальник генерального штаба армии генерал Сугияма предложил немедленно захватить Советское Приморье, если Советский Союз предоставит там военно-воздушные базы Соединенным Штатам. В этот же день генеральный штаб издал директиву № 1073, предписывавшую командовать сухопутных войск направлять „на северный фронт части, высвобождающиеся после операции на юге“.

Во второй половине января 1942 года императорская ставка, обеспокоенная поражением немецко-фашистских войск под Москвой, обсуждала вопрос о вступлении в войну против Советского Союза.

22 января 1942 г. во время доклада начальника генерального штаба армии генерала Сугияма император Хирохито, являвшийся верховным главнокомандующим, проявил сильное беспокойство по поводу положения

на советско-германском фронте. *„Не пора ли нам провести операцию против СССР?“ – спрашивал император.*

Генерал Сугияма ответил, что, по его мнению, „в настоящее время, до лета сего года, нецелесообразно проводить наступательную операцию на севере“.

Летом 1942 года подготовка к нападению Японии на СССР усилилась. В июле 1942 года впервые в японской военной истории в Маньчжурии была сформирована 1-я танковая армия, которая вошла в состав Квантунской армии. Вначале она состояла из двух танковых дивизий и насчитывала 1300 танков, бронемашин и бронетранспортеров, а также 800 автомашин*.

На основании приказов по сухопутным войскам Японии от 27 июня 1942 г. № 43 и от 4 июля 1942 г. № 655 Квантунская армия (точнее – Квантунская группировка войск. – Прим. ред.) реорганизовывалась с целью ее большего усиления: были созданы 1-й и 2-й фронты (группы армий). В августе 1942 года 1-я танковая армия получила еще одну танковую дивизию.

Японские военные преступники, обвиняемые в подготовке агрессии против СССР, а также их апологеты долгое время скрывали или затушевывали факт создания летом

* Г. Тюрк. Сингапур. Падение цитадели. Пер. с нем. М., 1973, с. 113–114.

* Катогава Котаро. Тэйкоку рикугун кико бутэй (Танковые части сухопутных войск империи). Токио, 1974, с. 186–187.

1942 года в Маньчжурии танковой армии. И на это имелись веские причины. Совершенно ясно, что танковая армия создается отнюдь не в оборонительных целях. Ее создание означает предстоящее массированное применение танков в наступлении, как правило, на наиболее важном направлении. *Создание ставки танковой армии у советских границ подтверждает принятие ею решения в ближайшее время совершить агрессию против Советского Союза.*

План „Операции № 51”

К середине июля 1942 года генеральный штаб сухопутных войск подготовил план под кодовым названием „Операция № 51”, предусматривавший сосредоточение войск и проведение наступления против советской дальневосточной армии. 14 июля этот план был рассмотрен военным министром — генералом Тодзио.

Против советских войск на Дальнем Востоке планировалось использовать 30 пехотных дивизий, танковую армию (три танковые дивизии), несколько пехотных и смешанных бригад и 2-ю воздушную армию.

Планом „Операция № 51” предусматривалось нанести внезапный удар авиацией по советским аэродромам на Дальнем Востоке, а затем силами 1-го фронта (три полевые армии) прорвать линию обороны советских войск на восточном направлении и захватить Приморье. Одновременно силами 2-го фронта (две полевые армии) форсировать Амур, прорвать линию обороны советских войск на северном направлении — западнее и восточнее Благовещенска — и, овладев железной дорогой на участке Свободный — Завитинск, не допустить подхода подкрепления с запада.

Во второй половине июля 1942 года в ставке обсуждали положение на советско-германском фронте. Затяжные бои, развернувшиеся на юге СССР, не давали надежды на скорую победу вермахта, а следовательно, и на успех наступления японских войск на Советском Дальнем Востоке. Поэтому было принято решение воздержаться от немедленного нападения на Советский Союз, несмотря на настойчивые требования Германии.

Тем не менее сосредоточение на границах с СССР большого количества японских войск вынуждало советское командование держать на Дальнем Востоке до 40 дивизий и, таким образом, облегчало положение Германии на советско-германском фронте.

Риббентроп в телеграмме от 15 мая 1942 г. в Токио писал, что наличие у восточных границ Советского Союза крупных сил Японии „облегчает наш труд, поскольку Россия во всяком случае должна держать войска в Восточной Сибири в ожидании русско-японского конфликта”.

Последний шанс

Планы агрессии Японии против СССР на 1943 год, доложенные императору в феврале этого года, предусматривали, как и в 1942 году, внезапный удар японской авиации по советским аэродромам на Дальнем Востоке и наступление Квантунской армии на восточном и северном направлениях.

9 июня 1943 г. начальник генерального штаба генерал Сугияма в докладе императору заявил, что „положение Германии может резко измениться к лучшему в результате нападения Японии на СССР”. Это означало, что японское командование склонялось к началу агрессии против Советского Союза, понимая необходимость использовать последний шанс и склонить чашу весов войны в сторону стран фашистского блока.

Однако в условиях победы Красной Армии в битве под Курском японское высшее военно-политическое руководство все же не решилось начать войну против СССР. Вместе с тем Япония не только планировала и готовила нападение на СССР, но и оказывала прямую помощь Германии в ведении войны против Советского Союза.

В течение всей войны на Тихом океане, в нарушение пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. и Портсмутского договора, силы японского флота закрывали для советских судов проливы, соединяющие открытые моря, задерживали и осматривали советские суда, нападали на них и топили.

Разведывательные органы Японии вели

широкую шпионско-диверсионную деятельность против СССР, передавали командованию вермахта информацию о советских войсках и военной экономике.

Япония помогала Германии в ведении войны против Советского Союза и в экономическом отношении, предоставляя ей олово, каучук и другое стратегическое сырье.

Факты убедительно свидетельствуют, что японское руководство планировало и готовило агрессию против Советского Союза, помогало Германии в ведении войны против СССР, совершая таким образом преступление против мира, разрывая японо-советский пакт о нейтралитете, что освобождало Советский Союз от обязательств по этому пакту.

С учетом указанных обстоятельств советская делегация на конференции СССР, США и Великобритании в Тегеране в конце 1943 года в принципе согласилась с предложением американской и английской делегаций о вступлении Советского Союза в войну против Японии после завершения войны в Европе.

На конференции трех великих держав в Крыму в феврале 1945 года было подписано соглашение, которое устанавливало, что СССР вступит в войну против Японии на стороне союзников через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе.

Систематическое и грубое попрание Японией договора с СССР о нейтралитете, подготовка японских империалистов к нападению на СССР, нежелание отказаться от союза с Германией, от политики агрессии и колониального порабощения китайского народа и других народов Восточной Азии побудили Советское правительство 5 апреля 1945 г. денонсировать договор о нейтралитете. В заявлении по поводу денонсации указывалось, что „Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Коренным образом изменившаяся общая обстановка лишает договор всякого смысла“.

Военный разгром фашистской Германии, ее капитуляция 9 мая 1945 г. предreshили неминуемое крушение империалистической Японии. Но и после разгрома „третьего рейха“ японские правители не хотели

сложить оружие, признать, что их агрессивные замыслы полностью провалились. Они рассчитывали на Квантунскую армию, на крупные силы на Японских островах и использование военно-промышленной базы, созданной в Маньчжурии и Корее. Эта база не подвергалась американским воздушным налетам и являлась достаточно мощной, чтобы обслужить потребности японской военной машины.

Правомерный гуманный акт СССР

Стремясь к скорейшему установлению всеобщего мира, верный своему союзническому долгу, заботясь о полном обеспечении безопасности дальневосточных государственных границ и интересов государства, Советский Союз присоединился к Потсдамской декларации, содержащей требование о безоговорочной капитуляции Японии.

Советский Союз при этом преследовал также цель предоставить возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты гитлеровской Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции. В связи с тем, что Япония отвергла требования Потсдамской декларации, советское правительство объявило, что с 9 августа 1945 г. СССР будет находиться в состоянии войны с Японией.

Советские Вооруженные Силы 9 августа начали военные действия. Во взаимодействии с частями Народно-революционной армии Монгольской Народной Республики они стали наносить сокрушительные удары по японским войскам в Маньчжурии.

Японские войска упорно оборонялись. Служба бактериологической войны Квантунской армии готовилась применить бактериологическое оружие. Однако она не успела это сделать. „Стремительное продвижение Советской Армии в глубь Маньчжурии, — показал командующий Квантунской армией генерал Ямада, — лишило нас возможности применять бактериологическое оружие против СССР и других стран...“*

* Материалы судебного процесса по делу бывших военнoслужаших японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950, с. 27.

Утром 9 августа открылось экстренное заседание Высшего совета по руководству войной. Впервые на повестку дня открыто был поставлен вопрос о принятии Потсдамской декларации. Вступление в войну Советского Союза заставило и военных руководителей Японии изменить позицию. Теперь уже не обсуждалась проблема: продолжать войну или вести мирные переговоры. Однако вопрос о смягчении условий капитуляции продолжал обсуждаться.

Премьер-министр Судзуки заявил на заседании: „Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны“.

Военные лидеры Анами, Умэдзу и Тоёда настаивали на выдвигании четырех условий при принятии Потсдамской декларации: сохранение существующего государственного строя, наказание военных преступников самими японцами, самостоятельное разоружение и недопущение оккупации союзниками (если оккупация неизбежна, то она должна быть кратковременной, осуществляться небольшими силами и не затрагивать город Токио). Того считал, что следует выдвинуть лишь одно условие — сохранение государственного строя. Никакого решения принято не было.

В тот же день в 14 час. открылось чрезвычайное заседание кабинета министров. Семь часов спорили министры по вопросу: следует ли выдвигать одно условие или четыре. Военный министр и начальники штабов поддерживали четыре условия. Решение не было принято.

Японские дипломатические представители, зная лучше обстановку, высказывались за принятие условий капитуляции. Посол Японии в Москве Сато в последней телеграмме писал: „Кроме сохранения государственной структуры, можно пойти на безоговорочную капитуляцию“.

Придворные круги были очень обеспокоены сложившимся положением. Они считали, что каждый день затяжки войны усиливает влияние Советского Союза в определении будущей судьбы Японии. Князь Коноэ совместно с принцем Такамацу и бывшим министром иностранных дел Сигэмицу заявили наиболее приближенному к императору министру Кидо о своем несогласии с

требованиями военных лидеров и просили доложить об этом императору.

Принятие Потсдамской декларации

Ночью с 9 по 10 августа состоялось новое заседание Высшего совета по руководству войной в присутствии императора. В начале заседания премьер-министр Судзуки зачитал заранее заготовленный проект заявления: „*Японское правительство готово принять условия Декларации от 26 июля. Японское правительство понимает, что эта Декларация не содержит требований, ущемляющих прерогативы императора как суверенного правителя Японии*“.

Император, который уже советовался с министром двора, лордом-хранителем печати Кидо и другими деятелями, высказал свое согласие с проектом.

11 августа 1945 г. государственный департамент США направил ответ правительства Америки, Советского Союза, Англии и Китая на это заявление японского правительства. Ответ гласил:

„В отношении заявления японского правительства, в котором принимаются условия Потсдамской декларации, но в котором содержится заявление „*при условии, что указанная декларация не содержит никакого требования, которое затрагивает прерогативы его Величества как суверенного правителя*“, наша позиция заключается в следующем.

С момента капитуляции власть императора и японского правительства в отношении управления государством будет подчинена главнокомандующему союзных держав, который предпримет такие шаги, какие он сочтет нужными для осуществления условий капитуляции... Форма правления Японии в конечном счете будет в соответствии с Потсдамской декларацией установлена свободно выраженной волей японского народа. Вооруженные силы союзных держав будут оставаться в Японии до тех пор, пока не будут достигнуты цели, изложенные в Потсдамской декларации“.

9 — 14 августа советские войска, разгромив японские войска прикрытия, стремительно продвигались к центральному району Маньчжурии, окружая основную группировку Квантунской армии.

14 августа в 10 час. император созвал объединенное совещание Высшего совета по руководству войной и кабинета министров. От имени императора было сделано заявление:

„...Я повелел принять Потсдамскую декларацию. Мое мнение не изменилось... Я повелеваю всем присоединиться ко мне... Примите условия немедленно. Чтобы народ мог знать о моем решении, я повелеваю срочно подготовить императорский рескрипт по этому вопросу“.

В 23 часа 14 августа была отправлена телеграмма, которой правительства США, Англии, Советского Союза и Китая уведомлялись о принятии Японией условий Потсдамской декларации. Телеграмма состояла из двух пунктов:

„1. Его Величество император издал императорский рескрипт о принятии Японией условий Потсдамской декларации.

2. Его Величество готов... также дать любые другие приказы, которые может потребовать главнокомандующий союзных вооруженных сил в целях осуществления вышеуказанных условий“.

„1. Сделанное японским императором 14 августа сообщение о капитуляции Японии является только общей декларацией о безоговорочной капитуляции. Приказ вооруженным силам о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы по-прежнему продолжают сопротивление.

2. Ввиду изложенного Вооруженные Силы Советского Союза на Дальнем Востоке будут продолжать свои наступательные операции против Японии“.

Вооруженные Силы СССР приступили к разгрому основных сил Квантунской армии на Маньчжурской равнине, освобождению важных политических и экономических центров Маньчжурии. Началась массовая капитуляция японских войск.

Путч „молодых тигров“

Узнав, что император записал на пленку обращение к народу по радио, в котором объявил о принятии Потсдамской декларации и прекращении войны Японией, группа офицеров-фанатиков („молодые

Немедленно после этого сообщения в Белом доме была созвана пресс-конференция. Трумэн заявил, что он рассматривает ответ Японии как согласие на безоговорочную капитуляцию и объявил о назначении генерала Дугласа Макартура союзным главнокомандующим. Макартуру было поручено принятие капитуляции и ее осуществление*.

Заявление Генштаба СССР

Несмотря на принятие Японией Потсдамской декларации, Квантунская армия продолжала оказывать сопротивление наступающим советским войскам. Вечером 14 августа командование Квантунской армии получило по телеграфу приказ генерального штаба армии с требованием уничтожить знамена, портреты императора, императорские указы и важные секретные документы. Приказа прекратить сопротивление не последовало.

В связи с этим Генеральный штаб Советской Армии выступил со специальным разъяснением, в котором подчеркивалось:

* Выбор Макартура в качестве наместника Белого дома в Японии не случаен. Для роли диктатора Японии американским монополием трудно было подобрать более подходящего кандидата. Сын крупного плантатора и бывшего генерал-губернатора Филиппин, Дуглас Макартур унаследовал от отца и его богатства, и его должность. Еще до этого он снискал себе бесславную известность как организатор расстрела в США в 1922 году мирной демонстрации ветеранов первой мировой войны. Макартур сделал головокружительную карьеру — от лейтенанта до генерала армии США и фельдмаршала Филиппинской армии, которой он командовал в 1937 году. В конце 1941 года генерал Макартур постыдно бежал с Филиппин, сдав их почти без сопротивления японцам.

тигры”) в ночь на 15 августа попыталась сорвать принятие Декларации и повести Японию по пути продолжения войны. Чтобы решение императора не получило огласки, „молодые тигры” решили изъять текст с записью речи до ее передачи в эфир.

Убив командира 1-й гвардейской дивизии, части которой несли охрану императорского дворца, и отдав от его имени нужные им распоряжения, путчисты проникли во дворец, напали на резиденции премьер-министра Судзуки, лорда-хранителя печати Кидо, председателя Тайного совета Хиранума, а также на Токийскую радиостанцию. Однако разыскиваемых лиц, как и пленки с записью речи, им найти не удалось. Путч был ликвидирован, его зачинщики по самурайскому обычаю сделали себе харакири.

Объявление о капитуляции

15 августа по радио был передан рескрипт императора Хирохито о принятии условий капитуляции:

„Мы повелеваем нашему правительству передать правительствам Соединенных Штатов, Великобритании, Китая и Советского Союза сообщение о принятии нашей империей условий их совместной декларации”.

Понимая близость краха своей политики и неотвратимость возмездия, некоторые высшие военные и политические деятели Японии прибегли к самоубийству. 11 августа выстрелом из револьвера попытался покончить с собой бывший премьер-министр Тодзио — первый из главных военных преступников Японии, осужденных Международным военным трибуналом в Токио. 15 августа покончили жизнь самоубийством военный министр Анами, генералы Сугияма, Хондзэ, адмирал Ониси, а также некоторые другие генералы и министры кабинета Судзуки*.

„Секретные документы сжечь!”

При попустительстве генерала Макаурта японское правительство и японские военные власти имели возможность между 14 и

30 августа, т.е. временем от принятия решения о капитуляции до дня ее фактического начала, подготовиться к приходу оккупационных войск. В эти дни над крышами уцелевших правительственных зданий в Токио стояли тучи дыма: это по приказу правительства сжигались наиболее секретные правительственные архивы, изобличавшие правителей Японии в тягчайших преступлениях против мира и человечности. Секретные документы уничтожались не только в столице, но и на периферии.

Американский штаб в Японии сообщил впоследствии, что тысячи станков были найдены спрятанными в пещерах и искусственно созданных убежищах. В апреле 1946 года на дне токийской бухты были обнаружены драгоценные металлы на общую сумму около 2 млрд. долларов.

15 августа военные действия между англо-американскими и японскими вооруженными силами были прекращены. Однако на территориях Северо-Восточного Китая, Кореи, Южного Сахалина и Курильских островов японские войска продолжали оказывать сопротивление Советской Армии. Части Квантунской армии приказа о прекращении боевых действий не получали. Лишь 19 августа состоялась первая встреча маршала Василевского с начальником штаба Квантунской армии — генералом Хата, на которой стороны договорились о порядке капитуляции. Разоружение японских войск продолжалось до конца месяца.

Подписание акта о капитуляции

19 августа для подготовки официального подписания акта о капитуляции в Манилу была направлена японская делегация, которая договорилась с американским командованием о процедуре подписания и деталях осуществления оккупации Японии армией союзников. 28 августа на аэродром Ацуги в префектуре Канагава высадился передовой отряд американской армии. 30 августа 1945 г. в Японию прибыл генерал Макаурт.

2 сентября 1945 г., в 10 час. 30 мин. по токийскому времени, на борту американского линкора „Миссури” в водах Токийского залива состоялось подписание акта о капитуляции.

* S.Kirby and others. The War against Japan, vol. V, p. 216.

Американцы придали церемонии подписания акта о капитуляции характер театрализованного и помпезного зрелища, которое должно было еще более подчеркнуть унижение Японии. Из США был доставлен на борт „Миссури“ флаг командора Перри, который в 1854 году, угрожая артиллерийским обстрелом, заставил японское правительство подписать неравноправный договор, „открывавший“ страну Соединенным Штатам. На этот раз флаг Перри призван был символизировать вторичное завоевание Японии американцами.

Посреди палубы линкора был установлен большой стол, за которым сидели представители делегаций США, Англии, Китая, СССР, Австралии, Канады, Франции, Голландии и Новой Зеландии.

По описанию очевидцев, далее произошло следующее. В наступившей вдруг тишине раздался негромкий стук палки о броню палубы. Заметно хромая, перед столом представителей союзников появился глава японской делегации М. Сигэмицу — министр иностранных дел созданного 16 августа 1945 г. кабинета принца Хигасикуни. Его сопровождали начальник генерального штаба армии генерал Умэдзу и другие лица. В течение некоторого времени перед взором сотен глаз японские представители в полном молчании стояли перед столом. Это были предусмотренные американской программой церемонии, так называемые „минуты позора“. Затем Макартур пригласил японских делегатов к столу.

От имени императора, японского правительства и императорской ставки акт о безоговорочной капитуляции подписали министр иностранных дел Мамору Сигэмицу и начальник генерального штаба — генерал Иосидзиро Умэдзу. В акте о капитуляции, в частности, говорится: „Настоящим мы даем обязательство, что японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации“.

От имени всех союзных наций акт подписал Д.Макартур. Затем свои подписи поставили представители союзных держав: от имени Соединенных Штатов Америки — адмирал Ч. Нимиц, Китая — гоминдановский генерал Су Юнчан, Великобритании — адмирал Б.Фрейзер, Советского Союза — генерал К.Н.Деревянко, Австра-

лии — генерал Т. Блэйми, Франции — генерал Ж. Леклерк, Голландии — адмирал К.Халфрих, Новой Зеландии — вице-маршал авиации Л. Исит, Канады — полковник Н. Муркосгрейв...

Капитуляцией Японии закончилась вторая мировая война.

Итоги войны

Милитаристы, втянувшие Японию в войну, принесли народу этой страны много горя и страданий: смерть и увечья, голод, болезни и каторжный труд.

В ходе военных действий было убито 2,5 млн. и искалечено 94,5 тыс. японских военнослужащих. Потери среди гражданского населения составили 668 тыс. человек, из них около 300 тыс. убитыми.

В результате бомбардировок и по другим причинам Япония потеряла материальных ценностей на 105 млрд. иен, 2279 торговых судов общим водоизмещением 8 141 591 брутто-регистрационных тонн.

Огромный, не поддающийся учету физический и моральный урон был нанесен населению Японии, в целом национальной культуре японского народа.

Еще дороже война обошлась народам, ставшим жертвами японской агрессии.

Наиболее тяжело пострадал Китай. 100 млн. жителей этой страны остались без крова. 10 млн. погибли, в том числе 1,3 млн. были убиты на поле боя. Среди стран Юго-Восточной Азии наибольшие потери понесли: Индонезия — 2 млн. человек, Филиппины — 1,1 млн. человек.

* * *

В то время, когда жизненный уровень народов в течение войны все ухудшался, прибыли военных компаний Японии, особенно монополий, неуклонно увеличивались.

В 1941 году они составляли 4,8 млрд. иен, в 1943 — 6,3 млрд. иен, в 1944 — 7,1 млрд. иен, а всего в 1941—1945 гг. они составили астрономическую цифру — около 25 млрд. иен.

Накануне высадки американских войск в Японии между крупнейшими компаниями были распределены дефицитные материалы стоимостью более 100 млрд. иен (в ценах 1940 года). Правительство принца Хигасикуни, пришедшее к власти в августе 1945 года, первым делом распорядилось выплатить крупные суммы военно-промышленным компаниям за военные заказы, выполненные и не выполненные ими.

Получив колоссальные доходы в процессе подготовки войны и ее развертывания, дзайбацу, таким образом, нажились даже на поражении Японии.

Примечание.

Цифры взяты из книги: Тайхэй сэнсё си (История войны на Тихом океане). Т. 1—6. Токио, 1972—1973.

* * *

Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока в понятии „преступления против мира“ выделяет пять отдельных видов преступлений:

планирование войны в нарушение международного права, договоров, соглашений, обязательств;

подготовка к агрессивной войне;

развязывание войны;

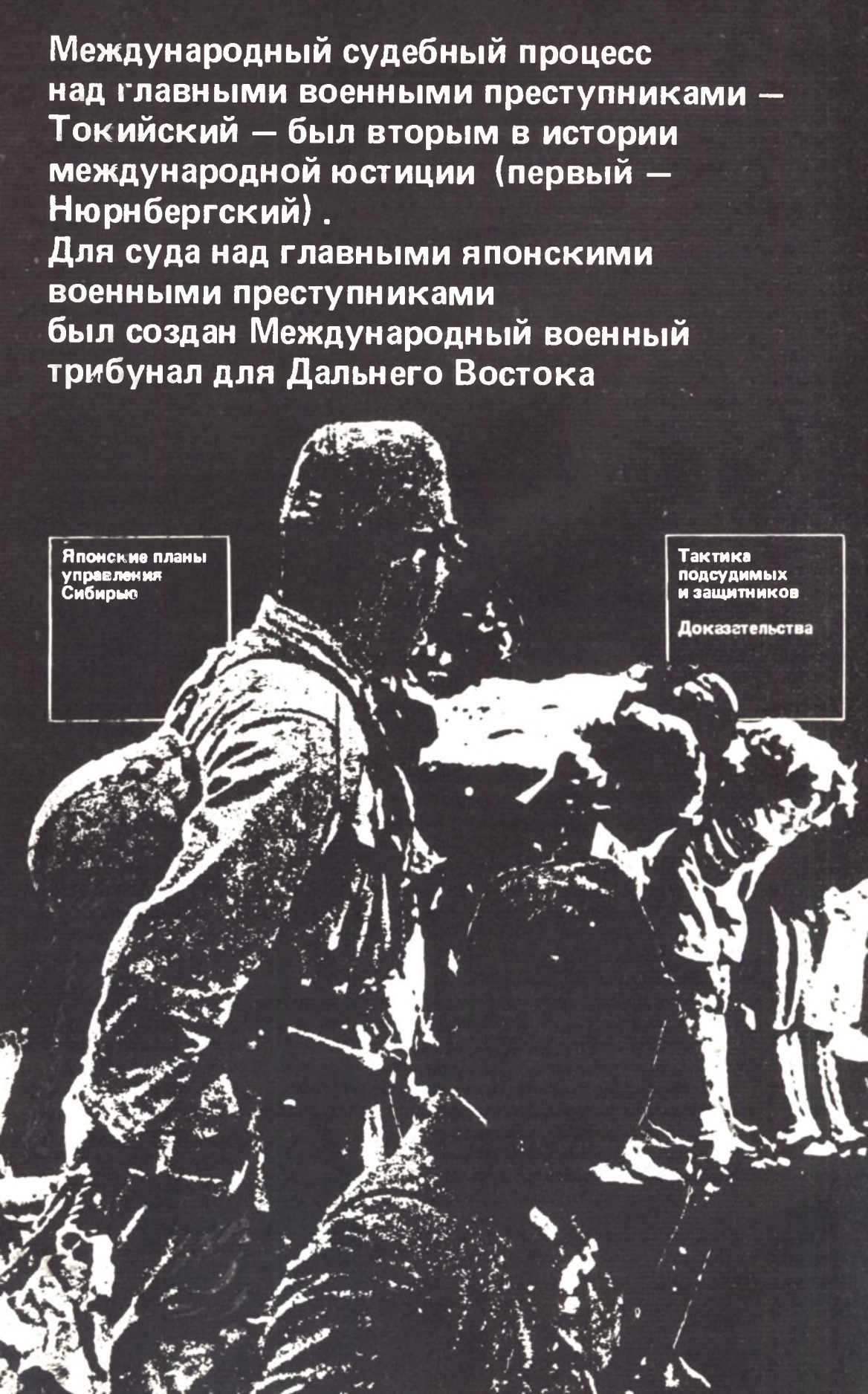
ведение агрессивной войны или войны в нарушение международного права, договоров, соглашений и обязательств;

участие в общем плане или заговоре для совершения любого из перечисленных выше преступлений.

Японские милитаристы совершали преступления против мира, участвуя в преступлениях всех пяти видов.

Международный судебный процесс над главными военными преступниками — Токийский — был вторым в истории международной юстиции (первый — Нюрнбергский) .

Для суда над главными японскими военными преступниками был создан Международный военный трибунал для Дальнего Востока

Японские планы управления Сибирью

**Тактика подсудимых и защитников
Доказательства**

ТОКИО:

1946-1948

Суд народов

Организация
судебного
процесса

Судьи.
Обвинители.
Защитники

Преступления
против мира
и человечности

Военные
преступления

Подсудимые

Приговор

Процесс

Международный судебный процесс по делу главных военных преступников – Токийский – был вторым в истории международной юстиции (первый – в Нюрнберге). Для суда над главными японскими военными преступниками был создан Международный военный трибунал для Дальнего Востока. Суд длился с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г. На пути правосудия стояло немало препятствий.

Прежде всего это касалось самой организации судебного процесса. Правящие круги США, а также Англии не ставили перед собою задачу полностью ликвидировать японский очаг агрессии, а лишь стремились устранить Японию, как опасного конкурента и соперника, заменить ее господство над странами южных морей и Китаем собственным господством. Апологеты развязывания новых агрессивных войн прекрасно сознавали, что осуждение главных военных преступников нанесет удар по агрессии и агрессорам, поэтому они шли на всевозможные ухищрения, чтобы не допустить справедливого суда над японскими военными преступниками.

Однако предание суду японских военных преступников являлось одним из условий капитуляции. Такое требование вытекало из Потсдамской декларации, в которой записано: „Мы не стремимся к порабощению японцев, как расы, или уничтожению их, как нации, однако должно быть осуществлено суровое правосудие в отношении всех военных преступников... На вечные времена должно быть устранено влияние тех, кто обманывал японский народ и вовлек его на путь завоевания мирового господства, ибо мы считаем, что мир, безопасность и справедливость невозможны, пока не будет изгнан из мира безответственный милитаризм“*.

Кроме того, решительные требования мировой общественности, твердая позиция Советского Союза, настойчиво добивавшегося, чтобы принятые декларации и международные соглашения строго соблюдались, поставили правящие круги США перед

необходимостью дать согласие на учреждение Международного военного трибунала.

Практическая организация Трибунала была возложена на союзного главнокомандующего, генерала армии США Дугласа Маккартура – представителя наиболее экспансионистских правящих кругов США. Макартур, естественно, не стремился к выполнению Потсдамской декларации и последующих соглашений. Но в конце 1945 и начале 1946 года и он, и его хозяева были вынуждены маскировать свои истинные намерения, как и подлинные цели оккупационной политики американских военных властей в Японии, поскольку прогрессивный мир ждал осуждения агрессоров.

19 января 1946 г. Макартур издал приказ следующего содержания:

„Поскольку Соединенные Штаты и союзные с ними нации, выступая против незаконных агрессивных войн, проводившихся державами оси, время от времени делали декларации о том, что намерены предать правосудию военных преступников;

поскольку правительства союзных держав, находившихся в состоянии войны с Японией, провозгласили 26 июля 1945 г. в Потсдаме в качестве одного из условий капитуляции, что суровое правосудие должно быть применено ко всем военным преступникам, включая тех, кто совершал зверства в отношении наших военнопленных;

поскольку японские уполномоченные, подписав 2 сентября 1945 г. по приказу и от имени императора и японского правительства акт о капитуляции Японии, тем самым приняли условия, изложенные в Потсдамской декларации;

поскольку в силу этого документа о капитуляции власть императора и японского правительства по управлению японским государством подчинена Главнокомандующему Союзных Держав, который уполномочен предпринимать такие шаги, какие он сочтет нужными для проведения в жизнь условий капитуляции, я, Дуглас Макартур, приказываю и устанавливаю нижеследующее.

* ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 117, л. 3.

Статья 1. Создается Международный военный трибунал для Дальнего Востока для суда над лицами, обвиняемыми индивидуально или в качестве членов организаций, или в качестве тех и других одновременно — в совершении любых преступлений, составляющих преступления против мира.

Статья 2. Статут, юрисдикция и функция этого Трибунала изложены в Уставе Международного военного трибунала для Дальнего Востока, утвержденном мною сего дня..."

Все эти „поскольку“, многочисленные повторения, многословия, а также противоречия между ст. 1 приказа, определившей юрисдикцию Трибунала делами о преступлениях против мира, и ст. 5 Устава, установившей право Трибунала судить и наказывать не только за преступления против мира, но и за военные преступления и преступления против человечности, преследовали цель: усложнить работу Трибунала и затруднить наказание всех виновных. Одновременно Макартур пытался ввести в заблуждение мировую общественность заявлениями о том, что он-де следует принципам Устава Международного трибунала в Нюрнберге, разработанного и утвержденного представителями СССР, США, Англии и Франции, к которому присоединились еще 19 государств. Итак, Международный военный трибунал для Дальнего Востока был учрежден в составе представителей государств, пострадавших от японской агрессии: СССР, США, Англии, Китайской Республики, Франции, Австралии, Канады, Новой Зеландии, Нидерландов, Индии, Филиппин. В окончательной редакции Устав Трибунала был утвержден Макартуром лишь 26 апреля 1946 г. Он составил правовую основу деятельности Трибунала, определил порядок судебной процедуры, организацию обвинения и защиты. Пользуясь положением практически единственной оккупирующей Японию страны, правящие круги США добились принятия такого Устава, который предоставлял США определенные возможности маневрировать для достижения своих реакционных целей. Это не составляло для них большого труда, так как Устав разрабатывался в американских ведомствах и утверждал его единолично Дуглас Макартур.

Предполагалось, что Макартур организует процесс над главными военными преступниками на началах полного равноправия всех государств, подписавших акт о капитуляции — США, СССР, Китайской Республики, Англии, Австралии, Канады, Франции, Нидерландов и Новой Зеландии. На деле, однако, уже при утверждении Устава Макартур внес в него по сравнению с Уставом Нюрнбергского трибунала такие изменения, которые обеспечивали бы американским правящим кругам проведение реакционной политики.

Эти изменения касались прежде всего основных принципов организации Трибунала в Токио, повлиявших на весь ход процесса.

Нюрнбергский процесс проводился на строго паритетных началах. Это означало, что каждое из четырех государств — СССР, США, Англия и Франция — на основании Устава назначало своих представителей в качестве членов Трибунала и главных обвинителей. Члены Трибунала были равноправны и по взаимному согласию выбирали председательствующего. Главные обвинители также являлись равноправными и по взаимному соглашению распределяли свои обязанности по поддержанию обвинения по тем или другим разделам обвинительного акта.

Процесс в Токио был организован совершенно по-иному. Председательствующий не был избран из состава членов Трибунала, а назначен приказом Макартура. Для расследования дела и поддержания обвинения Макартур назначил одного главного обвинителя. Каждое из государств, входящих в Организацию Объединенных Наций, с которым Япония была в состоянии войны, имело право назначить дополнительного обвинителя. Обязанности между дополнительными обвинителями распределял главный обвинитель, который и определял, по каким разделам обвинительного акта должен поддерживать обвинение каждый дополнительный обвинитель.

Таким образом, Устав Токийского Трибунала предусматривал не паритетность участников суда над главными японскими военными преступниками, а их зависимость от американского генерала Макартура. Макартур назначил главным обвинителем амери-

канского адвоката Джозефа Кинана, близкого к окружению Трумэна, и тем самым обеспечил влияние США на всю подготовку процесса, а председателем Трибунала — австралийского судью Уильяма Уэбба, человека, полностью находившегося под политическим влиянием реакционного англо-американского блока.

Устав Токийского Трибунала определял: Трибунал состоит из одиннадцати членов, назначенных главнокомандующим союзных держав; для кворума необходимо присутствие большинства членов Трибунала. Таким образом, временное или постоянное отсутствие трех и даже четырех членов Трибунала не служило препятствием для продолжения процесса; все решения, в том числе и о признании виновности и назначении наказания, принимаются простым большинством голосов присутствующих членов Трибунала. В случае, если голоса разделяются поровну, голос председателя считается решающим. Так что Трибунал был правомочен действовать при наличии в заседании шести членов из одиннадцати, причем в этом случае приговор мог быть принят голосами председателя и двух членов.

Статья 25 Устава Нюрнбергского Трибунала предусматривала, что все официальные документы представляются и все судебные заседания ведутся на русском, английском, французском и немецком языках.

Статья 9 Устава Токийского Трибунала определила, что официальным языком процесса является английский, а также язык подсудимого, т.е. японский. И в этом вопросе не был соблюден принцип равноправия стран, учредивших Трибунал.

Когда обвинитель от Франции Онето попытался представить доказательства на французском языке, он был остановлен председательствующим Уэббом, запретившим ему продолжать выступление на французском языке. Дело дошло до того, что Онето покинул зал заседания. Уэбб принял решение: либо Онето извинится, либо будет привлечен к ответственности за оскорбление суда (по англо-американскому праву подобные вопросы председательствующий мог решать единолично). Онето пришлось извиниться, после чего Уэбб признал инцидент исчерпанным и разрешил обвинителю поль-

зоваться французским языком, но только для вводных фраз, которые предшествуют оглашению каждого письменного доказательства. В дальнейшем Онето всякий раз перед представлением нового доказательства произносил одну или две трафаретные фразы примерно такого содержания: „Сейчас мы представим суду такой-то документ, которым постараемся доказать то-то и то-то“. Затем он уступал место сотруднику американского обвинения, который на английском языке зачитывал представляемое доказательство.

Советские обвинители не желали принять такую унижительную процедуру. Они заранее оговорили себе право выступать и оглашать доказательства на русском языке, обязавшись лишь обеспечить параллельный перевод оглашаемых документов на английский и японский языки.

Устав Нюрнбергского Трибунала предусматривал право суда вынести постановление об отобрании у осужденного награбленного имущества. Известно, что Трибунал не воспользовался этим правом, однако *Устав Токийского Трибунала* совсем не предусматривал возможности конфискации имущества главных японских военных преступников, хотя многие из них, как и Геринг, Риббентроп, Франк, также нажили несметные богатства в результате совершенных преступлений.

Токийский процесс принято называть процессом над главными японскими военными преступниками, но на скамье подсудимых оказались далеко не все главные виновники преступной войны, развязанной японским империализмом. В частности, к суду не был привлечен ни один из руководителей крупнейших объединений японского монополистического капитала — дзайбачу, которые направляли агрессии японских империалистов.

Представитель США и главный обвинитель на Токийском процессе Кинан в период подготовки к процессу отверг предложение советского обвинителя о предании суду одновременно с Тодзио, Мацуока и другими обвиняемыми магната авиационной промышленности Накадзима, владельца крупнейших предприятий военной промышленности в Маньчжурии Аюкава, президента крупнейшей монополии Ивасаки,

крупного промышленника и министра вооружений в кабинете Тодзио, а также в военном кабинете Койсо — Фудзивара Гиндзиро.

На судебном процессе в Токио, как и на судебном процессе в Нюрнберге, даже правила судебной процедуры, порядок представления доказательств, допрос того или иного свидетеля и т.п. имели большое политическое значение; вокруг этих вопросов происходила острая борьба. Это была не обычная борьба между прокурором и адвокатом, не обычные споры юристов, это была борьба между сторонниками мира и сторонниками преступной агрессии.

Организация судебного процесса

Еще до начала процесса Трибунал вынес решение о том, что каждый свидетель будет приводиться к присяге по законам и обычаям своей страны. В соответствии с этим свидетели — американцы, англичане, японцы — приводились к присяге до того, как они давали свидетельские показания, а свидетели — китайцы — после окончания допроса. Помимо устной присяги, каждый свидетель давал подписку о том, что он будет под присягой показывать одну только правду.

Свидетели — советские граждане — вместо присяги произносили торжественное обещание давать правдивые показания и предупреждались об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за заведомо ложные показания.

В ходе подготовки материалов к судебному процессу работники следственного аппарата советского обвинения после первого

знакомства со свидетелем и краткой записи его анкетных данных в торжественных выражениях разъясняли свидетелю, что он вызван для дачи показаний по делу главных японских военных преступников, что он будет допрошен таким-то следователем. Затем свидетелю задавали вопрос, готов ли он дать правдивые и только правдивые показания, ничего не прибавляя к тому, что он знает, но и ничего не утаивая. После утвердительного ответа следователь, предупредив свидетеля об уголовной ответственности по законам его страны за заведомо ложные показания, отбирал от него подписку. Примерно таким же образом давали торжественное обещание (присягали) переводчики и стенографы.

После того как первый советский свидетель был „приведен к присяге“ в судебном заседании, американский адвокат Левин выступил с такими возражениями: „Я хочу обратить внимание суда на то, что свидетель был приведен к советской присяге, а мы считаем, что он должен быть приведен к обычной для данного Трибунала присяге“.

Возражение адвоката было отклонено Уэббом в следующей формулировке: „Нет, Устав разрешает то, что было сделано. Свидетель может выбрать ту форму присяги, которая его обязывает. Это обычное право моей страны, и я думаю, что это относится ко всем странам“*.

После отклонения возражения американского адвоката других протестов против текста торжественного обещания советских свидетелей не заявлялось.

29 апреля 1946 г. Трибунал принял обвинительный акт, представленный обвинителем. Эта процедура отражена в стенограмме следующим образом:

Кинан: *У меня имеется оригинал обвинительного акта, подписанный главным обвинителем и каждым из союзных обвинителей...*

Председатель: *Вы предлагаете приобщить его к делу?*

Кинан: *Он сейчас подается.*

Председатель: *Это — оригинал. Он будет зачитан, если этого потребуют подсудимые в день их опроса.*

Уэбб к Кинану: *Мы предписываем вам теперь же предъявить копии обвинительного акта и Устава каждому из подсудимых.*

В тот же день обвинительный акт был вручен всем подсудимым.

* Стенограмма процесса от 14 октября 1946 г., с. 9—10.

3 мая 1946 г. состоялось первое публичное заседание Трибунала, и только 16 апреля 1948 г. Трибунал удалился на совещание для постановления приговора. 4 ноября 1948 г. началось оглашение приговора, которое продолжалось по 12 ноября 1948 г. Более двух лет длился процесс в Токио. Суд в Нюрнберге начался 20 ноября 1945 г. и закончился 1 октября 1946 г., т.е. был закончен в течение 11 месяцев.

Теперь можно с уверенностью сказать: организаторы суда намеренно затягивали процесс. Много времени было затрачено на „обсуждение“ и „рассмотрение“ подчас вздорных и заведомо необоснованных заявлений и ходатайств подсудимых и их защитников, принимаемых председательствующим.

Заседания Трибунала происходили в Токио в конференц-зале бывшего военного министерства, расположенного на высоком холме. Несколько месяцев продолжался ремонт этого обширного и пышного зала* для того, чтобы подготовить все необходимое для ведения процесса.

На возвышении у одной из стен зала был установлен длинный судейский стол, за которым стояло 11 кресел для судей. На стене за креслами развешены национальные флаги одиннадцати государств, участвовавших в Трибунале.

Перед судейскими креслами сидели судебные секретари, ниже помещался пульт, предназначенный для выступлений обвинителей и защитников. Справа от пульта стоял стол президиума защиты, слева — стол обвинителей. Перед левым краем судейских кресел была установлена скамья для свидетелей. Как пульт, так и скамья свидетелей были снабжены микрофонами и световыми сигналами, с помощью которых регулировались паузы во время выступлений обви-

нителей и адвокатов и показаний свидетелей.

Между скамьей свидетелей и столом обвинителей помещался стол переводчиков. За этим же столом работали стенографы. Тут же находился и глава переводчиков (монитор), разрешавший затруднения и споры, возникавшие по поводу отдельных слов или выражений.

У стены судебного зала, противоположной судейским креслам, были расположены амфитеатром две скамьи подсудимых, охраняемых американской военной полицией. Несколько ниже сидели адвокаты. На галерее над скамьями подсудимых помещались кинооператоры. Правое крыло судебного зала имело партер и галерею. В партере, отгороженном от остального зала невысоким барьером, были места для двухсот иностранных и японских корреспондентов.

Галерея предназначалась для публики и была разделена на две части: одну занимали японская публика (до 200 человек), другую — американцы и граждане союзных государств (до 300 человек). Военная полиция строго следила за тем, чтобы японцы сидели на местах, специально отведенных для них. Публика допускалась на процесс по особым пропускам.

К залу судебных заседаний примыкали служебные помещения: обширная совещательная комната, в которой происходили и распорядительные заседания Трибунала; комната свидетелей; комната для свиданий подсудимых с адвокатами и др.

Подсудимые доставлялись в Трибунал из тюрьмы Сугамо, находившейся в 5–6 км от здания суда, в специально оборудованном автобусе.

На протяжении 30,5 месяцев Трибунал распутывал клубок тягчайших преступлений военных и политических лидеров милитаристской Японии. Было проведено 818 открытых судебных заседаний и 131 распорядительное, так называемые заседания в судейской комнате. Трибунал принял 4356 документальных доказательств и 1194 показания свидетелей, из которых 419 были заслушаны непосредственно судом. Стенограмма процесса составила 48 412 страниц, а приговор — 1214 страниц.

* Сейчас в Токио не сразу найдешь здание, где заседал Международный военный трибунал 40 лет назад: оно затерялось среди гигантских небоскребов, возведенных в послевоенные годы; в нем была устроена казарма одной из воинских частей токийского гарнизона. И ничто не напоминает теперь об исторических событиях, которые происходили в этом здании.

* * *

Правящая верхушка США постоянно и упорно стремилась помешать тому, чтобы на процессе были вскрыты корни японского милитаризма, чтобы японскому народу показали всех виновников бедствий, в которые была ввергнута Япония.

Однако, несмотря на все ухищрения реакции, Токийский процесс дал убедительные материалы для разоблачения целей японского милитаризма, его опасности для многих народов и его пагубных последствий прежде всего для японского народа.

Материалы судебного процесса в Токио раскрывают преступные замыслы японских милитаристских кругов против Советского Союза, истинные цели, которые преследовал пресловутый японский „новый порядок“ в Восточной Азии, разоблачают экспансионистские замыслы японских монополий, пытавшихся под фальшивыми лозунгами борьбы с „белым“ империализмом создать паназиатскую империю Ямато, так называемую „великую восточно-азиатскую сферу процветания“.

Агрессивные войны японского империализма, кровавые злодеяния японских оккупантов, огнем и мечом создававших „великую восточно-азиатскую сферу“ для процветания своих монополий, причинили народам Азии неисчислимы страдания. Миллионы китайцев, корейцев, бирманцев, филиппинцев, индонезийцев и других народов Юго-Восточной Азии истреблены японскими военными преступниками. Огромные бедствия претерпел и японский народ. В самом конце войны японский народ стал беззащитной жертвой атомных бомб США, повлек-

ших сотни тысяч смертей. Таков кровавый апофеоз войн, развязанных на Дальнем Востоке.

На процессе в Токио англо-американское большинство Трибунала пыталось обойти вопрос о японской интервенции на советском Дальнем Востоке в 1918—1922 гг., так как пришлось бы говорить и о преступлениях англо-американских интервентов, совершенных в тот же период против Советского государства. Именно поэтому Международный военный трибунал решил ограничиться рассмотрением преступлений главных японских военных преступников начиная с 1928 года.

Наказание военных преступников, применение к ним заслуженной кары являются необходимыми условиями в борьбе против войны. Одним из источников, питавших злодеяния германских фашистов и японских милитаристов, являлась уверенность в безнаказанности. До Нюрнбергского и Токийского международных процессов виновникам агрессивных войн фактически удавалось уйти от ответственности.

В Токио, так же как и в Нюрнберге, Международный военный трибунал вынес Приговор, встреченный с одобрением демократической общественностью всего мира. „Справедливое и суровое наказание определено тем, — писала газета „Известия“ 28 ноября 1948 г., — кто десятилетиями держал весь Дальний Восток в состоянии величайшего напряжения и постоянного ожидания японского нападения, кто превратил Японию в очаг мировой агрессии, кто вверг сотни миллионов людей в пучину бедствий и ужасов второй мировой войны“.

Судьи. Обвинители. Защитники

Трибунал состоял из представителей 11 государств, пострадавших от агрессий Японии.

В состав Трибунала были делегированы: от Союза Советских Социалистических Республик — член Верховного Суда СССР, генерал-майор юстиции И.М.Зарянов; от Соединенных Штатов Америки — бывший главный военный прокурор армии США, генерал-майор М.Краммер; от Китайской Республики — председатель комитета по иностранным делам законодательного юаня Мэй Жодао; от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии — член Верховного суда У.Патрик; от Французской Республики — прокурор 1-го класса А.Бернар; от Австралийского Союза — председатель Верховного суда штата Квинслэнд У.Уэбб; от Нидерландов — член суда г. Утрехт, профессор Утрехтского университета Б.Роллинг; от Индии — профессор университета Р.Пэл; от Канады — член Верховного суда

С.Макдугалл; от Новой Зеландии — член Верховного суда Э.Норткрофт; от Филиппин — член Верховного суда Д.Джаранилла. Австралийский судья У.Уэбб был назначен председателем Международного трибунала.

В ходе процесса выяснилось, что некоторые члены Трибунала были более озабочены выискиванием поводов и аргументов для оправдания подсудимых, чем выполнением своего долга обеспечить справедливый и быстрый суд над главными японскими военными преступниками.

1. Организация обвинения. Обвинение на процессе поддерживали представители тех же государств, которые входили в состав Трибунала. В войне против милитаристской Японии, как известно, участвовали Монгольская Народная Республика и другие государства. Однако формулировка ст. 2 Устава, утвержденного Макартуром, лишала эти государства возможности выдвигать своих кандидатов в состав Трибунала, а ст. 8 Устава закрывала доступ назначению дополнительных обвинителей, поскольку не все страны, участвовавшие в войне, оказались принятыми в члены Организации Объединенных Наций. Так случилось и с Монгольской Народной Республикой, которая, несмотря на то, что она являлась жертвой японской агрессии и вложила немалый вклад в дело разгрома империалистической Японии, длительные годы не допускалась в ООН вследствие яростного

сопротивления со стороны американско-английского реакционного блока.

Главным обвинителем, как ранее указывалось, Макартур назначил крупного американского адвоката Джозефа Кинана, и аппарат его в течение длительного времени официально именовался правовой секцией штаба Макауртура. Выбор Кинана был не случайным. Он являлся близким Трумэну человеком и, как назначивший его Макартур, представителем реакционных американских кругов. В Токио Кинан был ближайшим сотрудником и юридическим советником Макауртура. Но в начале процесса он не мог не выступить с разоблачением злодеяний подсудимых и поддерживал обвинение в полном объеме против всех представших перед Международным военным трибуналом. В своей речи Кинан тогда заявил, что целью процесса является предупреждение и предотвращение агрессивных войн, и выразил надежду, что на этом процессе будут заклеены как преступники и соответственно наказаны лица, причинившие такие бедствия человечеству. В дальнейшем это может повлиять сдерживающим образом на агрессивную деятельность их последователей, если таковые появятся, — сказал Кинан.

Дополнительными обвинителями являлись: от СССР — член-корреспондент Академии Наук СССР С.А.Голунский, а с ноября 1946 года — прокурор г. Москвы, государственный советник юстиции 2-го класса А.Н.Васильев, от Китая — главный прокурор Шанхайского Верховного суда — Сан Чжэчжунь; от Англии — бывший член парламента от либеральной партии, адвокат (крупный специалист по вопросам налогового управления) Коминс Карр (одновременно являлся заместителем Кинана); от Франции — главный прокурор суда присяжных департамента Сены и Марны Р.Онето; от Австралии — член Верховного суда штата Квинслэнд А.Мэнсфильд; от Голландии — член специального суда в Гааге В. Бергергоф-Мульдер; от Индии — Г. Менон; от Канады — заместитель главы военно-судебного ведомства канадской армии бригадный генерал Г.Нолан; от Новой Зеландии — прокурор Верховного суда, бригадный генерал Р.Квильям; от Филиппин — член Филиппинского конгресса майор П.Лопец. Заместителем Кинана являлся американский обвинитель Тэвнер.

Каждый обвинитель от союзного государства имел помощников, которые представляли доказательства, допрашивали подсудимых и свидетелей. От СССР — полковник С.Я.Розенбит (активный участник Нюрн-

бергского процесса, а с марта 1946 года — и Токийского процесса), работники советской прокуратуры К.Н.Багинян, полковник А.И.Иванов, Н.Ф.Куделин, В.С.Тадевосян, а после окончания Нюрнбергского

процесса, примерно с весны 1947 года, — Л.Н.Смирнов, П.Д.Морозов — член Международного суда ООН от СССР в восьмидесятилетие.

Консультантом советской части Трибунала был крупный специалист международного права — профессор Ленинградского университета М.Я.Рапопорт.

Начальником Секретариата советской части Трибунала являлся полковник юстиции Н.А.Виноградов, а судебными секретарями — гвардии майор юстиции Е.И.Гаранин и гвардии капитан юстиции А.Н.Николаев, в настоящее время заведующий юридическим отделом МИД СССР.

Между защитой и обвинением на Токийском процессе была договоренность, что возражения, если таковые имеются, будут заявлены после окончания вступительных речей, текст которых вручается противной стороне за 48 час. до ее произнесения.

Защита, действительно, не прерывала Кинана во время его вступительной речи. Но как только она закончилась, посыпались возражения. Американский адвокат Фернэс заявил, что защитники и подсудимые возражают против речи в целом. Когда Трибунал отклонил это возражение, Фернэс и другие адвокаты выступили с возражениями против отдельных ее частей. Недопустимо, заявили адвокаты, что в речи есть „зажигательные места“. Все возражения защиты против вступительной речи Кинана были отклонены Трибуналом.

Еще до произнесения С.А.Голунским вступительной речи американские адвокаты начали выступать с многочисленными возражениями, которые, главным образом, в разных вариантах заключались в следующем. Речь советского обвинителя не отвечает требованиям англо-американского процесса, так как вместо краткого перечня вопросов, подлежащих доказыванию, и изложения системы доказательств, с помощью которых обвинитель собирает доказать пункты обвинительного акта, речь содержит широкую аргументацию и порою „пропагандистские“ высказывания. Отдельные вопросы, затронутые в речи, выходят за рамки периода, „охватываемого обвинительным актом“ (например, события, имевшие место в период японской интервенции на Дальнем Востоке). Ряд вопросов относится к якобы

давно уже урегулированным инцидентам (нападение Японии на СССР в районе озера Хасан). Некоторые вопросы не имеют отношения к агрессии Японии против СССР (например, события в районе реки Халхин-Гол), поскольку суверенность МНР в это время еще не была признана китайским правительством.

Эти возражения Трибуналом были отвергнуты. От имени Трибунала председатель заявил, что Международный военный трибунал является достаточно компетентным судом, он сам сумеет разобраться в том, что лишнего имеется в речи обвинителя, и суд будет считаться только с теми местами вступительной речи, которые в дальнейшем будут соответствующим образом подкреплены и обоснованы представленными обвинителями доказательствами.

Американские адвокаты усиленно домогались разрешения Трибунала прерывать вступительную речь своими возражениями. И эти домогательства были отклонены Трибуналом.

2. Организация защиты. Устав Токийского трибунала предоставлял подсудимым право защищаться лично или при помощи избранного адвоката, имеющего право выступать на суде в его родной стране, или любого другого лица, которое будет специально уполномочено на это Трибуналом. Вместе с тем предусматривалось право Трибунала отвести в любое время избранного подсудимым защитника. Однако на протяжении всего процесса Трибунал только два раза воспользовался этим правом, хотя для отводов адвокатов имелись весьма многочисленные и серьезные основания.

5 марта 1947 г. Трибунал лишил права дальнейшего участия в процессе американского адвоката Смита — защитника подсудимого Хирота — за оскорбление Суда. В самом конце процесса в октябре 1948 года Трибунал отстранил от дальнейшего участия в процессе американского адвоката Кенинхэма. Этот адвокат, по сообщению „Ассошиэйтед Пресс“, выступил 7 сентября 1948 г. на съезде американской ассоциации юристов в Сиэтле с докладом о Токийском процессе, в котором допустил оскорбительные выпады против Международного трибунала, клеветнически обвинив

судей в необъективности и несправедливости. Однако отстранение Кенинхэма имело скорее формальное, чем практическое значение, поскольку процесс фактически был закончен.

Каждого из 28 подсудимых защищали один японский и один американский адвокат, которые в свою очередь имели помощников. Поэтому в общей сложности в процессе участвовали более 90 адвокатов. Главные японские военные преступники пользовались на всем протяжении процесса такими возможностями для защиты, которых не существовало ни в судах Японии, ни в судах многих западных стран. Американские адвокаты формально считались помощниками японских. Фактически же они задавали тон всей защите, играли главную роль в судебных выступлениях, предоставляя своим японским „патронам“ черновую работу по подбору доказательств для защиты, чтению громоздких японских документов.

Американские адвокаты числились на государственной службе и получали содержание из штаба Макартура как военнослужащие армии США. Многие из них и в действительности являлись военнослужащими и во время процесса носили форму офицеров американской армии. Они были причислены к правой секции штаба Макартура и на этой основе пытались даже обосновать свое единство с обвинителями. „Господин председатель, — заявил один американский обвинитель Уэббу, — я считаю, что разделение на обвинение и защиту здесь чисто формальное. Ведь те и другие входят в состав правой секции штаба главнокомандующего союзных держав. Пожалуй, даже нельзя считать, что это — две различные стороны“.

Лидером японских адвокатов на процессе был Киэсэ Итиро, доктор юридических наук, более известный как реакционный буржуазный политический деятель, нежели как ученый. С 1920 года он четырнадцать раз избирался депутатом нижней палаты парламента, был ее председателем, а однажды занимал пост министра просвещения. В годы войны он принимал деятельное участие вместе с подсудимыми Того, Кайя, Муто и Сато в обществе „Кокусаку кэнкю кай“ (Общество по изучению государственных планов), которое по поручению правительства занималось разработ-

кой агрессивных планов против соседних государств, в частности планов захвата Советского Приморья и Забайкалья. 24 февраля 1947 г. Киэсэ должен был произнести вступительную речь защиты от имени всех подсудимых. Он столь откровенно восхвалял в ней фашистские взгляды подзащитных, столь цинично обелял совершенные ими преступления, что даже подсудимые Хирота, Хиранума, Сигэмицу, Доихара и Судзуки, ознакомившись с содержанием речи до ее оглашения, отмежевались от нее полностью, а Осима — частично. Стоит ли удивляться, что этот адвокат японских милитаристов издал в 1967 году в Токио книгу „Частные записки. Токийский процесс“, на страницах которой воспроизвел полностью свою речь и часть так называемого „Завещания Тодзио“, проникнутого духом махрового антикоммунизма и антисоветизма. Этот злопахотельский пасквиль Киэсэ пытался представить Международному трибуналу, но Трибунал отказался принять „завещание“.

Показателен и такой факт. Подсудимого Умэдзу Иосидзиро защищал его бывший подчиненный — генерал-лейтенант Икэда, занимавший в свое время пост заместителя начальника штаба японской Квантунской армии. Как установлено приговором Токийского трибунала, Икэда в 1941 году в чине генерал-майора возглавлял пятый отдел штаба Квантунской армии, который занимался разработкой оккупационного режима для намеченных к захвату советских территорий. В 1942 году Икэда по заданию Тодзио и Умэдзу выезжал в районы Южных морей для изучения установленного там японцами оккупационного режима, чтобы использовать этот „опыт“ на территориях Советского Союза. Уже по одному этому Икэда не мог оставаться защитником Умэдзу. Однако американцы считали нецелесообразным в ходе процесса менять адвоката Умэдзу.

Главных японских военных преступников защищали не только американские и японские адвокаты, но и многие высокопоставленные лица США и Англии, которые в своем стремлении спасти подсудимых не гнушались грязной клеветой на СССР и другие государства. Не случайно адвокаты подсудимых Сигэмицу, Хирота и других предья-

вили Трибуналу дипломатические документы, хранившиеся в английском министерстве иностранных дел и американском госдепартаменте, тенденциозно подобранные и услужливо предоставленные адвокатам руководителями английской и американской дипломатических служб. Не случайно также оказались в числе „свидетелей защиты“ высшие офицеры американской армии: генерал Дин, полковник Блейк и генерал Маршалл. Маленькая, но характерная деталь: удостоверения о подлинности (сертификаты) ко многим документам были подписаны лично Маршаллом.

Так же как генерал Дин, генерал Маршалл, в дни процесса ставший государственным секретарем США, снабдил адвокатов в Токио копией своего совершенно секретного доклада военному министру Соединенных Штатов о ходе кампании в Бирме и на Филиппинах. В докладе указывалось, что стремительное наступление американской армии внесло хаос в поведение войск противника. Вот на этот хаос защитники и рассчитывали сослаться, когда речь шла о японских зверствах на Филиппинах и в Бирме. Маршалл, безусловно, понимал, кому и по какому вопросу он помогает. Он уже был осведомлен о приказах начальника японской береговой обороны от декабря 1944 и января 1945 годов, в которых содержались рекомендации к массовым убийствам филиппинцев: *„Собирайте их вместе, по возможности в один пункт: таким образом вы сэкономите боеприпасы и свой труд“*; об указании начальника штаба 11-го отряда военной полиции Японии (документ был захвачен американцами на Формозе), в котором говорилось: *„Они (военнопленные) уничтожаются либо по одиночке, либо группами путем бомбежки, отравления ядовитыми дымами, ядами, утопления, обезглавливания или уничтожаются другими средствами в зависимости от обстановки. Во всяком случае, этим преследуется цель не дать ни единому человеку возможность спастись. Уничтожайте их всех до единого и не оставляйте никаких следов“*.

Высокое должностное положение Маршалла так повлияло на Узбба, что он даже пошел на нарушение установленного порядка приема доказательств. Грубейшим отступлением от Устава и общепринятых правил судопроизводства явилось решение Трибунала

от 2 апреля 1948 г. принять письменные показания Маршалла, переданные адвокатом Кенинхэмом во время своей заключительной речи, „исходя из уважения к государственной деятельности давшего показания и в знак признания его мудрости и в благодарность за то, что он потратил свое драгоценное время на составление документа большой доказательственной ценности“*. Сработала машина голосования. Несмотря на протесты обвинения большинство присутствовавших членов Трибунала высказалось за принятие показаний, хотя их доказательственная ценность была весьма сомнительна, поскольку они основывались на предположениях и находились в противоречии со многими доказательствами, ранее принятыми Трибуналом.

Подсудимые

Первоначально суду Международного военного трибунала было предано 28 человек, но во время процесса двое — Мацуока Иосукэ, бывший министр иностранных дел, и Нагано Осами, министр военно-морского флота, — умерли; Окава Сюзэй — один из авторов расистской „теории“, „отец“ японского фашизма, как страдающий прогрессивным параличом, был признан невиняемым. Во время оглашения обвинительного акта Окава неоднократно нарушал порядок в зале заседаний Трибунала, однажды он сильно ударил по голове своего сообщника Тодзио свернутым в трубку обвинительным актом. Председатель объявил перерыв, нарушителя порядка военные полицейские вывели в комнату для подсудимых. Окава отчетливо заговорил по-английски: „Тодзио дурак, я должен убить его. Я за демократию, но Америка — не демократия. Я не хочу в Америку“. Вслед за этим его речь стала невнятной. Через некоторое время он был подвергнут судебно-психиатрической экспертизе.

В заключении экспертов указывалось:

„Окава Сюзэй, 1886 года рождения, страдает психозом в результате сифилитического

* Стенограмма процесса от 2 апреля 1948 г., с. 46 409—46 423.

менингоэнцефалита. Болеет сифилисом тридцать лет. Повышенная возбудимость, мания величия, зрительные галлюцинации, неспособность к логическому мышлению... Внешний вид неряшливый, считает себя величайшим человеком мира. Пребывает в маниакальном состоянии... отдает величественные распоряжения санитарке, принимая ее за госпожу Макартур”.

Приговор, таким образом, состоялся в отношении 25 главных военных преступников. Князь Коноэ Фумимаро, который открыто поддерживал антисоветские планы, в качестве премьер-министра проводил курс на постепенное проведение в стране военно-фашистской диктатуры, был официально предупрежден* о том, что он, как военный преступник, подлежит аресту. 15 декабря 1945 г. вечером, за несколько часов до истечения срока явки в тюрьму Сугамо Коноэ устроил прием в своем роскошном дворце. Когда гости разошлись, он после двух часов ночи принял яд в своей спальне. Приехавших американских следователей заверили, что никто не предполагал самоубийства главы семьи. Только его личный секретарь Усибо Тимохико сказал: „Теперь, когда я оглядываюсь назад, для меня становится очевидным, что Коноэ не собирался отдать себя в руки американских властей”.

Весь ход подготовки к судебному процессу дает основания утверждать, что список обвиняемых, подлежащих преданию суду, был продиктован Кинану Макартуром, действовавшим по указаниям из Вашингтона, официальные круги которого решили спасти от ответственности подлинных хозяев милитаристской Японии и вдохновителей японской экспансии.

Правящие круги США постарались сохранить реальную власть в руках старых реакционных сил, убрав лишь наиболее одиозные фигуры. Они „пожертвовали” некоторыми лидерами японской милитаристской клики, имена которых были слишком ненавистны народам, пострадавшим от японской агрессии, и которые именно по этой причине не могли в дальнейшем быть использованы американскими империалистами как будущие руководители Японии.

„Жертвуй” этими полностью скомпрометировавшими себя деятелями, Вашингтон сохранял других реакционных лидеров, и в первую очередь крупнейших представителей дзайбацу, на которых империалисты США рассчитывали как на исполнителей планов возрождения военного потенциала Японии.

Более того, многие главные военные преступники, арестованные непосредственно после безоговорочной капитуляции Японии, были освобождены Макартуром. Так, по его приказу 30 августа 1947 г. освободили группу, состоявшую из 23 военных преступников, в числе которых находились Аюкава, Накадзима и другие представители дзайбацу. Они были освобождены по рекомендации главного обвинителя на Токийском процессе Кинана. Что касается представителей дзайбацу, то Кинан не удовлетворялся их освобождением, он даже попытался подвести под это „теоретическую базу”: „В Германии, — заявил он, как писала „Дзидзи симпо” 13 октября 1947 г. — промышленники держали стремя, когда Гитлер садился на свое чудовище. Японские же банкиры и руководящие коммерсанты, если и держали стремя, то только под дулом наведенного пистолета”.

В середине 1946 года Макартур освободил из тюрьмы Икэда Сэйхин, который в разное время был министром финансов, министром торговли и промышленности, президентом государственного банка, являлся руководителем крупнейшей монополии.

В конце декабря 1948 года при прямом содействии Кинана Макартур освободил из тюрем всех содержащихся там военных преступников, обвинявшихся в преступлениях против мира.

При штабе Макартура была создана комиссия по делам досрочного освобождения осужденных военных преступников, которую возглавил ответственный сотрудник штаба Хэген. Комиссия освободила многих военных преступников, осужденных американскими оккупационными военными судами в Японии и в других пунктах Дальнего Востока. В конце 1949 года комиссия досрочно освободила 45 таких преступников.

7 марта 1950 г. Макартур издал так называемый циркуляр № 5, в котором уже пря-

* Об этом см. на с. 51—52.

мо было сказано, что все военные преступники, отбывающие к тому времени заключение по приговорам судов (всех без исключения. — М.Р.), могут быть досрочно освобождены.

Это незаконное самоуправное распоряжение Макартура вызвало возмущение во многих странах.

В Ноте Советского правительства правительству США от 11 мая 1950 г. говорилось:

„Как известно, в Японии отбывают наказание 16 главных военных преступников, приговоренных Международным военным трибуналом для Дальнего Востока к тюремному заключению за тяжчайшие преступления против человечества. Циркуляр главнокомандующего (Макартура. — М.Р.) представляет собой попытку односторонним распоряжением освободить главных японских военных преступников от отбывания наказания, определенного вошедшим в законную силу приговором Международного трибунала, в котором принимали участие... (идет перечень 11 государств. — М.Р.). Такие действия главнокомандующего, направленные на то, чтобы изменить или вовсе отменить решение Международного Суда, представляют собой грубое нарушение элементарных норм и принципов международного права“.

Нота Советского правительства содержала солидное правовое обоснование недопустимости односторонним актом подвергнуть ревизии приговор Международного трибунала. Советское правительство настаивало на отмене правительством США незаконного циркуляра своего ставленника Макартура, восстанавливающего кадры агрессоров и палачей, имеющих большой опыт в разжигании преступной войны.

Политика сговора и сближения с японскими реакционными кругами проводилась США сознательно и в полном противоречии с решениями союзных держав. Деятельность американских оккупационных властей в побежденной Японии показала, что США намерены игнорировать Потсдамскую декларацию. Основная цель американской оккупационной политики в отношении Японии определялась стремлением сохранить прежние реакционные учреждения, лишь приспособив их к потребностям американских

оккупантов, оставить государственную власть в руках монополистической буржуазии и полуфеодалных помещиков. 14 сентября 1945 г. газета „Дейли Уоркер“ писала, что Макартур и его друзья в Вашингтоне уже принимают меры, чтобы сохранить Японию сильной, милитаристской в обмен на ее дружбу с Америкой, что Макартур и его штаб устанавливают тесные связи с японскими фашистами и крупными капиталистами.

В изданной в 1964 году в Нью-Йорке книге Макартура содержится его весьма ценное признание, которое, пожалуй, следует привести полностью: *„Ничто не доставляло мне столько хлопот, как Международный трибунал над японскими военными преступниками в Токио, — писал в своих мемуарах Макартур. — Я всегда был против этих судов над государственными и военными деятелями, которые вели войну. Что касается японцев, я предлагал ограничиться обвинением лишь тех, кто организовал нападение на Перл-Харбор. К сожалению, этот вопрос был вне моей компетенции. Однако меня удивило спокойствие, с которым этот суд был встречен в Японии. Потсдамская декларация, — писал он далее, — требовала наказания всех лиц, которые принимали участие в развертывании войны, всех милитаристов и ультранационалистов. Я сильно сомневался в правильности этого решения, так как оно вело к отстранению от активной деятельности способных людей, необходимых для строительства новой Японии. Но я был вынужден дать ход выполнению этого указания, так как это было весьма популярно среди японского населения и отказ от наказания военных преступников мог привести к осложнениям и создать трудности для оккупации“.*

Вряд ли есть необходимость в комментировании этих признаний Макартура.

Освобождение представителей дзайбацу было важным звеном в цепи мероприятий США по превращению Японии в военнопromышленный антисоветский бастион, в своего покладистого младшего партнера.

Обвинитель от СССР, С.А.Голунский, сгруппировал подсудимых так: премьер-министры, военные деятели, дипломаты, идеологи японского империализма и прочие.

В своем изложении мы будем придерживаться этого критерия.

Тодзио Хидэки — бывший начальник штаба Квантунской армии, военный министр, премьер-министр до июля 1944 года, лидер милитаристской клики, активнейший проводник агрессивной политики против СССР. Еще в бытность свою начальником жандармерии Квантунской армии Тодзио вел активную подрывную деятельность против Советского Союза. В последующие годы он приложил много усилий к превращению Маньчжурии в военный плацдарм для нападения на СССР, был автором стратегических планов агрессивных войн против Советского Союза и Монгольской Народной Республики, сыграл большую роль в заключении военно-политического сговора с гитлеровской Германией, в вовлечении Японии во вторую мировую войну.

Приговорен к смертной казни и повешен.

Хиранума Киитиро — премьер-министр, председатель Тайного совета при императоре в 1945 году, руководитель монархо-фашистской организации „Коку хон ся“ („Общества строительства основ государства“), считался „отцом“ японского фашизма; на любом посту Хиранума всегда был теснейшим образом связан с милитаристскими кругами, агрессивные замыслы которых он полностью разделял и проводил в жизнь.

Приговорен к пожизненному тюремному заключению.

Хирота Коки — премьер-министр и министр иностранных дел, советник при кабинете министров в 1945 году, играл исключительную роль в реализации планов японского милитаризма.

Приговорен к смертной казни и повешен.

Койсо Куниаки — министр колоний, генерал-губернатор Кореи, премьер-министр с июля 1944 до апреля 1945 года. Усилия правительства Койсо были направлены на то, чтобы максимально затянуть войну, напасть на СССР, а затем попытаться заключить сепаратный мир с американцами и англичанами, убедив их в том, что Япония выполняет „священную миссию по борьбе с коммунизмом“.

Приговорен к пожизненному тюремному заключению.

Араки Садао — военный министр, министр просвещения, советник при кабинете министров в 1940—1945 гг., признанный „идеолог“ крайних экспансионистских кругов японской военщины, покровитель ряда фашистских организаций, в том числе созданного при участии крупного капиталиста Иосихара монархо-фашистского общества „Дзимму“, оголтелый враг Советского Союза. В период японской интервенции на Дальнем Востоке, когда для захвата дальневосточных земель Япония направила 11 пехотных дивизий численностью около 175 тыс. человек, а также крупные военные корабли и морскую пехоту, Араки являлся главой миссии при „верховном правителе“ Колчаке и всячески помогал контрреволюции в борьбе против рабочих и крестьян. В 1933 году на совещании губернаторов призывал к войне против СССР, предлагая „военным путем овладеть территориями Приморья, Забайкалья и Сибири“. В августе 1941 года, в интервью с секретарем „Ассоциации помощи трону“ Исивата, Араки требовал ускорить нападение на Советский Союз, чтобы осуществить то, чего Японии не удалось совершить в период интервенции. Всю свою жизнь Араки, какой бы пост он ни занимал, всегда был активным заговорщиком против мира, организатором агрессивных войн.

Приговорен к пожизненному лишению свободы.

Доихара Кэндзи — комендант г. Мукдена и организатор провокации, послужившей началом захвата Маньчжурии в 1931 году, занимал высокие командные посты, член высшего военного совета, командующий 7-й армией в Сингапуре, генерал-инспектор военного обучения в 1945 году, признанный мастер провокаций и шпионажа, прозванный японским Лоуренсом*. Он был организатором взрыва поезда Чжан Цзолиня**, вывоза из Китая последнего представителя

* Известный английский разведчик.

** Об этом см. Фотодокументы.

императорской династии Генри Пу И*, чтобы сделать из него марионеточного императора захваченной японцами Маньчжурии. Доихара принимал участие в ведении агрессивных войн, в частности против СССР и Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол.

По приговору трибунала повешен.

Итагаки Сэйсиро — начальник штаба Квантунской армии, военный министр, начальник штаба японской армии в Китае, командующий японской армией в Корее в 1941—1945 гг.; его имя неразрывно связано со всеми важнейшими актами японской агрессии против Советского Союза с целью отторжения его дальневосточных областей и создания „великой Японии до Байкала“. Итагаки — один из лидеров наиболее реакционного „молодого офицерства“, сторонник захватнической, террористической политики, не останавливающийся ни перед провоцированием любых „инцидентов“, ни перед убийством политических противников; вдохновлял агрессивные войны против СССР и Монгольской Народной Республики в районе озера Хасан и реки Халхин-Гол. Итагаки в качестве начальника штаба Квантунской армии и военного министра играл виднейшую роль в разработке планов нападения на Советский Союз.

Приговорен к смертной казни и повешен.

Умэдзу Иосидзиро — в 1935 году командовал японскими войсками в Тяньцзине (Китай), военный министр, командующий Квантунской армией, начальник генерального штаба армии по 1945 год, представитель наиболее реакционной части японской военной, на протяжении длительного времени непосредственно руководил планированием агрессивных войн против многих стран; всегда был сторонником военно-стратегического союза с Германией и активно участвовал в заключении „антикоминтерновского пакта“. Еще в 1932 году, занимая видный пост в японском генеральном штабе, Умэдзу участвовал в разработке плана нападения на Советский Союз, которое наме-

чалось на 1934 год. Занимая должность начальника генерального штаба сухопутных войск Японии, Умэдзу оказывал большую помощь гитлеровской Германии. Он непосредственно руководил приготовлениями к агрессивной войне против СССР, разработкой плана подготовки Японии к войне против СССР. Именно он разрабатывал план захвата Владивостока, Хабаровска, Благовещенска и ряда других городов Советского Дальнего Востока (план „Кан Току Эн“).

Приговорен к пожизненному тюремному заключению.

Хата Сюнроку — член Высшего военного совета при императоре Японии, военный министр, командующий Экспедиционными войсками в Центральном Китае в 1940—1944 гг. (Хата настаивал на заключении военного союза с гитлеровской Германией и на создании внутри Японии единой политической организации фашистского типа), активный участник реализации захватнических планов японского империализма.

Приговорен к пожизненному тюремному заключению.

Кимура Хэйтаро — начальник штаба Квантунской армии, вице-военный министр в 1941—1944 гг., член Высшего военного совета, командующий японской армией в Бирме по 1945 год, один из лидеров преступной милитаристской клики, активный участник заговора против мира и человечества, палач бирманского народа.

Повешен по приговору Токийского трибунала.

Мацуи Иванэ — начальник разведывательного отдела генерального штаба, член Высшего военного совета, командующий японскими войсками в Центральном Китае, советник при кабинете министров, председатель общества „по развитию великой Восточной Азии“, советник „Ассоциации помощи трону“. На протяжении десятилетий являлся активнейшим участником заговора против мира и безопасности народов, организатор кровавых провокаций и преступных агрессий, виновник гибели сотен тысяч людей и их экономического ограбления в интересах дзайбацу.

Приговорен к смертной казни и повешен.

* Генри Пу И был осужден китайским судом за измену Родине. Досрочно освобожден маоистами в 1959 году.

Минами Дзиро — военный министр, член Высшего военного совета с 1931 года, командующий Квантунской армией, генерал-губернатор Кореи, член Тайного совета в 1942–1945 гг., президент общества „Великая Япония“, старейший лидер японской милитаристской клики: еще в 1928 году, будучи заместителем начальника генерального штаба, руководил разработкой планов нападения на Советский Союз и организовывал диверсионные акты против СССР. Минами активно участвовал в захвате Маньчжурии и превращении ее в военный плацдарм для агрессивных войн против соседних государств. Играл видную роль в осуществлении планов японских заговорщиков по созданию так называемой „сферы сотрудничества великой Восточной Азии“.

Приговорен к пожизненному лишению свободы.

Муто Акира — начальник 1-го отдела генерального штаба, начальник бюро военных дел военного министерства, занимал высшие военные должности в японских оккупационных войсках на Суматре и Филиппинах, один из руководителей наиболее агрессивной фашистской военщины, активнейший участник заговора против мира, виновник чудовищных злодеяний против человечности. Принимал участие в разработке в 1938 и последующие годы планов вторжения в СССР и захвате городов Ворошилова, Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, Куйбышевки, Комсомольска, Совгавани, Николаевска-на-Амуре, Петропавловска-на-Камчатке, а также Северного Сахалина.

Приговорен к смертной казни и повешен.

Сато Кэирио — начальник бюро военных дел военного министерства в 1942–1944 гг., активный участник заговора против мира, принимал участие в захвате Маньчжурии и ведении агрессивных войн против США, Англии и Голландии.

Приговорен к пожизненному лишению свободы.

Ока Такасуми — начальник бюро общих и военных дел морского министерства, вице-морской министр, в 1944 году командующий военно-морской базой в Корее. Ак-

тивный участник заговора против мира, принимал участие в захвате Маньчжурии и ведении агрессивной войны против США, Англии и Голландии.

Приговорен к пожизненному лишению свободы.

Симада Сигэтаро — заместитель начальника генерального штаба флота, командующий флотом, морской министр. Признан виновным в участии в заговоре против мира, захвате Маньчжурии, ведении агрессивных войн против США, Англии и Голландии.

Приговорен к пожизненному лишению свободы.

Осима Хироси — генерал-лейтенант, военный атташе в Берлине, японский посол в Берлине с 1938 по 1945 год. Один из активнейших заговорщиков против мира и человечества, соучастник в реализации агрессивных планов гитлеровской Германии, подстрекатель к нападению на Советский Союз, играл важную роль в создании пресловутой оси „Берлин — Токио — Рим“.

Приговорен к пожизненному лишению свободы.

Сиратори Тосио — с 1936 по 1940 год посол Японии в Скандинавских странах и в Риме, советник министерства иностранных дел по 1945 год. Принимал активное участие в заговоре против мира и человечества, играл видную роль в создании так называемой оси „Берлин — Токио — Рим“, соучастник в реализации агрессивных планов фашистской Италии.

Приговорен к пожизненному лишению свободы.

Сигэмицу Мамору — посол в Китае, вице-министр иностранных дел в 1933–1936 гг., посол в Москве в 1936–1938 гг., посол в Лондоне в 1938–1941 гг., министр иностранных дел в 1943–1945 гг. и одновременно с 1944 года — министр по делам „великой Восточной Азии“. Даже среди японских империалистов он выделялся своим лицемерием и коварством. Весной 1938 года для прикрытия военных приготовлений к нападению на СССР по сговору с Итаки нагло потребовал передачи Японии якобы спор-

ных территорий на границе между Маньчжурией и Советским Приморьем; в январе 1945 года, выступая в парламенте, заявил, что японское правительство намерено вести войну вместе со своим союзником — гитлеровской Германией — до конца и любой ценой, а через некоторое время вступил в закулисные махинации со штабом Макартура. Были представлены доказательства, избличающие его как соучастника заговора против мира и ведения ряда агрессивных войн, в особенности против Советского Союза.

Приговорен к 7 годам лишения свободы.

Того Сигэнори — посол в Берлине, в Москве, в 1941—1942 гг. — министр иностранных дел и министр колоний, с апреля 1945 г. — министр иностранных дел и одновременно министр по делам „великой Восточной Азии“. Адмирал Того — старейший представитель милитаристской клики, участник заговора против мира, активно участвовал в захвате Маньчжурии, в ведении агрессивных войн против США, Англии и Голландии.

Приговорен к 20 годам лишения свободы.

Кайя Окинори — министр финансов, председатель компании „по развитию Северного Китая“. Активный участник заговора против мира и человечества. Проводил усиленную милитаризацию японской экономики, подчиняя ее интересам агрессивной войны; участвовал в ведении агрессивных войн против Китая, США, Англии, Голландии, в эксплуатации и разграблении природных богатств Китая.

Приговорен к пожизненному лишению свободы.

Судзуки Тэйити — генерал-лейтенант, президент „комитета по китайским делам“ и планового комитета при кабинете министров, министр без портфеля, советник при кабинете министров в 1943—1945 гг., один из руководителей „Ассоциации помощи трону“.

Признан виновным в активном участии в заговоре против мира и человечества, в ведении агрессивных войн против Китая, США, Англии и Голландии.

Приговорен к пожизненному лишению свободы.

Хосино Наоки — фактический руководитель министерства финансов, а затем и премьер-министр Маньчжоу-го, президент планового комитета при кабинете министров Японии, вице-премьер-министр Японии в 1941—1944 гг. Признан виновным в активном участии в заговоре против мира и человечества, в захвате Маньчжурии, в ведении агрессивных войн против США, Англии и Голландии.

Приговорен к пожизненному лишению свободы.

Хасимото Кингоро — идеолог японского милитаризма и агрессии, организатор фашистского движения молодежи, участник „нанкинской резни“ 1937 года, один из организаторов „Ассоциации помощи трону“, издатель и редактор органа фашистской молодежи „Тайо-дай-ниппон“.

Признан виновным в активном участии в заговоре против мира и человечества и в агрессивной войне против Китая. В опубликованной 5 января 1942 г. статье „Сфера великой Восточной Азии под гегемонией империи“ Хасимото призывал к захвату наряду с Китаем Индокитая, Бирмы, Малайи, Индии и Советского Дальнего Востока.

Приговорен к пожизненному лишению свободы.

Кидо Коити — маркиз, министр просвещения, министр здравоохранения, министр двора, лорд-хранитель печати и главный тайный советник императора в 1940—1945 гг.

Кидо признан виновным в активном участии в заговоре против мира и человечества, в ведении агрессивных войн против Китая, США, Англии и Голландии.

Приговорен к пожизненному лишению свободы.

В связи с арестом Кидо в книге Л. Н. Смирнова и Е. Б. Зайцева „Суд в Токио“ (М., 1978) приводится весьма знаменательный факт, характеризующий практику привлечения к ответственности японских военных преступников. Макартур установил „своеобразный“ порядок их ареста: вначале парламент должен был лишить этих лиц парламентской неприкосновенности и издать

приказ об аресте. В приказе указывалась дата, когда главный военный преступник сам должен явиться в тюрьму Сугамо. Обычно на это предоставлялось десять — пятнадцать дней.

Авторы совершенно правильно отмечают, что установленная Макартуром процедура вредила правосудию: за это время потенциальный подсудимый мог хорошо „подготовиться” к предстоящему обыску, обработать нужных свидетелей или вообще попытаться избежать неприятной встречи с правосудием.

Сказанное следует дополнить еще тем, что некоторые обвиняемые находились до суда под домашним арестом. Например, Хиранума жил в своем доме, там его допрашивали американские следователи, причем при допросах неизменно присутствовала жена Хиранума, к помощи которой он часто прибегал для „освежения своей памяти”. Ранее отмечалось, что подсудимый Мацуока Ёсукэ умер в июне 1946 года в ходе процесса, и дело о нем Трибуналом прекращено. Однако Мацуока настолько одиозная фигура, что о его преступной деятельности следует хотя бы кратко сказать. Будучи министром иностранных дел и инструктируя в 1941 году японского посла в Вашингтоне Номура накануне переговоров с правительством США по поводу притязаний Японии в Восточной и Юго-Восточной Азии, Мацуока, в частности, дал указание предупредить американскую сторону, что, если даже Америка заставит Японию сдаться и навяжет ей жестокий договор, вроде Версальского, Япония разорвет эти путы и обязательства в течение тридцати лет по примеру Германии.

Японские империалисты, по сути дела, и не стремились разрешить противоречия с Америкой путем переговоров, сами переговоры служили лишь прикрытием подготовки к нападению на Пёрл-Харбор.

Уже тогда, в феврале 1941 года, Мацуока предвидел не только возможность поражения в борьбе с более сильным хищником, но и реванша при помощи тех же сил, которые помогли Германии. Однако он, разумеется, не мог предполагать, что окажется свидетелем сокрушительного поражения Японии и что ее преступные главарь, вклю-

чая и его самого, займут скамью подсудимых на Токийском процессе.

Хоронили Мацуока торжественно. На траурную церемонию прибыли первый послевоенный премьер Японии Сидэхара и его преемник Иосида Сигэру. Память Мацуока — одного из активных поджигателей второй мировой войны, лжеца и лицемера, ярого поклонника Гитлера — почтили все японские и американские адвокаты. Все эти почести воздавались не случайно. Люди, подобные Мацуока, были нужны силам международной реакции.

Как видно из приведенных данных о подсудимых, среди них находились люди, занимавшие разные посты в государственном аппарате и пришедшие на эти посты в разное время и разными путями. Но их объединяло то, что все они являлись лидерами правящей клики Японии, все (хотя и в разной мере) участвовали в чудовищном заговоре против мира и человечества, все в ущерб интересам японского народа планировали и осуществляли агрессивные войны ради увеличения прибылей монополий.

Главный обвинитель Кинан в обвинительной речи, говоря о вероломстве японских милитаристов, подчеркнул: „Договоры, соглашения и обязательства рассматривались ими как пустые слова, никчемные бумажки... Их целью было навязать миру господство силой”.

Тактика подсудимых и их защитников

Перед судом Международного военного трибунала в Токио предстала опасная банда заговорщиков, которая не сложила оружие даже на суде, не проявила и малейших признаков раскаяния. Как справедливо отметил в своем выступлении обвинитель от СССР А.Н.Васильев, лидеры правящей клики империалистической Японии на суде продолжали „активно защищать свою преступную агрессивную политику, которая принесла неисчислимые бедствия и страдания миллионам людей”.

Подсудимые в качестве тактического приема избрали полное отрицание своей вины. Когда же в качестве неопровержимых доказательств им приводили японские документы, они ссылались на незнание

изобличающих их фактов и документов или свою забывчивость. К тому же вследствие попустительства Макартура и его штаба была возможность уничтожить многие секретные архивы. Доихара, Хата, Хиранума, Хирота, Хосино, Кимура, Сато, Сигэмицу, Умэдзу отказались от дачи показаний.

Более разнообразными были тактические приемы защитников подсудимых. Однако тех и других объединяла цель: любыми способами сорвать процесс либо затянуть его, выиграть время в надежде на обострение, разногласий между судьями, сделать невозможным вынесение приговора. Особенно нагло вели себя американские адвокаты, которые руководили всей защитой. Их поведение на процессе не раз вызывало возмущение мирового общественного мнения.

Для того чтобы добиться оправдания своих подзащитных, американские адвокаты прибегали к всевозможным нечестным приемам: запугивали свидетелей, всячески склоняли их к заведомо ложным показаниям в пользу подсудимых, тенденциозно подтасовывали факты и документы, представляли недоброкачественные доказательства, в частности сомнительного происхождения документы, зачитывали и представляли фальшивки, однажды уже отклоненные Трибуналом.

Приведем несколько примеров из выступлений американских адвокатов на Токийском процессе.

Пример первый. 14 мая 1946 г. на одном из заседаний Трибунала обсуждались ходатайства защиты об исключении из обвинительного акта некоторых пунктов. В частности, такое ходатайство было заявлено относительно пункта, вменявшего подсудимым в вину умышленное убийство американского адмирала Кидда и значительного числа американских офицеров и матросов во время нападения японцев 7 декабря 1941 г. на американский флот в Перл-Харборе.

Излагая доводы защиты, американский адвокат майор Блекни заявил:

„Если гибель адмирала Кидда при налете на Перл-Харбор является убийством, то мы знаем имя того человека, руками которого была сброшена атомная бомба на Хироси-

му, мы знаем начальника штаба, который составил план этой операции, мы знаем главнокомандующего ответственного за это государства“*.

Несомненно, что основания для такого сопоставления имеются, но такое сопоставление не могло служить доводом в оправдание преступлений, совершенных японскими агрессорами.

Пример второй. В процессе допроса в качестве свидетеля обвинения японской марионетки Генри Пу И** тот же адвокат Блекни предъявил свидетелю для опознания его письмо к подсудимому Минами. Пу И заявил, что это письмо подложное. Майор Блекни попытался спрятать письмо, но обвинитель потребовал, чтобы оно было передано Трибуналу. В последующем это письмо было использовано обвинением для разоблачения махинаций защиты, пытавшейся представить суду явную фальшивку.

При допросе Пу И адвокаты применяли недобросовестные приемы, чтобы дискредитировать свидетеля в глазах судей. Так, чтобы доказать отсутствие у него моральных устоев, его политическую беспринципность, перешедшую в прямую измену своей родине, адвокаты повели на него яростную атаку. Ведущий в этой атаке был все тот же Блекни. Вот несколько из заданных им вопросов.

* Стенограмма процесса от 14 мая 1946 г., с. 212.

** В 1909 году в возрасте трех лет Пу И был введен на китайский престол, а через два года — низложен в связи с революцией 1911 года. Но жил он безбедно, так как китайское правительство ежегодно отпускало императорской семье четыре миллиона китайских долларов. В начале 30-х годов Пу И перешел в услужение к японским империалистам.

Генри Пу И был взят в плен советскими войсками. Вот как описывают его пленение авторы книги „Суд в Токио“: когда наш авиадесант 19 августа 1945 г. занял мукденский аэродром, к советскому офицеру подошел высокий китаец в роговых очках и отлично сшитом костюме. Подошедший сказал, что он — император Маньчжоу-го Генри Пу И — просит отделить его от группы взятых в плен японских генералов и передает себя в руки советского командования. Он сдался, потому что нельзя было скрыться и потому что опасался за свою жизнь — уж слишком многое он знал о преступлениях японских агрессоров.

- Вопрос:** *Платили ли вам регулярно четыре миллиона долларов до того времени, когда вас вновь пытались возвести на трон?*
- Ответ:** *Предполагалось, что эта сумма будет нам выдаваться, но правительство находилось в финансовых затруднениях. Поэтому нам платили неаккуратно. Время от времени нам давали несколько сот тысяч долларов, а однажды — миллион.*
- Вопрос:** *Продолжалось ли это и после вашего вторичного свержения с трона?*
- Ответ:** *Да.*

Путем многочисленных и ловко поставленных вопросов Блекни доказывал, что предположение о японском принуждении в отношении Пу И несостоятельно. Однако Пу И твердо стоял на своей главной позиции: он стал жертвой страха и принуждения. Он заявил в ответ на вопрос адвоката: „Я уже ответил. По-моему, вам мало поможет, если вы будете продолжать задавать мне один и тот же вопрос. Меня угнетали все последние десять лет. Конечно, я хотел бы рассказать моим друзьям и широкой публике обо всем, что пережил. Я уже дал вам ответ. Может быть, вам это и не понравится, вы как защитник, конечно, хотели бы исказить правду, но я заявляю, что все, что мною здесь сказано, правда“.

Пу И подробно рассказал, как после вступления СССР в войну с Японией министр двора Иосиока силой заставил его вместе

с семьей покинуть Синьцзин, где они тогда находились, и отправиться в Токио, предварительно подписав, неизвестно для чего, акт об отречении от маньчжурского престола, который номинально числился за ним одиннадцать лет. Пу И утверждал, что цель отправки — заставить его и семью молчать, убив их всех, так как японцы уже знали, что освобождение Маньчжурии началось.

После этих показаний Пу И Блекни решается на вопрос свидетелю: знает ли он, что китайское правительство намерено судить его как преступника за сотрудничество с японцами?

Трибунал снял этот вопрос. И Блекни задает последний вопрос Пу И в надежде получить ответ, который смог бы использовать для антисоветской провокации.

Вопрос: *Является ли что-либо из того, что вы здесь показали, результатом угрозы или каких-либо обещаний вам?*

Ответ: *Мне ничем не угрожали и ничего не обещали. Я говорю правду.*

Пример третий. О событиях в районе озера Хасан дает показания свидетель — Герой Советского Союза П.Ф.Терешкин. Он был начальником пограничной заставы во время японской агрессии. Американский адвокат Фернес лезет из кожи вон, чтобы подорвать доверие к свидетелю. После реплики пред-

седательствующего о бесполезности проводимого этим адвокатам допроса Фернес признает: „Частично моей целью было подорвать доверие к этому свидетелю и показать его предубежденность“.

Каким же способом решил добиться этого Фернес? Обратимся к стенограмме процесса:

- Адвокат:** *Советский Союз не держал шпионов или секретных агентов на другой стороне границы?*
- Терешкин:** *Это вопрос не моей компетенции.*
- Адвокат:** *Можете ли Вы ответить на вопрос, безразлично — касается ли он Вас или нет?*
- Терешкин:** *Пока я был на границе, я охранял ее вместе с пограничниками.*
- Адвокат:** *Вы командовали пограничниками, не так ли?*
- Терешкин:** *Я был начальником пограничной заставы.*

Адвокат: *И у Вас не было шпионов или секретных агентов, которые посылали бы Вам донесения как своему офицеру?*

Терешкин: *Нет.*

Адвокат: *И, поскольку Вы знаете, другие офицеры Советского Союза не имели таких шпионов и секретных агентов на другой стороне границы?*

Терешкин: *Вы говорите о секретных агентах, но если они были секретными, как же я мог знать о них?*

Адвокат
(раздраженно): *Я Вас спрашиваю, у Вас были шпионы, не правда ли?*

Терешкин: *Я повторяю, что моей обязанностью было охранять границу. Я не вел шпионской деятельности.*

Так закончилась недобросовестная попытка американского адвоката бросить тень на советского свидетеля.

Излюбленным приемом защитников были заявления явно необоснованных отводов судей. Так, ими был заявлен отвод председателю Трибунала Узббу по той причине, что он до назначения в Токио по поручению своего правительства расследовал японские зверства на одном из островов Тихого океана. Отвод был отклонен. Отвод судье от Филиппин Джаранилле был заявлен потому, что тот находился в японском плену и испытал на себе все ужасы „марша смерти на Батаане“, когда в 1942 году японцы на Филиппинах перегоняли пленных*, а потому не сумеет быть беспристрастным. Отвод против Джараниллы был отклонен председательствующим со следующей мотивировкой: „Ни я, ни мои коллеги не вправе отменить назначение, сделанное генералом Макартуром“.

На первых же заседаниях защитники пытались оспорить правомочность Трибунала судить главных японских военных преступников. Так, лидер японских адвокатов Киёсэ Итиро 13 мая 1946 г. заявил, что союзные державы не имеют права включать в Устав Трибунала преступления против мира и делать их наказуемыми, что агрессивная война сама по себе не является незаконной и преступной, что война является актом государства, а за такие акты

в международном праве не существует индивидуальной ответственности и т.п.

Американский адвокат Кенинхэм в своем выступлении 8 октября 1946 г. заявил: „...юрисдикция Трибунала распространяется на территорию, где власть принадлежит генералу Макартуру, а поэтому затрагивание соглашений, пактов или союзов, заключенных в Европе, выходит за рамки юрисдикции Трибунала“. Это заявление было настолько вызывающим, что на него последовал резкий ответ председательствующего: „...Ваше возражение чрезвычайно глупо. По-моему, вы даже обращаетесь не к нам, а к публике“.

Трибунал отверг притязания защиты, а в приговоре убедительно показал их юридическую несостоятельность.

На Токийском процессе и после его окончания защита пыталась отрицать возможность наказания подсудимых под тем предлогом, что японское правительство, подписав акт о капитуляции, якобы не согласилось на предание суду лиц, ответственных за развязывание и ведение войны, что капитуляция Японии как бы и не совсем капитуляция и т.п. Трибунал отверг и эти попытки как неосновательные, исходя из анализа акта о капитуляции, заявления императора Японии и правительства от 14 августа 1945 г. и Потсдамских документов. В Приговоре говорится: „Трибунал считает, что перед подписанием акта о капитуляции японское правительство изучило акт о капитуляции и не возражало против того, что будут судимы те, кто ответствен за войну. За три недели до подписания акта о капитуляции — 10 августа 1945 г. император сказал подсу-

* Во время переброски из Батаана в лагерь О'Доннелл умерло примерно 8 тыс. американских и филиппинских военнопленных. В лагере О'Доннелл с апреля по декабрь 1942 года умерло не менее 27 тыс. американцев и филиппинцев.

димому Кидо: „Для меня невыносимо, что должны быть наказаны те, кто ответствен за войну. Но я думаю, что теперь настало время выносить невыносимое“.

Приговор также отверг доводы защиты о том, что некоторые подсудимые неподсудны Международному военному трибуналу, поскольку они были взяты в плен, и поэтому на них якобы распространяется статус военнопленных. Трибунал признал, что положения Женевской конвенции о военнопленных не могут быть распространены на военных преступников, совершивших свои преступления до их пленения.

Американский адвокат капитан Брукс избрал способом затягивания процесса заявление всевозможных заведомо необоснованных ходатайств и возражений. На замечание председателя: „...Вы говорите слыш-

ком долго... Мы убедительно просим защиту об экономии нашего времени“ Брукс цинично ответил: „Я сделал возражение исключительно для того, чтобы оно было занесено в протокол“.

Некоторые американские адвокаты превращали перекрестные допросы свидетелей, вызванных обвинителями, в обструкцию Трибуналу.

Вот один из многих примеров.

2 августа 1946 г. на судебном заседании давал показания свидетель Маэда, который сообщил о системе и программах милитаризации средних и высших школ, где молодежи повседневно прививалось стремление к захвату чужих территорий и порабощению народов. Допрос свидетеля адвокатом капитаном Клейманом протекал следующим образом:

Адвокат: *Вы сказали, что армейские офицеры инструктировали директоров школ по вопросам учебной программы. Скажите, разве в учебной программе для элементарной школы не был предусмотрен японский язык?*

Председатель: *Разве мог японский язык преподаваться в японской школе?*

Адвокат: *Если угодно Трибуналу, я сейчас искренне стараюсь получить ответ на вопрос, который интересовал суд еще два месяца тому назад: что же представляли собой эти учебные программы? Это ни разу не было выяснено обвинением, и мы, защита, хотим сделать картину ясной для Трибунала. Если Трибуналу неудобны эти вопросы, я могу от них отказаться.*

Председатель: *Трибунал не хочет, чтобы этот вопрос был задан.*

Адвокат: *Хорошо... Я перехожу к следующему вопросу: предусматривалась ли арифметика для этих учащихся?*

Председатель: *...Это невозможно. Дело принимает серьезный оборот. Вы, капитан Клейман, перед Международным военным трибуналом, который судит бывших руководителей японской империи за величайшие преступления, совершенные когда-либо в отношении людей.*

Адвокат: *Если угодно, ваша честь*, мне важно для данной стадии дела показать, что подобные программы... имелись в школах любой страны мира.*

Председатель: *Продолжайте спрашивать!*

Адвокат: *...Были ли музыка, рисование, японская история, рукоделие предусмотрены для этих школ?*

Председатель: *Свидетель не должен на это отвечать.*

Адвокат: *Я не имею больше вопросов**.*

* Форма обращения к председательствующему в англо-американских судах.

** Стенограммы ..., с. 3124, 3146

Свидетель обвинения Танака Рюкити в суде дал важные показания. Американский адвокат Логан с целью дискредитации свидетеля задает ему такого рода вопросы: „Не болели вы психической болезнью?“, „Не обещало ли вам обвинение неприкосновенность, если вы дадите выгодные для обвинения показания?“. Когда этими вопросами не удалось дискредитировать свидетеля, Логан заявил: „Этому человеку не место здесь в суде в качестве свидетеля, он должен сидеть на скамье подсудимых, так как он в свое время был начальником жандармерии“. Обвинителю пришлось выступить со специальной справкой о том, что Танака никогда в жандармерии не служил и что, таким образом, заявление адвоката не соответствует действительности.

Американские адвокаты не останавливались перед подтасовкой доказательств, передержкой в цитировании документов и тому подобными приемами.

Майор Блекни, например, был уличен советским обвинителем в подтасовке содержания весьма важного документа, представленного в качестве доказательства. Речь шла о решении, принятом на совещании с участием императора японским правительством 6 сентября 1941 г.: тайно вооружаясь против Советского Союза, выжидать благоприятного для нападения момента, маскируя подготовку дипломатическими переговорами. Совещание от 6 сентября по существу было сговором преступников о том, как лучше замести следы и какой ответ дать, если военные приготовления будут замечены Советским Союзом и тот потребует объяснений.

В решении этого совещания было записано: „В случае если возникнет вопрос об отношении Японии к Советскому Союзу, *мы ответим, что* (курсив мой. — М.Р.) Япония не возьмет на себя инициативу начать военные действия...“

Советские обвинители представили по этому разделу обвинения 174 различных документа, в том числе 24 письменных свидетельских показания. Было допрошено семь свидетелей, из них пять — японцы. Против представленных доказательств адвокаты выдвинули 111 возражений. Советские обвинители доказали необоснованность выдвинутых возражений, и эти возражения были отклонены Трибуналом.

Блекни, цитируя это место из решения, пропускает слова „мы ответим, что“, и тогда цитата приобретает иной смысл. В данном случае, как было установлено, имела место не случайная ошибка, а умышленное искажение адвокатом текста документа.

Несмотря на все ухищрения защитников главных японских военных преступников, сорвать процесс им не удалось.

Доказательства

Большое число эпизодов, подлежащих рассмотрению Трибуналом, и обилие доказательственных материалов, которые должны были представить обвинители, привели к необходимости систематизировать доказательства применительно к пунктам и разделам обвинительного акта. Такая систематизация была осуществлена.

При распределении главным обвинителем разделов обвинения между обвинителями придерживались принципа, что доказательства по тому или иному разделу обвинения представляет обвинитель от того государства, которого исследуемый эпизод касается больше всего.

Однако не обошлось без отступлений от этого принципа. Китайскому обвинителю было поручено представление доказательств только по отдельным эпизодам японских зверств в Китае. Доказательства о военной агрессии против Китая, о захвате Маньчжурии и другие представляли американские обвинители.

Главный обвинитель распределил также между другими обвинителями подготовку доказательств о персональной ответственности каждого из подсудимых.

Советские обвинители представляли доказательства об агрессии Японии против СССР и о персональной ответственности Сигэмицу и Умэдзу.

К представлению доказательств обвинители фактически приступили 13 июня 1946 г. Представлению доказательств по разделам обвинительного акта предшествовал обзор государственного устройства Японии, законов и обычаев страны, функций различных органов власти, возглавлявшихся подсудимыми. Он был сделан обвинителями с целью доказать Трибуналу, что вся политическая система Японии была приспособлена подсудимыми и использована ими для осуществления преступных замыслов. При этом обвинитель представлял Трибуналу соответствующие схемы, законодательные акты, официальные инструкции и т.п. Каждый обвинитель, приступая к своему разделу, произносил краткую вступительную речь.

Выступления советской части обвинения начались 8 октября вступительной речью обвинителя от СССР С.А. Голунского*.

1. Свидетельские показания — один из наиболее древних и распространенных видов судебных доказательств. На Международных процессах главных военных преступников в Нюрнберге и в Токио показания свидетелей занимали определенное место в системе доказательств.

Свидетели вызывались в международные трибуналы: а) для удостоверения определенных фактов, имеющих значение для обвинения или защиты подсудимых; б) для характеристики подсудимых и их деятельности; в) для удостоверения подлинности (идентификации) других доказательств; г) для изложения своих суждений и выводов о тех или иных фактах.

Однако центр тяжести доказательств лежал отнюдь не в показаниях свидетелей. Если обвинители стали бы доказывать преступные действия главных немецких и японских военных преступников, творивших свои злодеяния на протяжении многих лет и на территории многих стран, лишь путем допроса свидетелей, то это могло бы затянуть процессы надолго, а возможно, и сорвать их окончание. К тому же соби-
рание доказательств преимущественно пу-

тем допросов свидетелей могло привести к искажению истины, поскольку среди свидетелей, вызванных по ходатайству защиты, многие сами были причастны к военным преступлениям.

В самом деле, разве можно серьезно говорить о „свидетельских“ показаниях на суде в Нюрнберге ближайшего сотрудника Гитлера министра Ламмерса, а в Токио, например, японского генерал-лейтенанта начальника оперативного отдела генштаба армии Хасимото Гун? Ведь это были, по существу, не свидетели, а активные соучастники главных военных преступников, и выгораживая подсудимых, они выгораживали и себя.

Или „свидетели“ такого сорта: защита пыталась представить нападение на СССР и Монгольскую Народную Республику в районе озера Хасан и реки Халхин-Гол как обычные пограничные инциденты. Чтобы подкрепить эту лживую версию, был вызван, с согласия Макартура, ответственный работник разведывательного отдела его штаба полковник Хомер Блейк, который сообщил Трибуналу искаженные данные о численности японских войск на границе. А когда советский обвинитель потребовал, чтобы этот „свидетель“ предъявил соответствующие документы, на которых он основывает свои показания, Блейк ответил, что не может представить документов, так как... они секретные.

Показания большинства свидетелей защиты отличались столь откровенной лживостью, что при всем сочувственном отношении Узбба к адвокатам, особенно американцам, он должен был публично на суде заявить: „...все мы разочарованы, что нам представляют показания, которые не ограничиваются заявлениями о фактах, но и состоят из умозаключений. Мы хотели бы иметь показания, которые основаны на документах или объясняют их отсутствие. Представленные же нам показания заставляют моих коллег принять решения по ряду моментов... Это нечестно по отношению к Трибуналу“.

Были на Токийском процессе и свидетельские показания, имеющие огромное значение для изобличения преступной деятельности подсудимых.

* Краткое изложение речи — см. с. 101.

К ним следует отнести показания свидетелей — Героя Советского Союза П.Ф.Терешкина, Героя Советского Союза генерал-майора К.Е.Гребенника, майора армии Монгольской Народной Республики Панцунгина Уогдона, капитана торгового флота Б.А.Бударина и др.

Для Токийского трибунала были характерны допросы свидетелей для удостоверения подлинности других доказательств, что не всегда диктовалось необходимостью.

Приведем некоторые примеры.

Пример первый. Советский обвинитель представил справку Главного Военно-Морского штаба (официальный служебный документ, скрепленный гербовой печатью), в которой были подытожены материалы расследования о потопленных японцами в 1941—1945 гг. советских судах, о фактах незаконного задержания японцами наших кораблей и их экипажей, о препятствовании советскому судоходству на Дальнем Востоке. Японскими вооруженными силами было потоплено 9 и незаконно задержано 178 советских кораблей. Трибунал принял эту справку в качестве доказательства, но председательствующий отметил: „Может случиться, что некоторые члены Трибунала... не будут придавать этому документу большого значения; они могут стать на ту точку зрения, что если эти данные действительно очень важны для обвинения, то обвинителю следовало бы иметь возле себя какого-нибудь русского офицера, который мог бы дать показания по этому вопросу“.

Пример второй. При представлении доказательств об „опиумной войне“, которую Япония вела в Китае, обвинитель представил справку о количестве опиума, импортированного в Китай за определенные годы японским концерном „Мицубиси“. Справка была подписана одним из директоров концерна и заверена его печатью. Защита выступила с возражениями против принятия этого документа. Председательствующий отклонил эти возражения, сказав, что никто лучше фирмы-импортера не может знать, какое именно количество опиума было ввезено ею в Китай. Однако тут же добавил, что авторитетность этого доказательства намного возросла бы, если к нему было бы приложено данное под присягой показание директора концерна.

Пример третий. Советское обвинение располагало фотокопией черновой наброска протокола совещания японских военных атташе, аккредитованных в государствах Европы, проведенного в 1929 году в Берлине под председательством видного японского разведчика генерала Мацуи Иванэ. На совещании присутствовал и Хасимото Кингоро. При их участии было принято решение об усилении диверсионной деятельности против СССР и о привлечении белоэмигрантских кругов в Европе к подрывным действиям против Советского Союза. Поскольку подлинного протокола совещания найдено не было, допросили (до начала процесса) Мацуи и предъявили ему фотокопию для того, чтобы он удостоверил ее правильность. Мацуи это сделал, что и было зафиксировано в протоколе его допроса.

Однако при оформлении протокола допроса не был подробно описан документ, который предъявлялся Мацуи. Поэтому при предъявлении фотокопии наброска протокола совещания и протокола допроса Мацуи председательствующий потребовал, чтобы были получены свидетельские показания „под присягой от лица, которое вело допрос“. В связи с этим в судебное заседание был вызван в качестве свидетеля советский офицер, участвовавший в допросе Мацуи и в предъявлении ему фотокопии документа. Он подтвердил, что именно данная фотокопия „наброска“ была предъявлена Мацуи, который признал ее правильность. Фотокопия была принята как доказательство.

На Токийском процессе, в отличие от Нюрнбергского, довольно широко практиковался допрос свидетелей в качестве экспертов (свидетели-эксперты советским уголовным судопроизводством не предусматриваются). Трибунал при этом исходил из правил англо-американского процесса: свидетель может не ограничиваться изложением известных ему конкретных фактов, которые он лично наблюдал или о которых узнал из других источников, но и высказать суду свое мнение, свой обобщающий вывод об изложенных им фактах, если он, по мнению суда, обладает соответствующими знаниями или опытом в излагаемых вопросах. Немаловажную роль играло при этом служебное положение свидетеля.

Так, при допросе Героя Советского Союза подполковника П.Ф.Терешкина, служившего в течение двух лет начальником пограничной заставы „Заозерная“ во время событий на озере Хасан, обвинитель задал вопрос: „Скажите, где проходит граница между СССР и Маньчжоу-го в районе озера Хасан и в каких местах сопки Заозерной были расположены пограничные посты?“ Американский адвокат возразил против такого вопроса свидетелю, пытаясь сорвать невыгодные для подсудимых показания.

Уэбб отклонил возражение со следующей мотивировкой: „Да уж если кто-либо должен знать расположение границы, то это именно человек, находящийся в положении этого свидетеля. Он обязан знать это хотя бы для того, чтобы предотвратить переход через границу во владения Японии, Китая или Маньчжурию. Я думаю, что мы должны рассматривать его как специалиста благодаря самому характеру его обязанностей“.

Далее. Шел допрос Генри Пу И. Экс-император давал подробные показания о порабощении японцами Маньчжурии, высказывая свои мнения о фактах, и делал из этих фактов обобщенные выводы.

Американский адвокат Логан потребовал, чтобы Пу И ограничился лишь изложением фактов.

Уэбб отвел эти возражения, заявив: „Я не вижу причин, в силу которых он не должен был бы делать выводы... Едва ли можно ограничивать этого свидетеля только рассказом о беседах или простым изложением отдельных фактов. Человек, занимавший такой пост, имеет право делать свои заключения“.

На Токийском процессе принимались и письменные показания свидетелей под присягой (аффидевит).

Так, генерал-лейтенант Мориока Сусуму — видный чиновник японской оккупационной администрации в Китае — дал письменное показание, в котором рассказал об экономической агрессии японцев против Китайской Республики. Эти показания были приняты судом. Иное отношение было проявлено к письменным показаниям, представляемым советскими обвинителями.

Из советского лагеря для военнопленных

японцев был доставлен в Токио и давал свидетельские показания Сэдзима Рюдзо. Его допрашивал советский обвинитель, а затем американский адвокат Мак-Манус.

Адвокат задавал свидетелю провоцирующие вопросы, ответы на которые могли создать у суда впечатление, что советские обвинители оказывали давление на свидетеля, чтобы получить нужные показания. Мак-Манус не мог не знать, что в октябре 1946 года, когда он допрашивал свидетеля, главарь белогвардейской организации „Русский фашистский союз“ Родзаевский и бандитский атаман Семенов были уже осуждены к смертной казни Военной коллегией Верховного Суда СССР по делу о руководителях белогвардейского центра в Маньчжурии и приговор приведен в исполнение. Сообщения об этом опубликовывались и в американской, и в токийской прессе. Однако адвокат спрашивает свидетеля: „Вы знали о казни Родзаевского и Семенова, не оказал ли этот факт влияния на ваши показания?“

Дальнейший ход событий показал, что возня Мак-Мануса была подготовкой к атаке на предъявленные советским обвинителем протоколы допросов показаний Семенова, Родзаевского и бывшего главы Харбинской военной миссии японского генерал-лейтенанта Янагито Гэндзо на Военной коллегии.

В показаниях Родзаевского, в частности, содержались сведения, что японцы всячески активизировали антисоветскую деятельность белогвардейцев, которых намечали во время войны с СССР использовать в качестве вооруженной силы, а после удачного для Японии окончания войны они должны были проводить японскую политику в захваченных у СССР районах; руководство антисоветской деятельностью белогвардейских организаций проводилось японскими военными миссиями, которыми в свою очередь руководила Харбинская военная миссия. Кроме того, утверждал Родзаевский, белогвардейские организации поддерживались самой Японией непосредственно; генералы Араки и Койсо лично ему обещали помощь в активизации антисоветской работы „Русского фашистского союза“.

И тотчас же были представлены Трибуналу выдержки из протокола допроса бывшего

главы Харбинской японской военной миссии. Он подтверждал, что по указанию командующего Квантунской армией военная миссия должна была подготовить белоэмигрантов в качестве разведчиков и диверсантов; что часть белоэмигрантов служила в японской военной миссии; что еще в 1936 году штабом Квантунской армии была организована из белоэмигрантов особая диверсионная часть „Асано“, которая на случай войны с СССР должна была готовить диверсионные подразделения.

Оглашение и принятие этих письменных показаний под присягой встретило яростное сопротивление американских и японских адвокатов, которые утверждали, что показания Семенова и Родзаевского не имеют доказательственной ценности, поскольку их невозможно подвергнуть перекрестному допросу. Председательствующий присоединился к мнению адвокатов, но, встретив возражения судей, поставил вопрос на обсуждение Трибунала, который большинством голосов решил, что протоколы могут быть приняты в качестве доказательств*.

Поведение американских адвокатов и председательствующего нетрудно объяснить. Семенова и Родзаевского пестовали не только японские, но и американские империалисты.

2. Документальные доказательства. Преступная деятельность милитаристской клики в Японии находила отражение в документах: планах, выступлениях, протоколах совещаний, заседаний и т. д.

На процессе в Нюрнберге были представлены в подлинниках или копиях планы агрессии („Барбаросса“, „Везер“, „Вейс“, „Гельб“ и другие), приказы, в которых прямо или завуалированно шла речь об истреблении миллионов людей, а также иные изуверские документы германских фашистов. В качестве доказательств фигурировали трофейные кинодокументы и фотографии.

В Токио в течение более чем двух недель после капитуляции не было союзных войск.

Этим воспользовались лидеры милитаристской клики, чтобы произвести „расчистку“ секретных архивов, в результате которой многие важные документы бесследно исчезли. Это создало большие трудности в представлении документальных доказательств. Тем не менее было найдено значительное количество документов (особенно при разгроме штаба Квантунской армии), которые оказались весьма ценными доказательствами для изобличения главных военных преступников. Многие документы, касающиеся сговора гитлеровской Германии и милитаристской Японии для ведения агрессивных войн, записи переговоров Мацуока и Осима с Гитлером и Риббентропом, телеграфные донесения нацистского посла в Токио генерал-лейтенанта Отта, обнаруженные в секретных архивах ведомства Риббентропа, были из Нюрнберга пересланы для использования на судебном процессе в Токио. Отт широко информировал свое правительство обо всех действиях Японии по подготовке и развязыванию агрессивной войны, в частности, им освещались мероприятия в Японии, Маньчжурии и Корее по подготовке в 1941 году нападения на Советский Союз.

4 сентября 1941 г. Отт доносил Риббентропу: *„Ввиду сопротивления, оказываемого русской армией такой армии, как немецкая, японский генеральный штаб не верит, что Германия сможет достичь решающего успеха до наступления зимы. Сюда также присоединяются воспоминания о номонганских событиях (имелись в виду военные действия в районе Халхин-Гола. — М.Р.), которые до сих пор живы в памяти Квантунской армии“*. Далее Отт сообщал, что императорская ставка недавно приняла решение отложить на время действия против Советского Союза*.

Были представлены секретный оперативный приказ командующего объединенным флотом Ямамото от 1 ноября 1941 г., в котором говорилось: *„...Если империя не упадет на Советский Союз, то мы уверены, что Советский Союз не начнет военные действия“*, а также запись беседы Осима с Риббентропом от 18 апреля 1943 г. В бе-

* Стенограмма процесса от 8 октября 1946 г., с. 73—79.

* ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 279.

сиде Осима заверил Риббентропа: „...Одно неоспоримо: уже двадцать лет все планы генерального штаба разрабатывались для наступления на Россию, и все снова направлено на это наступление“. Имелись в виду: план под кодовым названием „Оцу“, план „Кан Току Эн“, составленный после нападения на Советский Союз гитлеровской Германии, а также новый аналогичный план 1942 года. Но обвинители не смогли представить Трибуналу эти планы. Причину раскрыл в своих показаниях помощник начальника генерального штаба Японии, генерал-лейтенант Кавабэ Торасиро: „Все секретные и совершенно секретные документы и дела японского генерального штаба были сожжены в Токио после 13 августа 1945 г. Среди сожженных документов — мобилизационные планы, планы военных операций, документы, относящиеся к ведению войны, а также все протоколы Высшего военного совета“. Этот факт был подтвержден японским правительством: „...В настоящее время мы не обладаем всеми документами генерального штаба, касающимися планов войны с СССР...“

Но нашлись свидетели, знавшие содержание упомянутых планов. Один из них — генерал-лейтенант Тацуми Кусаба. В 1942—1944 гг. он командовал 4-й армией второго фронта, входившего в Квантунскую группу войск. На поставленный вопрос, что ему известно о плане „Кан Току Эн“, свидетель дал в суде следующий ответ: „План „Кан Току Эн“ предусматривал увеличение японских войск в Маньчжурии в связи с начавшейся войной Германии против Советского Союза. По этому плану в Маньчжурию было переброшено более трехсот тысяч солдат. План „Кан Току Эн“ является шифрованным названием плана войны против СССР...“

Трибуналу тут же передается фотокопия секретного японского документа, подтверждающего свидетельские показания о плане „Кан Току Эн“. В этом документе, подписанном Умэдзу и датированном 16 сентября 1941 г., сказано: „Необходимо провести дополнительную подготовку переводчиков русского языка во всех школах иностранных языков Японии, а также в Харбинском университете для использования в качестве военных переводчиков с начала осуществления плана „Кан Току Эн“.

Сотрудник оперативного отдела японского генштаба в 1940—1944 гг., подполковник Сэдзимо Рюдзо в своих показаниях под присягой подробно рассказал содержание планов войны против СССР на 1941 и 1942 годы, предусматривавших захват советской дальневосточной территории. Он пояснил, что в связи с работой по перемещению войск ему приходилось детально знакомиться с оперативными планами войны, так как, планируя переброску войск из одного района в другой, он был обязан учитывать планы войны на соответствующих оперативных направлениях. Свидетель резюмирует:

„В 1942 году первый отдел генерального штаба разработал новый оперативный план войны против СССР, который уже не изменялся до весны 1944 года. Я неоднократно читал этот план и в общих чертах помню его. Как и все предыдущие планы войны против СССР, план 1942 года был наступательным. Война против Советского Союза должна была начаться внезапно“.

Затем Сэдзимо Рюдзо рассказал о мерах по осуществлению плана „Кан Току Эн“, в частности по усилению Квантунской армии: летом 1941 года он лично видел копию императорского указа об отправке двух новых пехотных дивизий, а также печатный экземпляр императорского приказа по армии о переводе всех дивизий Квантунской армии на штаты военного времени; для усиления Квантунской армии была скрытно проведена мобилизация трехсот тысяч человек.

Трибуналу предъявляются показания генерала Кита Сэйити, занимавшего с 1941 года и до краха Японии высокие командные должности в Квантунской армии. Он детально рассказал о боевых пополнениях армии и источниках этих пополнений, а также боевых задачах Квантунской армии, поставленных планом „Кан Току Эн“. Он сказал: „Наступательным планом предусматривался захват всего Дальнего Востока до озера Байкал. Такой же в общих чертах план нападения на Советский Союз был составлен генеральным штабом Японии совместно со штабом Квантунской армии на 1942 год“.

В ходе процесса было доказано, что агрессивная война против СССР предусматри-

валась и планировалась в течение периода с 1928 по 1945 год, она была одним из элементов японской внешней политики, и ее целью был захват советских территорий. *„Военная партия, — отмечалось в Приговоре, — была полна решимости установить японскую оккупацию дальневосточных территорий СССР, как и других частей азиатского континента... Маньчжурия стала называться „жизненной линией“ Японии, но совершенно ясно, что под этим скорее имелась в виду линия наступления, а не линия обороны...“*

Трибунал отметил, что еще в 1931—1933 гг. Советское правительство дважды делало правительству Японии официальное предложение о заключении пакта о ненападении и нейтралитете, но эти предложения отклонялись, хотя было ясно, что они являлись выражением миролюбивой политики Советского Союза на Дальнем Востоке. Приговор констатирует: что стремление быстро закончить войну в Китае, которое проявляла армия и генеральный штаб Японии в частности, было продиктовано близостью войны, которая планировалась против СССР; что так называемый „антикоминтерновский пакт“ не был оборонительным соглашением, а являлся военным союзом блока агрессоров.

Трибунал признал полную несостоятельность утверждений подсудимых и их защитников о том, что экспансия японского империализма в Азии, планы походов против СССР носили будто бы „миролюбивый характер“. В самом деле, если планы „Оцу“, „Кан Току Эн“, план нападения на СССР 1942 года были оборонительными, а не агрессивными, как утверждали подсудимые и их адвокаты, тогда почему же правители Японии сожгли планы, а не сохранили эти документы как доказательство своего миролюбия? На это не смогли дать ответ ни подсудимые, ни их адвокаты. Приговор вскрывает подлинный смысл термина „национальная оборона“, широко применявшегося японскими империалистами для маскировки своих захватнических планов. *„Руководители Японии, — констатирует*

Приговор, — всегда стремились оправдать свои агрессивные военные авантюры, выдавая их за оборонительные“.

Трибунал установил, что японское министерство иностранных дел в конце июля 1941 года уже подыскивало удобный предлог для спровоцирования войны против СССР. Вице-министр иностранных дел Ямамото в беседе с германским послом Оттом обсуждал возможность предъявления Советскому Союзу неприемлемых для него требований, в частности о территориальных уступках, которые явились бы предлогом для аннулирования пакта о нейтралитете и нападения Японии на СССР.

В Приговоре отмечается: японские руководители считали захват советских территорий в такой степени осуществимым, что в генеральном штабе сухопутных войск и штабе Квантунской армии был выработан конкретный план управления этими территориями. Помимо штабов, разработкой оккупационного режима для советских территорий, намеченных к захвату, занимались общество „Кокусаку кэнкю кай“ и Институт тотальной войны, состоявшие при кабинете министров Японии. Среди доказательств в Приговоре упоминается о собрании „тайного совещания военных и политических лидеров Японии в присутствии императора“ (т.е. „императорской конференции“. — *Прим. ред.*) от 2 июля 1941 г., принявшего решение о нападении на СССР в случае благоприятной для агрессии обстановки. Доказательства неопровержимо свидетельствовали о том, что, несмотря на пакт о нейтралитете с СССР, Япония считала себя связанной с Германией и выжидала благоприятного момента для нападения на Советский Союз.

В ходе процесса неоднократно выявлялась преступная роль японского императора. В этих случаях американские обвинители шли на любые нарушения общепринятых норм процесса, чтобы выгородить его. В качестве примера приведем стенограмму допроса Кинаном японского адмирала Окада Кэйсукэ, вызванного в качестве „свидетеля“.

Кинан: *А вы уверены, что император Японии накануне нападения на Перл-Харбор не желал войны и что он сделал бы все возможное, чтобы избежать ее?*

Окада: *Да, я могу заявить со всей уверенностью. Император не был заинтересован в выигрыше или проигрыше войны. Он не любил войну.*

Кинан: *Но при всей своей власти он не мог предотвратить ее?*

Окада: *Да.*

Даже Уэбб не мог выдержать этот допрос со стороны Кинана и прервал его своим замечанием: „Я не вижу, с какой стороны это все относится к делу?“

Кинан: *Господин председатель, это имеет отношение к делу, поскольку здесь утверждается, что подсудимые являлись соучастниками заговора и захватили в свои руки власть в Японии; они обманывали народ, заставляя его верить в то, что император стоит за войну, выпустив с этой целью от его имени рескрипт через несколько дней или может быть через несколько часов после нападения. Все это являлось незаконными действиями с их стороны, а также нарушениями международного права.*

Ответ Кинана настолько явно выдавал замыслы американской реакции, направленные на спасение императора от ответственности, что Уэбб возмущился и сказал: „Я впервые за весь этот длинный процесс слышу такое заявление, и оно противоречит доказательствам обвинения“.

Однако и это замечание не остановило Кинана, который сделал следующее заявление:

*„Господин председатель, я как главный обвинитель почтительно обращаю внимание Трибунала на тот факт, что людей, находящихся сейчас на скамье подсудимых, мы считаем ответственными за развязывание войны. Если бы были ответственны еще другие люди, то они тоже сидели бы на скамье подсудимых“**

Кинан упорно продолжал защищать японского императора, которого прогрессивная печать назвала „преступником № 1“.

Из числа подсудимых маркиз Кидо Кэйити — министр двора и лорд-хранитель печати — был одним из самых приближенных к японскому императору. Допрашивая Кидо, Кинан, как и при допросе Окада, старался показать ему, что Хирохито был лишен какой бы то ни было самостоятельности в вопросах политики, не мог сам выбирать министров и влиять на линию их поведения. Отвечая на наводящие вопросы Кинана, Кидо подтвердил, что император,

действительно, однажды обратился к нему за консультацией, вправе ли он дать совет премьер-министру. Ухватившись за этот ответ подсудимого, Кинан задал ему еще несколько дополнительных вопросов, направленных на то, чтобы закрепить данную Кидо характеристику беспомощности японского императора перед кабинетом министров.

Эта попытка Кинана была настолько неуклюжей и грубой, что Уэбб как председатель Трибунала счел себя обязанным прервать главного обвинителя.

„Я получил, — заявил Уэбб, — следующую записку от одного из членов суда. Она гласит: „На днях обвинение пыталось доказать, что император лично объявил выговор Итагаки (военному министру. — М.Р.), так что обвинение знает, что император мог излагать свою точку зрения своим министрам. В чем смысл данного допроса?“

Кинан настолько опешил от этой неожиданной попытки помешать ему в защите императора, что разоткровенничался сверх положенного. Он сказал: „Если этот вопрос обращен к главному обвинителю, то я смог бы ясно ответить на него, если бы знал автора этой записки. Если же это — точка зрения суда и он убежден в том, что император Японии мог сам выбирать своих министров и по существу был правителем Японии, то я не буду продолжать допрос“.

Далее, желая запугать Кидо, Кинан, задавая ему вопрос по поводу одной цитаты из так называемого „дневника Кидо“, заявил:

* Стенограмма процесса от 25 сентября 1947 г., с. 29 303 —29 305.

„Вы умышленно поместили эту выдержку в свои показания (Кидо сам написал свои показания. — М.Р.) с тем, чтобы убедить суд и заставить его поверить, что император лично изучал вопрос как представитель исполнительной власти и принимал собственные решения, а также делал собственные выводы. Таким образом, вы пытаетесь переложить ответственность,

которая лежала на вас, на плечи императора Японии”.

Окончательно деморализовав Кидо, Кинан для закрепления своей позиции поставил вопрос об ответственности Хирохито за издание рескрипта о начале войны против США в такой форме, которая предопределила желательный Кинану ответ подсудимого.

Кинан: *В таком случае это не было в действительности решением императора. Это было решение, принятое формально от его имени, но принятое другими. Разве это не ясно?*

Кидо: *Если говорить прямо, то да*.*

Международный военный трибунал установил, что японские правительственные органы вели военные и экономический шпионаж в пользу своего союзника — нацистской Германии.

Уже 10 июля 1941 г. Риббентроп поручил после Германии в Токио Отту поблагодарить японское министерство иностранных дел „за пересылку нам телеграфного отчета японского посла в Москве...” „Было бы хорошо, — добавил Риббентроп, — если бы мы и впредь могли постоянно получать таким путем известия из России”.

Пожелания Риббентропа были удовлетворены, шпионские данные нацистская Германия получала из Японии вплоть до капитуляции третьего рейха.

Допрошенный в Трибунале в качестве свидетеля генерал-майор японской армии Мацумура, занимавший с октября 1942 до августа 1943 года должность начальника русского отделения генерального штаба, рассказал, что по приказанию руководства генштаба он систематически передавал в 16-е (германское) отделение для полковника Кречмера (германский военный атташе в Токио. — М.Р.) сведения о силах Красной Армии, о дислокации частей Красной Армии на Дальнем Востоке, о военном потенциале СССР. Все эти сведения давались на основании донесений, поступающих в генштаб от японского военного атташе в Москве и из других источников.

О систематическом получении от японского генштаба секретной информации о дислокации и переброске войск, воинских перевозках, а также данных о военной промышленности в Советском Союзе давал показания на процессе помощник германского военного атташе в Токио подполковник фон Петерсдорф, через которого японский генеральный штаб снабжал гитлеровскую Германию разведывательными данными, собранными японскими дипломатами в Советском Союзе.

Петерсдорф подтвердил, что эти сведения, безусловно, выходят за пределы тех данных, которые военные атташе могут добыть легальными путями. Он признал, что эти сведения имели важное значение для гитлеровской армии, что они были использованы в военных операциях против Советского Союза.

Гитлеровский генеральный штаб высоко оценивал получаемые из Японии разведывательные данные. Руководитель отдела атташе Шукарт сказал Петерсдорфу по возвращении его в Германию, что на основе японской информации могли быть приняты соответствующие действия в отношении Советской Армии*.

На вопрос обвинителя от СССР А.Н.Васильева Петерсдорф ответил, что сфера японского шпионажа не ограничивалась Дальним Востоком. Он был в японском

* Стенограмма процесса от 20—23 октября 1947 г.

* Архив внешней политики СССР, ф. 436 б, п.9, д. 71, л. 20.

генштабе более трехсот раз и там получал информацию о переброске в 1942 году советских войск из района Хабаровска на советско-германский фронт, о концентрации войск западнее Тамбова и в районе Сталинграда, о передвижении резервов в районе Кавказа, о ежемесячном производстве бронеснаряжения и т.п. Полученные данные он, Петерсдорф, передавал в Германию, в генеральный штаб.

В апреле 1945 года, когда бои шли в Берлине, на одной из улиц был задержан человек в штатском, по внешнему виду японец. У него при обыске нашли секретные документы. Задержанный, Нохара Комакити, оказался сотрудником японского посольства в Берлине. Он признал, что большинство обнаруженных при нем документов содержат секретные данные о численности и дислокации частей Красной Армии, ее вооружении и снабжении, о производстве самолетов, танков, а также о людских резервах. Такого характера сведения с 1941 по 1945 год японское посольство в Берлине получало от японских послов в Москве Татэкава и Сато в виде шифрованных телеграмм, которые затем советник Касахара и он, Нохара Комакити, обрабатывали и переводили на немецкий язык. После этого посольство в Берлине передавало эти сведения в германское министерство иностранных дел.

Японские планы управления Сибирью

На Токийском процессе было неопровержимо доказано, что агрессивная политика в отношении Советского Союза являлась важнейшей составной частью внешнеполитической программы правящих кругов Японии. Свое начало она берет еще со времен участия Японии в интервенции на советском Дальнем Востоке. Когда Япония оказалась перед явным крахом своих захватнических грабительских планов на советском Дальнем Востоке, ее представители на Дайренской конференции в апреле 1922 года все же пытались навязать Дальневосточной республике договор, который по сути своей был попыткой превратить советский Дальний Восток в колонию Японии.

В период между двумя мировыми войнами

политика Японии по отношению к Советскому государству складывалась как традиционно враждебная. Один из ее активных вдохновителей, подсудимый на Токийском процессе Хирота, как это зафиксировано в Приговоре, еще в бытность послом в Москве в 1931 году передал в генеральный штаб Японии, что *„нужно занять решительную позицию по отношению к Советскому Союзу, приняв решение воевать с СССР в любое время, когда это окажется необходимым. Однако целью должна быть не столько защита против коммунизма, сколько оккупация Дальнего Востока и Сибири“*.

Агрессивность антисоветской политики Японии особенно возросла после ее вступления в заговор с гитлеровской Германией и заключения „антикоминтерновского пакта“, прикрывавшего секретные военнополитические соглашения блока агрессоров против СССР.

Готовясь к захвату советских территорий, японские империалисты детально разрабатывали формы „нового порядка“, который намечалось насадить на советской земле. Они считали захват советских территорий в такой степени осуществимым, что в генеральном штабе и в штабе Квантунской армии был выработан конкретный план по управлению этими территориями. С июля по сентябрь 1941 года специальная группа офицеров генерального штаба занималась изучением вопроса об оккупационном режиме для советских территорий, намеченных к захвату.

В сентябре 1941 года в штабе Квантунской армии был создан пятый отдел во главе с генерал-майором Икэда, одним из подчиненных командующего Квантунской армией Умэдзу, который также занимался вопросами, связанными с оккупационным режимом для советских территорий. Для этого использовались и специалисты из управления общими делами Маньчжоу-го.

Защита утверждала, что общество „Кокусаку кэнкю кай“ было неофициальной организацией. Однако для разработки своих проектов и проведения различных исследований оно получало совершенно секретные документы из военного министерства, министерства колоний и других правительственных органов.

Одним из таких примеров является совершенно секретный план управления территориями великой Восточной Азии, составленный в декабре 1941 года военным министерством и министерством колоний совместно с обществом „Кокусаку кэнкю кай“, который предусматривал полное уничтожение Советского государства. Территорию СССР намечалось разделить между Японией и Германией, причем граница между японскими и германскими владениями должна была проходить в районе Омска. Территория Советского Приморья и Восточной Сибири, вплоть до озера Байкал, должна была войти в состав Японии и Маньчжоу-го. О будущем разделе советской территории в этом плане говорилось следующее: *„Этот вопрос будет разрешен японо-германским соглашением, в настоящее время его решить трудно. Тем не менее Приморская область будет присоединена к территориальным владениям империи, и районы, прилегающие к маньчжурской империи, будут включены в ее сферу влияния. Сибирская железная дорога будет поставлена целиком под контроль Японии и Германии. При этом линия разграничения между ними проходит в Омске“*^{3*}.

В планах по управлению оккупируемыми областями, составленных Институтом тотальной войны (учрежден указом императора от 30 сентября 1940 г., разработка плана была поручена институту лично премьер-министром Тодзио. — М.Р.), были намечены террористические мероприятия по установлению политического режима на территориях СССР, которые японские империалисты собирались захватить. В оккупируемых районах должна быть введена военная администрация. *„Все старые законы и указы должны считаться недействительными. Вместо них будут проводиться в жизнь простые, но сильные военные приказы... Местному населению в принципе не будет разрешаться участвовать в политической жизни... На эти территории будут посланы японские, корейские и маньчжурские колонисты, если в этом возникнет необходимость с точки зрения экономики и национальной обороны... Нашей целью должно*

быть внедрение нашей мощи, и для этого мы должны приложить все силы, не опускаясь при этом до так называемой отеческой опеки“. Советских граждан, проживавших на Северном Сахалине, японцы собирались закрепить в качестве рабочей силы для разработки рудников.

В целом планы японских империалистов мало чем отличались от кровавого режима террора и подавления, установленного немецко-фашистскими захватчиками на временно оккупированных территориях Советского Союза.

Зверства японских милитаристов

В ходе процесса были вскрыты и доказаны многочисленные и разнообразные преступления японских милитаристов. Особое внимание Трибунал уделил рассмотрению материалов о зверствах, изощренных пытках и массовых убийствах, совершавшихся японской армией на оккупированных территориях азиатских стран. *„Массовые убийства военнопленных, гражданских интернированных лиц, больных, раненых, медицинского персонала госпиталей и гражданского населения были обычным явлением на всем протяжении тихоокеанской войны... Избиения и пытки всех видов... убийства без суда захваченных в плен летчиков, даже людоедство — все это только часть зверств, доказательства которых были представлены Трибуналу. Эти убийства совершались по специальным приказам высших инстанций, генерального штаба армии, военного командования“*, — указывалось в Приговоре.

Приговор установил, что японские зверства носили организованный характер и совершались по приказам свыше. В частности, указания, чтобы с пленными китайскими солдатами и офицерами обращались, как с бандитами, исходили из высших военных и правительственных инстанций Японии. Военному министру Японии пришлось даже издать специальный приказ, чтобы предотвратить разглашение японскими военнослужащими, возвращающимися из Китая, сведений о чинимых японской армией зверствах над китайским мирным населением и военнопленными.

* Архив внешней политики СССР, ф. 436 6, д. 17, лл. 265, 267.

В Приговоре зафиксированы многочисленные факты пыток военнопленных, бесчеловечного обращения с ними. Приводятся случаи, когда суда с военнопленными преднамеренно подставлялись под огонь англо-американских военных кораблей. 9 августа 1945 г. в Хайларе по приказу командующего Квантунской армией была истреблена большая группа советских граждан без предъявления им какого-либо обвинения.

Международный трибунал констатировал: „После тщательного рассмотрения и изучения доказательств мы пришли к выводу, что в Приговоре невозможно полностью изложить всю массу представленных устных и документальных доказательств“. Трибуналу было представлено 650 affidavits свидетелей — очевидцев зверств японских милитаристов в разных странах, а некоторые свидетели были приглашены в зал суда и своими показаниями дополнили арсенал представленных доказательств. Следует отметить, что большинство членов Трибунала сочло необходимым сосредоточить все материалы о зверствах, установленных на процессе, в двухтомном дополнении к Приговору, составленном редакционным комитетом большинства.

...Дает показания капитан санитарного корпуса китайских войск Лин Тинфан, взятый в плен японцами в Нанкине. Он рассказал, что произошло с ним и другими пленными китайцами в ночь на 17 декабря 1937 г.: „Японцы приказали нам отправиться на берег реки Янцзы. Нас было около пяти тысяч, и мы шли в колонне, которая растянулась на три четверти мили. Когда мы подошли к реке, нас расставили вдоль берега. С боков и сзади стояли японские солдаты с пулеметами, нацеленными на нас. На двух грузовиках привезли веревки. Пленных начали связывать по пять человек. Кроме того, каждому связали за спиной руки. Я видел, как первых расстреливали из винтовок и их трупы сбрасывали в реку. Японцев было около восьмисот человек, среди них много офицеров, сидевших в автомобилях. Нас выстроили прямо на берегу. Мы ждали своей очереди. Нас привезли на берег в семь часов вечера... расстрел пленных продолжался до двух часов ночи. Светила луна, я видел все, что происходило. На руке у меня бы-

ли часы, я заметил время. Мой друг и я решили бежать. Мы кинулись к реке и бросились в воду. По нам открыли пулеметный огонь. Темнота мешала японцам увидеть нас. Однако они продолжали вести огонь. Меня ранило в плечо. Я потерял сознание, а когда очнулся, друга не было рядом...“

Таких показаний было немало. Поэтому один из обвинителей с голым основанием утверждал, что взятие Нанкина сопровождалось систематическими убийствами, издевательствами и пытками, которым подвергались десятки тысяч военнопленных, мирных жителей, женщин и детей бессмысленными разрушениями множества домов, не имеющих никакого военного назначения. Эти события, получившие название нанкинской резни, не имеют себе равных в истории современной войны.

Уже в конце войны японские вооруженные силы в течение многих месяцев методически и зверски уничтожали мирное население и пленных на Филиппинах. Об этом говорил и приводил доказательства обвинитель от Филиппин майор П. Лопец:

„Более 131 тысяча филиппинцев и американцев встретили ужасную смерть от руки врага-садиста. Эта цифра не включает тех, которые погибли на полях сражений. Она также не включает большого числа американцев и филиппинцев, спасшихся от смерти, но переживших весь ужас неопределяемых страданий и унижений. В Каламба 2500 мужчин, женщин и детей были расстреляны и заколоты штыками. На острове Понсон, в Себу, в Центральном Васайе, всему населению было приказано собраться в церкви. Сто человек было расстреляно из пулемета и заколото штыками, а за остальными охотились до тех пор, пока не перебили в собственных домах и болотах...“

В Приговоре Трибунала приводятся и такие факты: „Во время резни в Гонконге японские войска захватили военный госпиталь в колледже св. Стефана, заколоты штыками больных и раненых... изнасиловали и перебили медсестер, находившихся на дежурстве... Все население острова Калаглу было вырезано 7 июля 1945 г. Бирманцев, интернированных в лагере Та-вой, морили голодом и избивали. Методы

пыток, которые применялись во всех местах, где побывали японские захватчики, были настолько единообразны, что они указывали на определенную политику и практику, направляемую из единого центра. Людей пытали водой, прижиганием тела электрическим током, растягиванием коленных суставов, подвешиванием, принуждением стоять на коленях на острых предметах и поркой”.

В результате зверского обращения в лагерях для военнопленных погибло более 27% содержащихся там американцев и англичан, а многие тысячи других навсегда остались инвалидами.

Приговор содержит раздел, озаглавленный „Вивисекция и каннибализм”. В нем указывается, что над военнопленными японский медицинский персонал производил бесчеловечные опыты с применением вивисекции: „Находили расчлененные трупы военнопленных. Военнопленных убивали, а до этого их подвергали истязаниям, отрезали ноги, руки”. В Хандоке одного пленного японцы привязали к дереву, и японский врач в присутствии четырех студентов-медиков снял ногти с пальцев привязанного, затем вскрыл грудную полость и вынул сердце, которое демонстрировал студентам; двум пленным, которые сбежали в джунгли, но были пойманы, хотели прострелить ноги. Стреляли и промахнулись. Тогда офицер медицинской службы Ямаи вскрыл живых людей и вытащил печень у обоих.

Приговор далее констатирует: „К концу Тихоокеанской войны японская армия и флот скатились до каннибализма, поедая части тел убитых ими союзных военнопленных. Эта практика имела место не без ведома и согласия командования японской армии. Японский военнопленный при допросе показал: „10 декабря 1944 г. штабом 18-й армии был издан приказ, которым войскам разрешалось есть мясо умерших союзников, но не разрешалось поедать своих мертвецов”. Это показание было подкреплено захваченным меморандумом о дисциплине, найденным у одного генерал-майора, в котором имеется такая фраза: „Хотя это и не предусмотрено в уголовном кодексе, но те, кто ест человеческое мясо (за исключением мяса врага), зная о том, что он ест, должен быть приговорен к смер-

ти, как за худший вид преступления против человечества”.

Иногда людоедство обставлялось для офицеров торжественными церемониями, имело место во время празднеств. Даже офицеры в ранге генералов и контр-адмиралов принимали в этом участие (суп из мяса убитых пленных подавался к столу японцев рангом ниже офицера).

Доказательства свидетельствуют о том, что людоедство имело место даже тогда, когда можно было доставать и другую пищу, т.е. эта ужасная практика применялась и тогда, когда имелся выбор, а не в силу необходимости”.

На процессе возникал вопрос о пределах ответственности правительства за конкретные преступления, совершенные против военнопленных и интернированных гражданских лиц, и о круге лиц, несущих ответственность за эти преступления. Высказывалось мнение, что ответственности подлежат только непосредственные исполнители этих преступлений.

Трибунал указал в Приговоре, что военнопленные и интернированные гражданские лица находились во власти правительства государства, которое взяло их в плен. Поэтому на обязанности правительства лежит предотвращение всяких бесчеловечных актов по отношению к пленным, запрещенных обычным правом и конвенциями. В силу этого лица, направлявшие и контролировавшие деятельность японского правительства, ответственны за преступления против военнопленных и интернированных гражданских лиц.

Приговор устанавливает, что за эти преступления должны нести ответственность: члены японского правительства; армейские и морские офицеры, командовавшие формированиями, которые имели в своем распоряжении пленных; чиновники департаментов, которые обязаны были заботиться о нормальном содержании пленных, если они знали о совершившихся преступлениях. В этом же разделе Приговора дается также ссылка на Устав и Приговор Нюрнбергского трибунала, принципиальные правовые нормы и выводы которых были подтверждены Генеральной Ассамблеей ООН в качестве общепризнанных норм международного права.

Приговор

На протяжении двух с половиной лет перед судьями и всем миром проходили страшные картины чудовищных преступлений военных и политических лидеров Японии, сочтавших в своих деяниях беззаконие и произвол грубой силы, жестокость и аморальность, сплошную цепь наглых нарушений общепринятых норм международного права, беззастенчивое попрание договоров и соглашений, ими же заключенных.

Подавляющее большинство обвинений, предъявленных подсудимым, в ходе судебного процесса было полностью доказано и нашло свое отражение в Приговоре, который решительно осудил японскую агрессивную политику во всех ее проявлениях и покарал ее организаторов и исполнителей. В частности, в своем Приговоре Международный военный трибунал для Дальнего Востока установил, что *„агрессивная война против СССР предусматривалась и планировалась (Японией) в течение рассматриваемого периода, что она была одним из основных элементов японской национальной политики и что ее целью был захват советских территорий на Дальнем Востоке“*.

Своим Приговором Трибунал подтвердил и предъявленное обвинение в проведении японскими милитаристами вооруженных выступлений против СССР и Монгольской Народной Республики в 1938 и 1939 годах, квалифицировав их как *„агрессивную войну, проводившуюся японцами“*.

Захват дальневосточных территорий СССР рассматривался правящей кликой Японии как главное условие для установления японского господства над всей Азией. Приговор Трибунала подтвердил, что, хотя Маньчжурия *„привлекала своими естественными богатствами, возможностью экспансии и колонизации, ее захват был желателен так же, как обеспечение плацдарма в планировавшейся войне против СССР. Маньчжурия стала называться „жизненной линией“ Японии, но совершенно ясно, что под этим скорее имелась в виду линия наступления, а не линия обороны“**.

В Приговоре приводятся высказывания

некоторых подсудимых, в том числе Окава, Итагаки, Хирота, призывавших к использованию силы для создания нового государства в Маньчжурии, которое будет способствовать развитию „императорского пути“ („кодо“) и приведет к „освобождению“ народов Азии.

Далее Приговор вскрывает фактический смысл термина „национальная оборона“, широко применявшегося японскими империалистами для маскировки своих захватнических планов: *„Это был другой способ выражения того, что завоевание соседних стран при помощи силы оружия оправдывается, как „национальная оборона“*. Руководители Японии всегда стремились оправдать свои агрессивные военные авантюры, объявляя их оборонительными“.

На протяжении всего процесса у главных военных японских преступников было немало защитников, занимавших видные посты в США, которые предприняли последнюю попытку, чтобы облегчить участь осужденных.

Согласно Уставу Трибунала, Приговор приводится в исполнение в соответствии с приказом главнокомандующего союзных держав, который вправе смягчить наказание, изменить приговор, но не может усилить наказание.

Однако на итогах как Нюрнбергского, так и Токийского процессов сказалось влияние международной реакции, пытавшейся спасти ряд лидеров гитлеровской Германии и империалистической Японии. То обстоятельство, что в Токио все подсудимые были признаны виновными и семеро из них повешены, не меняет этого вывода. Непреложным фактом остается то, что осуждены были только 25 главных японских военных преступников, а гораздо большее число их даже не привлекались к ответственности. И Макартуру, и господствующим классам Японии выгодно было спасти от ответственности подлинных хозяев милитаристской Японии. Неудивительно поэтому, что многие главные военные преступники остались безнаказанными, а многие из них вновь заняли ключевые позиции в экономике и правительственных органах Японии, в многочисленных фашистско-милитаристских организациях.

В отличие от Нюрнбергского процесса, где

* Приговор, с. 776.

ряд организаций германского фашизма все же были признаны преступными, на Токийском процессе даже не ставился вопрос о преступных организациях японского милитаризма.

В Приговоре Трибунала переоценивалась роль военной клики и в известной мере умалялась роль японского правительства, а отсюда — мера ответственности правительства. Совершенно замалчивалась преступная роль монополий в агрессивных войнах. Возникает вопрос, почему таких заклятых врагов мира, как Араки, Хиранума, Минами, Хасимото, Умэдзу, и некоторых других постигла меньшая кара, чем, скажем, Муто, Кимура и Доихара? Бросается в глаза необоснованная мягкость Приговора в отношении Сигэмицу, осужденного лишь к семи годам лишения свободы. Установленные Трибуналом факты изобличают его как активного участника подготовки нападения на Монгольскую Народную Республику и СССР в районе озера Хасан.

Обращают на себя внимание некоторые противоречия между выводами Трибунала и им же установленными фактами. Так, Приговор констатирует, что между гитлеровской Германией и милитаристской Японией существовал военный союз, что они являлись агрессивными государствами и преследовали цель установить господство над другими народами мира. В Приговоре констатируется наличие сговора между Германией и Японией; Трибунал устанавливает факты согласования деятельности штабов этих агрессивных государств, наличие военно-стратегического контакта между ними, в особенности после нападения Германии на Советский Союз. Несмотря на это, Трибунал считает недоказанным наличие общего заговора Японии и Германии против мира и представляет дело таким образом, будто генштабисты Японии в порядке личной инициативы сговаривались с нацистскими генштабистами, а правительство Японии тут ни при чем. О подготовке Японией военного нападения на СССР в 1934 году дана такая формулировка, из которой можно сделать вывод, что это было решение начальников отделов японского генштаба, которые якобы вступили по этому вопросу в частное соглашение с некоторыми начальниками отделов военного министерства Японии.

Однако нам представляется, что эти недостатки не определяют значения Токийского процесса и Приговора Трибунала. Несмотря на ряд недостатков, Приговор Токийского трибунала представляет собой акт исторического значения, который был встречен с одобрением мировой демократической общественностью.

В специальном разделе Приговора „Правовые вопросы“ содержится развернутая аргументация наказуемости за агрессивную войну, которая была признана преступлением до того, как этот принцип был провозглашен в соответствующих декларациях союзных держав: об ответственности не только государства, но и конкретных физических лиц.

22 ноября 1948 г. Макартур утвердил в целом Приговор, заявив при этом, что он „не может найти никакого технического упущения или упущений в ходе самого судебного разбирательства, чтобы оправдать вмешательство в Приговор“. Однако вместо того, чтобы выполнить требование Устава и отдать приказ о приведении в исполнение Приговора, Макартур принял для направления в Верховный суд США апелляции осужденных Хирота и Доихара и в связи с этим отложил его исполнение в отношении всех осужденных. Примеру Доихара и Хирота незамедлительно последовали Кидо, Ока, Сато, Симада и Того. Таким образом, Макартур, утвердив Приговор, тут же предпринял ход, чтобы спасти от справедливого наказания главных военных преступников, осужденных Международным трибуналом.

Верховный суд США 6 декабря 1948 г. большинством в пять голосов против четырех решил принять к рассмотрению апелляционные жалобы, а само рассмотрение назначил на 16 декабря. Такое беспрецедентное незаконное вмешательство Верховного суда США в дело, рассмотренное Международным судом, вызвало негодование даже в некоторых японских кругах, не говоря уже о возмущении в других странах. Член Токийского трибунала от Китая — судья Мэй Жодао заявил: „Если решение, вынесенное Международным трибуналом, представляющим одиннадцать держав, подлежит пересмотру со стороны национального суда, каким бы высоким он ни был, то существует справедливое опасение, что

любое международное решение и действие может быть таким же образом подвергнуто пересмотру и изменению одной страной”.

Помощник обвинителя от Китая Лю по поводу распоряжения Макартура сказал, что ни один национальный верховный суд не имеет права пересматривать решения Международного трибунала и что Макартур превысил свои полномочия тем, что не сумел провести различие между своими обязанностями в качестве командующего американской армией на Дальнем Востоке и в качестве главнокомандующего союзных держав, что Макартур злоупотребил своей властью, ущемляя при этом права других наций.

Незаконные действия Макартура подверглись резкой критике в прессе Филиппин. Один из вашингтонских корреспондентов вынужден был признать, что решение Верховного суда США пересмотреть Приговор, вынесенный Токийским трибуналом, означает вмешательство в международные дела. Самоуправство Макартура и незаконное решение американского суда являлись ярким выражением тенденций реакционных кругов Вашингтона к бесцеремонному навязыванию своей воли другим государствам. Именно так квалифицировал журнал „Новое время” беспрецедентные действия Макартура в статье „Маршаллизация правосудия” (1948, № 52, с. 14). „Вмешательство США в дело японских военных преступников, — отмечала „Правда” 21 декабря 1948 г., — это вызов демократии, миру, безопасности народов; вторжение

Верховного суда США в компетенцию Международного трибунала — новое доказательство пренебрежения вершителем судеб в США к международным соглашениям, к международному праву, к международным обязательствам”.

Возмущение в разных странах, в том числе и в самой Америке, было столь велико, что правительство США вынуждено было выступить против решения своего Верховного суда. Заместитель министра юстиции Перлман от имени правительства обратился с официальным письмом в Верховный суд США, требуя, чтобы суд не вмешивался в Приговор Международного трибунала. Он указал, что любое вмешательство Верховного суда не только нанесет ущерб международному правосудию и авторитету международного права, но и „повредит также другим усилиям, направленным на достижение сотрудничества, и в частности деятельности Организации Объединенных Наций”. В письме подчеркивалось, что у Верховного суда США нет полномочий пересматривать соглашение, заключенное президентом с союзниками в период второй мировой войны, касающееся наказания военных преступников.

Все это возымело действие: 16 декабря Верховный суд США отложил рассмотрение апелляции, а 20 декабря 1948 г. шестью голосами против одного отказался пересматривать Приговор, вынесенный Международным трибуналом.

Так рухнула последняя надежда реакции на спасение главных японских военных преступников.

В ночь с 22 на 23 декабря 1948 г., между 0.00 и 0.30 час. по Токийскому времени, во дворе тюрьмы Сугамо в Токио приговор над семью осужденными к смертной казни был приведен в исполнение. Главные японские военные преступники Тодзио, Хирота, Доихара, Кимура, Мацуи, Муро, Итагаки были повешены в присутствии членов Союзного совета для Японии.

Приговор привел в исполнение профессиональный палач — американский сержант Джон Вуд, тот самый, который выполнял аналогичную миссию в отношении главных

нацистских военных преступников, осужденных Международным военным трибуналом в Нюрнберге.

ТОКИО: 1946—1948

Здание,
в котором
проходила
работа
Международного
военного
трибунала для
Дальнего Востока

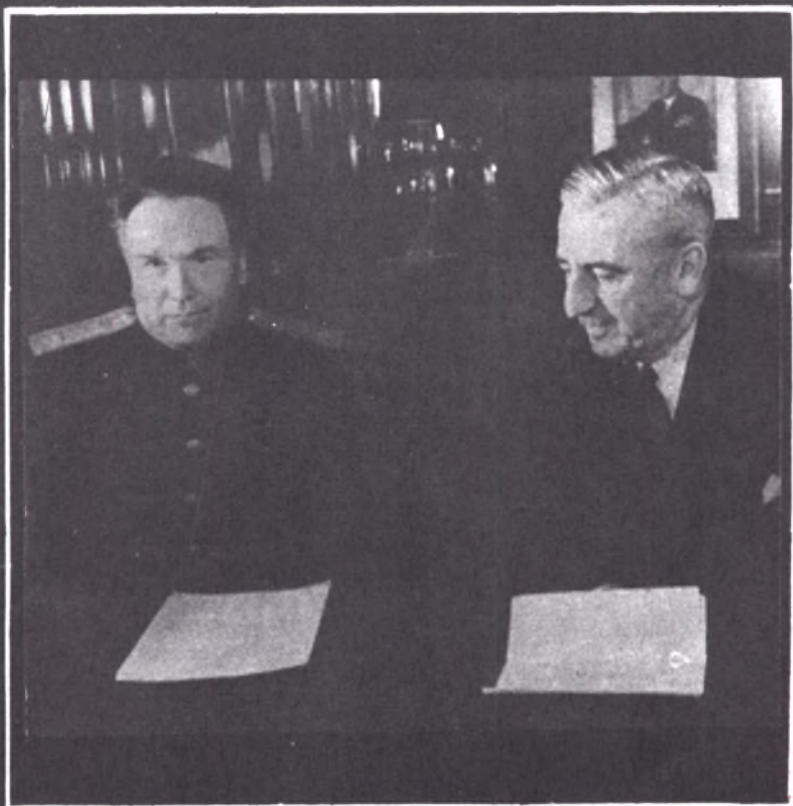
В зале судебного заседания Международного военного трибунала для Дальнего Востока в Токио

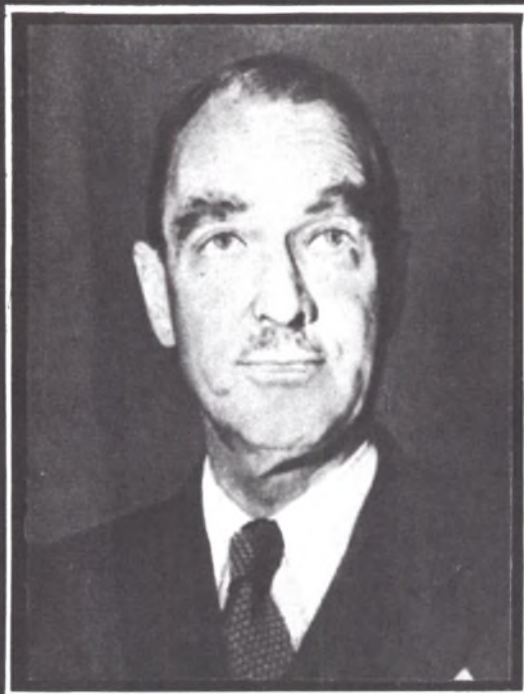
Вступительная речь обвинителя от Советского Союза — члена-корреспондента АН СССР С.А. Голунского

М. Крамер (США)
и И. М. Зарянов
(СССР)

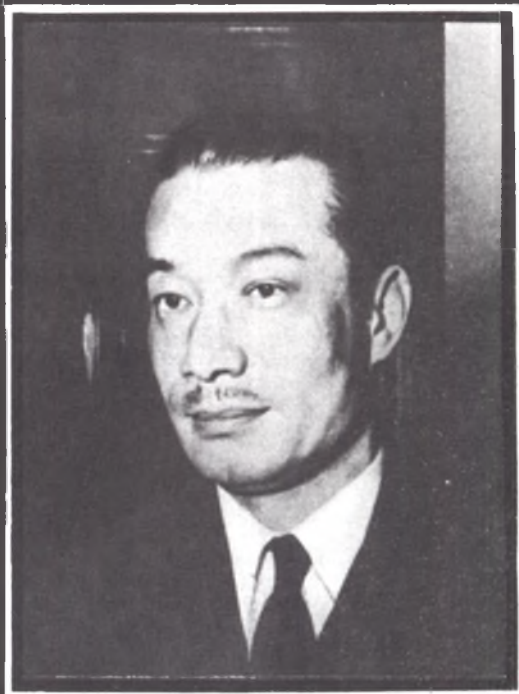

И. М. Зарянов
(СССР)
и У. Узэбб
(Австралия)

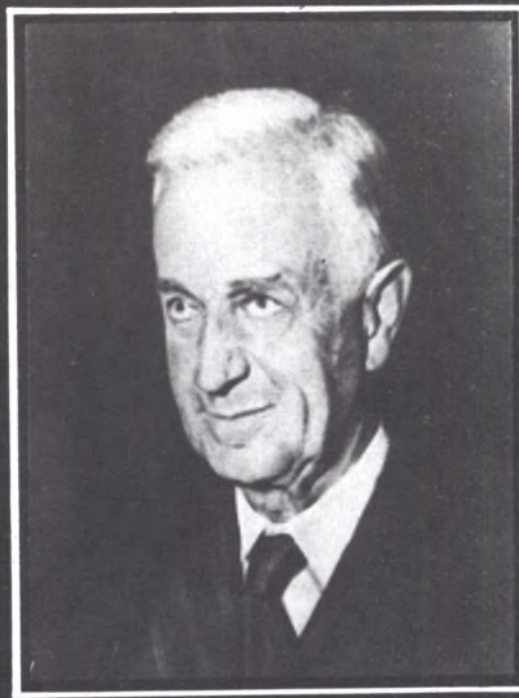
С. Макдугалл
(Канада)

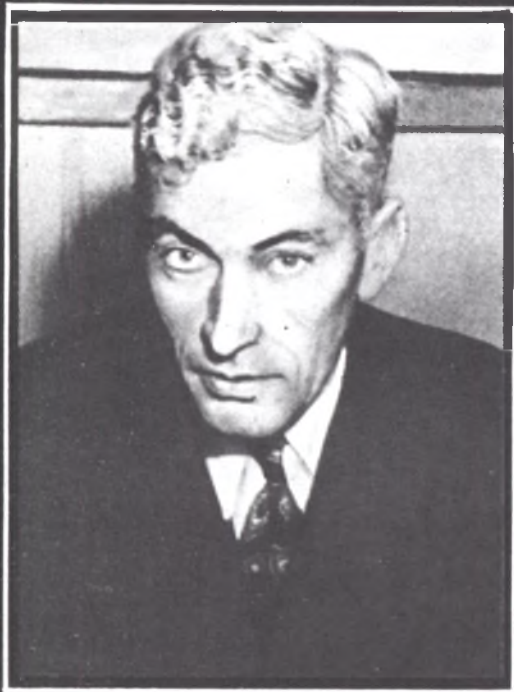
Мэй Жодао
(Китай)

А. Бернар
(Франция)

У. Патрик
(Великобритания)

Э. Норткорфт
(Новая
Зеландия)

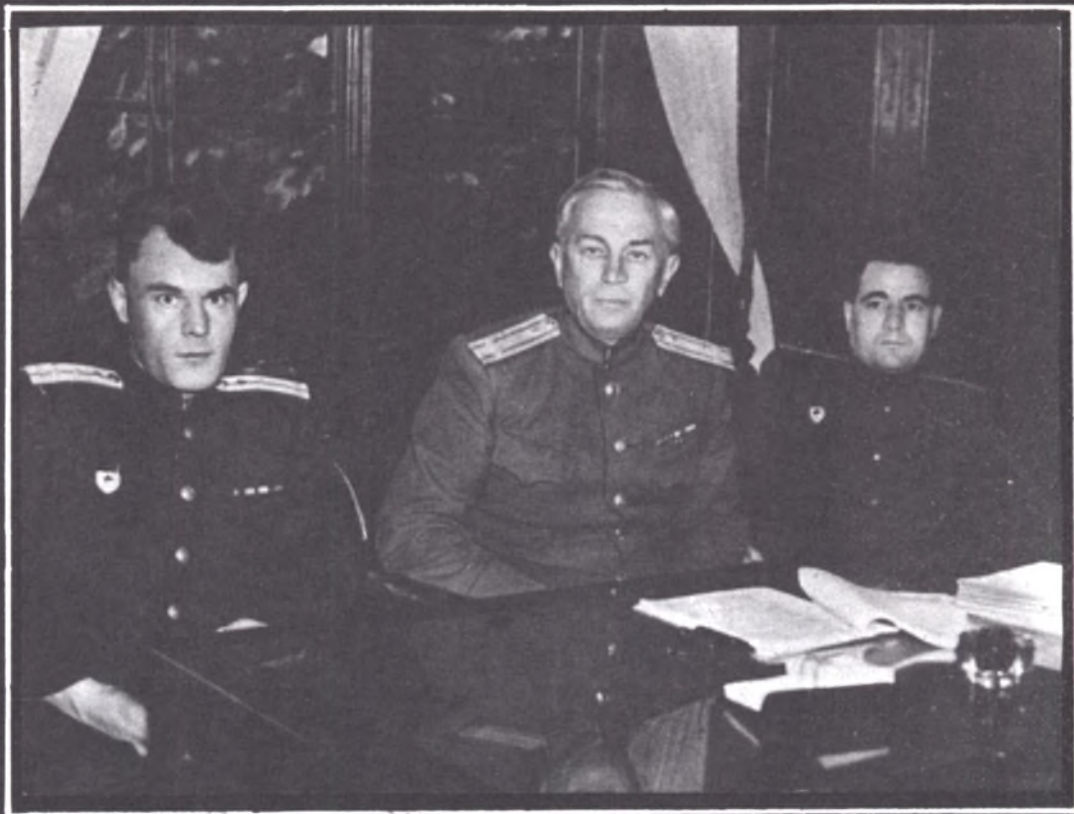
Д. Джаранилла
(Филиппины)

Р. Пэл
(Индия)

Б. Роллин
(Голландия)

Секретариат
Советской части
Международного
военного трибунала
в Токио

Слева направо:
судебный секретарь
гвардии капитан
юстиции
А. Н. Николаев
начальник
секретариата
полковник юстиции
Н. А. Виноградов,
судебный секретарь
гвардии майор
юстиции
Е. И. Гаранин

Главный
обвинитель
Джозеф Кинан
(США)

Обвинитель
от Советского
Союза
С.А.Голунский
и помощник
обвинителя
полковник
юстиции
С.Я.Розенблит

Заключительная
речь обвинителя
от Советского
Союза —
государственного
советника
юстиции 2-го
класса
А.Н.Васильева

Герой Советского
Союза,
генерал-майор
К. Е. Гребенник

Герой Советского
Союза, майор
И. Д. Чернопятко

Герой Советского
Союза, майор
Г. А. Батаршин

Капитан
советского
торгового флота
Б.А. Бударин

Майор
А. Б. Быков

Тун Чумин
(Китай)

Генерал
Тин Тэчун
(Китай)

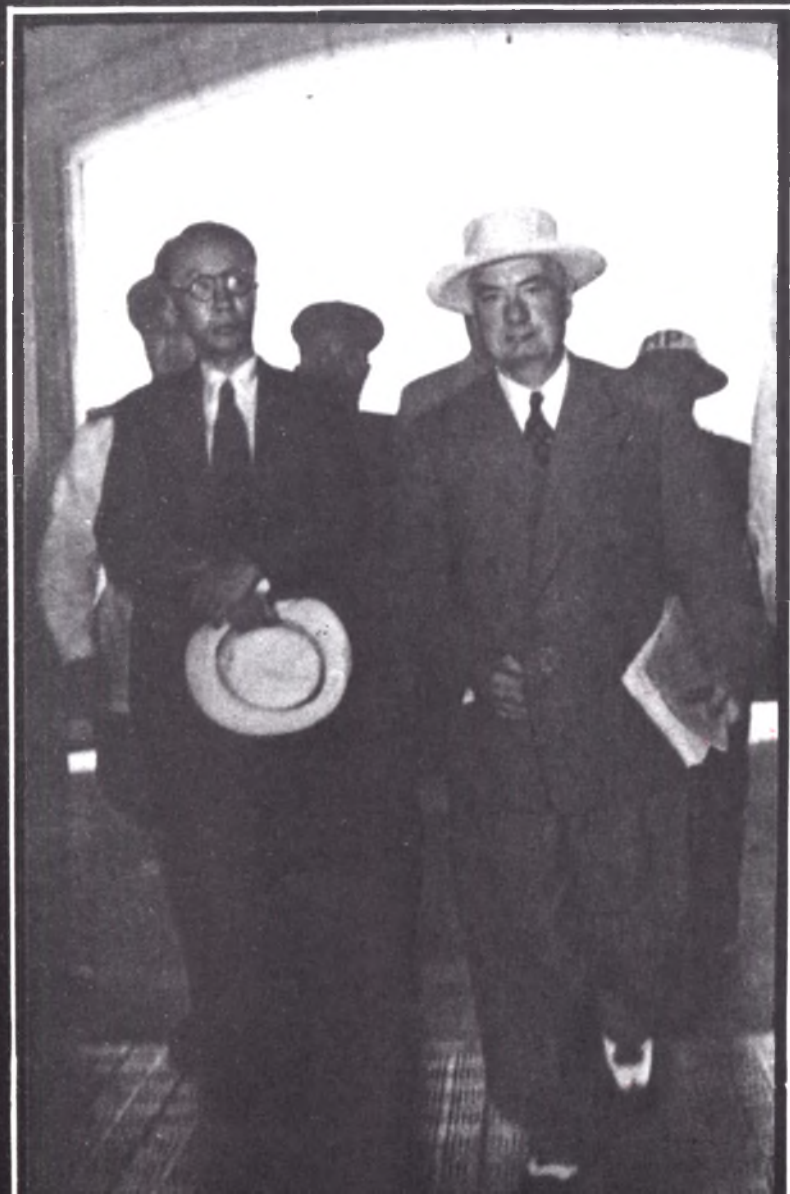
Ван Лэнчан
(Китай)

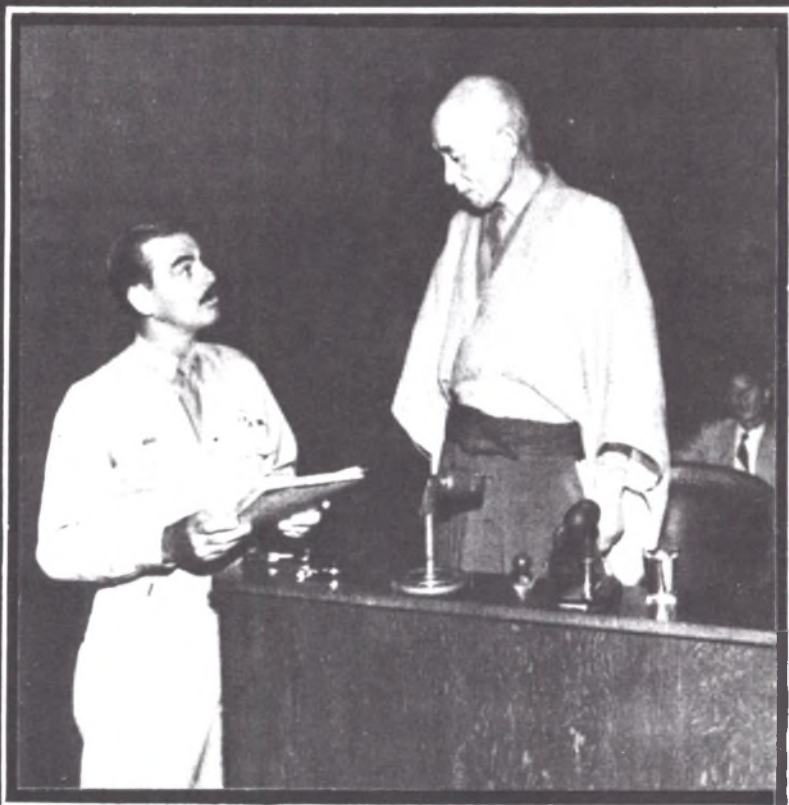
Герой МНР
Панцунгин
Уогдон с
переводчиком

Профессор
экономики
императорского
университета в
Токио Оути

Бывший
император Китая
и Маньчжоу-го
Генри Пу И.
Рядом с ним
Д. Кинан

Бывший
заместитель
начальника
генерального
штаба Японии
Тада

Бывший
японский генерал
Мориока

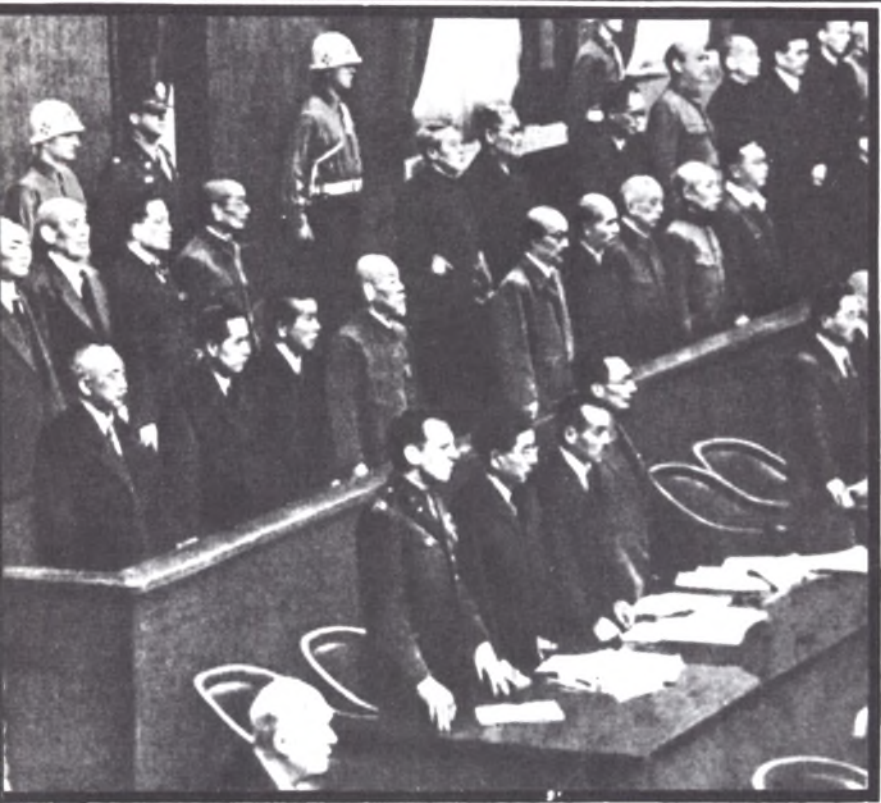
Бывший
японский
генерал-лейтенант
Ояма

Такэбэ
(Япония)

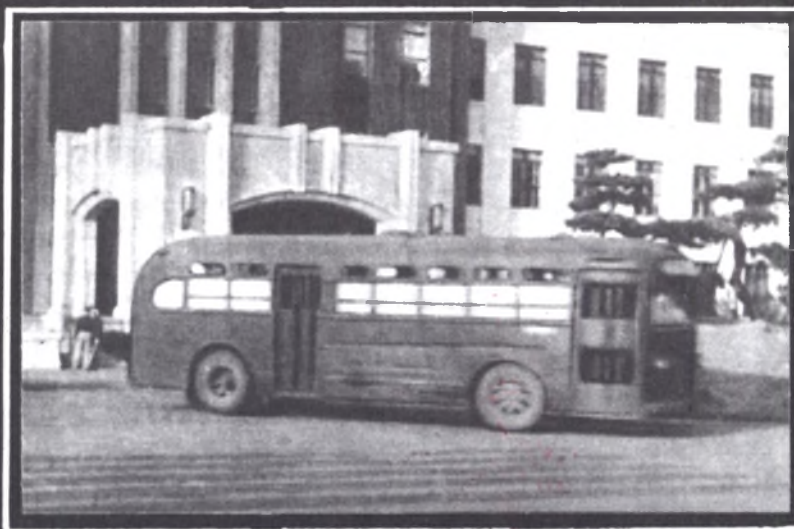

Бывший
генконсул
Японии в
Мукдене Морито

Скамья
подсудимых

Впереди —
защитники

Специально
оборудованный
автобус,
на котором
из тюрьмы
Сугамо
подсудимые
доставлялись
в суд

Главные
японские
военные
преступники
на скамье
подсудимых

Главные
японские
военные
преступники

Бывший
премьер-министр
и военный
министр Тодзио

Бывший военный
министр, член
Высшего
военного совета
Араки

Бывший посол
Японии
в Германии,
генерал Осима

Бывший министр
иностраннных дел,
посол в СССР
Того

Бывший
премьер-министр,
генерал Койсо

Бывший военный
министр Итагаки

Бывший
премьер-министр,
председатель
планового бюро
Судзуки

Бывший
министр —
лорд-хранитель
печати маркиз
Кидо

Бывший посол
в Италии
Сиратори

Адмирал Ока

Бывший
военно-морской
министр,
адмирал Симада

Подсудимые
направляются
в зал
судебного
заседания

Группа
подсудимых
во время
перерыва
судебного
заседания

Защитник
подсудимых
Умэдзу и Того —
американский
адвокат
Блэрни

Защитник
подсудимого
Сато — японский
адвокат
Кокисано

Совет
защитников
на процессе
за работой

Документы

Минуло сорок лет — срок достаточный, чтобы осознать катастрофические для Японии последствия авантюристического курса милитаристов.

Однако японские милитаристы вновь развивают бурную деятельность: идеологи реванша замалчивают уроки истории, поднимаются на щит преступления прошлых лет, молодое поколение призывают „следовать духу своих предков“, воспитывают в духе ненависти и вражды к советским людям.

Так называемый „обратный курс“, т.е. курс на возрождение милитаризма и старых реакционных порядков, стал ныне основой внутренней политики правящих кругов Японии.

В этих условиях не лишне напомнить о документах, разоблачающих чреватую самыми тяжелыми последствиями деятельность милитаристских кругов Японии.

Публикуемые документы и показания цитируются по стенограммам Токийского процесса, которые хранятся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства (фонд 7867, оп. 1). Обвинительный акт и речи С.А.Голунского и А.Н.Васильева печатаются по книге: Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны. М., 1949.

Международный военный трибунал для Дальнего Востока

ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА ПО ДЕЛУ ГЛАВНЫХ ЯПОНСКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Соединенные Штаты Америки,
Китайская Республика,
Соединенное Королевство Великобритании
и Северной Ирландии,
Союз Советских Социалистических Республик,
Австралия, Канада,
Французская Республика,
Королевство Нидерландов,
Новая Зеландия,
Индия и Филиппины

ПРОТИВ ОБВИНЯЕМЫХ

Араки Садао, Доихара Кэндзи, Хасимото Кингоро, Хата Сюнроку, Хиранума Киитиро,
Хирота Коки, Хосино Наоки, Итагаки Сэйсиро, Кайя Окинори, Кидо Коити,
Кимура Хэйтаро, Койсо Куниаки, Мацуи Иванэ, Мацуока Иосукэ,
Минами Дзиро, Муто Акира, Нагано Осами, Ока Такасуми,
Окава Сюзэй, Осима Хироси, Сато Кэрио, Сигэмицу Мамору, Симада Сигэтаро,
Сиратори Тосио, Судзуки Тэйити, Того Сигэнори, Тодзио Хидэки,
Умэдзу Иосидзиро

На протяжении многих лет, охватываемых настоящим обвинительным актом, внутренняя и внешняя политика Японии находилась под влиянием и руководством преступной милитаристской клики. Эта политика явилась причиной серьезных мировых потрясений, агрессивных войн и огромного ущерба как интересам миролюбивых народов, так и интересам самого японского народа.

Сознание японского народа систематически отравлялось вредными теориями так называемого расового превосходства японцев над народами Азии и даже всего мира. Существовавшие в Японии парламентские учреждения были использованы как орудие для широко задуманной агрессии, и была введена система, подобная той, которая была установлена Гитлером и нацистской партией в Германии и фашистской партией в Италии. Экономические и финансовые ресурсы Японии в значительной степени были мобилизованы для военных целей в ущерб благосостоянию японского народа.

Обвиняемые составили заговор, к которому присоединились правители других агрессивных стран, а именно нацистской Германии и фашистской Италии. Основная цель этого заговора состояла в том, чтобы обеспечить господство агрессивных стран над остальным миром и эксплуатацию его этими странами и с этой целью совершать или поощрять преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, как это определено в Уставе Международного военного трибунала для Дальнего Востока, ставя под угрозу и попирая основные принципы свободы и уважения человеческой личности.

При проведении и осуществлении плана заговора обвиняемые, используя преимущества своей власти, своего официального положения и свой личный престиж и влияние, намеревались и действительно планировали, подготавливали, развязывали и вели агрессивные войны против Соединенных Штатов Америки, Китайской Республики, Британского Содружества Наций и Северной Ирландии, Союза Советских Социалистических Республик, Австралии, Канады, Французской Республики, Королевства Нидерландов, Новой Зеландии, Индии, Филиппин и других миролюбивых наций как в нарушение международного права, так и в нарушение священных договорных обязательств. Этим планом предусматривалось и осуществлялось нарушение признанных обычаев и правил войны путем убийства, нанесения увечья, глумления над военнопленными, интернированными гражданскими лицами и лицами, находящимися в плавании в открытых морях, лишение их пищи, крова, одежды, медицинской помощи и т.д., принуждение их работать в нечеловеческих условиях, причем они подвергались издевательствам; эксплуатация в пользу Японии рабочей силы и экономических ресурсов побежденных наций, хищение общественной и частной собственности, бессмысленное разрушение городов и деревень, не оправдываемое военной необходимостью; совершение массовых убийств, насилий, грабежей, разбоя, пыток и других варварских жестокостей в отношении беспомощного гражданского населения захваченных стран; усиление влияния и контроля военных и военно-морских групп над чиновниками и учреждениями японского правительства; психологическая подготовка общественного мнения Японии к агрессивным методам ведения войны путем организации так называемых обществ содействия, проведения националистической политики экспансии, распространения военной пропаганды и осуществления строжайшего контроля над прессой и радио; создание „марионеточных“ правительств в побежденных странах; заключение военных союзов с Германией и Италией, чтобы при помощи военной силы содействовать программе экспансии Японии.

Поэтому вышеназванные нации через своих нижеподписавшихся представителей, уполномоченных надлежащим образом представлять соответственно свои правительства в расследовании выдвинутых против главных военных преступников обвинений и предании суду, согласно Потсдамской декларации от 20 июля 1945 г. и акту капитуляции от 2 сентября 1945 г. и Уставу Трибунала, настоящим считают виновными всех вышеперечисленных лиц в преступлениях против мира, военных преступлениях, преступлениях против человечности и в создании общих планов или заговоров для совершения этих преступлений. Как это определяется Уставом Трибунала, все вышеупомянутые лица соответственно называются обвиняемыми в данном деле и их имена последовательно появляются в пунктах обвинения, сформулированных ниже.

Группа первая:
**ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ МИРА**

Все обвиняемые совместно с различными другими лицами между 1 января 1928 г. и 2 сентября 1945 г. участвовали как руководители, организаторы, подстрекатели и сообщники в выработке и выполнении общего плана или заговора и являются ответственными за все действия, совершенные ими самими или любым лицом при выполнении подобного плана.

Пункт 1 Целью этого плана или заговора являлось обеспечение Японией своего военного, морского, политического и экономического господства в Восточной Азии, Тихом и Индийском океанах и во всех странах и на островах этих районов, а также в районах, граничащих с ними, и с этой целью Япония должна была одна или совместно с другими странами, имеющими подобные же цели или которые можно было вовлечь или принудить присоединиться к ней, вести объявленную или необъявленную войну, или агрессивные войны, или войны в нарушение международного права, договоров, соглашений и заверений против любой страны или стран, которые могли бы противодействовать этой цели.

Пункт 2 Все обвиняемые вместе с различными другими лицами между 1 января 1928 г. и 2 сентября 1945 г. участвовали как руководители, организаторы, подстрекатели и пособники в выработке и выполнении общего плана или заговора и являются ответственными за все действия, совершенные ими самими или любым лицом в выполнении подобного плана.

Целью подобного плана или заговора являлось обеспечение Японией военного, морского, политического и экономического господства в провинциях Ляонин, Гирин, Хэйлуцзян и Жэхэ, являющихся частью Китайской Республики, непосредственно или при помощи установления отдельного государства под контролем Японии, и для этой цели Япония должна была бы вести объявленные и необъявленные агрессивные войны или войну и войны, нарушающие международное право, договоры, соглашения и обязательства против Китайской Республики.

Пункт 3 Все обвиняемые вместе с различными другими лицами между 1 января 1928 г. и 2 сентября 1945 г. участвовали как руководители, организаторы, подстрекатели и пособники в составлении и выполнении плана или заговора и являются ответственными за все действия, совершенные ими самими или любым лицом при выполнении подобного плана.

Целью подобного плана или заговора являлось обеспечение Японией военного, морского, политического и экономического господства в Китайской Республике непосредственно или при помощи установления отдельного государства и государств под контролем Японии, и для этой цели Япония должна была бы вести объявленные и необъявленные агрессивные войны и войну или войны, нарушающие международное право, договоры, соглашения и обязательства, против Китайской Республики.

Пункт 4 Все обвиняемые вместе с различными другими лицами между 1 января 1928 г. и 2 сентября 1945 г. участвовали как руководители, организаторы, подстрекатели и сообщники в составлении и выполнении плана или заговора и являются ответственными за все

действия, совершенные ими самими или любым лицом при выполнении подобного плана.

Целью подобного плана или заговора являлось обеспечение Японией военного, морского, политического и экономического господства в Восточной Азии, Тихом и Индийском океанах и всех странах и островах этих районов или граничащих с ними; для этой цели Япония должна была бы одна или с другими странами, имеющими ту же цель или которые можно было бы заставить присоединиться к ней, вести объявленные или необъявленные агрессивные войны или войну и войны, нарушающие международное право, договоры, соглашения и обязательства, против Соединенных Штатов Америки, Британского Содружества Наций (в каждом случае, когда это выражение используется в данном обвинительном акте, имеется в виду Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Южная Африка, Индия, Бирма, Малайские государства и все другие части Британской Империи, не представленные отдельно в Лиге Наций), Французской Республики, Королевства Нидерландов, Китайской Республики, Португальской Республики, Королевства Таи, Филиппин и Союза Советских Социалистических Республик или тех из них, которые могли бы противодействовать этой цели.

Пункт 5 Все обвиняемые вместе с различными другими лицами между 1 января 1928 г. и 2 сентября 1945 г. участвовали как руководители, организаторы, подстрекатели и пособники в составлении и выполнении плана или заговора и являются ответственными за все действия, совершенные ими самими или любым лицом при выполнении подобного плана.

Целью подобного плана или заговора являлось обеспечение Германией, Италией и Японией военного, морского, политического и экономического господства во всем мире; каждая страна имела особое господство в своей собственной сфере. Сфера Японии охватывала Восточную Азию, Тихий и Индийский океаны и все страны и острова в этих районах или прилегающих к ним. Для этой цели эти страны должны были бы активно содействовать друг другу в ведении объявленных и необъявленных агрессивных войн или войн и войн, нарушающих международное право, договоры, соглашения и обязательства, против любых стран, которые могли бы противодействовать этой цели, и в особенности против Соединенных Штатов Америки, Британского Содружества Наций, Французской Республики, Королевства Нидерландов, Китайской Республики, Португальской Республики, Королевства Таи, Филиппин и Союза Советских Социалистических Республик.

Пункт 6 Все обвиняемые между 1 января 1928 г. и 2 сентября 1945 г. планировали и подготавливали агрессивную войну и войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства, против Китайской Республики.

Пункт 7 Все обвиняемые между 1 января 1928 г. и 2 сентября 1945 г. планировали и подготавливали агрессивную войну и войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства, против Соединенных Штатов Америки.

- Пункт 8** Все обвиняемые между 1 января 1928 г. и 2 сентября 1945 г. планировали и подготавливали агрессивную войну и войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства, против Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и всех частей Британского Содружества Наций, не рассматриваемых в отдельных пунктах в этом обвинительном акте.
- Пункт 9** Все обвиняемые между 1 января 1928 г. и 2 сентября 1945 г. планировали и подготавливали агрессивную войну и войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства, против Австралии.
- Пункт 10** Все обвиняемые между 1 января 1928 г. и 2 сентября 1945 г. планировали и подготавливали агрессивную войну и войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства, против Новой Зеландии.
- Пункт 11** Все обвиняемые между 1 января 1928 г. и 2 сентября 1945 г. планировали и подготавливали агрессивную войну и войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства, против Канады.
- Пункт 12** Все обвиняемые между 1 января 1928 г. и 2 сентября 1945 г. планировали и подготавливали агрессивную войну и войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства, против Индии.
- Пункт 13** Все обвиняемые между 1 января 1928 г. и 2 сентября 1945 г. планировали и подготавливали агрессивную войну и войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства, против Филиппин.
- Пункт 14** Все обвиняемые между 1 января 1928 г. и 2 сентября 1945 г. планировали и подготавливали агрессивную войну и войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства, против Королевства Нидерландов.
- Пункт 15** Все обвиняемые между 1 января 1928 г. и 2 сентября 1945 г. планировали и подготавливали агрессивную войну и войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства, против Французской Республики.
- Пункт 16** Все обвиняемые между 1 января 1928 г. и 2 сентября 1945 г. планировали и подготавливали агрессивную войну и войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства, против Королевства Таи.
- Пункт 17** Все обвиняемые между 1 января 1928 г. и 2 сентября 1945 г. планировали и подготавливали агрессивную войну и войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства, против Союза Советских Социалистических Республик.

- Пункт 18** Обвиняемые Араки, Доихара, Хасимото, Хиранума, Итагаки, Койсо, Минами, Окава, Сигэмицу, Тодзио и Умэдзу 18 сентября 1931 г. или около этого времени явились инициаторами агрессивной войны против Китайской Республики, войны, нарушающей международное право, договоры, соглашения и обязательства.
- Пункт 19** Обвиняемые Араки, Доихара, Хасимото, Хата, Хиранума, Хирота, Хосино, Итагаки, Кайя, Кидо, Мацуи, Муто, Судзуки, Тодзио и Умэдзу 7 июля 1937 г. или около этого времени явились инициаторами агрессивной войны против Китайской Республики, войны, нарушающей международное право, договоры, соглашения и обязательства.
- Пункт 20** Обвиняемые Доихара, Хиранума, Хирота, Хосино, Кайя, Кидо, Кимура, Муто, Нагано, Ока, Осима, Сато, Симада, Судзуки, Того, Тодзио 7 декабря 1941 г. или около этого времени явились инициаторами агрессивной войны против Соединенных Штатов Америки, войны, нарушающей международное право, договоры, соглашения и обязательства.
- Пункт 21** Те же обвиняемые, что и в п.20, 7 декабря 1941 г. или около этого времени явились инициаторами агрессивной войны против Филиппин, войны, нарушающей международное право, договоры, соглашения и обязательства.
- Пункт 22** Те же обвиняемые, что и в п.20, 7 декабря 1941 г. или около этого времени явились инициаторами агрессивной войны против Британского Содружества Наций, войны, нарушающей международное право, договоры, соглашения и обязательства.
- Пункт 23** Обвиняемые Араки, Доихара, Хиранума, Хирота, Хосино, Итагаки, Кидо, Мацуока, Муто, Нагано, Сигэмицу и Тодзио 22 сентября 1940 г. или около этого времени явились инициаторами агрессивной войны против Французской Республики, войны, нарушающей международное право, договоры, соглашения и обязательства.
- Пункт 24** Те же обвиняемые, что и в п.20, 7 декабря 1941 г. или около этого времени явились инициаторами агрессивной войны против Королевства Таи, войны, нарушающей международное право, договоры, соглашения и обязательства.
- Пункт 25** Обвиняемые Араки, Доихара, Хата, Хиранума, Хирота, Хосино, Итагаки, Кидо, Мацуока, Мацуи, Сигэмицу, Судзуки и Того в течение июля и августа 1938 года развязали агрессивную войну, войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства, напав на Союз Советских Социалистических Республик в районе озера Хасан.
- Пункт 26** Обвиняемые Араки, Доихара, Хата, Хиранума, Итагаки, Кидо, Койсо, Мацуи, Мацуока, Муто, Судзуки, Того, Тодзио и Умэдзу в течение лета 1939 года развязали агрессивную войну, войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства, напав на территорию Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол.

- Пункт 27** Все обвиняемые между 18 сентября 1931 г. и 2 сентября 1945 г. вели против Китайской Республики агрессивную войну, войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства.
- Пункт 29** Все обвиняемые между 7 декабря 1941 г. и 2 сентября 1945 г. вели против Соединенных Штатов Америки агрессивную войну, войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства.
- Пункт 30** Все обвиняемые между 7 декабря 1941 г. и 2 сентября 1945 г. вели агрессивную войну против Филиппин, войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства.
- Пункт 34** Все обвиняемые между 7 декабря 1941 г. и 2 сентября 1945 г. вели агрессивную войну против Королевства Таи, войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства.
- Пункт 35** Те же обвиняемые, что и в п.25, в течение лета 1938 года вели против Союза Советских Социалистических Республик агрессивную войну, войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства.
- Пункт 36** Те же обвиняемые, что и в п.26, в течение лета 1939 года вели против Монгольской Народной Республики и Союза Советских Социалистических Республик агрессивную войну, войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства.

Группа вторая:

УБИЙСТВА

- Последующие пункты касаются обвинения в убийстве, заговоре и покушении на убийство, являющихся действиями, за которые перечисленные лица и каждое из них в отдельности несут персональную ответственность; эти действия являются одновременно преступлениями против мира, преступлениями против законов ведения войны и преступлениями против человечности, нарушением всех параграфов ст. 5 Устава Трибунала для Дальнего Востока, международного права и внутренних законов всех или одной и более стран, где эти преступления совершались (включая Японию).
- Пункт 37** Обвиняемые Доихара, Хиранума, Хирота, Хосино, Кайя, Кидо, Кимура, Муто, Нагано, Ока, Осима, Сато, Симада, Судзуки, Того и Тодзио вместе с различными другими лицами между 1 июня 1940 г. и 8 декабря 1941 г. участвовали как руководители, организаторы, подстрекатели или соучастники в составлении или выполнении общего плана или заговора и ответственны за все действия, совершенные ими самими или другими лицами в порядке выполнения подобного плана.
- Целью плана или заговора явилось незаконное убийство описываемых ниже лиц путем открытия незаконных военных действий против Соединенных Штатов Америки, Филиппин, Британского Содружества Наций, Королевства Нидерландов и Королевства Таи и путем незаконных приказов, побуждения и разрешения вооруженными силами Японии напасть на территорию, суда и самолеты перечисленных стран или некоторых из них, в то время когда Япония находилась с ними в состоянии мира.

Замышлялось убийство всех лиц, как военнослужащих вышеперечисленных наций, так и гражданского населения, которые могли оказаться в районах, на которые в это время были совершены нападения.

Упомянутые военные действия или нападения являлись незаконными, так как нарушали ст. 5 приложения „В”, и как обвиняемые, так и вооруженные силы Японии не могли поэтому иметь прав законно воюющих сторон.

Все обвиняемые и каждый из них в отдельности замыслили развязывание подобных военных действий.

Пункт 38 Обвиняемые Доихара, Хиранума, Хирота, Хосино, Кайя, Кидо, Кимура, Мацуока, Муто, Нагано, Ока, Осима, Сато, Симада, Судзуки, Того и Тодзио вместе с различными другими лицами между 1 июня 1940 г. и 8 декабря 1941 г. участвовали как руководители, организаторы, подстрекатели или сообщники в выработке или выполнении общего плана или заговора и ответственны за все действия, совершенные ими самими или любым лицом в порядке выполнения подобного плана.

Объектом плана или заговора являлись незаконные убийства перечисленных ниже лиц путем развязывания незаконных военных действий против Соединенных Штатов Америки, Филиппин, Британского Содружества Наций, Королевства Нидерландов и Королевства Таи, путем издания незаконных приказов, понуждающих вооруженные силы Японии к нападению на территории, суда и самолеты всех перечисленных стран или некоторых из них и разрешающих вооруженным силам Японии такое нападение.

Замышлялось убийство всех лиц, как военнослужащих вышеперечисленных наций, так и гражданского населения, которые могли оказаться в районах, на которые в это время были совершены нападения.

Все обвиняемые и каждый из них в отдельности замыслили развязывание подобных военных действий.

Пункт 39 Те же обвиняемые, что и в п. 38, при обстоятельствах, изложенных в пп. 37 и 38 данного обвинительного акта, приказывая, давая повод и разрешая вооруженным силам Японии напасть на территорию, суда и самолеты Соединенных Штатов Америки, с которыми Япония находилась в состоянии мира, в Пёрл-Харборе, на Гавайях 7 декабря 1941 г., около 7 час. 55 мин. (по пёрл-харборскому времени), незаконно убили адмирала Кида и около 4 тыс. человек других представителей морских и сухопутных сил США и некоторых гражданских лиц, имена и численность которых в настоящее время неизвестны.

Пункт 44 Все обвиняемые совместно с другими лицами между 18 сентября 1931 г. и 2 сентября 1945 г. участвовали в качестве руководителей, организаторов, подстрекателей или пособников в составлении или выполнении общего плана или заговора и ответственны за все действия, совершенные ими самими или любым лицом в порядке проведения подобного плана.

Целью плана или заговора явилось осуществление и допущение убийств в широком масштабе следующих категорий лиц: военнопленных, представителей вооруженных сил стран, противостоящих Японии и сложивших оружие, и гражданского населения этих стран, оказавшегося под властью Японии на суше или на море, на территориях, оккупированных Японией, а также команд судов, потопленных японскими вооруженными силами в безжалостной погоне за победой в незаконных войнах, в которых Япония участвовала и могла участвовать в упомянутый выше период.

- Пункт 45** Обвиняемые Араки, Хасимото, Хата, Хиранума, Хирота, Итагаки, Кайя, Кидо, Мацуи, Муто, Судзуки и Умэдзу 12 декабря 1939 г. и в последующие дни посредством незаконных приказов, попустительства и разрешения вооруженным силам Японии напасть на город Нанкин и путем организации массовых убийств его жителей в нарушение международного права незаконно убили тысячи лиц гражданского населения и разоруженных солдат Китайской Республики.
- Пункт 46** Те же обвиняемые, что и в п.45, 21 октября 1938 г. и в последующие дни посредством незаконных приказов, попустительства и разрешения вооруженным силам Японии напасть на город Кантон и путем организации массовых убийств его жителей в нарушение международного права убили тысячи лиц гражданского населения и разоруженных солдат Китайской Республики.
- Пункт 51** Обвиняемые Араки, Доихара, Хата, Хиранума, Итагаки, Кидо, Койсо, Мацуи, Мацуока, Муто, Судзуки, Того, Тодзио и Умэдзу посредством приказов, попустительства и разрешения вооруженным силам Японии напасть на территории Монголии и Союза Советских Социалистических Республик, с которыми Япония находилась в состоянии мира, в районе реки Халхин-Гол летом 1939 года убили некоторое количество военнослужащих Вооруженных Сил Монголии и Союза Советских Социалистических Республик.
- Пункт 52** Обвиняемые Араки, Доихара, Хата, Хиранума, Хирота, Хосино, Итагаки, Кидо, Мацуока, Мацуи, Сигэмицу, Судзуки и Тодзио посредством приказов, попустительства и разрешения вооруженным силам Японии напасть на территорию Союза Советских Социалистических Республик, с которым Япония находилась в состоянии мира, в районе озера Хасан в июле и августе 1938 года незаконно убили некоторое количество военнослужащих Вооруженных Сил Союза Советских Социалистических Республик.

Группа третья:

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ
ОБЫЧАЕВ ВОЙНЫ
И ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ
ЧЕЛОВЕЧНОСТИ**

Следующие пункты содержат обвинения в преступлениях против обычаев войны и преступлениях против человечности, являющихся актами, за которые названные лица и каждый из них в отдельности несут ответственность согласно ст. 5, и особенно п. „b” и „c” ст. 5, Устава Международного военного трибунала для Дальнего Востока и согласно международному праву или одному из них.

Пункт 53 Обвиняемые Доихара, Хата, Хосино, Итагаки, Кайя, Кидо, Кимура, Койсо, Муто, Нагано, Ока, Осима, Сато, Сигэмицу, Симада, Судзуки, Того, Тодзио и Умэдзу совместно с различными другими лицами между 7 декабря 1941 г. и 2 сентября 1945 г. участвовали в качестве лидеров, организаторов, подстрекателей или сообщников в формулировании или выполнении общего плана или заговора и являются ответственными за все действия, совершенные ими или любым лицом при выполнении такого плана.

Целью плана или заговора было приказать, уполномочить и разрешить главнокомандующим некоторых морских и сухопутных сил на каждом из нескольких театров военных действий, на которых Япония была занята, и чиновникам военного министерства Японии, и лицам, ведающим каждым из лагерей и рабочими командами из военнопленных и интернированных лиц на территории Японии или территории, занятой ею, и военной и гражданской полиции Японии, и соответственно подчиненным им лицам совершать частые и привычные нарушения законов и обычаев войны в том виде, в каком они выражены и подтверждаются конвенциями, обязательствами и практикой, на которые делается ссылка в Приложении „D“ к обвинительному акту, против вооруженных сил стран, названных здесь в дальнейшем, и против тысяч военнопленных и гражданских лиц, находившихся в то время во власти Японии, — граждан Соединенных Штатов Америки, Британского Содружества Наций, Французской Республики, Королевства Нидерландов, Филиппин, Китайской Республики и Союза Советских Социалистических Республик; согласно конвенциям, обязательствам, законам и обычаям войны, правительству Японии следовало бы воздержаться от принятия соответствующих шагов, чтобы обеспечить соблюдение и предупредить нарушение их.

В отношении Китайской Республики реализация указанного плана или заговора началась 18 сентября 1931 г., и, помимо вышеупомянутых, в этом принимали участие обвиняемые: Араки, Хасимото, Хиранума, Хирота, Мацуи, Мацуока, Минами.

Поэтому обвинения, выдвинутые в обвинительном акте против вышеупомянутых обвиняемых, настоящим представляются на рассмотрение Международного трибунала.

Приложение „А“

**АГРЕССИЯ
ПРОТИВ
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА**

На протяжении многих лет Япония непрерывно готовила войну и осуществляла акты агрессии против Советского Союза. Потерпев в период с 1918 по 1922 год неудачу в своих попытках захвата советского Дальнего Востока, Япония не оставляла мысли о захвате советских областей, расположенных к востоку от озера Байкал. Начиная с 1928 года генеральный штаб Японии планировал агрессивную войну против СССР, выжидая лишь удобного случая для развязывания этой войны.

Важным шагом в подготовке агрессивной войны против СССР являлся захват в 1931 году Маньчжурии, которая, так же как и Корея, в течение ряда лет была превращена в плацдарм для нападения на СССР. Построенные после 1931 года железные и шоссейные дороги в Маньчжурии имели стратегическое значение и вели к границам СССР. Была увеличена численность Квантунской армии с двух дивизий в 1931 году до пятнадцати дивизий в 1941 году.

Было построено большое количество новых аэродромов, укрепленных районов, складов, казарм, морских и речных портов, предназначенных для развязывания агрессивной войны против СССР. Усиленно развивалась военная промышленность Маньчжурии. Пограничные с СССР районы колонизировались японскими резервистами, что имело целью усилить Квантунскую армию в момент мобилизации. Усиленно велась направленная против Советского Союза пропаганда в печати, радио и т.п. Япония широко поддерживала и организовывала на территории Маньчжурии враждебные Советскому Союзу элементы из числа русских эмигрантов, готовя их для диверсионных действий против СССР.

Япония систематически создавала вооруженные столкновения на границе и организовывала акты саботажа, диверсий и террора на КВЖД.

В 1932 году Япония дважды отклоняла предложения СССР о заключении пакта о ненападении.

В 1938 году Япония, не объявляя войны, совершила нападение на территорию Советского Союза у озера Хасан.

В 1939 году Япония, также не объявляя войны, напала на территорию союзной СССР Монгольской Народной Республики у реки Халхин-Гол, завязав бои с армией МНР и союзной ей Красной Армией. В обоих этих случаях Япония преследовала цели разведки боем сил Красной Армии и захвата стратегических позиций для будущей войны против СССР. Получив оба раза отпор и понеся большие потери, Япония тем не менее не прекращала подготовки к внезапному нападению на СССР.

Готовясь к войне против Советского Союза, Япония в течение ряда лет договаривалась о совместном осуществлении агрессии с гитлеровской Германией и фашистской Италией. Основными этапами в этом сговоре агрессоров были заключение в 1936 году так называемого антикоминтерновского пакта и подписание в 1940 году тройственного договора Японии с Германией и Италией, которые имели в виду совместные агрессивные действия этих стран против демократических держав, в том числе и против СССР. В марте 1941 года, будучи в Берлине в целях сговора с Гитлером о совместной агрессии против демократических стран, обвиняемый Мацуока был информирован германским правительством о том, что Германия готовится к войне против СССР. Заключив вслед за этим от имени Японии 13 апреля 1941 г. пакт о нейтралитете, Мацуока уже в начале июля того же года после вероломного нападения Германии на СССР официально заявил советскому послу в Токио о том, что основой внешней политики Японии является союз с Германией и что если Германия обратится к Японии с просьбой о помощи, то пакт о нейтралитете с СССР не явится для Японии препятствием к ее выступлению на стороне Германии. В соответствии с этим правящая милитаристская клика Японии на всем протяжении войны между Германией и СССР открыто проявляла свою враждебность по отношению к Советскому Союзу, держала отборную армию на советских границах, являлась организатором широкой пропаганды против Советского Союза.

Япония активно помогала гитлеровской Германии, снабжая ее военной информацией о СССР, организуя пиратские нападения на

советские торговые суда и парализуя советское торговое судоходство на Дальнем Востоке путем закрытия проливов, установления запретных зон и особых ограниченных фарватеров.

В целях оказания помощи Германии Япония летом 1941 года после нападения Германии на СССР увеличила вдвое состав своей армии в Маньчжурии, доведя впоследствии ее численность до миллиона человек, чем заставила Советский Союз содержать на Дальнем Востоке значительные вооруженные силы вместо того, чтобы использовать их в войне против Германии.

Тогда же, летом 1941 года, Япония разработала новый план внезапного нападения на СССР и содержала Квантунскую армию в полной готовности к такому нападению. Нападению помешал отнюдь не пакт о нейтралитете, с которым, как видно из вышеуказанного, Япония не считалась, а успехи Вооруженных Сил СССР в войне против Германии.

ИЗ ВСТУПИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СОВЕТСКОГО СОЮЗА — ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АКАДЕМИИ НАУК СССР С. А. ГОЛУНСКОГО

В изложении

8 октября 1946 г. на заседании Международного военного трибунала в Токио обвинитель от СССР С. А. Голунский выступил с речью, в которой обосновал часть обвинения, касающуюся японской агрессии против Советского Союза.

„Мы, — заявил С. А. Голунский, — обвиняем людей, которые сидят здесь на скамье подсудимых, в совершении ряда преступлений в период между 1928 и 1945 годами”.

Прежде чем перейти к этому периоду, обвинитель привел факты, характеризующие японскую агрессию против нашей страны. С. А. Голунский указал, что вероломное нападение японцев на русскую эскадру в Порт-Артуре в 1904 году вызвало суровое осуждение всего мира и явилось одним из поводов для заключения на второй Гаагской конференции в 1907 году конвенции о порядке начала военных действий. Нападение японцев на Перл-Харбор в 1941 году в точности воспроизводит схему, по которой было осуществлено нападение на Порт-Артур. Это — не случайное совпадение, это — метод японской агрессивной политики, это — японская военная доктрина, на которой обучались целые поколения японских офицеров.

Напомнив затем о японской интервенции на советском Дальнем Востоке в 1918—1922 гг., С. А. Голунский заявил, что хотя тогда

попытка захвата советских дальневосточных территорий Японии не удалась, но мечта об этом продолжала жить среди японской военщины и японских империалистических политиков до самого последнего времени и мотивировала собой целый ряд их агрессивных действий в продолжение всего периода, охватываемого обвинительным актом.

В течение всего периода, охватываемого обвинительным актом, характер и формы японской агрессии против Советского Союза менялись. Оставалась неизменной только основная цель — так или иначе, тем или иным способом захватить столько советских территорий, сколько удастся, и нанести такой удар по Советской стране, какой только окажется возможным. Обвинитель разбил для удобства рассмотрения все время, охватываемое обвинительным актом, на четыре периода: а) период с 1928 года до захвата Маньчжурии; б) период с 1931 по 1936 год; в) период с 1936 года до начала войны в Европе; г) последний период (с 1939 г. — М. Р.) вплоть до капитуляции Японии.

Характеризуя первый период, обвинитель напомнил, что в 1925 году в Пекине была заключена между Советской Россией и Японией конвенция об основных принципах мирных взаимоотношений между обеими странами. Однако обязательства, вытекающие из этой конвенции, с самого начала грубо нарушались Японией. „Мы, — говорит обвинитель, — представим Трибуналу доказательство того, что начиная с 1928 года японские военные деятели и генеральный штаб Японии в целом уже планировали агрессивную войну против Советского Союза, выжидая лишь удобного случая для развязывания этой войны. Военные деятели Японии, однако, понимали, что, не имея солидного плацдарма, трудно рассчитывать на успешное ведение войны против Советского Союза. Поэтому основная забота японской военщины в период с 1928 до 1931 год заключалась в приобретении такого плацдарма. Понятно, что их взгляды (японских военных деятелей. — *М.Р.*) обращались прежде всего к Маньчжурии, которая могла быть успешно превращена в плацдарм для развертывания дальнейшей японской агрессии против Китая, Советского Союза.

Готовясь к этому первому шагу, японская военщина в течение всего времени с 1928 по 1931 год, как, впрочем, и после этого, планировала и осуществляла подпольную подрывную деятельность, направленную против Советского Союза.

Мы представим суду доказательства, свидетельствующие о том, что такая диверсионная, подрывная деятельность японской агентуры против Советской страны осуществлялась по заранее продуманным и разработанным планам, по прямым указаниям японской военщины”.

Перейдя ко второму периоду, С.А.Голунский сказал, что захват Маньчжурии в 1931 году явился очень важным этапом в развертывании японской агрессии не только против Китая, но и против СССР. Больше того, захват Маньчжурии имел громадное значение для подготовки всей японской агрессии вообще. В конце 1931 года Советское правительство сделало японскому правительству предложение заключить пакт о ненападении и возобновило это предложение в 1932 году. Японское правительство отклонило его. Отказ подписать предложенный Советским Союзом пакт бесспорно

доказывает, что все те военные приготовления, которые японское командование стало проводить сразу же после захвата Маньчжурии, не имели оборонительного характера и что цель этих приготовлений заключалась в том, чтобы превратить Маньчжурию и Корею в плацдарм для ведения агрессивной войны против Советского Союза.

„В течение того же периода, — продолжал обвинитель, — Япония принимала все меры к тому, чтобы установить свое военное, политическое и экономическое господство во Внутренней Монголии с тем, чтобы распространить его впоследствии также и на Внешнюю Монголию, на территории которой в 1922 году образовалась Монгольская Народная Республика. Японская военщина планировала захват Монгольской Народной Республики, чтобы превратить ее в плацдарм для нанесения удара по жизненным коммуникациям Советского Союза”.

Обвинитель указал, что предупреждение со стороны Советского правительства: в случае нападения Японии на Монгольскую Народную Республику Советский Союз окажет ей помощь своими вооруженными силами — заставило японских агрессоров призадуматься, но отнюдь не отказаться от своих агрессивных планов. Им стало ясно, что одними своими силами им вряд ли удастся осуществить свои захватнические намерения в отношении МНР и Советского Дальнего Востока. Надо было искать союзников в Европе. К этому времени на европейском горизонте уже отчетливо выявились как явно агрессивные державы, родственные Японии по своему антидемократическому духу, — Германия и Италия.

25 ноября 1936 г. был подписан „антикоминтерновский пакт”. Тогда еще не было известно точное содержание секретного соглашения, приложенного к этому пакту, которое теперь предъявляется трибуналу. „Теперь мы точно знаем, — говорит обвинитель, — что оно было прямо направлено против Советского Союза. В то время Япония, так же как и Германия, пыталась убедить мир, что подписанный ими пакт есть орудие чисто идеологической борьбы с влиянием Коминтерна. Но уже и тогда всему миру было ясно, что разговоры о борьбе с влиянием Коминтерна — это только ширма, прикрывающая действительный сговор агрессивных государств о

совместной агрессии против демократических держав". Обвинитель указал, что за заключение этого пакта личную ответственность несут все подсудимые, и прежде всего тогдашний премьер Хирота и бывший председатель тайного совета Хиранума.

Затем обвинитель перешел к характеристике третьего периода. Он указал, что после того, как „антикоминтерновский пакт" был использован как средство объединения сил агрессоров против демократических держав, Япония стала стремиться к еще более тесному сближению с гитлеровской Германией и фашистской Италией. Указав, что начавшиеся в январе 1938 года переговоры Японии с Германией и Италией о заключении формального военного и политического союза велись безрезультатно более полутора лет вследствие выявившихся расхождений во взглядах между Японией и Германией относительно ближайших планов их совместной агрессии, обвинитель продолжал: „Здесь, на этом процессе, при допросе свидетелей Сидэхара, Угаки, Окада и других вырисовывалась совершенно нелепая картина. Нам предлагали поверить, что решительно все в Японии — и правительство, включая и военного министра, и придворные круги, и вообще весь правящий класс Японии, — в общем все, за исключением нескольких полковников и майоров Квантунской армии, были против агрессии, возмущались ею, делали все, что могли, чтобы приостановить ее, а между тем японские войска в течение целых десяти лет совершали новые и новые нападения, захватывали все новые и новые территории. Мы представим Трибуналу доказательства того, что нападения японских войск на советскую территорию и территорию МНР были осуществлены с ведома и согласия японского правительства и с его полного одобрения, как это, впрочем, было и на других этапах японской агрессии".

Обрисовав уроки, полученные японцами при Хасане и на реке Халхин-Гол, обвинитель указал, что в результате этих событий японские империалисты поняли, что только своими силами им с Советским Союзом не справиться, и взгляды руководителей японской агрессии стали „со все большим вожделием останавливаться на германском бронированном кулаке". Летом 1940 года возобновились переговоры между

Германией и Италией, с одной стороны, и Японией, с другой стороны, о заключении военного и политического союза. Переговоры эти привели к заключению 27 сентября 1940 г. трехстороннего пакта, который окончательно оформил заговор агрессивных держав против демократического мира, и в частности против СССР. Этот пакт представляется трибуналу. Плодами этого заговора была целая серия преступных действий крупного международного масштаба. „Мы докажем, — говорит обвинитель, — что одной из жертв этого заговора намечался с самого начала Советский Союз и что реализация этого заговора принесла огромный ущерб интересам Советского Союза.

Мы представим Трибуналу доказательства, из которых будет совершенно ясно, что действительное значение тройственного пакта в области советско-японских отношений понималось руководителями японской агрессии таким образом:

- 1) если возникнет война между Германией и Советским Союзом, то пакт даст возможность Японии самой захватить те советские территории, которые давно уже возбуждали японский аппетит;
- 2) если война между Германией и СССР не возникнет, то надо будет постараться запугать Советский Союз бронированным немецким кулаком, так как на опыте уже выяснилось, что собственный японский кулак для Советского Союза не страшен.

Расчет этот казался японским империалистам безошибочным. Они ошиблись только в том, что и германская военная машина разбилась вдребезги о военную мощь Советского Союза".

Перейдя к последнему периоду, вплоть до капитуляции Японии, обвинитель напомнил, что 13 апреля Мацуока подписал от имени Японии пакт о нейтралитете с СССР.

„Доказательства, которые мы представим Трибуналу, — заявил обвинитель, — покажут, что, заключая этот пакт, японское правительство не собиралось соблюдать его и нарушило его сразу же, как только Германия напала на Советский Союз. Мы также представим Трибуналу доказательства, которые покажут, что Япония в этот момент не напала на СССР лишь потому, что обстановка, сложившаяся летом 1941 года,

казалась руководителям японской агрессии еще недостаточно подходящей. Мацуока надеялся обмануть Советское правительство и рассчитывал, что, как только начнется война с Германией, Советский Союз, полагаясь на этот пакт, перебросит все свои войска с Дальнего Востока на Западный фронт, и тогда вся Восточная Сибирь и Приморье станут легкой добычей Японии. Но эта попытка не удалась. При тяжелом положении на Западном фронте в первые месяцы войны с Германией Советский Союз не ослабил своей обороны на Дальнем Востоке, несмотря на то, что японское правительство в июле-августе 1941 года неоднократно давало заверения в своем намерении соблюдать пакт о нейтралитете.

Мы представим Трибуналу доказательства того, что на совещании руководящих военных и политических деятелей Японии в личном присутствии императора и под его председательством 2 июля 1941 г. было решено следующее:

1. Япония не будет вмешиваться в войну с СССР только „пока“ и применит оружие, „если германо-советская война будет развиваться в пользу Японии“.
2. До тех пор Япония будет под прикрытием дипломатических переговоров „скрытно вести вооруженную подготовку против СССР“.

В осуществление этого решения японским генеральным штабом и штабом Квантунской армии был выработан особый план секретной мобилизации, зашифрованный названием „Кан Току Эн“, что буквально означало: „Особые маневры Квантунской армии“. Согласно этому плану, численность Квантунской армии должна была быть увеличена в течение двух месяцев вдвое — с 300 тыс. до 600 тыс. человек.

План этот проводился в жизнь в самом спешном порядке. Среди японской военщины в то время был распространен лозунг „Не опоздать на автобус“.

Немцы обещали разгромить Советский Союз не позже чем в два месяца, и японские заправилы рассуждали так: зачем нам лезть сейчас напролом и нести потери в боях с Красной Армией, к тому же в Восточной Сибири нет нефти, которая нам нужна. Мы пока захватим на юге все, что нам нужно, а к осени, когда немцы разобьют Красную

Армию и в Советском Союзе наступит дезорганизация, мы легко заберем все то, что захотим. А пока мы будем вести дипломатические переговоры, будем клясться в верности пакту о нейтралитете, чтобы пустить пыль в глаза Советскому Союзу и замаскировать от него наши военные приготовления“.

Далее С.А.Голунский отметил, что советское обвинение представит доказательства того, что в августе 1941 года нападение на Советский Союз намечалось уже на лето 1942 года, причем предполагалось всю Восточную Сибирь включить в район так называемой великой Восточной Азии.

Границы этой великой Восточной Азии, которая, согласно тройственному пакту, отдавалась на съедение Японии, рассматривались руководителями японской агрессии, как нечто очень эластичное.

На втором заседании Тайного совета 12 октября 1942 г., на котором обсуждался вопрос о создании министерства по делам великой Восточной Азии, Тодзио спросили, каковы же пределы сферы великой Восточной Азии. В ответ на этот вопрос Тодзио назвал те территории, которые к этому времени уже были захвачены Японией, и добавил, что в эту сферу должны войти также новые территории, оккупируемые в ходе войны, и что таким образом эта сфера будет расширяться с увеличением оккупированных территорий.

Другими словами, в состав великой Восточной Азии будет включено все то, что удастся проглотить.

„Мы представим Трибуналу, — сказал обвинитель, — документальные доказательства, из которых будет видно, что из советских территорий предполагалось проглотить все, что не будет проглочено Германией. Так, сибирскую магистраль предполагалось поделить: к западу от Омска — Германии, а к востоку — Японии.“

В период 1941—1942 гг. в Токио разрабатывались не только оперативные планы военного нападения на Советский Союз, но и планы военного управления теми советскими территориями, которые предполагалось оккупировать. Мы представим эти планы Трибуналу. Из них будет видно, как предполагалось применить на практике японскую расовую теорию, как намечалось

организовать массовое переселение на оккупированную территорию японцев и разрабатывались специальные меры для предотвращения концентрации в Сибири славян, „вытесняемых с запада“. Все эти планы и расчеты строились на твердой уверенности в окончательной победе Германии”.

Обвинитель указывает, что ставка на победу Германии и на поражение Красной Армии была непременным условием, которое фигурировало во всех расчетах японских политиков, когда они развивали свои агрессивные планы не только против Советского Союза, но также против Соединенных Штатов и Великобритании. И эта ставка была бита. Время шло, но победа Германии в Европе и Японии — на Тихом океане не наступала. Наоборот, японские вооруженные силы все глубже и глубже увязали в войне, а Красная Армия по-прежнему твердо стояла на советских границах, и тот благоприятный момент для нападения на СССР, которого все время ждали и не могли дожидаться японские завоеватели, не приходил.

Обвинитель подчеркивает, что это не значит, что Япония, хотя и поневоле, соблюдала пакт о нейтралитете с Советским Союзом. Япония преднамеренно и систематически нарушала этот пакт и оказала Германии очень серьезную помощь. Несмотря на большую потребность в войсках на других фронтах, Япония все больше и больше усиливала свои вооруженные силы на советской границе. В 1942 году в Маньчжурии было сосредоточено 1 млн. 100 тыс. войск, т.е. почти 35% всей японской армии, включая танковые и авиационные части.

Указав, что японское правительство знало, что СССР не собирается напасть на Японию, обвинитель продолжал:

„Если бы Япония честно соблюдала свой договор о нейтралитете с Советским Союзом, если бы она не вынуждала его держать, по собственному признанию японского командования, очень большие вооруженные силы на границах с Маньчжурией, то СССР имел бы возможность с самого начала использовать эти силы в войне с Германией. Это не только изменило бы весь ход советско-германской войны, но, по всей вероятности, весь ход второй мировой войны был бы совершенно другим. Что же касается советско-германской войны, то совершенно бес-

спорно, что эта война кончилась бы гораздо скорее и с гораздо меньшими жертвами для Советского Союза.

Правда, с другой стороны, если бы вся эта миллионная армия, которую японское правительство и японское командование в продолжение всей войны держало в Маньчжурии, со всей ее военной техникой была брошена в бой на Филиппинах, на Новой Гвинее и на других фронтах, то задача союзных армий на этих фронтах была бы, конечно, существенно затруднена. Однако это никак не является смягчающим обстоятельством для обвиняемых”.

Обвинитель указал, что Япония нарушала пакт о нейтралитете с Советским Союзом также путем передачи Германии в течение всей войны военной информации о Советском Союзе. Япония топила советские суда и всячески препятствовала советскому судоходству на Дальнем Востоке.

После безоговорочной капитуляции Германии японские политики и стратеги поняли, что с „новым порядком“ в Европе покончено раз и навсегда. Однако и после этого они не захотели сложить оружие, рассчитывая на то, что, имея еще нетронутую отборную армию Маньчжурии и большие силы на японских островах, они могут поторговаться и не только спасти свою шкуру, но и сохранить средства для того, чтобы начать планировать и готовить новую агрессивную войну. Поэтому они отвергли Потсдамскую декларацию, призывавшую Японию к безоговорочной капитуляции, и обратились к Советскому правительству с просьбой о посредничестве.

Но демократические страны, наученные горьким опытом, твердо стояли на своем решении не идти ни на какие сделки с агрессором. Они не могли пойти ни на что другое, кроме безоговорочной капитуляции Японии, от которой японское правительство отказывалось. Такой отказ означал затяжку войны на неопределенное время.

Вот почему Советский Союз отверг просьбу японского правительства о посредничестве, как беспредметную, и по просьбе своих союзников — США и Великобритании, — верный своему союзническому долгу, желая всемерно ускорить окончание войны, от которой человечество уже шесть лет истекало кровью, объявил войну японскому агрессору.

Советский Союз преследовал при этом также и цель: дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции.

Свою речь С. А. Голунский закончил следующими словами: „Понадобился сокрушительный удар Красной Армии по сосредоточенным в Маньчжурии отборным японским войскам, чтобы зарвавшиеся японские империалисты, наконец, поняли, что они проиграли войну. Они поняли, что они побиты, да и трудно было не понять этого при том положении, в каком оказалась

разгромленная и окруженная со всех сторон Япония, но они до сих пор не признают и не хотят признать, что они совершили преступление. Они все как один заявили здесь на суде, что не считают себя виновными ни в чем. Это еще раз подчеркивает, что, если бы они оказались на свободе, если бы в их руках оказались необходимые средства, они опять стали бы действовать точно так же, как они действовали до сих пор”.

В конце речи С. А. Голунский представил Международному трибуналу помощников обвинителя от Советского Союза, которые представят доказательства обвинения.

ИЗ ПРОЕКТА ДОГОВОРА, ПРЕДЛОЖЕННОГО ЯПОНСКОЙ ДЕЛЕГАЦИЕЙ ДЕЛЕГАЦИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ* НА ДАЙРЕНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(апрель 1922 г.)

- Статья 1** Правительство Дальневосточной Республики должно сделать Владивосток чисто торговым портом, поставив его под иностранный контроль, и не предпринимать никаких мер, затрудняющих торговлю.
- Статья 10** Правительство Дальневосточной Республики обязуется перед японским правительством на все времена не вводить на своей территории коммунистического режима и сохранять принцип частной собственности не только в отношении японских подданных, но и своих граждан.
- Статья 11** Признавая принцип открытых дверей, правительство Дальневосточной Республики должно отменить для подданных Японии всякие ограничения, существовавшие на его территории, и не устанавливать их никогда в будущем в вопросах горнопромышленности, земледелия, лесных промыслов и вообще во всей добывающей промышленности, а равно предоставить японским подданным полную свободу торговли, ремесел, промыслов, приравняв их к подданным собственного государства, а также правительство Дальневосточной Республики обязуется предоставить японским подданным право собственности на землю и полную свободу каботажного плавания под японским флагом.

Правительство Дальневосточной Республики обязуется предоставить японским подданным свободное плавание по р. Амуру под японским флагом и соглашается заявить китайскому правительству о своем желании предоставить японским подданным право плавания по р. Сунгари под японским флагом. Настоящая статья рас-

* Дальневосточная Республика — буферное государство с демократическим правительством, созданное на Дальнем Востоке.

пространяется только на японских подданных, и приобретенные в порядке сей статьи права не могут распространяться на других иностранцев.

Статья 14 Правительство Дальневосточной Республики обязуется скрыть, а в необходимых случаях взорвать все свои крепости и укрепления по всему морскому побережью в районе Владивостока и на границе с Кореей и в будущем никогда их не восстанавливать, а также не предпринимать никаких военных мер в районах, прилегающих к Корее и Маньчжурии.

Правительство Дальневосточной Республики обязуется никогда не держать в водах Тихого океана военного флота и уничтожить существующий.

Статья 15 При решении николаевского вопроса* правительство Дальневосточной Республики обязуется передать японскому правительству северную часть острова Сахалин в аренду сроком на 80 лет как компенсацию за понесенные японскими подданными убытки во время николаевских событий.

Секретные статьи

Статья 2

Японское правительство эвакуирует свои войска из Приморской области по собственному усмотрению и в срок, который оно найдет нужным.

Статья 3

Эвакуация из Сахалинской области произойдет после фактического получения в аренду северной части острова Сахалин на условиях, изложенных в ст. 15 договора.

[„Стенограммы...“, ед. хр. 275, лл. 8—10]

Военный атташе
при японском
посольстве в СССР,
подполковник
кавалерии
Касахара Юкио

29 марта 1931 г. № 14

Секретно

**СООБРАЖЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБОРОНЕ ИМПЕРИИ
ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

(Извлечение)

**I. Соображения о японо-советской войне
и политике против СССР**

О способности СССР
вести войну
и о его политике
в будущем

В настоящий момент Красная Армия по части оснащения и обучения достигла уже соответствующего уровня и, пожалуй, превосходит армии блока Польши, Румынии и Прибалтийских государств. Но она еще не обладает достаточной мощностью для проведения войны

* Столкновение между партизанами и японскими войсками в городе Николаевске-на Амуре, результатом которого были жертвы с обеих сторон.

в широком смысле этого слова, иначе говоря, экономическая мощь СССР, военная промышленность и единство наций на сегодняшний день еще не достигли достаточного уровня.

**О политике империи
в отношении СССР**

Если наша империя согласна быть „малой Японией“, то дело другое. Если же она намерена существовать в качестве Великой Японии, ей нельзя будет избежать судьбы рано или поздно столкнуться с СССР.

Однако из вышесказанного видно также, что будет лучше, если японо-советская война начнется раньше, принимая во внимание состояние оборонной мощи СССР и положение в иностранных государствах; мы должны осознать то, что с каждым днем обстановка делается все более благоприятной для них.

Я считаю необходимым, чтобы власти повели политику с расчетом как можно скорее начать войну с СССР.

**II. Первоочередные вопросы, связанные
с проведением войны с Советским Союзом**

**1. Необходимость
стратегии сокрушения**

Исходя из условий империи, нам нужно провести войну в стремительном темпе, добиваясь быстрой развязки. Это положение не требует доказательств. Однако советский Дальний Восток далеко отстоит от политических и промышленных центров СССР, и мы путем оккупации территории не сможем решить судьбу противника.

Нам недостаточно разбить его в бою. Нам нужно будет вести войну на сокрушение, чтобы нанести моральный удар внутри СССР и таким образом рассчитывать на крушение СССР изнутри. Это — единственный метод войны с СССР.

**2. Конечный момент
военных операций**

Хотя мы рассчитываем на быстрый конец войны, исходя из стратегии сокрушительной войны, как об этом было сказано выше, однако обстоятельства не всегда будут развиваться в соответствии с нашими желаниями. Возникает чрезвычайной важности вопрос о конечном моменте наших военных операций. Разумеется, нам нужно будет осуществить продвижение по меньшей мере до Байкала. Что же касается дальнейшего наступления на Запад, то это должно быть решено в зависимости от общей обстановки, которая создастся к тому времени, и в особенности в зависимости от состояния государств, которые выступят с Запада. В том случае, если мы остановимся на Забайкальской линии, Япония должна будет рассматривать оккупированный Дальневосточный край как часть владений империи. На этой территории наши войска должны расположиться в порядке военных поселений, т. е. на долгие времена.

**3. Подрытая
пропаганда**

Ввиду того, что Японии будет трудно нанести смертельный удар Советскому Союзу путем войны на советском Дальнем Востоке, особое внимание должно быть уделено тому, чтобы путем подрывной пропаганды вовлечь западных соседей и другие государства в войну с СССР и вызвать распад внутри СССР путем использования белых групп внутри и вне (Советского) Союза, инородцев и всех антисоветских элементов. Это является особенно важным условием в войне против Советского Союза.

В связи с этими задачами деятельность наших разведывательных органов не нужно ограничивать только собиранием сведений о СССР, но проводить ее, имея в виду главным образом подрывную работу против СССР.

**5. Вопрос о сроках
реализации мероприятий
по обороне империи**

Программа наших вооружений должна сводиться к одному из двух следующих положений:

1. Организация вооружений с таким расчетом, чтобы быть готовыми к войне в любой момент, или
2. Постепенное изживание дефектов в деле обороны империи с тем, чтобы через 10 лет достигнуть полной готовности.

Важность проблемы заключается в том, на какой принцип мы будем опираться. Если будет взят курс на скорейшее открытие войны с СССР, нужно, конечно, принять первый принцип. Второй принцип может быть принят в том случае, если не будет определен точно срок войны. Нам нужно иметь в виду, что если мы изберем первый путь, то в настоящий момент или в ближайшем будущем СССР, в случае войны с Японией, будет не в состоянии развернуть военные операции большого размаха.

[„Стенограммы...“, ед. хр. 275, лл. 35—39]

Секретно

**ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПЛАНА
ПОДРЫВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Составлено предположительно в середине 1932 года

Из директивного письма японского генштаба

**I. Война
с Советским
Союзом**

1. Проводить, начиная с мирного времени, пропаганду в отношении фактов большевизации, проводимой на Дальнем Востоке Советским Союзом и Третьим Интернационалом; разъяснять позицию империи в отношении политики большевизации, проводимой Советским Союзом, обосновывая тем самым справедливость войны с СССР.

2. Для того чтобы как можно скорее сокрушить боеспособность Советского Союза после начала военных действий, провести в жизнь следующие мероприятия:

1) Оказать поддержку движению за независимость Украины, Грузии и Азербайджана и организовать там волнения.

2) Эмигрантские антисоветские организации русских установят связь со своими единомышленниками внутри Советского Союза, будут способствовать созданию антивоенных настроений и составят заговор для свержения рабоче-крестьянской власти.

[„Стенограммы...“, ед. хр. 275, л. 40]

Секретно

РЕЗЮМЕ БЕСЕДЫ ПОСЛА ХИРОТА С ГЕНЕРАЛ-МАЙОРОМ ХАРАДА 1 ИЮЛЯ 1931 Г.

Посол Хирота просит передать его мнение начальнику генштаба армии Японии относительно государственной политики Японии.

„По вопросу о том, следует ли Японии начать войну с Советским Союзом или нет, считаю необходимым, чтобы Япония стала на путь твердой политики в отношении Советского Союза, будучи готовой начать войну в любой момент.

Кардинальная задача этой войны должна заключаться не столько в предохранении от коммунизма, сколько в завладении советским Дальним Востоком и Восточной Сибирью”.

[„Стенограммы...”, ед. хр. 275, л. 90]

ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ ОБВИНЕНИЯ ПО ДЕЛУ ХАСИМОТО КИНГОРО

**А. Его позиция
в отношении СССР,
Маньчжурии
и Монголии**

Будучи японским военным атташе в Турции, Хасимото в апреле 1929 года присутствовал в Берлине на совещании японских военных атташе. На совещании обсуждались вопросы, касавшиеся СССР. Была произведена оценка текущей и будущей обстановки в СССР, обсуждено, какую политику должна вести Япония в том случае, если в будущем в СССР произойдут перемены; были обсуждены различные виды подрывной деятельности, которую должны были вести европейские страны в случае войны с СССР; был представлен доклад, в какого рода деятельности можно использовать белогвардейцев; был произведен обмен мнениями по вопросу об изменениях отношений Европы и Советского Союза в том случае, если Япония перестанет поддерживать дружественные связи с СССР.

Хасимото внес предложение, что Троцкий и его 60 сообщников, которые прибыли в Турцию, могут быть использованы в целях шпионажа и что сведения нужно покупать у „хороших шпионов”, если таковых можно обнаружить.

В секретном докладе от 15 ноября 1929 г. Хасимото предложил, что с целью ведения военных действий против СССР должен быть захвачен Кавказ. Он посоветовал помощнику начальника генерального штаба, что это можно осуществить путем натравливания всех народов Кавказа друг против друга. В этой стране можно поднять волнения, проповедуя идею создания Великой Армении или независимой Грузии, или же спровоцировать движение мусульман или партизанское движение горцев. Он сказал, что пропаганда идеи создания Великой Армении явится наилучшим средством для создания такой обстановки, независимо от ее успешного проведения, потому что это вызовет большие беспорядки ввиду оппозиции Грузии, Азербайджана и Турции.

[„Стенограммы...”, ед. хр. 256, лл. 746—747]

ИЗ MEMOРАНДУМА БЫВШЕГО РЕЙХСФЮРЕРА СС ГИММЛЕРА ОТНОСИТЕЛЬНО ЕГО БЕСЕД С ХИРОСИ ОСИМА

Мы обсудили заключение договора, благодаря которому треугольник Германия — Италия — Япония примет еще более прочную форму.

Он также сказал мне, что вместе с германским абвером он принимает большую работу по разложению, начиная с Кавказа и Украины. Однако эта организация должна стать особенно эффективной во время войны.

Он под секретом сообщил мне, что купил поместье в Фалькензи на имя среднего буржуа. Там работают шесть русских. Они пишут и печатают памфлеты, которые переправляются в Россию через Польшу в маленьких воздушных шарах при благоприятном ветре.

Он также купил моторную лодку для того, чтобы перебрасывать листовки из Румынии в Крым по Черному морю.

[„Стенограммы...”, ед. хр. 341, л. 177]

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ХИРОСИ ОСИМА

„...В 1936 году, как я уже указал, были заключены секретный пакт и антикоминтерновский пакт. Вслед за этим, в 1937 году, когда не было заключено секретных договоров, германская и японская армии согласились снабжать друг друга разведывательными данными о военном положении России. В связи с этим было решено в большом масштабе использовать белых русских, которые и до этого использовались в достаточной мере и связь с которыми осуществлялась через такие места, как Варшава и Париж...”

[„Стенограммы...”, ед. хр. 341, л. 170]

ИЗ АФФИДЭВИТА К. В. РОДЗАЕВСКОГО, БЫВШЕГО ГЛАВЫ „РУССКОГО ФАШИСТСКОГО СОЮЗА” — БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В МАНЬЧЖУРИИ

В вопросе подготовки нападения на СССР японцы очень доверяли белогвардейцам, живущим в Маньчжурии, и поэтому старались активизировать антисоветскую деятельность белогвардейцев. Предполагалось во время войны с СССР использовать белогвардейцев в качестве вооруженной силы, а после удачного для Японии окончания войны они должны были проводить японскую политику в захваченных у СССР районах. Руководство антисоветской деятельностью белогвардейских организаций проводилось японскими военными миссиями, которыми в свою очередь руководила Харбинская военная миссия. Кроме того, белогвардейские организации поддерживались самой Японией непосредственно. Генерал Араки и генерал Койсо лично обещали мне помощь в активизации антисоветской работы „Русского фашистского союза”.

[„Стенограммы...”, ед. хр. 340, л. 191]

**ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ЯНАГИТО ГЭНДЗО,
БЫВШЕГО ГЛАВЫ ХАРБИНСКОЙ
ВОЕННОЙ МИССИИ**

- Вопрос:** *Имели ли Вы отношение к белоэмигрантам в бытность Вашу начальником военной миссии в Харбине?*
- Ответ:** *Да, имел. По указанию командующего Квантунской армией мы должны были подготовить белоэмигрантов в качестве агитаторов, пропагандистов, разведчиков и диверсантов. Формирования белоэмигрантов маскировались как части Маньчжурской армии. Часть белоэмигрантов служила в японской военной миссии и выполняла функции по пропаганде и разведке.*
- Вопрос:** *Расскажите, кто ее организовал?*
- Ответ:** *Эта часть была организована приблизительно в 1936 году штабом Квантунской армии в лице помощника начальника 2-го отделения – подполковника Ямаока.*
- Вопрос:** *Что такое отряд „Асано“?*
- Ответ:** *Часть „Асано“ являлась диверсионной частью, состоявшей из русских белоэмигрантов.*
- Вопрос:** *Существовала ли часть „Асано“ в тот период, когда Вы работали начальником миссии?*
- Ответ:** *Да, существовала.*
- Вопрос:** *Штаб Квантунской армии знал о ее существовании?*
- Ответ:** *Разумеется, знал. Мы вообще ничего не делали без распоряжения командующего Квантунской армией. Часть „Асано“ по его распоряжению была включена в состав Маньчжурской армии. Личный состав „Асано“ был одет в маньчжурскую форму.*
- Вопрос:** *Какие задачи ставил перед собой отряд „Асано“?*
- Ответ:** *Задачей отряда „Асано“ была подготовка на случай войны с СССР диверсионных частей. Командиром отряда был полковник маньчжурской службы японец Асано...*
До 1941 года отряду платило маньчжурское военное министерство, а с момента издания плана „Кан Току Эн“ отряд „Асано“ был взят на содержание штабом Квантунской армии.
- Вопрос:** *Была ли военной миссией заготовлена красноармейская военная форма для отряда „Асано“?*
- Ответ:** *Военной миссией было заготовлено некоторое количество комплектов красноармейского обмундирования, которые были предназначены для отряда „Асано“ на случай войны.*
- Вопрос:** *С какой целью была заготовлена красноармейская форма?*
- Ответ:** *Для того, чтобы переодеть в нее диверсантов из отряда „Асано“ и таким образом обмануть Красную Армию.*

ИЗ ДНЕВНИКА МАРКИЗА КИДО

18 апреля (1941 г.)

Получена телеграмма от посла Осима. Согласно его отчету, Германия намерена напасть на Россию в том случае, если позиция России будет для Германии неудовлетворительной. Поэтому я думаю, что нам совершенно необходимо принять меры для того, чтобы встретить эту ситуацию, так как мы имеем договор о нейтралитете с Советским Союзом. Германия не особенно считается с военной мощью России и не имеет в виду нашего присоединения к возможной будущей войне.

[„Стенограммы...”, ед. хр. 275, л. 229]

Военная тайна

Сов. секретно

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РЕЧИ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА КВАНТУНСКОЙ АРМИИ НА СОВЕЩАНИИ КОМАНДИРОВ СОЕДИНЕНИЙ В АПРЕЛЕ 1941 ГОДА

Штаб Квантунской армии
24 апреля 1941 г.

[Извлечение]

РАЗДЕЛ I ОЦЕНКА ПОЛОЖЕНИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ЯПОНО-СОВЕТСКИЙ ДОГОВОР О НЕЙТРАЛИТЕТЕ

1. Настоящий договор, являясь одним из дипломатических шагов с точки зрения усиления союза трех держав, учитывая современное положение нашей империи, предполагает внести на некоторое время мир и спокойствие в дипломатические отношения Японии и Советского Союза...

Для того чтобы получить практический результат от этого договора в будущем, армии ни в коем случае не допускать ни малейшего ослабления подготовки к военным операциям. Получение результатов может быть ускорено еще большим усилением и расширением этой подготовки.

Никаких изменений в прежние установки для армии не вносятся.

3. В Японии и Маньчжурии публично часто говорится об ослаблении и уменьшении наших военных приготовлений против Советского Союза в связи с заключением договора о нейтралитете, но в наших военных приготовлениях против СССР, как говорилось выше, не только не будет никаких изменений в сравнении с прошлым, но, наоборот, сейчас особенно необходимо иметь точные установки в отношении идеологической, контрразведывательной и подрывной работы. Особенно необходимо сделать все, чтобы быстро довести до полного понимания подчиненными этого смысла.

Однако, чтобы не умалить политического эффекта этого договора, необходимо проводить работу по его выполнению совершенно секретно и принимать особые меры предосторожности.

[„Стенограммы...”, ед. хр. 275, лл. 60—61]

ИЗ ДНЕВНИКА МАРКИЗА КИДО

6 июня (1941 г.)

В 9 час. утра звонил принц Коноэ и сообщил мне, что посол Осима имел интервью с Гитлером в Берхтесгадене. Судя по отчету посла, Германия, наконец, решила напасть на Россию, и Гитлер сделал косвенный запрос о создании объединенного фронта против России, хотя он ничего не сказал положительного.

[„Стенограммы...”, ед. хр. 275, л. 229]

ТЕЛЕГРАММА ПОСЛА ОТТА

С е к р е т н о. Весьма срочно

Токио
22 июня 1941 г., 22 час. 15 мин.
№ 1012 от 22 июня

В ответ на телеграфное предписание,
текст за № 401 от 21 июня

Господину имперскому министру иностранных дел

Сегодня в 19 час. по японскому времени, после предъявления вышеупомянутого телеграфного предписания, я посетил Мацуока и подробно разъяснил ему меморандум германского правительства, а также передал прокламацию фюрера.

Министр иностранных дел воспринял мое разъяснение с полным пониманием и сообщил мне, что посол Осима получил от министерства иностранных дел сегодня после 4 часов по немецкому, и соответственно после 11 часов по японскому, времени сообщение о начале войны с Советским Союзом.

Мацуока разъяснил далее:

1. Члены основного ядра кабинета, куда входят премьер-министр, министр иностранных дел, военный министр и министр финансов, встретятся завтра днем. Он будет докладывать о сложившейся обстановке и надеется, что он сможет без промедления сообщить германскому правительству точку зрения японского правительства;
2. Японское правительство не будет принимать никаких мер без подробного совещания с имперским (т. е. германским. — *Прим. ред.*) правительством;
3. Лично он может еще раз заверить, что Соединенные Штаты будут не в состоянии переправлять военные поставки в Советский Союз через Тихий океан. Японский кабинет будет, вероятно, того же мнения (по этому вопросу).

Он лично по-прежнему считает, что Япония не может долгое время занимать нейтральную позицию в этом конфликте... К концу беседы Мацуока получил другую телеграмму Осима, в которой сообщалось, что имперский министр иностранных дел ставит (японцев) в известность о том, что русские якобы переправляют войска с Дальнего Востока.

Мацуока тут же заявил, что он сейчас же предложит соответствующие меры. Во время всей беседы Мацуока говорил совершенно уверенно и был настроен сердечно.

[„Стенограммы...”, ад. хр. 275, лл. 270—271]

ТЕЛЕГРАММА ПОСЛА ОТТА

(Секретный шифр) Весьма срочно

Токио, 3 июля 1941 г., 3 час. 55 мин.
Принято 3 июля 1941 г., 6 час. 30 мин.

В ответ на телеграмму № 342

Для господина имперского (т.е. германского. — *Прим. ред.*)
министра иностранных дел

Тотчас же по получении вышеуказанного телеграфного сообщения я увиделся с Мацуока и лично передал ему послание рейхсминистра иностранных дел.

На заседании кабинета он предупредил премьер-министра Коноэ и других членов кабинета, что японский народ вскоре потребует от правительства действий против Советского Союза. Противоположные силы, которые сейчас стоят на первом плане, не смогут долго противодействовать.

Мацуока пояснил, что японское заявление было сделано русскому послу в такой форме с тем, чтобы обмануть русских или оставить их в неведении, так как подготовка к войне еще не закончена.

* В то время посол СССР в Японии.

Сметанин* в настоящий момент не подозревает, что военные приготовления против Советского Союза, о чем свидетельствует полученное нами решение правительства, ведутся со все возрастающей быстротой.

Далее он заявил Сметанину, что, насколько Японии известно, Соединенные Штаты Америки не обещали оказывать помощь вооружением, а Советский Союз не просил подобной помощи. Он хотел бы дать настойчивый совет — не пытаться налаживать подобное сотрудничество, так как Япония не допустит поставок.

[„Стенограммы...”, ад. хр. 275, лл. 272—273]

Берлин, 6 июля 1941 г.

Секретно

ИЗ МЕМОРАНДУМА УПРАВЛЕНИЯ АБВЕР

Верховное командование вооруженных сил сообщает: полковник Ямамото, помощник японского военного атташе в Берлине, явился 4 июля 1941 г. в сопровождении майора Хигути к начальнику II отдела контрразведки полковнику фон Лагузену* и заявил следующее: японский генеральный штаб готов проводить подрывную деятельность на Дальнем Востоке против Советского Союза, особенно со стороны Монголии и со стороны Маньчжоу-го, и в первую очередь в районе, прилегающем к озеру Байкал.

* Имеется в виду полковник Лахузен.

[„Стенограммы...”, ад. хр. 275, л. 275]

ИЗ ПОКАЗАНИЙ БЫВШЕГО ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ЯПОНСКОЙ АРМИИ МАЦУМУРА ТОМОКАЦУ

В японском генеральном штабе я служил на разных должностях с 1929 года. В октябре 1941 года вступил в должность начальника 5-го отделения (информация о СССР) второго (разведывательного) отдела генерального штаба, откуда в августе 1943 года был переведен в штаб Квантунской армии на должность начальника первого (оперативного) отдела. В марте 1945 года я был назначен заместителем начальника штаба Квантунской армии и в этой должности пробыл до капитуляции. В этот период в связи с моей служебной деятельностью мне лично стали известны следующие факты, о которых и свидетельствую.

1. Прибыв в 1943 году в штаб Квантунской армии, я, как начальник оперативного отдела, в первую очередь ознакомился с имевшимися в штабе Квантунской армии оперативными планами войны.

Я тогда ознакомился с директивой начальника генерального штаба об оперативном плане войны с СССР на 1942 год и самим оперативным планом, составленным штабом Квантунской армии на основании этой директивы.

Директива генерального штаба предписывала штабу Квантунской армии составить план войны против СССР с общей задачей захвата Советского Приморья и уничтожения авиационных баз в Приморской области. Главный удар должен был быть нанесен в направлении г. Ворошилова. В директиве указывалось, что после захвата Приморской области Квантунской армии необходимо подготовиться к выполнению последующих задач.

2. Вскоре после моего назначения в октябре 1941 года начальником 5-го отделения второго отдела генерального штаба начальник второго отдела генерал-лейтенант Окамото Сэйфуку в своем кабинете отдал мне приказание передавать в 16-е (германское) отделение второго отдела сведения о СССР, сбором которых занималось возглавляемое мною 5-е отделение. При этом генерал-лейтенант пояснил, что этими сведениями интересуется германский военный атташе Кречмер.

После этого мною по приказанию начальника второго отдела генерал-лейтенанта Окамото Сэйфуку, а после его ухода с этой должности по приказанию его преемника генерал-лейтенанта Арисуэ Сэйдзо систематически передавались в 16-е отделение для полковника Кречмера сведения о силах Советской Красной Армии, о дислокации частей Советской Красной Армии на Дальнем Востоке, о военном потенциале СССР. Для Кречмера мною передавались сведения об уходе советских дивизий с Дальнего Востока на Запад, о передвижении соединений Советской Армии внутри страны, о развертывании эвакуированной советской военной промышленности. Все эти сведения давались на основании донесений, поступавших в японский генеральный штаб от японского военного атташе в Москве и из других источников.

ТЕЛЕГРАММА ПОСЛА ОТТА

Весьма секретно

Токио, 4 сентября 1941 г.
Получено 5 сентября 1941 г.
№ 1713 от 4 сентября 1941 г.

Третий кабинет Коноэ после отставки Мацуока решил провести широкую мобилизацию. Это решение было принято 2 июля в присутствии императора и по характеру своему было направлено против Советского Союза. Ввиду сопротивления, оказываемого русской армией такой армии, как немецкая, японский генеральный штаб, по-видимому, не верит, что сможет достичь решительных успехов в борьбе с Россией до наступления зимы.

В связи с такой оценкой положения Квантунская армия будто бы оказала давление на императорскую штаб-квартиру. Я узнал из достоверного источника, что императорская штаб-квартира пришла в последние дни к решению отложить на время действия против Советского Союза. Принятие нового решения предвидится, как только появятся явные признаки разложения в Дальневосточной армии или когда будет установлено численное превосходство японской армии.

[„Стенограммы...“, ед. хр. 275, л. 279]

ДИРЕКТИВА ПОСЛУ ОСИМА

Из Токио в Берлин
30 ноября 1941 г. № 985

Секретно

Часть 3

Если Германия и Италия зададут Вам вопрос о нашем отношении к Советам, скажите, что мы уже определили наше отношение к русским в нашем заявлении от июля сего года*.

* См. с. 141.

Скажите, что, двигаясь сейчас на юг, мы вовсе не имеем в виду ослабление нашего давления на Советский Союз и что, если Россия завяжет более близкие отношения с Англией и США и будет нам сопротивляться, применяя враждебные действия, — мы готовы повернуть против нее со всей своей мощью.

Однако в настоящий момент нам выгодно двигаться на юг и на некоторое время мы бы предпочли воздержаться от прямого движения на север. Это сообщение важно с военной точки зрения и при всех обстоятельствах должно храниться в абсолютном секрете.

[„Стенограммы...“, ед. хр. 275, л. 280]

ТЕЛЕГРАММА ПОСЛА ОТТА

Весьма срочно

Токио, 4 июля 1941 г., 10 час. 30 мин.
Принято 5 июля 1941 г., 0 час. 55 мин.
№ 1350 от 4 июля

Военный атташе сообщает свои впечатления, которые он вынес из беседы в японском генеральном штабе; японская армия усердно готовится, все более скрывая это:

1. К занятию Сайгона в недалеком будущем. Занятие Сайгона должно явиться предпосылкой для возможного дальнейшего наступления на юг, но для этого еще нет надежных точек опоры.

2. К неожиданному, но неопрометчивому открытию военных действий против России, первая цель которых — захват областей на побережье. Поэтому генерал Ямасита* вначале для того, чтобы передать свой опыт, также остался в Квантунской армии.

* Ямасита в 1940 году возглавил специальную миссию, направленную для изучения опыта военных действий гитлеровских войск.

[„Стенограммы...”, ед. хр. 275, л. 34]

ТЕЛЕГРАММА РИББЕНТРОПА ПОСЛУ ОТТУ

(закодирована по 0)

Спецпоезд „Вестфалия”, № 707, 10 июля 1941 г., 14 час. 51 мин.
Поступила 10 июля 1941 г., 16 час. 00 мин.

Лично послу

4. Я прошу при возможности поблагодарить японского министра иностранных дел за пересылку нам телеграфного отчета японского посла в Москве. Было бы хорошо, если бы и впредь мы могли постоянно получать таким путем известия о России.

Обобщая, я хотел бы сказать:

Теперь, как и прежде, я питаю полное доверие к японской политике и к японскому министру иностранных дел прежде всего уже потому, что сегодняшнее японское правительство действовало бы безответственно по отношению к будущности его нации, если бы оно не использовало эту единственную возможность, чтобы разрешить как русский вопрос, так и обеспечить раз и навсегда свое распространение на юг и урегулирование китайского вопроса.

Так как Россия, как сообщает японский посол из Москвы, действительно стоит перед катастрофой, что, впрочем, совпадает и с нашими наблюдениями, насколько мы это смогли сделать при современной военной обстановке, то невозможно, чтобы Япония, как только она будет готова в военном отношении, в худшем случае не решила бы вопроса о Владивостоке и о сибирском пространстве.

Само собой разумеется, что мы заинтересованы в том, чтобы Япония на юге обеспечила себе дальнейшие позиции в Индокитае и так далее, как вообще мы в принципе приветствовали бы любое экспансионистское мероприятие Японии.

В остальном я прошу Вас всеми имеющимися в Вашем распоряжении средствами и впредь действовать в духе моего послания на имя Мацуока для быстреего вступления Японии в войну против России, так как чем раньше произойдет это вступление, тем это будет лучше. Разумеется, и на дальнейшее остается целью, чтобы Япония и мы до наступления зимы протянули друг другу руки на транссибирской дороге.

С крушением России позиция государств Пакта трех в мире будет столь гигантской, что вопрос крушения Англии, или абсолютное уничтожение английских островов, станет вопросом только времени.

Против овладения остальными позициями Британской империи, важными для государств Пакта трех, будет выступать одна Америка, полностью изолированная от остального мира.

Риббентроп

[„Стенограммы...“, ед. хр. 275, лл. 220, 224–225]

ТЕЛЕГРАММА ОТТА И КРЕЧМЕРА ОТ 25 ИЮЛЯ 1941 Г. В БЕРЛИН

(в адрес министра иностранных дел
и Верховного командования сухопутной армии)

А. Наряду с усилиями японских частей в Маньчжурии, равно как и в Северном Китае, формируется новая группа войск в Корее.

Б. Помимо японских войск в Маньчжоу-го и Корее, согласно высказываниям офицеров генерального штаба, для направления против Советского Союза предназначаются, очевидно, также части японской армии в Северном Китае.

В отношении японского оперативного плана ясности еще нет, однако, вероятно, они не ограничатся наступлением на район Владивостока и севернее, но одновременно будет предпринято также наступление в направлении озера Байкал, а именно вдоль ж.д. Маньчжурия — Чита и из района Калган через Внешнюю Монголию.

В. Время наступления еще неясно, но можно предположить, что развертывание войск потребует времени еще до середины августа. Кроме того, генерал Окамото многократно в разговоре упоминал, что Япония лишь тогда выступит, когда немецкие части достигнут Волги.

Отт, Кречмер

[„Стенограммы...“, ед. хр. 196, лл. 345–346]

ДИРЕКТИВА ПОСЛУ ОСИМА

Из Токио в Берлин
6 декабря 1941 г. № 1003

С р о ч н о

Относительно 2-й части Вашего № 1418-а:

1. С точки зрения, изложенной в 4-й части моего № 985-б, мы желали бы избежать положения, которое привело бы к вооруженному столкновению с Советской Россией, до тех пор, пока стратегические обстоятельства не позволят нам этого. Объясните германскому правительству нашу позицию и договоритесь с ним о том, чтобы оно, хотя бы в настоящее время, не настаивало на обмене дипломатическими нотами по этому вопросу.

При этом объясните им как можно лучше, что, поскольку американские материалы, направляемые в Советскую Россию, проходят через пункты, лежащие в пределах досягаемости нашей разведки, мы знаем, что они не слишком высокого качества, а количество их невелико и что, если мы начнем войну с США, мы захватим все американские корабли, направляемые в Советскую Россию.

[„Стенограммы...”, ед. хр. 275, л. 282]

ШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА ПОСЛА ОТТА ИЗ ТОКИО ОТ 21 ЯНВАРЯ 1942 Г.

Судя по конфиденциальным данным, проводятся военные приготовления против России. Здешние влиятельные круги придерживаются мнения, что после взятия порта Дарвин Япония нападет на Россию и захватит Владивосток, Приморье и Северный Сахалин для того, чтобы окончательно обеспечить себя с севера.

[„Стенограммы...”, ед. хр. 275, л. 283]

ТЕЛЕГРАММА РИББЕНТРОПА ПОСЛУ ОТТУ

Держать под замком

Из Берлина
15 мая в Токио
Токийское посольство № 1197/9 от 14 мая (1942 г.)

Послу лично

Ответ на телеграмму от 6 мая № 142

1. Если японские данные о русских вооруженных силах в Сибири точны и она (Япония. — *М.Р.*) способна справиться с сопротивлением русских во Владивостоке и проникнуть в Сибирь в направлении озера Байкал, то такая операция будет иметь очень большое значение для дальнейшего развития войны.

2. Если Япония не располагает достаточными силами для успешного проведения подобной операции, то, естественно, ей лучше поддерживать нейтральные отношения с Советской Россией. Это даже облегчит труд, поскольку Россия, во всяком случае, должна держать войска в Восточной Сибири для предупреждения японо-русского конфликта. Прежде всего следует избегать каких-либо заверений русским со стороны Японии.

Риббентроп

[„Стенограммы...”, ед. хр. 275, лл. 284—285]

ВЫДЕРЖКИ ИЗ КНИГИ „СВОДНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЗАПИСКИ ЗА 1942 ГОД”

Издана исследовательским Институтом
тотальной войны в марте 1942 года

Мероприятия по управлению Сибирью
(включая Внешнюю Монголию).
(Часть 2, глава 5, с. 235—239, 248)

На обложке гриф
„Секретно”

Общий курс

1. Общая цель управления состоит в том, чтобы подготовить на севере оборонительный район для обеспечения обороны сферы взаимного процветания Восточной Азии.

Для этого с самого начала вводится военная администрация, обеспечивается спокойствие в оккупированных районах, что создает благоприятные условия для действий оперативных войск, и одновременно закладываются предварительные основы для управления этими районами как частью сферы взаимного процветания.

Исходя из изложенного выше, в каждом отдельном районе проводится политика, соответствующая особенностям районов.

2. Ликвидируется коммунистическая идеология и коммунистические организации; вместо них вводятся идеи нового порядка в Восточной Азии...

3. Объявляются полностью недействительными прежние законы; это делается простым и сильным приказом. Под энергичным руководством империи местные жители в принципе не принимают участия в политике; если необходимо, предоставляется минимальное самоуправление.

4. Система частной собственности в принципе восстанавливается. Однако время и способы осуществления этого избираются в соответствии с обстановкой.

5. Основное внимание уделяется разработке естественных ресурсов, особенно добыче необходимых металлов и разработке пищевых ресурсов, целью которых является обеспечение самоснабжения.

6. Прежняя плановая экономика реорганизуется, превращаясь в одно из звеньев плановой экономики сферы взаимного процветания великой Восточной Азии.

**Политика
и идеология**

7. Если это необходимо в интересах государства и с точки зрения экономики, производится переселение японцев, корейцев и маньчжурцев.

8. В соответствии с необходимостью проводится принудительное переселение местных жителей.

Северный Сахалин, Приморская область и Камчатка в перспективе становятся владением (империи) и превращаются в военный опорный район на северных рубежах империи.

1. Основные политические мероприятия, которые должны быть приняты одновременно с оккупацией:

а) Заявление об упразднении коммунистической системы:

восстановление в принципе системы частной собственности;

полное искоренение коммунистической политической системы и методов проведения политики;

запрещение всех политических организаций и политического движения;

б) Закрепление местных жителей Северного Сахалина в качестве рабочей силы для разработки рудных ресурсов.

2. На протяжении всего периода войны осуществляется военная администрация в общем на основе следующих принципов.

а) Национальная политика:

во всех областях ясно утвердить руководящее превосходство японской нации;

б) Политические и идеологические мероприятия:

имея целью внедрение нашей мощи, пользоваться строгой реальной силой, не опускаться до так называемого принципа умеренности;

устранить коммунистов и прочих лиц, которые в прошлом составляли руководящий слой; запретить все коммунистические издания, спектакли, кинофильмы, песни и пр.

[„Стенограммы...“, ед. хр. 275, лл. 87–89]

ИЗ БЕСЕДЫ РИББЕНТРОПА С ПОСЛОМ ОСИМА

от 24 июня 1942 г.

Экзибит* 778
Документ 1372-А

„В ходе беседы Риббентроп указал на значение, которое имеет 1942 год для совместных военных действий Германии и Японии.

Японскому флоту предстоит еще разрешить такие важные задачи, как укрепление японских позиций в Австралии, наступательные операции в Индийском океане, закрепление позиций на Гавайских, а также на Алеутских островах.

* Это означает, что документ был принят в качестве доказательства Международным военным трибуналом, судившим в Нюрнберге главных нацистских военных преступников.

Если здесь будет нанесен новый тяжелый удар американцам и англичанам, то это будет иметь большое значение для совместного ведения войны.

Риббентроп заявил, что важно не упускать из вида русский вопрос и использовать этот год для того, чтобы энергично атаковать противника и совместными действиями окончательно вывести его из войны”.

[ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, лл. 231—232]

ИЗ ПРИГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ДЛЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

„В 1942 году японский генеральный штаб армии и штаб Квантунской армии разработали новые наступательные военные планы против Советского Союза, остававшиеся в силе на 1943 год.

Согласно этим планам война против Советского Союза должна была начаться неожиданно после сосредоточения в Маньчжурии около 30 дивизий.

Трибунал считает, что до 1943 г. Япония не только планировала вести агрессивную войну против Советского Союза, но и продолжала активную подготовку к такой войне”.

[ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, лл. 858—859]

Секретное государственное дело

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ РЕЙХСМИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РИББЕНТРОПА С ПОСЛОМ ОСИМА ОТ 6 МАРТА 1943 г.

Посол Осима заявил, что он получил телеграмму из Токио и по поручению своего правительства должен сообщить министру следующее.

Предложение германского правительства о нападении на Россию явилось предметом совещания между японским правительством и императорской верховной ставкой, на котором вопрос подвергся детальному обсуждению и тщательному изучению.

Результат следующий: японское правительство полностью сознает опасность, грозящую ей со стороны России, и вполне понимает желание своего германского союзника, чтобы Япония со своей стороны вступила в войну против России. Однако японское правительство, исходя из современного военного положения, не может вступить в войну. Напротив того, оно скорее уверено в том, что в обоюдных интересах не начинать в настоящий момент войны против России. С другой стороны, японское правительство никогда не будет упускать из виду русский вопрос. Японское правительство намерено в будущем вновь взять инициативу в свои руки на других фронтах.

...В отношении распределения сил на русско-японском фронте посол считает, что японские вооруженные силы значительно уступают русским. У японского генерального штаба имеется подробный обзор о состоянии Красной Дальневосточной армии на основе тщательно созданной сети шпионажа на русской стороне... Имеется точная картина о положении дотов, толщине дотов и т.д. Общая численность русской армии составляет 800 тыс. человек. То, что русские оставили столько войск у границы, весьма естественно, так как у них на протяжении их истории постоянно бывали неприятные и неожиданные нападения со стороны Японии.

[„Стенограммы...“, ед. хр. 275, лл. 293—299]

Секретные государственные дела

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ Г-НА ИМПЕРСКОГО МИНИСТРА РИББЕНТРОПА С ПОСЛОМ ОСИМА 18 АПРЕЛЯ 1943 г. В ФУШЛЕ

Г-н имперский министр иностранных дел тотчас же подчеркнул еще раз, что для Японии, если она чувствует себя достаточно сильной и обладает достаточным количеством противотанкового оружия, этот год представляет самую удобную возможность напасть на Россию, которая никогда не будет такой слабой, какой она является теперь... Японские данные о численности русских войск в Сибири 800 тыс., по нашему мнению, преувеличены. Наши данные говорят о 250 тыс. человек, к тому же второклассных солдат, так как все сибирские дивизии уже разбиты немецкой армией в последнюю зиму.

Посол Осима сказал здесь, что уже 20 лет все планы генерального штаба разрабатывались для наступления на Россию и все снова направлено на это наступление. Если можно будет предвидеть успех в этом направлении, то, несомненно, можно будет начать наступление.

[„Стенограммы...“, ед. хр. 275, лл. 307—311]

ИЗ ПРИГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ДЛЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Когда стало очевидным, что Япония вынуждена будет капитулировать, были приняты организованные меры для того, чтобы сжечь или уничтожить каким-либо другим образом все документы и другие доказательства относительно плохого обращения с военнопленными и гражданскими интернированными лицами. 14 августа 1945 г. японский военный министр приказал всем штабам армий немедленно уничтожить путем сожжения все секретные документы. В тот же день начальник жандармерии разослал различным жандармским управлениям инструкции, в которых подробно излагались методы эффективного уничтожения путем сожжения большого количества документов. Начальник отделения лагерей для воен-

нопленных (Административный отдел по делам военнопленных при Бюро военных дел) отправил 20 августа 1945 г. начальнику штаба японской армии на острове Тайвань циркулярную телеграмму, в которой он заявил: „С документами, которые могут оказаться неблагоприятными для нас, если они попадут в руки противника, следует обращаться так же, как и с секретными документами, и по использованию их необходимо уничтожить“. Эта телеграмма была отправлена в японскую армию в Корею, Квантунскую армию, армию в Северном Китае, в Гонконг, на остров Борнео, в Таи, Малайю и на остров Ява. Именно в этой телеграмме начальник отделения лагерей по делам военнопленных сделал следующее заявление: „Личному составу, который плохо обращался с военнопленными и гражданскими интернированными лицами или к которому относятся с большим недовольством, разрешается ввиду этого немедленно переехать в другое место или скрыться без следа“.

[ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, лл. 1197—1198]

ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СОВЕТСКОГО СОЮЗА — ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТНИКА ЮСТИЦИИ 2-ГО КЛАССА А. Н. ВАСИЛЬЕВА*

„Господин Председатель и господа члены Трибунала, близится момент, когда вами будет вынесен приговор по делу главных японских военных преступников.

Рассмотрение этого дела, занявшее столь длительное время, должно увенчаться актом, достойным высокой цели, во имя которой организован Международный военный трибунал.

Эта цель — осудить японскую агрессию против миролюбивых народов, сурово покарать главных японских военных преступников и этим помочь превращению Японии в мирное демократическое государство и предохранить мир от новой агрессии, предотвратить тех, кто, ослепленный сумасбродной идеей мирового господства, идеями захвата чужих земель и покорения народов, захотел бы осуществить что-либо подобное тому, во имя чего развивали свою преступную деятельность японские сподвижники Гитлера.

Империалистическая Япония, которая была на протяжении многих лет очагом агрессии на Востоке, гитлеровская Германия и фашистская Италия, вступив в заговор, развязали вторую мировую войну и поставили человечество и его цивилизацию на край гибели.

Советский Союз принял на себя главный удар агрессоров и сыграл решающую роль в их разгроме, в спасении человечества от фашистского варварства. Поэтому и как ближайший сосед Японии, Советский Союз заинтересован в радикальной ликвидации японского очага агрессии. Ликвидация японской агрессии означает в пределах компетенции Трибунала прежде всего суровое осуждение группы заговорщиков, находящихся на скамье подсудимых. Подсудимые и теперь еще не сложили оружия. Они продолжают активно защищать свою преступную агрессивную политику.

Представшие перед трибуналом заговорщики опасны еще и тем, что вокруг них концентрируются самые реакционные элементы Японии в лице бывших генералов, разведчиков, дипломатов, которые, выступая в

* С ноября 1946 г. сменил С. А. Голунского в качестве обвинителя от СССР. Ныне доктор юридических наук, профессор МГУ.

суде в качестве свидетелей, изо всех сил стараются выгородить своих бывших хозяев.

Пусть все это будет учтено Трибуналом при вынесении приговора.

Как обвинитель от СССР, поддерживая в полном объеме обвинительного акта обвинение, предъявленное всем подсудимым, считаю своей особой задачей обосновать обвинение в агрессии, направленной против Советского Союза.

Японская агрессия против СССР имеет глубокие корни в прошлом. Агрессивные действия, которые инкриминированы главным японским военным преступником, тесно связаны с войной Японии против России в 1904—1905 гг. и с японской интервенцией на Дальнем Востоке в 1918—1922 гг.

Агрессивная политика Японии на Дальнем Востоке уже в начале XX века была явно направлена в ущерб русскому государству, имея целью закрыть для нашей страны на Востоке все выходы к океану, захватить Сахалин и отторгнуть от России весь ее Дальний Восток. Одним из проявлений этой политики Японии было вероломное нападение на русский флот без объявления войны 8 февраля 1904 г. В результате войны 1904—1905 гг. Япония захватила южную часть русского острова Сахалин.

В 1918 году японские империалисты вновь напали на нашу страну, оккупировали советский Дальний Восток и четыре года грабили наш народ. Общеизвестны злодеяния, совершавшиеся японскими интервентами на советском Дальнем Востоке.

Благодаря героической борьбе русского народа японские империалисты вынуждены были убраться с советского Дальнего Востока. Однако реализация агрессивных замыслов японских милитаристов против СССР была только отложена до удобного момента.

Агрессивная политика против Советского Союза являлась программой японской правящей клики.

Идеологическая подготовка войны велась под дымовой завесой пресловутого лозунга создания „великой восточноазиатской сферы процветания“. В многочисленных „исследовательских бюро“, „институтах“ и „обществах“, созданных заговорщиками,

планировалось ограбление народов, о покорении которых мечтали агрессоры, и освоение территорий, которые они намеревались захватить.

В политической жизни Японии всегда занимали большое место организации особого типа, которые формально считались частными обществами, но деятельность которых фактически направлялась правительственными органами и в свою очередь определяла и направляла работу японского государственного аппарата.

Одной из таких организаций было „Общество по изучению государственной политики“ („Кокусаку кэнкю кай“). Среди членов общества мы находим четырех подсудимых на этом процессе: Того, Кайя, Муро и Сато, но в курсе всех „изысканий“ общества были и другие подсудимые, в частности Тодзио.

При обыске на квартире бывшего начальника бюро общих дел этого общества Яцуги были обнаружены копии наиболее секретных документов генерального штаба и военного министерства по организации управления на территориях, намечаемых к захвату. По показаниям Яцуги, эти документы были получены для составления проекта „10-летнего плана построения сферы процветания великой Восточной Азии“.

В октябре 1941 года общество специально занималось изучением вопроса „о посылке вооруженных японских колонистов в оккупированные районы СССР“ и использовании белоэмигрантов в оккупированных районах Советского Союза.

В мае 1943 года общество издало проект „10-летнего плана построения сферы процветания“.

В плане указывалось: „*Будущее советской территории. Этот вопрос будет разрешен японо-германским соглашением, в настоящее время его решить трудно. Тем не менее Приморская область будет присоединена к территориальным владениям империи... Сибирская железная дорога будет поставлена целиком под контроль Германии и Японии. При этом линия разграничения между ними проходит в Омске*“.

Наряду с обществом „Кокусаку кэнкю кай“ разработкой захватнических планов

против СССР занимался так называемый Институт тотальной войны. В изысканиях института за 1943 год содержались „Мероприятия по управлению Сибирью, включая Внешнюю Монголию“, которыми предусматривалось:

„В оккупированных районах должна быть введена военная администрация... Имея целью внедрение нашей мощи, пользоваться строго реальной силой, не спускаясь до так называемого принципа умеренности“.

Из проекта создания сферы процветания великой Восточной Азии, разработанного институтом, видно, что под действие террористического режима должны были подпасть все дальневосточные области Советского Союза и восточная часть Сибири.

Идея агрессивной войны против СССР составляла неотъемлемую часть государственной политики Японии. Свидетель Такэбэ показал, что в 1933 году подсудимый Араки — в то время военный министр, — выступая на совещании губернаторов с призывом к скорейшему нападению на Советский Союз, заявил:

„...В проведении своей государственной политики Япония неизбежно должна столкнуться с Советским Союзом, поэтому Японии необходимо военным путем овладеть территориями Приморья, Забайкалья и Сибири“.

В Японии велась разнузданная пропаганда войны против СССР, которая усилилась после разбойничьего нападения Германии на Советский Союз.

Подсудимый Хасимото в газете „Тайо дайниппон“ от 5 января 1942 г. писал, что сфера великой Восточной Азии будет включать среди других территорий также Дальний Восток СССР.

Бывший японский посол в Германии, подсудимый Осима, 18 апреля 1943 г. заявил Риббентропу:

„...Одно неоспоримо, что уже 20 лет все планы генерального штаба разрабатывались для наступления на Россию...“

В 1928—1931 гг. генеральный штаб Японии имел наступательные планы войны против СССР, зашифрованные под названием „Оцу“ и предусматривавшие захват Со-

ветского Приморья с использованием территории Маньчжурии и Кореи в качестве плацдарма.

Свидетель — генерал-лейтенант Миякэ, бывший начальник штаба Квантунской армии (1928—1932 годы), показал:

„План операций, которые должны были привести к оккупации Маньчжурии, являлся одной из важнейших составных частей общего плана операций японских войск против СССР“.

В сентябре 1931 года японские агрессоры захватили Маньчжурию и немедленно приступили к подготовке ее в качестве плацдарма для вторжения на советскую территорию.

Подсудимый Хирота в бытность его японским послом в Москве в 1931 году передал начальнику генерального штаба Японии свои предложения.

„...Придерживаться твердой политики по отношению к СССР и быть готовым воевать с Советским Союзом в любой момент“ — с целью „захвата Дальнего Востока, Сибири“.

Военный атташе в СССР Казахстана направил в генеральный штаб Японии 29 марта 1931 г. доклад, в котором писал:

„Нам недостаточно разбить Советский Союз в бою. Нам нужно будет вести войну на сокрушение...“

В 1931 году Советское правительство обратилось к правительству Японии с предложением заключить пакт о ненападении. Японское правительство 13 декабря 1932 г. ответило отказом. Верное своей мирной политике, Советское правительство вновь подтвердило свое предложение о заключении пакта в ноте от 4 января 1933 г., отметив, что предыдущее предложение „не было вызвано соображениями момента и вытекает из всей его мирной политики, потому остается в силе и в дальнейшем“. Это второе предложение также было японскими правящими кругами отклонено.

Отказавшись от заключения с СССР пакта о ненападении, японские империалисты продолжали подготовку войны против Советского Союза.

О плане войны против СССР на 1939 год подполковник японского генерального штаба армии Сэйдзима показал:

„Основной замысел японского командования заключался в том, чтобы сосредоточить в Восточной Маньчжурии главные военные силы и... захватить Ворошилов, Владивосток и Иман, а затем Хабаровск, Благовещенск и Куйбышевку“.

По плану 1941 года, составленному до нападения Германии на СССР, как видно из показаний того же Сэдзима, намечалось:

„На первом этапе войны занять города: Ворошилов, Владивосток, Благовещенск, Иман, Куйбышевку и район Рухлово. На втором этапе — Северный Сахалин, Петропавловск-на-Камчатке, Николаевск-на-Амуре, Комсомольск, Советскую Гавань“.

Далее А. Н. Васильев останавливается на мероприятиях японского правительства по увеличению численности вооруженных сил, и в частности Квантунской армии. Численный состав Квантунской армии с 1931 по 1937 год был увеличен более чем в пять раз. К 1943 году армия имела до 1 млн. 100 тыс. человек. Количество танков против 1937 года удвоилось, а самолетов и артиллерии — более чем утроилось. За этот же период времени были увеличены и силы японской армии в Корее.

Строились новые железные и автомобильные дороги, большая часть которых имела стратегическое назначение и вела к границам Советского Союза. Общее количество аэродромов и посадочных площадок в Маньчжурии в 1941 году достигло 287. В Корее в 1931 году было 8 аэродромов и посадочных площадок, а в 1941 году их стало 53. Многие рыболовецкие порты в Корее и Маньчжурии были превращены в базы военно-морского флота Японии.

Японские империалисты активно проводили идеологическую и военную подготовку населения Маньчжурии к захватнической войне против СССР. Этим целям служило созданное и контролируемое командующим Квантунской армией общество „Киова кай“.

Японский генерал Миякэ, который являлся одним из инициаторов создания этого общества, при допросе показал:

„Для действий в военной обстановке организация создавала специальные боевые группы, предназначавшиеся для активной деятельности в тылу Красной Армии“.

Японские империалисты, — заявил обвинитель — систематически вели подрывную деятельность против СССР.

В 1928 году видный разведчик Канда (впоследствии генерал-лейтенант и начальник русского отделения генерального штаба) представил в японский генеральный штаб доклад, в котором предусматривалось: разжигание национальной вражды между народами Советского Союза, разложение дисциплины в армии, срыв ее мобилизации, дезорганизация работы военных предприятий, разрушение транспорта, особенно Сибирской железной дороги. В качестве одной из основных задач имелось в виду подстрекательство соседних с СССР государств к проведению враждебных Советскому Союзу военных и экономических мероприятий.

В приложении к докладу указаны мероприятия по созданию за границей белоэмигрантских организаций для враждебной деятельности против СССР.

В апреле 1929 года бывший начальник 2-го отдела японского генерального штаба армии — подсудимый Мацуи провел в Берлине совещание японских военных атташе ряда европейских государств, на котором был обсужден вопрос о развертывании подрывной деятельности против Советского Союза.

Начиная с 1932 года в Харбине и в других городах Маньчжурии японскими военными миссиями были созданы организации белоэмигрантов, объединенные в декабре 1934 года в „Бюро по делам российских эмигрантов“.

Японская милитаристская клика систематически организовывала акты саботажа, диверсий на Китайско-Восточной железной дороге в Маньчжурии (КВЖД), чтобы заставить Советский Союз отказаться от своих прав на железную дорогу.

После оккупации Маньчжурии подрывная деятельность японских империалистов на КВЖД еще более усилилась и сделала совершенно невозможной нормальную эксплуатацию дороги, причем вследствие всевозможных провокаций создавалась явная угроза миру на Дальнем Востоке. Это вынудило Советское правительство поставить вопрос о продаже КВЖД.

Граница между так называемым Маньчжоуго и Советским Союзом с момента захвата Маньчжурии японцами была местом непрекращающихся происшествий и столкновений, провоцируемых японцами.

В период с 1941 по 1943 год количество нарушений советской границы из года в год возрастало.

Подрывная деятельность японских империалистов против Советского Союза значительно усилилась в годы, предшествовавшие второй мировой войне.

Из представленной трибуналу записи беседы подсудимого Осима* с Гиммлером 31 января 1939 г. видно, что Осима проводил активную подрывную деятельность против СССР и засылал на территорию Советского Союза террористов с заданием совершать террористические акты против руководителей Советского правительства. После заключения в апреле 1941 года договора о нейтралитете с Советским Союзом подрывная деятельность японских империалистов против СССР не только не прекратилась, но даже усилилась.

В июне 1943 года в Харбине было проведено совещание информационного отдела Квантунской армии (переименованная харбинская военная миссия). В одном из документов этого совещания сказано: *„Белогвардейцы, независимо от пола и их желаний, должны широко привлекаться для войны против СССР и особенно для тайной войны“*.

В 1938 году японские империалисты совершили нападение на СССР в районе озера Хасан на стыке границ СССР, Маньчжурии, Кореи с целью окружения Владивостока.

29 июля 1938 г. превосходящие силы японцев, нарушив границу, атаковали высоту Безымянная, но были отбиты. В ночь на 31 июля японцы уже силами пехотного полка атаковали высоту Заозерная. В дальнейшем японцы ввели в бой свою 19-ю пехотную дивизию, усиленную тяжелой артиллерией и подкреплением в 2 тыс. штыков. Японская артиллерия выпустила по советской территории 12 тыс. снарядов. В результате ввода в действие частей Советской Ар-

мии 11 августа 1938 г. японцы были разгромлены и изгнаны с территории СССР.

В 1939 году японские империалисты повторили свое нападение уже в другом месте, в районе Монгольской Народной Республики, около реки Халхин-Гол, с целью прорваться на советскую территорию, перерезать Сибирскую железнодорожную магистраль и отрезать советский Дальний Восток.

Японская военщина, разрабатывая планы против СССР, всегда уделяла особое внимание монгольскому плацдарму.

28 марта 1936 г. подсудимый Итагаки, в то время начальник штаба Квантунской армии, говорил в беседе с Арита: *„Если Внешняя Монголия будет присоединена к Японии и Маньчжурии, то безопасности Советского Дальнего Востока будет нанесен сильнейший удар. В случае необходимости можно будет вытеснить влияние СССР с Дальнего Востока почти без борьбы. Поэтому армия планирует распространение влияния Японии и Маньчжурии на Внешнюю Монголию всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении“*.

12 марта 1936 г. Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой был подписан протокол о взаимопомощи.

Таким образом, развязывая агрессивную войну на территории Монгольской Народной Республики, японская империалистическая клика хорошо знала, что эти военные действия будут одновременно военными действиями против СССР. В качестве предложения для начала военных действий японские милитаристы заявили претензию на участок территории МНР на восточном берегу реки Халхин-Гол, мотивировав свою претензию тем, что граница якобы проходит не восточнее реки, а по самой реке.

В подтверждение они состряпали в 1935 году подложную карту, хотя до этого времени сами показывали на картах линию границы в этом районе правильно.

Но в 1935 году, планируя агрессию против СССР и МНР, японские империалисты произвольно перенесли линию границы с востока от реки на самую реку Халхин-Гол. Тем самым японские агрессоры часть монгольской территории пытались изобразить как якобы принадлежащую Маньчжурии, что

* Бывшего посла Японии в фашистской Германии.

для них должно было послужить предлогом для агрессии.

11 мая 1939 г. японо-баргутская кавалерийская часть численностью до 300 человек перешла государственную границу и напала на монгольский пограничный пост.

Даже свидетели защиты признали, что бои на Халхин-Голе являлись военными действиями больших масштабов, а не „пограничным инцидентом“, каким защита теперь пытается изобразить японскую агрессию на Халхин-Голе.

Военные действия продолжались с мая по сентябрь 1939 года и были прекращены только после полного разгрома японо-маньчжурских войск. Монгольские и советские войска, разгромив японо-маньчжурские силы, остановились на линии государственной границы.

Усилению агрессивной политики по отношению к Советскому Союзу способствовало вступление Японии в заговор с нацистской Германией и фашистской Италией. Этот заговор был оформлен 25 ноября 1936 г. заключением „антикоминтерновского пакта“ между Японией и Германией, к которому в 1937 году присоединилась и Италия. Этот пакт был направлен в первую очередь против СССР. Он был дополнен специальным секретным соглашением, ст. 1 которого предусматривала совместные меры борьбы против Советского Союза.

Окончательным оформлением военно-политического блока Германии, Италии и Японии и новым этапом заговора государств-агрессоров явилось заключение пакта трех держав, который также был направлен в первую очередь против СССР.

Принц Коноэ в своих мемуарах пишет: „Это был план превращения трехстороннего антикоминтерновского пакта, который был в то время в силе, в военный союз, направленный в основном против СССР“. 27 сентября 1940 г. был подписан пакт трех держав. 22 июня 1941 г., т. е. менее чем через год после заключения пакта, СССР подвергся вероломному нападению. Это было частью общего заговора агрессоров против свободолюбивых народов. При этом Германия, Италия и их сателлиты вели непосредственные действия против Советского Сою-

за, а Япония активно выполняла свои обязательства по заговору против СССР.

Риббентроп в беседе с Осима 23 февраля 1941 г. сообщил ему, что Германия весной 1941 года будет располагать 240 дивизиями, и посвятил в перспективу „немецко-русского конфликта“, который, по его словам, „имел бы следствием гигантскую победу немцев и означал бы конец советского режима“.

В беседе с Мацуока 27 марта 1941 г. Риббентроп сделал следующее заявление: „На востоке Германия держит войска, которые в любое время готовы выступить против России, и если Россия займет позицию, враждебную Германии, то фюрер разобьет Россию. В Германии уверены, что война с Россией закончится окончательным разгромом русских армий и крушением государственного строя“.

В тот же день в беседе с Мацуока Гитлер в присутствии Осима, Отта* и Риббентропа подтвердил это.

Мацуока обещал германскому правительству, что Япония присоединится к войне против СССР. В беседе с Риббентропом от 29 марта 1941 г. Мацуока заявил: „Япония всегда была лояльным союзником, который целиком отдаст себя общему делу“.

13 апреля 1941 г. японское правительство заключило с Советским Союзом пакт о нейтралитете. Этот пакт был заключен с вероломной целью, так как японское правительство не намеревалось его соблюдать, о чем свидетельствуют следующие факты.

В телеграмме от 5 мая 1941 г. германскому послу в Токио Риббентроп сослался на заявление Мацуока: „Никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел не сумеет заставить Японию остаться нейтральной, если между Германией и СССР возникнет конфликт. В этом случае Япония принуждена будет, естественно, напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой пакт о нейтралитете“.

В телеграмме от 20 мая 1941 г. Осима сообщил Мацуока: „Германское правительство придало особое значение заявлению

*Посол нацистской Германии в Японии.

министра иностранных дел Мацуока, сделанному им Отту, о том, что Япония будет воювать с СССР в случае, если начнется русско-германская война”.

Вскоре после нападения Германии на СССР Мацуока заявил послу СССР в Японии, что „основой внешней политики Японии является тройственный пакт, и если нынешняя война и пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с этой основой и с тройственным пактом, то пакт о нейтралитете не будет иметь силы”.

Сущность японской политики по отношению к Советскому Союзу была определена в секретном решении, принятом 2 июля 1941 г. на совещании японских государственных деятелей с участием императора. Решение гласило: „Хотя наше отношение к германо-советской войне определяется духом оси Рим—Берлин—Токио, мы некоторое время не будем вмешиваться в нее, но примем по собственной инициативе меры, тайно вооружаясь для войны с СССР. Тем временем мы будем продолжать вести дипломатические переговоры с большими предосторожностями. Если ход германо-советской войны примет благоприятный для Японии оборот, мы применим оружие для решения северных проблем”.

Во исполнение решения этого совещания был разработан особый секретный план подготовки войны против СССР, зашифрованный под названием „Кан Току Эн” (особые маневры японской Квантунской армии).

Свидетель — офицер японского генерального штаба Сэдзима — показал, что летом 1941 года в Японии была скрытно проведена мобилизация и для усиления Квантунской армии отправлено до 300 тыс. человек.

Спротивление, которое оказывала германским войскам Советская Армия, спутало карты агрессоров и сорвало их планы. Это вызвало тревогу у японского правительства, которое предъявило претензии к Германии.

Вот показания Осима: „Примерно в конце июля — начале августа 1941 года мне стало известно о замедлении темпов наступления германской армии... Москва и Ленинград не были взяты немцами в предусмотренные планом сроки. По этому поводу я обратился за разъяснениями к Риббентропу. Тот

пригласил для дачи объяснений Кейтеля*, который рассказал мне, что замедление темпов наступления германской армии вызвано большой растянутостью коммуникаций и отставанием тыловых частей и учреждений и что в связи с этим темпы наступления замедлятся примерно на три недели”.

В телеграмме от 4 сентября 1941 г. Отт сообщил в Берлин: „Ввиду сопротивления, оказываемого русской армией такой армии, как немецкая, японский генеральный штаб, по-видимому, не верит, что сможет достигнуть решительных успехов в борьбе с Россией до наступления зимы... Императорская ставка пришла в последние дни к решению — отложить на время действия против СССР”.

Прошли обещанные нацистским фельдмаршалом Кейтелем три недели и даже больше, а положение не менялось.

В телеграмме от 4 октября 1941 г. в Берлин Отт сообщил: „Военных действий Японии против все еще сильной в боевом отношении Дальневосточной армии раньше будущей весны ожидать нельзя... Упорство, которое показал СССР в борьбе с Германией, заставляет предполагать, что японское нападение, если его начать в августе или сентябре, не открыло бы в этом году дорогу через Сибирь”.

В телеграмме в Берлин от 17 ноября 1941 г. констатируется, что придется отложить военные действия Японии против СССР до весны.

Однако военные приготовления отнюдь не прекращались.

В 1942 году японский генеральный штаб разработал новый наступательный план войны против СССР, который существенно не изменился до весны 1944 года. О его содержании дал показания свидетель — офицер генштаба Сэдзима: „Как и все предыдущие планы войны против СССР, план 1942 года был наступательным. Война против Советского Союза должна была начинаться внезапно. Этот план предусматривал сосредоточение в Маньчжурии около 30 дивизий”.

* Вильгельм Кейтель — нацистский фельдмаршал, начальник штаба верховного главнокомандования, в 1946 году осужден Международным военным трибуналом в Нюрнберге к смертной казни.

При такой готовности к нападению дело было, если говорить о его военной стороне, за подачей команды. Но ожидавшаяся японским правительством ситуация продолжала оставаться явно неблагоприятной и в 1942 году.

1943 год также не принес желательных для Германии и Японии изменений в военной обстановке. И 1944 год, не говоря уже о 1945 годе, был еще менее благоприятным для нападения Японии на СССР. Разгром гитлеровской Германии, а затем и Японии в 1945 году положил конец заговору агрессоров.

Хотя Японии не удалось выступить на стороне Германии в войне против Советского Союза, она в течение всего периода германосоветской войны оказывала активную помощь Германии, сковывая силы Советской Армии на Дальнем Востоке.

В телеграмме в Токио от 15 мая 1942 г. Риббентроп признал, что сам по себе факт концентрации японских войск на советско-маньчжурской границе облегчал положение Германии, *„поскольку Россия, во всяком случае, должна держать войска в Восточной Сибири для предупреждения японо-русского конфликта“*.

Наряду с этим с первых же дней после вероломного нападения Германии на СССР японское правительство снабжало Германию разведывательными данными о хозяйственном, политическом и военном положении СССР, используя для этого свой военный и дипломатический аппарат.

В телеграмме от 15 июля 1941 г. Риббентроп поручил Отту: *„Поблагодарите японское министерство иностранных дел за пересылку нам телеграфного отчета японского посла в Москве... Было бы хорошо, — говорится далее в телеграмме, — если бы мы и впредь могли постоянно получать таким путем известия из России“*.

Обвинитель делает выводы из рассмотренных Трибуналом доказательств:

„В целях оказания помощи Германии японское правительство чинило всевозможные препятствия советскому судоходству на Дальнем Востоке, запрета в советским судам пользоваться наиболее безопасным Сангарским проливом. В результате при следо-

вании через более опасный Корейский пролив погибли от подводных лодок советские суда „Ангарстрой“, „Кола“, „Ильмень“. Кроме того, японские власти незаконно задерживали советские суда и организовывали пиратские нападения на них, что уже являлось прямыми актами агрессии.

За период с августа 1941 года по 1944 год включительно японскими вооруженными силами было задержано 178 советских торговых судов, в том числе три с применением оружия.

В декабре 1941 года японскими вооруженными силами было совершено нападение на советские суда „Кречет“, „Свирьстрой“, „Сергей Лазо“ и „Симферополь“, находившиеся в порту Гонконг на ремонте. На этих судах были ясно обозначены советские опознавательные знаки и флаги. Тем не менее эти пароходы подверглись артиллерийскому обстрелу, в результате которого пароход „Кречет“ затонул, пароходы „Свирьстрой“, „Сергей Лазо“, „Симферополь“ повреждены, а имущество расхищено.

Точно установлено, что именно японские самолеты в декабре 1941 года атаковали и потопили советские пароходы „Перекоп“ и „Майкоп“.

Далее обвинитель дал характеристику преступной деятельности таких виднейших представителей японской милитаристской клики, как бывший премьер-министр Японии Тодзио, начальник генерального штаба армии Японии Умэдзу, бывшие министры и послы Араки, Итагаки, Хиранума, Минами, Сигэмицу, Хирота, Осима, Хасимото и Того, которые играли главную роль в подготовке к осуществлению агрессии против СССР и несут за это наибольшую ответственность.

В заключение А. Н. Васильев заявил, что побуждаемая к агрессивным действиям капиталистическими монополиями, известными под названием дзайбацу, заинтересованными в захватнических войнах, милитаристская клика Японии совместно со своими союзниками — нацистской Германией и фашистской Италией — составила чудовищный заговор против человечества, готовила порабощение и истребление народов. В осуществление своего изуверского плана японские милитаристы развязали вторую мировую войну, ввергли мир в бездну несчастий и страданий.

Когда немецко-фашистские захватчики жгли и грабили города и села Советского Союза, мучили и убивали население временно оккупированных районов СССР, это был результат осуществления общего заговора, в котором состояли подсудимые, это стало возможным благодаря той помощи, которую империалистическая Япония оказывала нацистской Германии.

„Поэтому, господа судьи, — сказал А. Н. Васильев, — когда вы будете принимать свое решение, вы не можете не учитывать того, что главные японские военные преступники вершили свое преступление вместе со своими сообщниками из гитлеровской клики и что империалистическая Япония должна разделить ответственность гитлеровской Германии за все совершенные ею злодеяния.

Миллионы погибших на полях сражений и замученных в фашистских застенках; миллионы женщин, детей и стариков, истреб-

ленных в мирных городах и селах, подвергшихся захвату; многомиллиардные убытки, понесенные народами всего мира в результате огромных разрушений, вызванных агрессивной войной; гибель колоссальных культурных и исторических ценностей, варварски уничтоженных, — таков счет, предъявляемый человечеством к империалистической Японии, сообщнице гитлеровской Германии.

Суд народов уже вынес свой приговор главным нацистским военным преступникам.

Теперь весь мир ждет вашего справедливого приговора главным японским военным преступникам, ответственным за море невинно пролитой человеческой крови, за миллионы и миллионы жертв варварской агрессии японских милитаристов.

Ваш приговор должен послужить грозным предупреждением для каждого, кто вздумает разжечь пржар новой войны”.

ИЗ ПРИГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ДЛЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

по делу главных японских военных преступников

„НАЦИОНАЛЬНАЯ ОБОРОНА”

* Под эвфемизмом следует понимать обозначение в благопристойных выражениях неблагоприятных дел. Здесь имеется в виду, что японская агрессия прикрывалась разговорами о „национальной обороне”.

Интересно отметить трактовку термина „национальная оборона”, данную Араки. Он указывал, что этот термин означает не только физическую оборону Японии, но включает также защиту „Кодо”, т. е. „императорского пути”. Это был другой способ выражения того, что завоевание соседних стран при помощи силы оружия оправдывается как „национальная оборона”.

Примерно в то же время в 1933 году Араки, бывший тогда военным министром, отказался от эвфемизма* „национальная оборона” и прямо высказал на совещании губернаторов префектур то, что он думает о Советском Союзе. Он сказал: „Япония должна неизбежно столкнуться с Советским Союзом. Поэтому для Японии необходимо обеспечить себе путем военного захвата территории Приморья, Забайкалья и Сибири”.

Определение „национальная оборона”, данное Араки, было принято кабинетом Сайто в качестве основы его политики в Маньчжурии. Как уже было показано, руководители Японии всегда стремились оправдать свои агрессивные военные авантюры, объявляя их оборонительными. Именно в этом направлении происходило строительство Маньчжурии как „жизненной линии” Японии.

Обмен дипломатическими документами

На тот факт, что политика Японии в отношении СССР была не оборонительной, а наступательной или агрессивной, указывают дипломатические документы, обмен которыми произошел в период

1931—1933 гг. В течение этого периода Советское правительство дважды делало японскому правительству официальное предложение о заключении пакта о ненападении и нейтралитете. В советском заявлении, сделанном в 1931 году японскому министру иностранных дел Иосидзава и послу Хирота, подчеркивалось, что заключение пакта о ненападении будет служить *„выражением миролюбивой политики и намерений правительства и он был бы особенно кстати теперь, когда будущее японо-советских отношений является предметом спекуляции в Западной Европе и Америке. Подписание пакта положило бы конец этим спекуляциям“*.

Японское правительство в течение года не отвечало на это предложение. Только 13 сентября 1932 г. советский посол в Японии получил от министра иностранных дел Утида ответ, в котором предложение отклонялось на том основании, что *„официальное начало переговоров по этому вопросу между двумя странами в данном случае считается несвоевременным“*.

4 января 1933 г. Советское правительство повторило свое предложение о заключении пакта, указав, что предыдущее предложение не вызывалось соображениями момента, а являлось результатом его миролюбивой политики и поэтому сохраняет силу и на будущее. Японское правительство в мае 1933 года еще раз отклонило предложение Советского Союза.

Следует отметить, что Япония отклонила это предложение, несмотря на то, что японское правительство в то время было уверено в том, что это предложение является искренним выражением миролюбивой политики Советского Союза на Дальнем Востоке.

В секретном меморандуме, написанном начальником бюро европейско-американских дел — подсудимым Того в апреле 1933 года, говорилось: *„Желание Советского Союза заключить с Японией пакт о ненападении вызвано его стремлением обеспечить безопасность своих дальневосточных территорий от все возрастающей угрозы, которую он испытывает со времени японского продвижения в Маньчжурии“*.

К декабрю 1933 года Квантунская армия составила планы и продолжала вести подготовку к тому дню, когда Япония использует Маньчжурию в качестве плацдарма для нападения на СССР.

Дальнейшие замыслы против СССР

В 1935 году кабинет Окада, который в предыдущем году снова пришел к власти, оказал поддержку экономическим планам армии в Маньчжоу-го, хотя Хирота отрицал, что японские намерения являются агрессивными.

В ноябре 1935 года Сиратори, в то время являвшийся посланником в Скандинавских странах, написал послу в Бельгии Арита письмо, в котором указывал, что *„в настоящее время для Советской России наиболее желательно иметь дружественные отношения с иностранными державами. Поэтому страны, граничащие с Советской Россией и имеющие вопросы, которые должны быть раньше или позже урегулированы с Россией, должны не упускать настоящего удобного момента“*. Он предложил потребовать от Советского Союза *„с решительностью“* в качестве *„минимальных“* уступок разоружения Владивостока и т. д. потребовать, чтобы СССР *„не держал ни одного солдата в районе озера Байкал“*.

В качестве радикального разрешения проблем, стоящих между Японией и СССР, Сиратори предложил следующее:

„...для того чтобы навсегда уничтожить угрозу со стороны России, необходимо сделать ее слабой капиталистической республикой и строго контролировать ее естественные ресурсы... В настоящее время шансы для этого хороши“.

Февральский
военно-фашистский
путч

Мы уже рассмотрели падение кабинета Окада, вызванное мятежом в армии в Токио 26 февраля 1936 г. Армия была против кабинета за его недостаточно агрессивную позицию.

27 февраля, через день после путча, японское консульство в Амое разъяснило, что целью мятежа была смена кабинета и замена его военным кабинетом и что группа молодых военных стремилась к тому, чтобы Япония заняла весь Китай и подготовилась к немедленной войне с Советским Союзом до победного конца, с тем чтобы Япония могла стать единственной силой в Азии.

Декларация
1936 года
о „национальной
политике“

В августе 1936 года премьер-министр Хирота вместе с министром иностранных дел, военным министром, военно-морским министром и министром финансов сформулировали декларацию о „национальной политике“ Японии. Это — важный и знаменательный документ, направленный, между прочим, на „обеспечение внедрения (японской) империи в восточный континент, а также на экспансию в район Южных морей, путем совместных усилий дипломатического искусства и „национальной обороны“.

Знаменательно возрождение термина „национальная оборона“. В качестве одного из практических шагов Япония „должна была стремиться уничтожить русскую угрозу на севере для того, чтобы осуществить прочное развитие Маньчжурии и для создания прочной обороны Японии и Маньчжурии“.

В этой декларации указывалось, что размеры военной мощи должны быть такими, которые необходимы для того, чтобы „противостоять тем военным силам, которые Россия сможет выставить и использовать на Дальнем Востоке“.

Особое внимание должно было уделяться упрочению военной мощи в Корее и Маньчжурии, с тем чтобы Япония могла „нанести удар русским в самом начале войны“.

Что касается размаха приготовлений к войне, которые должны были развернуться в связи с решением о „национальной политике“, то было постановлено, что рост военных сил должен быть доведен до создания механизированных боевых соединений, достаточно мощных для того, чтобы нанести сокрушительный удар самой мощной армии, которую СССР мог бы развернуть вдоль своих восточных границ.

Изучение этой декларации о японской „национальной политике“ в сопоставлении с господствовавшими в то время обстоятельствами показывает намерение напасть на Советский Союз с целью захвата части его территории.

Более того, к осуществлению этой цели нужно было подготовиться и осуществить ее под тем предлогом, что она носит оборонительный характер.

Планы, представленные в 1937 году армией в соответствии с декларацией о „национальной политике“ от августа 1936 года, были явно продиктованы ожидавшейся войной против СССР. План развития важнейших отраслей промышленности, изданный в мае 1937 года, предусматривал *„успешное развитие, обеспечивающее реальное руководство Восточной Азией“*.

* То есть независимость от импорта стратегического сырья.

Программа, изданная в июне 1937 года с той же целью, предусматривает, что к 1941 году должно быть достигнуто самообеспечение* *„для того, чтобы быть готовым к историческому этапу в развитии судьбы Японии, который должен быть достигнут, невзирая ни на какие трудности“*.

План роста производства военных материалов преследовал ту же цель и предусматривал, что экономика Японии *„будет рационально развиваться путем объединения руководства в руках военной администрации“*. План предусматривал, что следует уделять внимание подготовке к быстрому переходу с мирных рельсов на военные.

Эти планы армии, хотя они непосредственно предшествовали началу войны в Китае при Лугоуцзяо, были направлены не только на эту войну. Окада показал Трибуналу, что эти планы разрабатывались в противовес советскому пятилетнему плану и должны были утвердить мощь Японии, направленную против СССР.

Изучение планов, относящихся к наиболее крупным промышленным предприятиям, а также предприятиям, непосредственно производящим военные материалы, показывает, что формально они должны были обеспечить *„мощь национальной обороны“*.

Как упоминалось выше, *„национальная оборона“* означала для японских милитаристов экспансию на континенте Азии при помощи вооруженных сил. Рассматриваемые сейчас планы показывают намерение армии достигнуть этого результата. Ясно, что эти планы носили не оборонительный, а наступательный характер и были направлены против СССР.

Мы уже говорили о предложениях военного атташе в Москве, сделанных в 1932 году, и о предложениях Судзуки такого же содержания, сделанных в 1933 году. Политические маневры в Северном Китае проводились на основе лозунга *„антикоммунизма“*. Решение о *„национальной политике“* от августа 1936 года ясно указывало на военную мощь Советского Союза, как на критерий развития военной мощи Японии. К моменту издания планов армии 1937 года была получена рекомендация Тодзио о том, что, принимая во внимание положение в Китае и состояние военной подготовленности против СССР, было бы желательно напасть на Китай для того, чтобы освободить тыл Квантунской армии от угрозы до того, как будут предприняты действия против СССР.

В это время, а именно в июле 1937 года, Хасимото в газетной статье призывал развивать военно-воздушные силы, которые должны были быть использованы в качестве костяка вооружений Японии в войне против СССР.

Призыв к войне против СССР

В 1938 году, т. е. в то время, когда, как мы уже видели, над пресой Японии эффективно осуществлялся контроль со стороны армии, министр просвещения Араки, как сообщалось, на заседании политико-экономического общества в Осака сказал, что *„решимос-*

ти Японии воевать до конца с Китаем и Советским Союзом достаточно для того, чтобы вести эту борьбу в течение более десяти лет”.

В том же 1938 году командующий Квантунской армией генерал Уэда, обсуждая положение в Северном Китае, говорил о „быстро приближающейся войне с Советской Россией”.

И, наконец, стремление быстро закончить войну в Китае, которое проявляли армия вообще и генеральный штаб в частности, было несомненно продиктовано близостью войны, которую армия планировала против СССР.

Пакт „Антикоминтерн”

Отношения с Германией, которая в середине 30-х годов XX века проявила себя как основная агрессивная сила в Европе, имели особое значение для Японии, учитывая ее стремление начать войну против СССР.

Еще в марте 1934 года, когда подсудимый Осима был послан в Германию в качестве военного атташе, он получил от генерального штаба инструкцию наблюдать за германо-советскими отношениями и выяснить, что может сделать Германия в случае войны Японии с Советским Союзом.

Весной 1935 года Осима и Риббентроп начали переговоры о германо-японском союзе. С начала декабря 1935 года подполковник Вакамацу, который специально был послан японским генеральным штабом, принял участие в этих переговорах.

Поскольку предполагаемое соглашение имело общую политическую направленность и подписание его не входило в компетенцию армии, этот вопрос был передан на рассмотрение правительства, и с 1936 года переговорами стал весть японский посол Мусьякодзи.

25 ноября 1936 г. Япония и Германия подписали так называемый пакт „Антикоминтерн”. Пакт состоял из текста договора и из секретного соглашения. Для внешнего мира опубликован был только текст договора. В нем говорилось, что договаривающиеся стороны согласились информировать друг друга о деятельности Коммунистического интернационала, совещаться о необходимых мерах обороны и принимать такие меры в тесном сотрудничестве и совместно приглашать третьи державы участвовать в оборонительных мерах в соответствии с пактом или присоединиться к этому пакту.

Как предусматривалось самим секретным соглашением, оно должно было держаться в тайне. В действительности агрессивные государства никогда не опубликовывали его, и оно стало известно союзным державам только из захваченных секретных документов.

В заявлении, опубликованном в прессе, японское министерство иностранных дел отрицало существование каких бы то ни было секретных статей, приложенных к пакту, и заявило, что пакт является выражением сотрудничества особого рода между двумя странами в их борьбе против Коминтерна как такового; что японское правительство не имеет в виду создание международного блока; что „настоящее соглашение не направлено против Советского Союза или специально против какой-либо другой страны”.

Целью пакта было создание союза между Японией и Германией. Как было указано бывшим государственным секретарем Соеди-

ненных Штатов Кордэллом Хэллом, *„хотя пакт внешне был заключен для самообороны против коммунизма, фактически он являлся подготовительным шагом для дальнейших мер насильственной экспансии со стороны разбойничьих государств“*.

Наше мнение, сложившееся независимо от этого высказывания, такое же.

Пакт в первую очередь был направлен против СССР. Секретное соглашение создало ограниченный военный и политический союз Германии и Японии против СССР. Обе стороны обязались не заключать без взаимного согласия каких-либо политических соглашений с СССР, несовместимых с духом этого пакта. Через год, 6 ноября 1937 г., Италия присоединилась к пакту „Антикоминтерн“.

Формально пакт предусматривал взаимное обязательство Японии и Германии только на случай неспровоцированного нападения на одну из них со стороны СССР и ограничивал обязательство неоказанием в таком случае какой-либо помощи Советскому Союзу.

Фактически в то время не было никаких доказательств агрессивных намерений со стороны СССР в отношении Германии и Японии.

Таким образом, заключение пакта на случай неспровоцированного нападения со стороны СССР представляется нам не имеющим никакого оправдания.

То, что пакт в действительности не был оборонительным соглашением, видно из широкого толкования обязательств сторон по секретному соглашению. Германия и Япония истолковывали эти обязательства таким образом с самого начала. Так, японский посол в Германии Мусьякодзи в своей телеграмме, посланной в октябре 1936 года с согласия и ведома Риббентропа, сообщал министру иностранных дел Арита, что он *„твердо убежден в том, что только дух вышеупомянутого секретного соглашения будет решающим для будущей политики Германии в отношении СССР“*.

Министр иностранных дел Арита выступил в том же духе на заседании Тайного совета 25 ноября 1936 г., который под председательством Хиранума одобрил пакт „Антикоминтерн“.

Арита в следующих словах изложил основные цели пакта:

„Отныне Советская Россия должна понимать, что ей приходится стоять лицом к лицу с Германией и Японией...“

Тот факт, что союз между Германией и Японией против СССР не был оборонительным по своему характеру, подтверждается также тем, что заключение Германией пакта о ненападении с СССР 23 августа 1939 г. рассматривалось японскими лидерами как явное нарушение Германией своих обязательств по пакту „Антикоминтерн“.

* Письмо министра иностранных дел Японии.

В письме японскому послу в Берлине от 26 августа 1939 г.*, которое должно было быть передано германскому министру иностранных дел, указывалось, что *„японское правительство рассматривает пакт о ненападении и договор, который недавно был заключен между германским правительством и правительством Союза Советских Социалистических Республик, как противоречащий секретному соглашению, приложенному к пакту „Антикоминтерн“*.

Основная цель пакта „Антикоминтерн“ заключалась в окружении Советского Союза. Это частично признал один из его авторов — Риббентроп, когда он сказал: *„В самом деле, политическое давление на Советскую Россию, в той или иной степени, являлось основой этого пакта“*.

Когда 25 ноября 1941 г. истек срок действия пакта „Антикоминтерн“, который, как первоначально было обусловлено, должен был оставаться в силе в течение пяти лет, и он был продлен, то секретное соглашение не было возобновлено. На сей раз необходимости в этом не было. Обязательства по секретному соглашению были предусмотрены пактом трех держав, заключенным до продления срока действия пакта „Антикоминтерн“.

Пакт „Антикоминтерн“ составлял основу политики Японии в отношении СССР в последующие годы. Этот военный союз с Германией играл важную роль в политике Японии против СССР. Премьер-министр Хиранума в своем обращении к Гитлеру 4 мая 1939 г. специально отметил: *„... я испытываю большое удовлетворение от того, что пакт „Антикоминтерн“, существующий между обеими странами, оказался столь действенным в проведении поставленных перед ними задач“*.

Союз трех держав

Желание Японии реализовать свои захватнические планы на континенте стимулировало ее политику, направленную на установление более тесных связей с Германией. Оно нашло свое выражение в союзе трех держав, заключенном 27 сентября 1940 г.

Обстоятельства, при которых был заключен этот союз, были детально обсуждены в одном из первых разделов данного приговора. Здесь мы лишь кратко сошлемся на них. Хотя его применение и не ограничивалось только СССР, однако Япония на более ранней стадии переговоров особенно интересовалась СССР. Переговоры начались еще в середине 1938 года. В течение полутора лет они не приносили никаких результатов, так как Германия, занятая широкими агрессивными планами в Европе, стремилась к военному союзу, направленному против всех потенциальных противников. Япония, с другой стороны, хотела, чтобы этот союз стал дальнейшим развитием пакта „Антикоминтерн“, направленного в основном, если не целиком, против СССР. Принц Коноэ в своих мемуарах, описывая этот более ранний период, указал, что *„это был план превращения трехстороннего пакта „Антикоминтерн“, который был в то время в силе, в военный союз, направленный в основном против СССР“*.

Подсудимый Осима, один из самых активных участников переговоров, показал, что инструкции, полученные им от японского генерального штаба в июне 1938 года, предусматривали заключение союза, направленного целиком против СССР.

В апреле 1939 года Риббентроп в своей телеграмме германскому послу в Токио заявил, что японцы *„просили определенного согласия германского правительства на то, чтобы после подписания и опубликования пакта они смогли бы сделать заявление английскому, французскому и американскому послам примерно следующего содержания: пакт возник из пакта „Антикоминтерн“. Договаривающиеся стороны рассматривали при этом Россию, как врага; Англия, Франция и Америка не должны опасаться этого пакта“*.

Хотя в самом документе специально не упоминается тот факт, что он был направлен против СССР, однако это не вызывало никаких сомнений у японской армии в сентябре 1940 года, когда был подписан пакт трех держав. Оговорка, изложенная в ст. 5 и гласившая, что „*приведенные выше статьи данного соглашения ни в коей мере не затрагивают существующих в настоящее время политических отношений между каждым и любым участником пакта и Советским Союзом*“, была неискренней.

Японский посол в Берлине Курусу в телеграмме от 26 марта 1940 г., отправленной в Токио, заявил: „*Германское правительство намеревается дать указания германской прессе о том, чтобы особо подчеркивался тот факт, что договор не предусматривает войны с Россией. Но с другой стороны, Германия концентрирует войска в восточных районах с тем, чтобы сковать Россию*“.

Министр иностранных дел Мацуока, говоря о ст. 5 пакта на заседании исследовательского комитета Тайного совета 26 сентября 1940 г., заявил: „*Хотя и существует договор о ненападении, однако Япония окажет помощь Германии в случае советско-германской войны, а Германия окажет помощь Японии в случае русско-японской войны. Что касается слова „существующего“, то я отвечу отрицательно, если полагают, что теперешнее положение Советского Союза не может быть изменено. Оно просто означает, что рассматриваемый пакт не пытается изменить его*“. Такую же оценку союзу дал его автор Риббентроп: „... *Эта палка будет иметь два конца — против России и против Америки*“.

22 июня 1941 г., т. е. менее чем год спустя после заключения союза трех держав, Германия вторглась в СССР. Несмотря на пакт о нейтралитете с Советским Союзом, Япония, как будет указано ниже, оказывала помощь Германии, хотя она и воздерживалась от открытой войны против СССР.

Нападение японцев на маньчжурской границе

В 1938 и 1939 годах Япония предприняла наступательные операции через границу Маньчжурии в районе озера Хасан на востоке и у Номонгана (Халхин-Гол) на западе. Об этом более подробно будет сказано ниже.

Пакт о нейтралитете между Японией и Советским Союзом

13 апреля 1941 г. Япония и СССР заключили пакт о нейтралитете. Этот вопрос целесообразно обсудить ниже, но мы упоминаем о нем здесь потому, что японцы игнорировали его в вопросах, на которых мы сейчас остановимся.

Германия нападает на СССР в июне 1941 года

После нападения Германии на СССР в июне 1941 года имели место настойчивые призывы к захвату русских территорий на Дальнем Востоке.

Это нападение Германии, безусловно, стимулировало захватническую политику Японии против Советского Союза. Японские правящие круги считали победу Германии над СССР неизбежной и быстрой и полагали, что она предоставит Японии удобный случай осуществить на практике свои агрессивные планы против Советского Союза.

Вначале ввиду первых успехов немцев в их войне против СССР у японских милитаристов было стремление ускорить нападение на СССР.

Германский посол Отт в своей телеграмме от 22 июня 1941 г., когда Германия напала на СССР, сообщил о своей беседе с Мацуока и указал, что он (Мацуока), как и прежде, считает, что Япония не может в течение долгого времени оставаться нейтральной в ходе этого конфликта... В конце беседы Мацуока получил еще одну телеграмму от Осима, в которой говорилось о том, что министр иностранных дел Германии обращал внимание на то, что русские войска якобы отведены с Дальнего Востока. Мацуока сразу же ответил, что он немедленно предложит контрмеры.

Японцы даже опасались того, что Япония может опоздать со своей военной подготовкой к нападению. Подобные опасения были выражены в телеграмме от 31 июля 1941 г. (№ 433) министра иностранных дел Тойода японскому послу в Вашингтоне: *„Ясно, что русско-германская война предоставила Японии отличную возможность разрешить северный вопрос, и мы действительно продолжаем нашу подготовку к тому, чтобы использовать эту возможность... Если русско-германская война будет протекать слишком быстро, то наша империя неизбежно не будет иметь времени, чтобы предпринять эффективные действия“.*

Тайное совещание военных и политических лидеров Японии в присутствии императора 2 июля 1941 г. решило: *„Хотя наше отношение к советско-германской войне определяется духом оси Рим—Берлин—Токио, однако мы некоторое время не будем вмешиваться в нее, но примем по собственной инициативе меры к тайному вооружению для войны против Советского Союза. Тем временем мы будем продолжать дипломатические переговоры с большими предосторожностями и, если ход советско-германской войны примет благоприятный для Японии оборот, то мы применим оружие для решения северных проблем и этим обеспечим стабильность положения в северных районах“.*

Это решение говорит о том, что, несмотря на пакт о нейтралитете с СССР, Япония считала себя связанной с Германией, как участник заговора против СССР, и выжидала благоприятного момента для того, чтобы воспользоваться им. Во всяком случае она намеревалась приурочить свое нападение на СССР к наиболее благоприятному моменту в советско-германской войне.

Тот факт, что подготовка усилилась после этого совещания, подтверждается телеграммой германского посла Отта, отправленной из Токио в Берлин 3 июля 1941 г.

В начале советско-германской войны Сметанин, советский посол в Японии, встретился с Мацуока и задал ему основной вопрос об отношении Японии к войне. Сметанин спросил его, будет ли Япония сохранять нейтралитет, как это делает СССР в соответствии с пактом о нейтралитете, заключенным 13 апреля 1941 г. между СССР и Японией. Мацуока уклонился от прямого ответа на этот вопрос и заявил, что его отношение к этой проблеме уже было выражено (22 апреля того же года) в его заявлении, сделанном им после возвращения из Европы.

Одновременно с этим он подчеркнул, что пакт трех держав лежит в основе внешней политики Японии, а если данная война и пакт о нейтралитете вступят в противоречия с основами японской политики и с пактом трех держав, то пакт о нейтралитете *„не будет основываться в силе“*. Отт, ссылаясь на эту беседу, о которой он был информирован, в своей телеграмме от 3 июля сообщал: *„Мацуока сказал, что причиной такой формулировки японского заявления советскому послу являлась необходимость ввести русских в заблуждение или по крайней мере держать их в состоянии неопределенности — ввиду того, что военная подготовка еще не закончилась. В настоящее время Сметанин не знает о поспешной подготовке, которая проводится против СССР и на которую сделаны намеки в решении правительства, переданном нам“*.

В то время Германия настаивала на том, чтобы Япония как можно быстрее напала на СССР. В своей телеграмме от 10 июля 1941 г., отправленной в адрес германского посла в Токио, Риббентроп заявил: *„Кроме того, я прошу вас продолжать прилагать усилия к тому, чтобы добиться скорейшего участия Японии в войне против России, о чем уже говорилось в моей телеграмме Мацуока; используйте все имеющиеся в вашем распоряжении средства, потому что чем раньше осуществится это участие в войне, тем лучше. Как и прежде, цель, естественно, должна заключаться в том, чтобы Германия и Япония встретились на Транссибирской железной дороге до наступления зимы. В результате краха России позиция держав оси на международной арене настолько гигантски возрастет, что вопрос поражения Англии, т. е. полное уничтожение Британских островов, станет лишь вопросом времени“*.

Японское министерство иностранных дел во всяком случае считало, что японские планы войны против СССР настолько близки к осуществлению, что обсуждало вопрос об удобном предлоге для спровоцирования войны. В своей телеграмме от 1 августа 1941 г. Отт сообщил, что, когда во время беседы в министерстве иностранных дел с Ямамото* он „постарался узнать, хочет ли Япония начать свое активное продвижение с предъявления требований Советскому правительству, заместитель министра охарактеризовал этот путь как лучший способ найти оправдательный предлог для начала русско-японских военных действий при наличии соглашения о нейтралитете. Он лично является сторонником таких решительных требований, чтобы Советское правительство не смогло принять их; он, видимо, имеет в виду требование территориальных уступок“.

Провал первоначальной германской кампании против СССР заставил Японию отложить осуществление своей собственной наступательной программы. Обстановка на советско-германском фронте призывала к осторожности.

В начале августа ввиду замедления темпа большого наступления германской армии Осима спросил Риббентропа о причине этого замедления. Риббентроп предложил ему обратиться к Кейтелю, который объяснил, что продвижение германской армии задерживается ввиду большой протяженности коммуникаций, в результате которых тыловые части отстают, и что вследствие этого наступление задержалось примерно на три недели по сравнению с планом.

* Ямамото — заместитель министра иностранных дел Японии.

Ход советско-германской войны продолжал оказывать влияние на непосредственную политику Японии, но не на ее далеко идущую политику.

Отт в телеграмме от 4 сентября 1941 г., отправленной в Берлин, заявил: *„Ввиду сопротивления, оказываемого русской армией такой армии, как немецкая, японский генеральный штаб не верит, что сможет достичь решающего успеха в войне против России до наступления зимы. Сюда также присоединяются воспоминания о Номонганских (Халхин-Голских) событиях, которые до сих пор живы в памяти Квантунской армии“.* Ввиду этого *„императорская ставка недавно приняла решение отложить на время действия против Советского Союза“.*

В телеграмме от 4 октября 1941 г. Отт информировал Риббентропа о том, что *„ведения Японией войны против Дальневосточной армии, которая все еще считается сильной в боевом отношении, нельзя ожидать раньше весны... Упорство, которое проявил Советский Союз в борьбе с Германией, показывает, что даже нападением Японии в августе или сентябре нельзя открыть дорогу на Сибирь в этом году“.*

Отложив момент нападения на СССР, Япония, однако, продолжала рассматривать это нападение как одну из основных целей своей политики и не ослабляла ни своей целеустремленности, ни своей подготовки к этому наступлению.

Во время конфиденциальных бесед с германским и итальянским послами 15 августа 1941 г. японский министр иностранных дел, говоря о японо-советском пакте о нейтралитете и о предположении русских, что Япония не вступит в войну, заявил: *„...Ввиду того, что в настоящее время проводится в жизнь подготовка к военной экспансии империи, я считаю, что в существующих в настоящее время условиях вышеупомянутая договоренность с Советским Союзом является лучшим способом сделать первые шаги, направленные на осуществление будущих планов в отношении Советского Союза, которые мы предпримем совместно с германским правительством“* и что *„это лишь временная договоренность, — другими словами, она будет своего рода сдерживающим началом для Советского Союза до тех пор, пока не будет закончена подготовка“.*

В перехваченной телеграмме из Токио в Берлин от 30 ноября 1941 г., отправленной, вероятно, японским министерством иностранных дел японскому послу, последнему предлагалось встретиться с Гитлером и Риббентропом. В телеграмме указывалось: *„Скажите, что, проводя в настоящее время продвижение на юг, мы не намереваемся ослаблять наше давление на Советский Союз... однако именно в настоящее время нам выгодно двигаться на юг, и пока мы предпочли бы воздержаться от каких-либо прямых действий на севере“.*

Однако лидеры Японии не отказались от своих стремлений и планов. В августе 1941 года пресса сообщила о том, что Араки заявил генеральному секретарю ассоциации помощи трону: *„Далее обратимся к сибирской экспедиции... Можно сказать, что нынешнее стремление Японии к господству на континенте ведет свое начало от сибирской экспедиции“.*

Такая же идея была высказана Тодзио в 1942 году после его вступления на пост премьер-министра, когда в беседе с германским пос-

лом Оттом он заявил, что Япония является смертельным врагом России, что Владивосток представляет собой постоянную угрозу Японии с фланга и что в ходе этой войны (т. е. войны между Германией и СССР) имеется возможность устранить эту угрозу. Он хвастливо заявлял, что это нетрудно сделать, так как имеется отличная Квантунская армия, состоящая из лучших частей.

Япония
откладывает
нападение
на СССР

Риббентроп в телеграмме от 15 мая 1942 г., посланной в Токио, выразил свое желание, чтобы Япония *„приняла решение напасть на Владивосток в самое ближайшее время“*.

Он заявил, что *„в основе этого лежит та предпосылка, что Япония обладает достаточными силами для проведения операции подобного характера и не должна будет оттягивать другие части, что ослабило бы ее позиции в отношении Англии и Америки, как, например, в Бирме.*

Если Япония не располагает силами, достаточными для успешного проведения таких операций, то ей, естественно, целесообразнее сохранять нейтральное отношение с Советской Россией. Это также облегчает наш труд, поскольку Россия во всяком случае должна держать войска в Восточной Сибири в ожидании русско-японского конфликта“.

В конце 1942 года в связи с обстановкой на советско-германском фронте желание Германии, чтобы Япония вступила в войну с СССР, стало еще более настоятельным.

„Сфера
сопроцветания
великой Восточной
Азии“ включает
часть Сибири

Трибунал считает, что агрессивная война против СССР предусматривалась и планировалась Японией в течение рассматриваемого периода, что она была одним из основных элементов японской национальной политики и что ее целью был захват территорий СССР на Дальнем Востоке.

ПЛАНИРОВАНИЕ
И ПОДГОТОВКА
ВОЙНЫ ПРОТИВ
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА

Воинственная политика Японии по отношению к СССР нашла свое отражение в японских военных планах. Военные планы японского генерального штаба с начала рассматриваемого периода предусматривают в качестве первых мероприятий оккупацию Маньчжурии. В японских военных планах захват Маньчжурии рассматривался не только как этап в завоевании Китая, но также как средство обеспечения плацдарма для наступательных военных операций против Советского Союза.

Маньчжурия
как плацдарм
против СССР

Кавабэ Торасиро, который был в то время офицером генерального штаба, показал, что план войны против СССР, разработанный в 1930 году, когда подсудимый Хата был начальником первого управления генерального штаба, предусматривал военные операции против СССР на советско-маньчжурской границе. Это было до оккупации Маньчжурии Японией.

Подсудимый Минами и Мацуи также подтвердили перед Трибуналом, что Маньчжурия рассматривалась как военный плацдарм, необходимый для Японии в случае войны с СССР.

16 марта 1931 г. Хата направил полковника Судзуки в инспекционную поездку по районам Северной Маньчжурии и Северной Кореи с учетом операций, согласно плану „Оцу“, направленному против СССР, и плану „Хэй“, направленному против Китая.

В секретном докладе, представленном этим офицером о результатах этой поездки, была дана подробная информация в связи с планом „Оцу“, который предусматривал оккупацию советского Приморья.

Захват Маньчжурии в 1931 году обеспечил базы для нападения на СССР на широком фронте с целью захвата всего советского Дальнего Востока.

Касахара Юкио, японский военный атташе в Советском Союзе, в секретном докладе, представленном генеральному штабу весной 1931 года, высказывался за войну с СССР и писал о ее целях следующим: *„...мы должны продвинуться по крайней мере до озера Байкал... Если мы остановимся на линии озера Байкал, империя должна будет решиться и быть готовой рассматривать дальневосточные провинции, которые она захватит, как часть собственной территории...“*

При перекрестном допросе свидетель Касахара, признав подлинность этого документа, показал, что он предлагал генеральному штабу как можно скорее начать войну против Советского Союза и предложил увеличить вооружение для того, чтобы быть готовым к войне в любой момент. Весной 1932 года Касахара был переведен в генеральный штаб, где он занимал пост начальника русского отдела второго управления. 15 июля 1932 г., вскоре после этого назначения, Касахара через подполковника Канда послал сообщение Кавабэ Торасиро, который был в то время военным атташе в Москве, по поводу важного решения генерального штаба. *„...подготовка (армии и флота) завершена. В целях укрепления Маньчжурии война против России необходима для Японии“.*

Во время перекрестного допроса свидетель Касахара объяснил, что в генеральном штабе *„между начальником отдела и отделений существовала договоренность о том, что подготовка к войне с Россией должна быть завершена к 1934 году“.*

Когда было принято это решение, подсудимый Умэдзу был начальником управления общих дел, а Тодзио и Осима были начальниками отделов генерального штаба. Муто был сотрудником второго управления генерального штаба.

Планы войны против СССР

Как при оккупации Маньчжурии в 1931 году, так и при вторжении в остальную часть Китая в 1937 году, всегда имелась в виду возможность войны с СССР.

Стратегия была направлена на подготовку нападения на СССР. Это подчеркивал подсудимый Тодзио, бывший в то время начальником штаба Квантунской армии, в июне 1937 года, т. е. непосредственно перед началом нападения на Китай, в телеграмме, присланной вице-военному министру Умэдзу и генеральному штабу: *„Оценивая настоящее положение в Китае с точки зрения военной подготовки против Советской России, я убежден в том, что, если наша военная мощь позволит, мы должны нанести первый удар по нан-*

кинскому правительству, чтобы избавиться от угрозы нашему тылу”.

Подобным же образом и при захвате Маньчжурии в 1931 году и при вторжении в остальную часть Китая в 1937 году военные планы Японии против Китая и против Советского Союза координировались генеральным штабом, японским военным министерством и штабом Квантунской армии.

Перед трибуналом подсудимый Муто признал, что, когда он был начальником первого отдела генерального штаба, он занимался изучением плана 1938 года. Военные планы японского генерального штаба на 1939 и 1941 годы были направлены на захват советских территорий. Основу военного плана 1939 года составляла концентрация японских главных сил в Восточной Маньчжурии для осуществления наступательных операций. Квантунская армия должна была оккупировать советские города Ворошилов, Владивосток, Иман и затем Хабаровск, Благовещенск и Куйбышевку.

План 1941 года, составленный до нападения Германии на СССР, предусматривал осуществление тех же целей. На первом этапе войны предполагалось захватить города Ворошилов, Владивосток, Благовещенск, Иман и Куйбышевку, а на следующем этапе оккупировать Северный Сахалин, Петропавловск-на-Камчатке, Николаевск-на-Амуре, Комсомольск и Совгавань.

О наступательном характере этих планов и мероприятий свидетельствует секретный оперативный приказ командующего объединенным флотом адмирала Ямамото от 1 ноября 1941 г., в котором говорилось: „... Если империя не нападет на Советский Союз, то мы уверены, что Советский Союз не начнет военные действия”. Эта же точка зрения была высказана Тодзио на заседании исследовательского комитета при Тайном совете 8 декабря 1941 г.: „... Советская Россия занята сейчас войной против Германии, поэтому она не воспользуется японским продвижением на юге”.

Хотя говорили о том, что эти планы были „обычными” планами „стратегической обороны” и т. д., все же ясно, что они были наступательными, а не оборонительными. Возможно, что при определенных обстоятельствах оборонительная стратегия оправдывает наступательные операции и, может быть, требует их проведения. Однако рассмотрение характера этих планов и военной политики Японии в отношении СССР приводит к заключению о том, что эти планы были агрессивными планами, а не планами „стратегической обороны”.

Они были „оборонительными” только в искаженном смысле слова, о чем уже говорилось, поскольку предусматривали защиту „императорского пути”, т.е. экспансию Японии за счет своих соседей на азиатском континенте.

**Активные
приготовления
к войне
против СССР**

Непосредственно после захвата Маньчжурии Япония начала размещать там свои основные вооруженные силы.

Основной целью обучения этих войск была главным образом их подготовка к военным операциям против Советского Союза и Китая. Танака, бывший начальник отдела военной службы и начальник бюро военной службы военного министерства, подсчитал, что в Маньчжурии было обучено 2,5 млн. японских солдат.

В 1936 году начальник штаба Квантунской армии Тодзио в планах размещения метеорологической службы в Чахаре указал, что целью этой службы было : *„обеспечивать для Японии и Маньчжурии более точное предсказание погоды и в связи с этим укреплять систему авронавигационной и метеорологической службы в качестве мероприятий по подготовке войны с Советской Россией“*.

Во время перекрестного допроса подсудимый Минами, бывший командующий Квантунской армией, признал, что железные дороги Маньчжурии строились по направлению к советской границе и что они могли быть использованы в стратегических целях, хотя он и утверждал, что *„их основной целью было освоение Северной Маньчжурии“*.

В январе 1938 года, штаб Квантунской армии, возглавлявшийся Тодзио, разработал *„план основных мероприятий по созданию нового Китая“*. В этом документе, посланном военному министру, указывается, что необходимо убедить местное население *„участвовать в проведении подготовки к надвигающейся войне против Советской России“*. Тодзио предусматривал использование района Монголия – Синьцзян *„в качестве плацдарма для вторжения во Внешнюю Монголию“*.

В секретной телеграмме, посланной военному министру в мае 1938 года, Тодзио, бывший в то время начальником штаба Квантунской армии, писал, что компания Южно-маньчжурской железной дороги *„получает указания от армии сотрудничать с ней в деле проведения национальной политики Маньчжоу-го и в деле осуществления оперативной подготовки и прочее против Советского Союза“*.

Командование армии не допустило того, чтобы пакт о нейтралитете, подписанный в апреле 1941 года, ослабил подготовку к войне с СССР. Так, начальник штаба Квантунской армии в своей речи на совещании командиров в апреле 1941 года, говоря о японо-советском пакте о нейтралитете, сказал: *„В соответствии с настоящим положением империи это является дипломатической мерой, рассчитанной на поддержание мира между Японией и Советским Союзом в настоящий момент, в интересах укрепления тройственного союза. Вопрос о том, можно ли этот пакт (о нейтралитете) сделать эффективным, зависит от будущих намерений этих стран. Нельзя думать о том, что мы можем сейчас же вступить в дружественные сношения (с Советским Союзом), учитывая позицию, занимаемую в настоящее время. Следовательно, для того чтобы сделать этот пакт эффективным, наша армия совершенно не может разрешить ослабления своих приготовлений к военным операциям. Эффективность этого пакта будет тем сильнее, чем более активными и обширными будут эти приготовления. Армия не внесет никаких изменений в проводившуюся ею ранее политику“*.

„Как в Японии, так и в Маньчжоу-го имеются люди, которые часто говорят о том, что военные приготовления против Советской России могут быть сокращены ввиду заключения пакта о нейтралитете. Однако, как говорилось раньше, не только не должно быть никаких изменений в нашей политике, проводившейся до сих пор в вопросе военных приготовлений против Советской России, но поскольку сейчас особенно необходимо занять четкую и независимую позицию в отношении вопросов идеологии, использования

контрразведки и других видов военной хитрости, то следует незамедлительно довести до сознания наших подчиненных эту задачу”.

Этот текст был взят из захваченного военного, совершенно секретного документа.

В этом отчете не говорится о присутствии на совещании Умэдзу, бывшего в то время командующим Квантунской армией. Возможно, он присутствовал. Но речь, имеющая такое важное значение, речь, которая была записана и запись которой сохранена, должна была быть по крайней мере одобрена им.

На аналогичном совещании 5 декабря 1941 г. начальник штаба Квантунской армии дал инструкции командирам соединений закончить приготовления к операциям против Советского Союза и следить за всеми изменениями военной обстановки на советском Дальнем Востоке и в Монголии в связи с ходом советско-германской войны с тем, чтобы вовремя использовать поворотный момент в военной обстановке. Эта речь была произнесена в то время, когда Умэдзу все еще был командующим Квантунской армией.

Активные
приготовления
к войне после
нападения Германии
на СССР

После нападения Германии на Советский Союз Япония усилила общие приготовления к войне против СССР.

Хотя в то время Япония уже вела затяжную войну с Китаем, она надеялась воспользоваться войной в Европе для осуществления своих замыслов в отношении СССР. Это повлекло за собой секретную мобилизацию и увеличение численности Квантунской армии.

Летом 1941 года, согласно плану, была проведена секретная мобилизация, и в состав Квантунской армии было включено 300 тыс. человек и приданы две новые дивизии и различные специальные части.

К январю 1942 года численность Квантунской армии увеличилась до 1 млн. человек. Квантунская армия получила значительное количество нового вооружения. Количество танков по сравнению с 1937 годом увеличилось вдвое, а число самолетов — втрое. Вдоль границы Советского Союза на территории Маньчжурии было возвращено большое количество войск. В намечавшемся нападении на СССР должны были принять участие, помимо Квантунской армии, армии, находившиеся в Японии. Кроме увеличения личного состава и военной техники, была произведена заготовка запасов продовольствия для Квантунской армии.

Трибунал считает, что во всяком случае до 1943 года Япония не только планировала агрессивную войну против СССР, но также активно продолжала готовиться к такой войне.

ПАКТ
О НЕЙТРАЛИТЕТЕ

Нападение
Германии
на СССР

Как указывалось выше, СССР в 1931 и 1933 годах предложил Японии заключить пакт о нейтралитете, но Япония от этого отказалась. К 1941 году у Японии испортились отношения практически со всеми державами, за исключением Германии и Италии. Международная обстановка в такой степени изменилась, что Япония была готова сделать то, от чего она отказалась за десять лет до этого. Однако эта готовность не означала какого-либо изменения отношения

Японии к СССР и не означала отказа от захватнических замыслов по отношению к СССР.

13 апреля 1941 г., т. е. незадолго до нападения Германии на СССР, Япония подписала с Советским Союзом пакт о нейтралитете, который предусматривал:

Статья 1 *„Обе договаривающиеся стороны обязуются сохранить между собой мирные и дружественные отношения и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность друг друга“.*

Статья 2 *„В том случае, если одна из договаривающихся сторон станет объектом военных действий со стороны одной или нескольких держав, другая договаривающаяся сторона должна сохранять нейтралитет в течение всего периода конфликта“.*

Подписав вышеупомянутый пакт, японское правительство поставило себя в двусмысленное положение, поскольку в то время оно имело обязательства в отношении Германии согласно пакту „Антикоминтерн“ и пакту трех держав. Поведение японского правительства при подписании пакта о нейтралитете было еще более двусмысленным, так как оно имело все основания ожидать неминуемого нападения Германии на Советский Союз.

Еще 23 февраля 1941 г. Риббентроп сообщил Осима, что Гитлер в течение зимы создал ряд новых соединений, в результате чего Германия будет иметь 240 дивизий, включая 186 первоклассных ударных дивизий. Риббентроп также остановился на перспективах „русско-германского конфликта“, который, по его словам, „имел бы следствием гигантскую победу немцев и означал бы конец советского режима“.

Предполагавшееся нападение Германии на Советский Союз обсуждалось еще более конкретно в марте 1941 года во время беседы японского министра иностранных дел Мацуока с германскими лидерами — Гитлером и Риббентропом.

27 марта 1941 г. во время своей беседы с Мацуока Риббентроп заявил ему, что *„немецкие армии на востоке могут быть использованы в любую минуту. Если Россия когда-нибудь займет позицию, которую можно будет истолковать как угрозу Германии, фюрер сотрет Россию с лица земли. В Германии существует уверенность, что такая военная кампания против России закончится полной победой германского оружия и окончательным уничтожением русской армии и русского государства. Фюрер уверен, что в случае нападения на Советский Союз Россия через несколько месяцев перестанет существовать как великая держава“.*

В тот же день Гитлер в беседе с Мацуока высказался в том же духе, заявив в присутствии Осима, Отта и Риббентропа, что Германия заключила несколько договоров с Россией, однако гораздо более важным является тот факт, что Германия имеет в своем распоряжении от 160 до 200 дивизий против СССР.

29 марта 1941 г. в своей беседе с Мацуока Риббентроп сказал, что большая часть германской армии сосредоточена на восточных границах государства, и еще раз выразил свою уверенность в полном

поражений СССР в течение нескольких месяцев в случае начала конфликта. В этой беседе Риббентроп также заявил: „Как бы то ни было, столкновение с Россией вполне вероятно. Во всяком случае Мацуока по возвращении в Японию не может сообщить императору о том, что конфликт между Россией и Германией исключается. Наоборот, положение таково, что такой конфликт, даже если он и не казался вероятным, должен, однако, считаться возможным“. В ответ Мацуока заверил Риббентропа, что „Япония будет всегда лояльным союзником, который посвятит себя общим усилиям, а не займет пассивной позиции“.

Вскоре после возвращения в Японию, после того как в Москве был подписан пакт о нейтралитете, Мацуока сообщил немецкому послу в Токио Отту следующее: „Никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел не сумеет заставить Японию остаться нейтральной в случае конфликта между Россией и Германией. В этом случае Япония будет вынуждена в силу необходимости напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой пакт о нейтралитете“.

В своей телеграмме от 20 мая 1941 г., адресованной Мацуока, Осима сообщил, что, по словам Вейцзекера*, „немецкое правительство придало большое значение заявлению министра иностранных дел Мацуока, сделанному Отту о том, что в случае русско-германской войны Япония нападет на СССР“.

Неискренняя политика японского правительства при подписании пакта о нейтралитете подтверждается тем фактом, что одновременно с переговорами о подписании пакта Япония вела переговоры с Германией о расширении пакта „Антикоминтерн“, срок действия которого истекал 26 ноября 1941 г. 26 ноября 1941 г., после начала войны между Германией и СССР, этот пакт был продлен еще на пять лет.

Сущность японской политики в отношении Советского Союза и пакта о нейтралитете была раскрыта во время беседы Сметанина с Мацуока 25 июня 1941 г. — три дня спустя после нападения Германии на СССР. Когда посол СССР в Японии Сметанин спросил Мацуока, будет ли Япония, согласно пакту о нейтралитете, заключенному между ней и СССР 13 апреля 1941 г., сохранять нейтралитет, то Мацуока уклонился от прямого ответа и подчеркнул, что основой внешней политики Японии является пакт трех держав и что если бы оказалось, что настоящая война и пакт о нейтралитете противоречат этой основе и пакту трех держав, то пакт о нейтралитете „не будет иметь силы“.

Мы уже ссылались на сообщение немецкого посла относительно зловещих комментариев Мацуока по поводу его беседы со Сметаниным. В июне 1941 г., незадолго до нападения Германии на СССР,

Умэдзу в своей беседе с принцем Урех* сказал, что „в настоящий момент он приветствует заключение пакта о нейтралитете между Японией и Россией. Однако, поскольку пакт трех держав является неизменной основой внешней политики Японии, отношение Японии к пакту о нейтралитете должно немедленно претерпеть изменения, как только изменятся русско-германские отношения“. Очевидно, что Япония не была искренней при заключении пакта о нейтралитете с Советским Союзом и, считая свои соглашения с Германией

* Вейцзекер — статс-секретарь германского министерства иностранных дел.

* Урех — один из „принцев“ марионеточного государства Внутренняя Монголия, созданного империалистической Японией по образцу Маньчжоу-го.

более выгодными, подписала пакт о нейтралитете с тем, чтобы облегчить себе осуществление планов нападения на СССР. Эта точка зрения об отношении японского правительства к СССР совпадает с мнением немецкого посла в Токио, высказанным им в телеграмме от 15 июля 1941 г., направленной в Берлин:

„Нейтралитет“ Японии в войне между Германией и СССР в действительности служил и, скорее всего, был предназначен для того, чтобы служить ширмой для оказания помощи Германии до нападения самой Японии на СССР.

Доказательства, представленные Трибуналу, указывают на то, что Япония, будучи далеко не нейтральной, какой она должна была бы быть в соответствии с пактом, заключенным с СССР, оказывала значительную помощь Германии.

Общая
военная помощь,
оказывавшаяся
Японией Германии

Япония проводила в Маньчжурии военные приготовления широкого масштаба и сосредоточила там большую армию, сковывая таким образом на Востоке значительные силы Советской Армии, которые в противном случае могли быть использованы в войне против Германии на Западе.

Правительства Германии и Японии рассматривали военные приготовления в Маньчжурии именно с такой точки зрения. В своей телеграмме от 3 июля 1941 г., адресованной в Берлин, немецкий посол в Японии сообщил, что *„Японское правительство не забывает о том, что усиление военных приготовлений проводится, помимо всего прочего... также для того, чтобы сковать силы Советской России на Дальнем Востоке, которые она могла бы использовать в ее борьбе с Германией“*.

Риббентроп в своей телеграмме в Токио от 15 мая 1942 г. указывал на большое значение, которое будет иметь внезапное нападение на Советский Союз для дальнейшего хода войны, ведущейся в интересах держав, подписавших трехсторонний пакт; однако в то же самое время он подчеркнул, как уже было сказано выше, важность сохранения Японией „нейтралитета“, представлявшего собой активную помощь Германии в ее войне против Советского Союза, „поскольку во всяком случае Россия должна держать войска в Восточной Сибири в ожидании русско-японского столкновения“.

Препятствия,
чинимые японцами
советскому
судоходству

Обвинение утверждало и представило доказательства, что, несмотря на обязательства Японии соблюдать нейтралитет, Япония серьезно препятствовала советским военным усилиям, мешая советскому судоходству на Дальнем Востоке. В частности, имеются доказательства того: что советские суда, опознавательные знаки которых ясно показывали, что они являются советскими, стоявшие на якоре в Гонконге в 1941 году, подверглись артиллерийскому обстрелу и одно из них было потоплено; что в том же месяце советские суда были потоплены бомбами с японских самолетов; что многие советские суда были незаконно задержаны японскими военными кораблями и отведены в японские порты и в отдельных случаях находились там под арестом в течение продолжительного времени. Наконец, выдвигались обвинения в том, что японцы закрыли Цугарский пролив и вынудили советские суда пользоваться другими, менее

доступными и более опасными подходами к своему дальневосточному побережью. Как утверждалось, все это делалось для того, чтобы помешать Советскому Союзу в его войне с Германией, в нарушение обязательств Японии по пакту о нейтралитете, и носило характер косвенной подготовки к войне, которую Япония намеревалась вести против СССР.

Несомненно было установлено, что Япония заключила пакт о нейтралитете неискренне и в качестве мероприятия, которое бы помогло Японии осуществить свои агрессивные намерения против СССР.

**Наступательные
операции
Японии
против СССР
в 1938—1939 гг.**

Выше, при рассмотрении позиции, которую занимала Япония по отношению к СССР, мы воздержались от детального обсуждения двух вопросов, содержащихся в пп. 25, 26, 35 и 36 обвинительного акта. Эти вопросы имели значение и при более раннем рассмотрении, но поскольку обвинительный акт поднял эти вопросы особо, то мы сочли более удобным отложить их детальное рассмотрение по данному разделу приговора.

После союза Японии с Германией по пакту „Антикоминтерн“ от ноября 1936 года и ее военных успехов в Северном и Центральном Китае, последовавших за инцидентом в Люкоучао в 1937 году, японская армия в 1938 и 1939 годах начала военные действия против СССР сначала в восточной части Маньчжурии, а затем в западной. В июле 1938 года районом военных действий являлся район озера Хасан, недалеко от стыка границ Маньчжурии, Кореи и Советского Приморья. В мае 1939 года начались военные действия в районе Номонгана (Халхин-Гол), находившемся на границе между Монгольской Народной Республикой и Маньчжурией.

**Военные
действия
в районе
озера Хасан**

В начале июля 1938 года японские пограничные войска в районе западнее озера Хасан были усилены в результате сосредоточения полевых войск на восточном берегу реки Тюмень-Ула, на небольшом расстоянии к западу от озера Хасан. Между рекой и озером имеется гряда холмов, с которой просматриваются как озеро, так и река. По утверждению СССР, граница проходила по гребню сопки; с другой стороны, японцы утверждали, что граница проходила восточнее и шла по западному берегу озера Хасан. Эта возвышенность имеет большое стратегическое значение, так как с нее просматриваются на западе река Тюмень-Ула, железная дорога, идущая с севера на юг, дороги, идущие к Советскому Приморью и к Владивостоку. С японской точки зрения, значение возвышенности заключалось в том, что она укрывала от наблюдения железную дорогу и шоссейные дороги, являющиеся линией японских коммуникаций в северном и восточном направлении. Японцы понимали ее военное значение, и уже в 1933 году Квантунская армия провела детальное топографическое изучение этого района, имея в виду, как заявил начальник штаба Квантунской армии в своем докладе заместителю военного министра в декабре 1933 года, „военные действия против Советской России“.

Посылавшиеся в то время донесения советских пограничных застав, а также другие доказательства указывают на то, что в течение июля 1938 года имело место все увеличивавшееся сосредоточение

японских войск. В конце июля приблизительно одна дивизия из состава японской армии в Корее была сосредоточена на небольшом участке, не превышающем, вероятно, 3 км длины. Свидетель защиты генерал Танака Рюкити показал, что, когда он прибыл в этот район 31 июля, японские войска вели наступательные бои.

Как будет показано позднее, японцы жаловались и заявляли, что советские войска не должны были находиться нигде западнее озера Хасан. До этого столкновения советских пограничников было немного, их число на данном участке не превышало 100 человек.

В начале июля, в то время когда японские войска накапливались в районе озера Хасан, японское правительство начало дипломатические переговоры с Советским правительством, стремясь добиться отвода советских пограничников на восточный берег озера Хасан. 15 июля японский поверенный в делах в Москве Ниси в соответствии с инструкциями своего правительства заявил советскому Комиссару иностранных дел, что вся территория к западу от озера Хасан целиком принадлежит Маньчжурии, и потребовал отвода советских войск с западного берега озера. Приблизительно в это же время Сигэмицу*, который находился в командировке в Западной Европе, был послан в Москву с инструкциями обеспечить выполнение японских требований. Затем последовали переговоры, во время которых советский представитель повторил, что граница идет по вершине высоты к западу от озера Хасан, а не по берегу этого озера. Он сказал, что это утверждение подкрепляется Хунчунским протоколом 1886 года, который установил пограничную линию. Сигэмицу стал на безапелляционную точку зрения и заявил о Хунчунском протоколе: *„Я считаю, что говорить о какой-либо карте в этот критический момент является неразумным, это только осложнит положение“*.

20 июля Сигэмицу официально потребовал отвода советских войск, добавив, что *„у Японии имеются права и обязанности перед Маньчжоу-го, по которым она может прибегнуть к силе и заставить советские войска эвакуировать незаконно занятую ими территорию Маньчжоу-го“*.

Что касается вопроса прохождения границы, то была представлена карта и ряд других документальных доказательств. Уже упомянутый Хунчунский протокол был подписан в 1886 году представителями Китая и России, и к этому протоколу была приложена карта, устанавливающая границу. Как в китайском, так и в русском текстах протокола имеется ссылка на карту, и оба текста содержат следующее важное указание: *„красная линия на карте обозначает границу вдоль всего водораздела, и воды, которые текут к западу и впадают в реку Тюмень, принадлежат Китаю, а воды, текущие к востоку и впадающие в море, принадлежат России.“*

21 июля 1938 г. военный министр Итагаки совместно с начальником генерального штаба получил аудиенцию у императора и попросил его санкционировать использование вооруженных сил у озера Хасан для осуществления требований Японии. Стремление военного министра и армии начать военные действия иллюстрируется неправдивым заявлением Итагаки императору, что использование сил против СССР обсуждалось с морским министром и министром иностранных дел, которые полностью были согласны с армией.

* Сигэмицу был в то время японским послом в Москве.

Однако вопрос о начале военных действий у озера Хасан обсуждался на совещании пяти министров, на котором присутствовал Итагаки. В принятом решении говорилось: „(мы) провели подготовку на случай возникновения чрезвычайного положения. Использование подготовленной военной силы должно будет осуществляться по приказу императора после переговоров с соответствующими властями“.

Таким образом, была получена санкция на использование вооруженных сил у озера Хасан; оставался неразрешенным лишь один вопрос, а именно дата начала военных действий. Этот вопрос был разрешен неделю спустя, а именно 29 июля 1938 г., когда японцы произвели первое нападение, носившее характер разведки боем в районе высоты Безымянная, одной из высот, находившихся на возвышенности. В этом нападении принимало участие небольшое число войск, которое, вероятно, не превышало одной роты. Им удалось сломить сопротивление небольшого числа советских пограничников, находившихся на высоте. Позднее, в тот же самый день, подошли подкрепления советских пограничников и сбросили японцев с занятого ими участка.

В ночь с 30 на 31 июля японцы снова совершили нападение основными силами одной дивизии на другую высоту гряды, известную как высота Заозерная. Свидетель защиты Танака Рюкити, на показания которого мы уже ссылались, подтвердил тот факт, что 31 июля, когда он вернулся в этот район, японские войска вели наступательные бои.

Бои в этом районе продолжались с 31 июля по 11 августа 1938 г. К этому времени советские войска с помощью подкреплений, подошедших после начала военных действий, нанесли поражение и фактически уничтожили японские войска, которые принимали участие в этой операции. После этого японское правительство согласилось, что военные действия должны быть прекращены и граница восстановлена в соответствии с советским утверждением, т. е. на возвышенности вдоль вершин холмов.

Исходя из доказательств в целом, Трибунал приходит к выводу, что нападение японских войск у озера Хасан было сознательно запланировано генеральным штабом и военным министром Итагаки и было санкционировано по крайней мере пятью министрами, которые участвовали в совещании 22 июля 1938 г. Целью нападения могло быть либо желание прощупать силу Советского Союза в этом районе, либо захватить стратегически важную территорию на гряде, господствующую над коммуникациями, ведущими к Владивостоку и к Приморью. Нападение, которое планировалось и было осуществлено с использованием значительных сил, нельзя рассматривать как простое столкновение между пограничными патрулями. Трибунал также считает установленным, что военные действия были начаты японцами. Хотя военные силы, занятые в этом конфликте, не были весьма значительными, однако вышеуказанная цель нападения и его результаты, если бы оно было успешным, достаточны, по мнению Трибунала, для того, чтобы считать эти военные действия войной. Более того, принимая во внимание действовавшее в то время международное право и позицию японских представителей в предварительных дипломатических переговорах, Трибу-

нал считает, что операции японских войск носили явно агрессивный характер.

Военные
действия
в районе
Номонгана
(Халхин-Гол)

Военные действия в районе Номонгана (Халхин-Гол), продолжавшиеся с мая до сентября 1939 года, были значительно большего масштаба, чем военные действия у озера Хасан. Они имели место на восточной границе Внешней Монголии, там, где она примыкает к Маньчжурской провинции Хейлуцзян. Непосредственно к югу находится китайская провинция Чахар, которую в 1939 году контролировали японцы.

Внешняя Монголия имела большое значение для японских военных планов в отношении СССР. Так как она граничит с Советской территорией на большом протяжении — от Маньчжурии до пункта к западу от озера Байкал, — военный контроль над ней, осуществляемый недружественным государством, являлся бы угрозой советской территории вообще, и в частности угрозой Транссибирской железной дороге, которая является соединительным звеном между советской территорией на западе и на востоке и которая на протяжении многих лет идет почти параллелью северным границам Внешней Монголии и недалеко от них.

Как СССР, так и Япония признавали стратегическое значение Внешней Монголии. Уже в 1933 году Араки в статье, озаглавленной „Миссия Японии в эру сэва“, призывал к оккупации Внешней Монголии, указывая, что „Япония не желает, чтобы такой неопределенный район, как Монголия, существовал около сферы ее влияния. Монголия обязательно должна быть Монголией Востока“. В 1936 году, т. е. несколько лет спустя, Итагаки, бывший в то время начальником штаба Квантунской армии, указал в беседе с послом Арита, что „Внешняя Монголия является очень важной с точки зрения японо-маньчжурского влияния сегодняшнего дня, ибо она является флангом обороны Сибирской железной дороги, соединяющей советские территории на Дальнем Востоке и в Европе. Если Внешняя Монголия будет объединена с Японией и Маньчжоу-го, то советские территории на Дальнем Востоке окажутся в очень опасном положении и, возможно, можно будет уничтожить влияние Советского Союза на Дальнем Востоке без военных действий. Поэтому целью армии должно быть распространение японо-маньчжурского господства на Внешнюю Монголию любыми средствами, имеющимися в ее распоряжении“.

СССР, предвидя возможные действия со стороны Японии или со стороны любой другой страны, заключил в 1936 году соглашение о взаимопомощи с Монгольской Народной Республикой.

Военные действия начались 11 мая 1939 г. нападением японских разведывательных войск численностью в несколько сотен на монгольских пограничников. Между 11 мая и 27 июня японские части небольшой численности производили атаки, каждая из которых была отбита. В перерывах между атаками обе стороны подтягивали подкрепления. 28 мая бои начались в более широком масштабе при поддержке авиации, артиллерии и танков. После этого дня военные действия продолжали увеличиваться по своим масштабам и окончились в сентябре только после того, как Япония признала поражение.

Трудно с точностью определить численность войск, участвовавших в боевых действиях, но о том, что эта численность была большой, можно судить по различным подсчетам общих потерь и по размерам района, в котором проводились военные действия. Японские потери, включая убитых, раненых и захваченных в плен, превышали 50 тыс. человек, а потери монголо-советской стороны превышали 9 тыс. человек. Военные действия проводились по фронту от 50 до 60 км и в глубину от 20 до 25 км. .

Доводы защиты в отношении этих событий сходны с теми, которые защита приводила в отношении инцидентов в районе озера Хасан. Они сводятся к следующему: события представляли собой не больше чем пограничное столкновение, происшедшее в результате спора относительно точного прохождения границы между Внешней Монголией и Маньчжурией. Японские утверждения сводились к тому, что в районе, в котором произошли военные действия, граница проходила по реке Халхин-Гол, которая в этом месте течет в северо-западном направлении, тогда как монгольское утверждение заключалось в том, что граница проходила примерно в 20 км к востоку от реки. Было представлено много карт и других доказательств относительно прохождения линии границы. Кроме того, давали показания военнослужащие монгольской пограничной охраны, служившие в пограничных частях до начала столкновения, о том, что линия границы была четко отмечена пограничными знаками, установленными на той линии, которая, согласно утверждениям Монгольской Народной Республики, являлась границей. Сейчас нет нужды определять прохождение линии границы в то время. В последующем по этому поводу было достигнуто соглашение. Мы сейчас должны рассмотреть вопрос, имеют ли оправдания военные действия, которые происходили.

Наиболее убедительные доказательства о характере и размере военных действий мы находим в захваченном японском документе, который представляет собой обращение командующего 6-й армией от 5 сентября 1939 г. Текст его гласит следующее: *„Хотя приказ о переформировании 6-й армии был издан раньше, я должен сейчас, к сожалению, заявить, что осуществление почетной задачи обороны северо-западного района потерпело неудачу, потому что этот приказ не был проведен в жизнь. Армия была втянута в водоворот бесчисленных военных действий на границе между Маньчжурией и Монголией.*

Подобное состояние контроля над военными действиями на фронте продолжалось более чем в течение 10 дней и продолжается в настоящее время. Благодаря смелым и решительным действиям всех частей, находящихся под командованием генерал-лейтенанта Камацубара, хаос, наблюдавшийся в проведении военных действий, был уменьшен. Сейчас армия в районе Дзиндзин Сумэ проводит подготовку к новому наступлению.

Командующий Квантунской армией решил помочь нам этой осенью путем посылки хорошо обученных войск, расположенных в Маньчжурии. Он перебрасывает их в район будущего сражения, подчиняет их мне и разрабатывает чрезвычайные мероприятия, которые необходимо предпринять, чтобы урегулировать конфликт. Обстоятельства сейчас таковы, что совершенно ясно, что бои вышли сейчас за рамки простого пограничного конфликта. Мы ведем сейчас

священную войну в Китае, и любые изменения в конфликте при сложном внешнем и внутреннем положении приобретают большую государственную важность.

Армия может осуществлять свои действия только одним путем — она должна объединиться, укрепить свои силы и немедленно нанести сокрушительный удар по врагу с тем, чтобы уничтожить его все возрастающую наглость. В настоящий момент подготовка, принятая армией, проводится успешно. Армия встретит наступающую осень тем, что она одним ударом положит конец этой мышиной возне и с гордостью покажет всему миру силу отборных императорских войск. Офицеры и солдаты хорошо сознают существующую обстановку. Все военнослужащие армии, от рядовых солдат до высших офицеров, воодушевлены храбростью и решимостью и уверены в победе. Армия всегда готова с любым месте сокрушить врага, глубоко веря в своего первого маршала — императора”.

Защита не сделала ни одной серьезной попытки установить, что монгольские или советские войска первыми начали боевые действия. В своей аргументации она также не говорила об этом. С другой стороны, обвинение представило свидетелей, которые принимали участие в военных действиях и которые говорили, что эти военные действия были начаты японо-маньчжурскими войсками. Трибунал принимает доказательства обвинения по этому вопросу.

Вскоре после начала конфликта Итагаки, бывший тогда военным министром, сообщил об этом премьер-министру Хиранума.

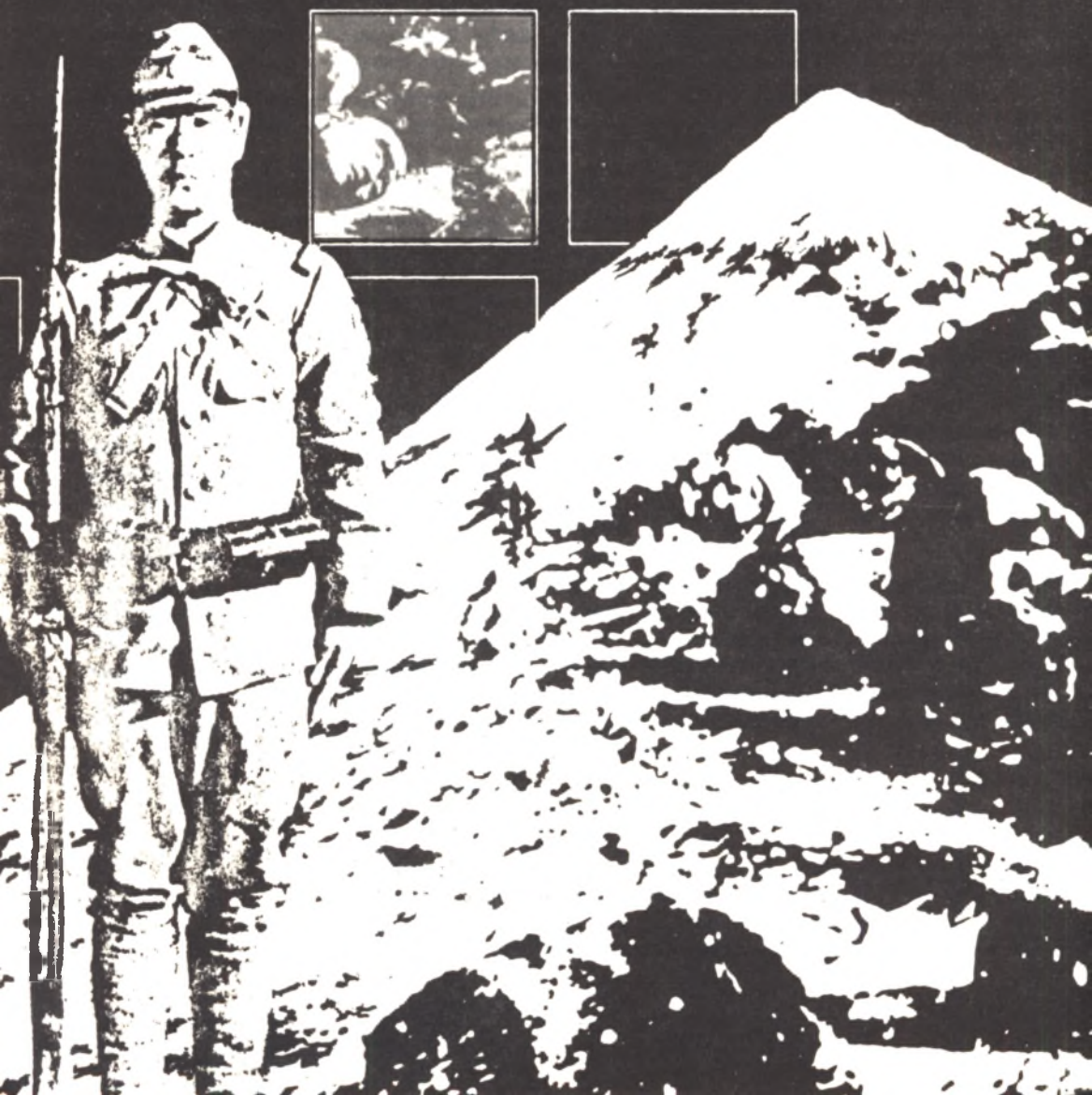
В своих показаниях, которые он давал перед судом, Хиранума говорил, что он потребовал, чтобы Итагаки приостановил военные действия, но что он „не мог давать приказ” и что „военные круги придерживались другого мнения”. Таким образом, ясно, что в самом начале конфликта как Хиранума, так и Итагаки хорошо знали о сложившемся положении и нет никаких доказательств того, что кто-либо из них предпринял какие-либо шаги для предотвращения продолжения конфликта.

Как и во время инцидента в районе озера Хасан, японские войска потерпели поражение. Что случилось бы, если бы они имели успех, является чисто умозрительным вопросом. Однако сам по себе факт, что они потерпели поражение, еще не определяет характера проводившихся военных действий. Это были действия широкого масштаба, и они охватили период времени, превышавший четыре месяца. Ясно, что они были предприняты японцами после тщательной подготовки, как это видно из обращения командующего 6-й армией, и что целью их было уничтожение противостоящего им противника. Поэтому утверждение, сводящееся к тому, что этот инцидент являлся простым столкновением между пограничниками двух сторон, должно быть признано несостоятельным. При этих обстоятельствах Трибунал считает, что военные действия являлись агрессивной войной, проводившейся японцами...

Бактериологическое оружие — это оружие массового истребления людей.

Пределы его действия не ограничиваются ни линией фронта, ни вооруженными силами противника, ни даже территорией подвергшейся нападению страны.

С 25 по 30 декабря 1949 г. в Хабаровске проходил судебный процесс по делу двенадцати бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в разработке и применении бактериологического оружия

ХАБАРОВСК:

1949

преступники держат ответ

Отряды № 731,
№ 100 и другие

Распространение
чумы и тифа
в Китае

Ликвидации
отряда № 731

Процесс

Преступное оружие войны

Использование бактерий инфекционных заболеваний в качестве орудия войны известно с давних пор. Более двухсот лет назад английские колонизаторы распространяли среди индейских племен черную оспу, вызывая эпидемии.

В работе выдающегося советского ученого Н.Ф.Гамалея приводится относящаяся к 1763 году переписка между губернатором Новой Шотландии — генералом Амгерстом и его подчиненным — полковником Букетом.

„Нельзя ли, — пишет генерал, — попытаться распространить оспу между индейскими мятежными племенами? Нужно использовать все способы, чтобы их покорить“. — „Я попробую, — отвечает полковник, — распространить оспу посредством одеял, которые мы найдем способ им передать“. — „Вы хорошо сделаете, — одобряет генерал, — нужно распространить этим способом оспу и воспользоваться всеми иными средствами, чтобы уничтожить эту отвратительную расу“ (Н.Ф.Гамалея. Ослопрививание. М., 1934, с. 129).

Командование германской армии пыталось вызвать эпидемию сапа и сибирской язвы среди конского состава армий государств, сражавшихся против Германии.

В 1914—1918 гг. немецкие агенты заражали сапом лошадей в артиллерийских и кавалерийских частях французской армии; распространяли эпидемии сапа и сибирской язвы среди скота, закупавшегося Францией в странах Латинской Америки. В 1918 году вследствие этого полностью прекратился экспорт скота из Аргентины во Францию. Но германские милитаристы применяли бактериологическое оружие не только против лошадей и других животных.

Предшественники германских фашистов — кайзеровские генералы — начали использовать бактериологическое оружие еще в первую мировую войну.

В 1915 году в Петрограде был задержан

германский агент Грегерсен с бактериями чумы, привезенными из США.

В 1916 году турецкий врач Гамид Осман при участии двух немецких врачей (один из которых Г.Цейсс при Гитлере стал профессором) заразил сыпным тифом более четырехсот русских военнопленных.

Известно, что бактериологическое оружие наряду с химическим и атомным является исключительно жестоким и бесчеловечным средством ведения агрессивной войны, что массовой жертвой этого оружия становится в первую очередь мирное население — женщины, дети, старики. Пределы действия бактериологического оружия не ограничиваются ни линией фронта, ни вооруженными силами противника, ни даже территорией подвергшейся нападению страны. Бактериологическое оружие — это оружие массового истребления людей, причем не столько состоящих в рядах вооруженных сил, где легче организовать санитарную защиту личного состава, сколько мирного населения.

Использование бактериологического оружия той или иной правящей кликой является преступлением и против собственного народа, и против народов нейтральных стран, так как из-за свойства инфекций широко распространяться это оружие представляет опасность не только для той страны, против которой оно применяется империалистами.

Именно поэтому большинство цивилизованных государств взаимно обязалось не пускать в ход химическое и бактериологическое оружие, подписав и ратифицировав Женевский протокол от 17 июня 1925 г. „О запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств“.

В протоколе указывалось: *„В целях повсеместного признания вошедшим в международное право сего запрещения, равно обязательного для совести и практики народов, Высокие Договаривающиеся*

Стороны признают это запрещение, соглашаются распространить это запрещение на бактериологические средства ведения войны..."

Однако в ряде стран, в первую очередь с фашистскими режимами, проводилась подготовка бактериологической войны.

Уже через год после захвата гитлеровцами власти в Германии в одном из английских журналов была опубликована статья бывшего главного редактора газеты „Таймс“ Уикхэма Стида, в которой против фашистской Германии выдвигались обвинения в подготовке бактериологической войны. Статья содержала данные о широких опытах, проводившихся нацистами на территориях других государств. Так, Сид утверждал, что агенты гитлеровских вооруженных сил организовали эксперименты искусственного заражения бактериями метрополитенов Лондона и Парижа.

В этот же период начала готовиться к бактериологической войне и империалистическая Япония. Дальнейшее развитие событий показало, как далеко шагнули страны оси Берлин — Рим — Токио по пути подготовки бактериологической войны.

Характерно, что преступные изыскания в области применения бактериологического оружия наиболее активно велись именно в Германии и Японии, т.е. в двух основных очагах агрессии, существовавших в канун и во время второй мировой войны.

На судебном процессе над главными нацистскими военными преступниками в Нюрнберге показаниями немецкого генерала Вальтера Шрайбера и другими материалами было установлено, что нацисты в широких масштабах готовили по приказу Гитлера применение бактериологического оружия после ряда тяжелых поражений на Восточном фронте.

Допрошенный генерал Шрайбер показал: несмотря на неоднократные и ясные донесения абвера (германской контрразведки) и сообщения медицинских работников Восточного фронта, заключения санитарной инспекции главного командования сухопутных войск о том, что со стороны Советского Союза не следует опасаться применения бактерий в качестве оружия, начальник штаба главного командования

вооруженными силами (ОКВ) — генерал-фельдмаршал Кейтель отдал приказ о подготовке бактериологической войны против Советского Союза.

В июле 1943 года главное командование вооруженными силами созвало секретное совещание. На него в качестве представителей санитарной инспекции сухопутных сил были приглашены профессор Кливе и генерал Шрайбер, представители „отдела науки“ нацистской партии, а также офицеры ряда управлений родов войск. На этом совещании начальник штаба управления общих дел ОКВ от имени фельдмаршала Кейтеля заявил, что Адольф Гитлер поручил Герману Герингу проведение всех мероприятий по подготовке бактериологической войны и наделил его особыми полномочиями.

Исходя из указаний „фюрера“, Геринг поручил профессору Бломе непосредственное практическое руководство всеми специальными медицинскими мероприятиями. В окрестностях Познани был создан институт, в лабораториях которого выращивались болезнетворные бактерии, в том числе культура чумы, а также вредители растений, имелось оборудование для проведения опытов с бактериями на людях.

По показаниям Шрайбера, в конце марта 1945 года его посетил в Берлине профессор Бломе и рассказал, что в связи с быстрым наступлением Красной Армии он вынужден был бежать из Познани, но все же успел вывезти из познаньского института свои чумные культуры, которые по приказу Гимmlера поместил в бактериологическом институте в Саксенбурге. Шрайбер признал, что только быстрое наступление Советской Армии спасло Европу и человечество от ужасной катастрофы.

Готовясь к широкому использованию бактериологического оружия, нацистские военные преступники применяли его против советских военнопленных и мирного населения на временно оккупированных территориях Белоруссии. 19 марта 1944 г. наступающие части Советской Армии в районе местечка Озаричи Полесской области обнаружили на переднем крае немецкой обороны три концентрационных лагеря, в которых находилось свыше 33 тыс. детей, нетрудоспособных

женщин и стариков. Вместе со здоровыми, хотя истощенными и нетрудоспособными людьми, содержащимися в исключительно антисанитарных условиях, гитлеровские военные эпидемиологи помещали сыпнотифозных больных, предумышленно свезенных туда из разных районов Полесской, Минской, Гомельской и других областей. Проведенным расследованием было доказано преднамеренное распространение нацистами эпидемии сыпного тифа.

Советские военнопленные систематически истреблялись гитлеровцами в так называемом „гросс-лазарете Славута“ (Украина) путем искусственного распространения тифа, дизентерии, других остроинфекционных заболеваний. Преступные бактериологические эксперименты систематически проводились гитлеровцами в так называемых „медицинских блоках“ Освенцима, в которых злодействовал эсэсовский врач Менгеле, прозванный узниками „ангелом смерти“. В Освенциме нацисты истребили свыше четырех миллионов людей разных национальностей.

Сокрушающие удары Советской Армии сорвали человеконенавистнические планы Гитлера и его клики и не позволили пустить в ход подготовленное ими бактериологическое оружие.

От фашистской Германии не отставала и империалистическая Япония: подготовка к бактериологической войне активно началась после заключения „антикоминтерновского пакта“. По заданию высших военных руководителей, военного министерства и генерального штаба Японии были созданы специальные базы по производству бактерий. Особые секретные формирования Квантунской армии — отряды № 731 и № 100 и их многочисленные филиалы — широко проводили изуверские опыты над людьми, обреченными на мучительную смерть. В „производственных“ лабораториях было „налажено“ разведение в огромных количествах смертоносных бактерий чумы, холеры, сапа и т.п.

Готовясь распространить среди населения Советского Союза, Китая, Монгольской Народной Республики, а также среди войск США, Великобритании и других стран тонны смертоносных бактерий, япон-

ские преступники испытывали средства массового уничтожения на тысячах китайских, советских и других граждан. Только в застенках отряда Исии Сиро были зверски замучены свыше трех тысяч человек. Японские милитаристы в ряде случаев применяли бактериологическое оружие против Монгольской Народной Республики и Китая, совершая варварские экспедиции, вызвавшие эпидемии чумы и тифа.

Бактериологическая война в широких масштабах со всеми ужасающими для человечества последствиями могла бы стать страшной действительностью, если бы преступные планы японских империалистов не были сорваны Советским Союзом. Героические советские войска нанесли сокрушительный удар по японским агрессорам, разгромили основную силу империалистической Японии — Квантунскую армию и вынудили Японию к безоговорочной капитуляции.

Суд в Хабаровске

С 25 по 30 декабря 1949 г. в Хабаровске проходил судебный процесс по делу двенадцати бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия.

Суду были преданы бывший главнокомандующий японской Квантунской армией — генерал Ямада Отодзо, бывший начальник санитарного управления той же армии — генерал-лейтенант медицинской службы Кадзицука Рюдзи, бывший начальник ветеринарной службы той же армии — генерал-лейтенант ветеринарной службы Такахаси Такаацу, бывший начальник отдела бактериологического отряда № 731 — генерал-майор медицинской службы Кавасима Киоши, бывший начальник отделения отряда № 731 — майор медицинской службы Карасава Томио, бывший начальник отдела отряда № 731 — подполковник медицинской службы Ниси Тосихидэ, бывший начальник филиала отряда № 731 — майор медицинской службы Оноуэ Масао, бывший начальник санитарной службы 5-й армии — генерал-майор медицинской службы Сато Сюндзи, бывший научный

работник бактериологического отряда № 100 — поручик *Хирадзакура Дзэнсаку*, бывший сотрудник того же отряда — старший унтер-офицер *Митомо Кадзуо*, бывший санитар-практикант филиала № 643 отряда № 731 — ефрейтор *Кикучи Норимицу* и бывший санитар-лаборант филиала № 162 отряда № 731 — *Курусима Юдзи*.

Дело рассматривалось в открытом судебном заседании Военным трибуналом Приморского военного округа в составе председательствующего — генерал-майора юстиции *Черткова Д.Д.* и членов: полковника юстиции *Ильницкого М.Л.* и подполковника юстиции *Воробьева И.Г.*, запасного члена суда подполковника юстиции *Щербаклова Т.П.*, при секретарях: старшем лейтенанте *Коркине Н.А.* и лейтенанте *Варавко В.В.* Государственное обвинение поддерживал государственный советник юстиции 3-го класса *Смирнов Л.Н.* Подсудимых защищали: генерала Ямада — член Московской коллегии адвокатов *Белов Н.П.*; генерал-лейтенанта медицинской службы *Кадзицука* — член Московской коллегии адвокатов *Санников С.Е.*; генерал-лейтенанта ветеринарной службы *Такахаси* — член Московской коллегии адвокатов *Зверев А.В.*; генерал-майора медицинской службы *Кавасима* — член Московской коллегии адвокатов *Баровик Н.К.*; генерал-майора меицинской службы *Сато* — член Московской коллегии адвокатов *Богачев П.Я.*; майора медицинской службы *Карасава* и майора медицинской службы *Оноуз* — председатель Хабаровской краевой коллегии адвокатов *Лукьянцев В.П.*; подполковника медицинской службы *Ниси* и поручика *Хирасакура* — член Хабаровской краевой коллегии адвокатов *Болховитинов Д.Е.*; старшего унтер-офицера *Митомо*, ефрейтора *Кикучи* и *Курусима* — председатель Приморской краевой коллегии адвокатов *Проккопенко Г.К.*

Заключение по бактериологическим и медицинским вопросам давала на суде экспертная комиссия в составе действительного члена Академии медицинских наук Союза ССР *Жукова-Вережникова Н.Н.*, полковника медицинской службы *Краснова В.Д.*, заведующего кафедрой микробиологии Хабаровского медицинского ин-

ститута, профессора *Косарева Н.Н.*, доцента кафедры микробиологии Хабаровского медицинского института *Ливкиной Е.Г.*, подполковника ветеринарной службы *Александрова Н.А.*, паразитолога *Козловской О.Л.*

Судебный процесс над бывшими военнослужащими японской армии в Хабаровске вскрыл картину чудовищных злодеяний правящей клики Японии.

Первую скрипку в этом преступном оркестре, несомненно, играл главнокомандующий Квантунской армией Ямада Отодзо.

На процессе в Хабаровске Ямада выглядел маленьким, тихоньким старичком. Но именно он был одним из вдохновителей подготовки бактериологической войны, а также исполнителем чудовищных преступлений, наделенным большими полномочиями.

На открытом судебном процессе в Хабаровске было неопровержимо доказано, что командование японской Квантунской армии в соответствии с указаниями военного министерства и генерального штаба Японии возглавляло подготовку и ведение бактериологической войны. Это было доказано не только признаниями всех подсудимых на суде, но и многочисленными свидетельскими показаниями, а также заключением экспертов. В судебном заседании дали показания свидетели: Тамура Тадаси, Одзэки Сигэо, Сасаки Косукэ, Сэгоси Кионити, Куракадзу Сатору, Татибана Такэо, Фуруити Иосио, Канадзава Кадзухиса, Хотта Рёотири, Минэой Киюси, Сайто Масатэру, Фукудзуми Мицуюэси, Кувабара Акира, Сакурасита Киёси, Хатаки Акира, Мисина Такаюки.

Как было установлено на процессе, бактериологическое средство войны рассматривалось японской военщиной как эффективное оружие, призванное обеспечить достижение конечных целей, поставленных перед собой партнерами по заговору — фашистской Германией и империалистической Японией, а именно порабощение миролюбивых народов и покорение целых государств. Это было оружие захватнической войны, предназначенное для осуществления наступательных планов, разра-

батываемых японским генеральным штабом в течение десятилетий.

Отряды № 731, № 100 и другие

В строго засекреченных формированиях — отрядах № 731, 100, „Эй-1644“ и других, находящихся под особым наблюдением военного министерства Японии, шла усиленная подготовка средств истребления миллионов людей. С циничным хладнокровием рассказывали подсудимые на процессе, как они в созданных фабриках смерти выращивали бактерии чумы, холеры, тифа, сибирской язвы и других опасных инфекционных заболеваний, разрабатывали особые виды вооружения, готовили кадры для ведения бактериологической войны. В застенках бактериологических отрядов японской армии совершались страшные пытки людей, производились варварские опыты, которые могут сравниться только с тем, что творили эсэсовские палачи в белых халатах врачей в Дахау, Освенциме, Заксенхаузене, Равенсбрюке.

Японская военщина не только готовила истребление, но и уничтожила тысячи людей, испытывая на них действие бактериологического оружия. Помимо бомб, начали изготавливать специальные конфеты, начиненные бациллами, тросточки и автоматические ручки для распыления бацилл.

Бывший сотрудник отряда № 100 — подсудимый Хирадзакура подробно рассказал на суде, как по заданиям генерала Вакамацу направлялись специальные разведывательно-диверсионные группы в районы Трехречья и Хайлара для производства бактериологических диверсий против СССР и Монгольской Народной Республики.

Применялся и такой провокационный способ, как заражение пищи, якобы случайно забытой японцами, — булочек, печенья и т.д.

Своим подчиненным Вакамацу постоянно твердил: на случай войны Японии с Советским Союзом 100-й отряд должен стать фабрикой по выпуску в массовом количестве различных бактерий и сильнодей-

ствующих ядов для ведения диверсионно-бактериологической войны против Советского Союза.

Командование Квантунской армии разработало планы бомбежек бактериологическими бомбами наших городов — Владивостока, Ворошилова, Хабаровска, Читы, Благовещенска. Уже разведывались районы предстоящей бактериологической войны, создавались группы диверсантов.

Многие годы японские захватчики планомерно подкрадывались к границам нашей страны, создавая плацдармы для готовящегося нападения.

Подсудимый Митомо говорил на процессе о своих занятиях: изучал способы бактериологической войны и диверсий, а также методы выращивания бактерий, занимался главным образом культивированием бактерий сапа и экспериментами над живыми людьми, иногда заражал воду.

„Как же испытывали яды?“ — спросил обвинитель. — „Подбрасывал незаметно в пищу подопытным. Кто выживал, того умерщвляли“.

В 1956 году в Японии вышла книга под названием „Особый отряд № 731“. Автор — один из тех, кто служил в течение пяти месяцев в этом пресловутом формировании японской армии рядовым исполнителем, — выступил по понятным причинам под псевдонимом Хироси Акияма. В книге приведены ценнейшие свидетельства очевидца-японца, рассказано о чудовищных преступлениях японской военщины, приводимые автором факты дополняют общую картину злодеяний.

Вот отрывки из книги Хироси Акияма.

...Посредине комнаты к черной, словно вымазанной дегтем, железной койке привязывали человека („бревно“), который отчаянно бился в руках „ассистентов“. „Бревно“ защищался со страшной силой, хотя руки и ноги его уже были связаны. Это был здоровый человек, нормальной упитанности. Я подносил, как мне было приказано, медикаменты и инструменты и наблюдал, как военный врач делает инъекцию. Несчастный корчился в страшных муках, издавая душераздирающие вопли, но наконец затих, видимо, силы его иссякли...

Вечером мне приказали вывезти труп. Он выглядел ужасно. Вся грудь и лицо опытного приобрели темно-лиловый оттенок, лимфатические железы под мышками и в паху страшно вздулись... Я уже видел на снимках „бревна“, погибшие такой мучительной смертью...

Когда-то окруженный почестями, наделенный высоким чином, главнокомандующий Квантунской армией Ямада выслушивал доклад главара отряда № 731 Исии Сиро, давал ему указания форсировать производство бактериологических бомб. На Хабаровском процессе, избалованный полностью, он поспешно вскакивал, торопливо шел к микрофону и лепетал: обвинения? Да, он признает их правильными. Да, под его руководством готовилась бактериологическая война. Да, он знал об опытах над живыми людьми в „полевых условиях“, был осведомлен о чудовищном конвейере смерти, пущенном в отряде № 731 и других специальных формированиях. Но даже главнокомандующий Квантунской армией не имел полномочий нарушать приказы свыше. Однако он умолчал, что на должность командующего Квантунской армии назначались наиболее доверенные и влиятельные члены правящей клики, которым японские милитаристы вверяли осуществ-

ление своих самых секретных разбойничьих планов.

Так же вел себя на процессе подсудимый Ниси Тосихидэ, с которым Ямада вместе находился в заключении и который, будучи освобожден по амнистии, вернулся в 1956 году в Японию. Ниси на все вопросы председателя суда поспешно отвечал: „Да, правильно“, „Именно так“.

Ниси показал, что, когда его перевели из филиала на должность начальника отдела отряда № 731, он обнаружил в сейфе своего предшественника документы о применении бактериологического оружия на Халхин-Голе. Среди документов были негативы фотографий и список смертников, трупы которых были предназначены для заражения бактериями реки Халхин-Гол. Он лично видел секретный фильм, который был заснят на месте деятельности отряда Исии Сиро, присутствовавшего на просмотре этого фильма. Исии запретил демонстрацию последней части фильма, которая зафиксировала момент заражения местности. Именно за эту преступную операцию командующий 6-й армией, генерал-лейтенант Огису Тэтэхэй 2 декабря 1939 г. объявил отряду благодарность, которая 23 мая 1940 г. была опубликована в японских газетах. В благодарности, в частности, говорилось:

„Благодарность

Временному управлению по водоснабжению и профилактике 6-й армии.

Временному управлению по водоснабжению и профилактике 23-й дивизии.

Вышеуказанные управления под руководством полковника медицинской службы Исии Сиро участвовали в событиях у реки Халхин-Гол и в течение всего инцидента обеспечивали профилактику и водоснабжение...“ (так маскировалась преступная диверсия. — М.Р.).

Ужасающие подробности об опытах над живыми людьми в „полевых условиях“ поведал подсудимый Карасава. Он же рассказал, что сотрудники отряда № 731 изучали на американских военнопленных степень их восприимчивости к разным инфекциям, в частности о том, что сотрудник Мината специально направлялся в лагерь американских военнопленных для исследования иммунитета англосаксов к заразным болезням. И делалось это для того, чтобы подго-

товить наиболее эффективное бактериологическое оружие против США и Великобритании.

Распространение чумы и тифа в Китае

Бактериологическое оружие неоднократно применялось против Китая. Вызванные японскими изуверами эпидемии чумы и тифа повлекли многие тысячи жертв.

Первая экспедиция, которая возглавлялась Исии, искусственно вызвала эпидемию чумы среди китайского населения в районе города Нимбо (южнее Шанхая).

Вторая экспедиция, возглавляемая начальником одного из отделов отряда № 731 — полковником Оота, распространила в 1941 году эпидемию чумы в районе города Чандэ. Очевидец этого злодеяния, старший врач Красного Креста, Кент писал: *„Однажды утром японский истребитель, покружившись над незащищенным городом Чандэ, с небольшой высоты сбросил маленькие пакетики ваты и рисовые зерна. Через некоторое время внезапно умерло несколько жителей города, за этим последовали многочисленные заболевания со смертельным исходом. При вскрытии трупов установлено, что причиной смерти была чума“.*

Третья экспедиция в Центральный Китай относится к 1942 году. Эта экспедиция подготавливалась особо тщательно.

Исии, вернувшись в Токио, на секретном совещании начальников отделов отряда № 731 объявил, что по указаниям генерального штаба отрядом должна быть направлена большая экспедиция в Центральный Китай для бактериологического нападения на китайские войска. Атаки должны были производиться близ железнодорожной линии, во время так называемого „стратегического отступления“ японских войск. По приказанию Ниси Тосихидэ для этой экспедиции было подготовлено 130 кг бактерий паратифа и сапа отрядом № 731, а остальные смертоносные бактерии — нанкинским отрядом „Эй-1644“, который в то время в целях маскировки именовался отрядом „Тама“. Во время экспедиции Исии и его группа совершили также ряд диверсий против мирного населения и военнопленных китайцев. О преступных действиях отряда „Тама“ сообщалось в докладе прокурора районного суда города Нанкина, представленном 29 августа 1946 г. Международному военному трибуналу в Токио. В докладе на основе результатов проведенного расследования указывалось: *подразделение противника „Тама“ отвозило захваченных гражданских лиц в медицинскую лабораторию, где на них испытывали действие отравленных сывороток; это подразделение было одной из самых секретных организа-*

ций. Количество людей, убитых этим подразделением, невозможно с точностью установить.

Анализируя в мае 1945 года на оперативном совещании офицерского состава положение на Тихоокеанском театре войны, Исии заявил: нам придется применить последние средства, в том числе и бактериологическое оружие, для того чтобы добиться передела в пользу Японии.

8 февраля 1950 г. японская газета „Акахата“ опубликовала статью под заголовком „Подземный завод смерти“. В статье говорилось следующее.

Военный трибунал Советского Союза, осудивший генерала Ямада и 11 японских военных преступников за подготовку бактериологической войны, разоблачил усиленную подготовку японской армии в Маньчжурии к ведению бактериологической войны. Центр подготовки Японией бактериологической войны находился в Токио, в бывшем военно-медицинском училище, расположенном на Вакамацу-Цио. Центром являлась антиэпидемическая лаборатория, построенная в секретной части этого училища. В этой лаборатории готовились специалисты-бактериологи, направлявшиеся в Маньчжурию. К ней относился и крупный опытный завод, расположенный под землей, в котором выращивались бактерии и изготовлялось бактериологическое оружие.

Бывший сотрудник антиэпидемической лаборатории, капитан медицинской службы, свидетель, выступивший на Хабаровском процессе под псевдонимом Накагава Посири, рассказал об этом следующее.

В то время на территории военно-медицинского училища существовал запрещенный район, куда могли проходить только особые люди. Этим районом была антиэпидемическая лаборатория, в которой занимались исследованиями под руководством бывшего генерал-лейтенанта медицинской службы Исии Сиро несколько тысяч генералов и офицеров медицинской службы и врачей, приданных армии. В этой лаборатории выращивались бактерии холеры, тифа (для отравления воды), сапа и других болезней (для лошадей и других животных), газовой гангрены (для людей); изучались методы применения их, методы борьбы с ними.

ми, способы распыления бактерий с самолетов, начинения ими мин, гранат, пуль, стеклянных бомб, разрывающихся над поверхностью воды, и т.п. Начальник лаборатории — бывший генерал-лейтенант Исии Сиро говорил сотрудникам лаборатории, что „военная медицина состоит не только в лечении и превентизации, подлинная военная медицина предназначена для нападения“. Для обучения сотрудников лаборатории снимались и демонстрировались кинофильмы, показывающие, как зверски умерщвляются советские люди; весь процесс — начиная от введения бактерий сапа в организм лошади до ее смерти; вскрытие мертвых тел.

В качестве экспериментов кровь зараженных животных вводилась в организм людей; у живых людей вынимали лимфатическую железу, содержали их в помещении, зараженном язвой; для учебных целей консервировали головы и части тела умерщвленных солдат маньчжурской и китайской Народно-освободительной армии. Консервировали даже трупы пленных, умерших от голода.

В специальной комнате висели таблицы с данными о смерти свыше двухсот военных и гражданских лиц, ставших жертвами опытов. В эту комнату разрешалось входить только сотрудникам лаборатории, которые перед входом подписывали обя-

зательства никому не говорить об увиденном.

В подвале военно-медицинского училища был расположен крупный секретный завод, который поточным способом производил бактериологическое оружие и выращивал бактерии. Генерал-лейтенант Исии говорил, что „этот завод является моделью для создания арсенала бактериологического оружия“.

В качестве одного из доказательств бактериологической войны, которую вела Япония, можно указать на то, что перед концом войны был план начинать бомбы на воздушных шарах, использовавшихся для налетов на США, бактериями язвы и гангрены. „Антиэпидемическая“ лаборатория и подземный завод были в значительной части уничтожены во время одной из крупных бомбежек Токио перед концом войны и частично эвакуированы в Акита и Ниигата, где они были целиком уничтожены.

Ликвидация отряда № 731

Были ликвидированы отряд № 731 и другие центры бактериологической войны.

Вот как описывает Хироси Акияма события 9—13 августа 1945 г. в районе отряда № 731.

...Девятого августа 1945 года я проснулся от звука, похожего на взрыв и прислушался к необычному шуму. Когда мы собрались во дворе и построились, армейский чиновник Оото обратился к нам со следующими словами: „Теперь, когда Советский Союз вступил в войну, мы должны немедленно принять меры к ликвидации отряда с целью сохранения тайны“.

...На двух грузовиках мы подъехали к складам производственного отдела, где хранились фарфоровые бомбы, которые были заряжены бактериями и чумными насекомыми. Бомбы бросали в огонь, где сгорало их содержимое, а пустые корпуса разбивались. Каждая бомба весила около четырех килограммов. Нам все время твердили: разбивайте тщательнее, чтобы не осталось больших осколков.

...Миновав ворота, мы увидели, как у главного здания стелется по земле огромными клубами густой дым с резким запахом, какой обычно бывает при сжигании трупов в крематории или когда горит нефть.

Двери центрального коридора, который вел в секретную тюрьму, где содержались „бревна“, были раскрыты, и мы вошли в строго охраняемое помещение. Войдя в помещение, остолбенели! „Что это — ад или бойня?“ — мысленно спрашивал каждый при виде окровавленных трупов, наваленных в коридорах и камерах. Перекошенные в конвульсиях лица свидетельствовали о том, что жертвы умирали страшной, мученической смертью. В тюрьме

кипела работа. Одни вытаскивали трупы за руки и за ноги из камер, другие подтаскивали их к ямам во внутреннем дворе, в которых пылал огонь. Я знал, что месяц назад во внутреннем дворе было вырыто восемь больших ям, и думал, что они предназначены под бомбоубежище. Я стал вытаскивать трупы и складывать их у огня. Другие сбрасывали трупы в ямы и поливали нефтью. В этой кошмарной операции участвовало около двухсот человек.

Чтобы не оставлять в живых свидетелей, которые могли бы рассказать о необычной тюрьме, заключенных умерщвляли цианистым калием, отравив им пищу. А тех, кто не принял в тот день пищи, расстреливали из пулеметов через окошки в дверях для передачи пищи. Раненых потом добивали из пистолетов. Тюрьма была взорвана динамитом и 50-килограммовыми авиабомбами. Разрушение главного здания, лабораторий и других сооружений было поручено саперам. От арены вчерашней трагедии не осталось и следа.

Ночью 13 августа специальная группа закончила окончательную ликвидацию отряда и следов его деятельности. Почти всему составу отряда № 731, кроме филиалов, удалось бежать. Но даже и после поражения командование армии принимало все меры, чтобы сохранить тайну отряда...

Сам Исии Сиро неожиданно исчез из своего дома, его прятали японские власти, а в конце 1945 года генерал Макартур приказал вывезти Исии Сиро и всю его лабораторию подготовки бактериологического оружия в США.

* * *

Характеризуя подготовку к применению смертоносного бактериологического оружия, Ямада заявил, что в 1945 году в связи с успешным завершением всех подготовительных работ по усовершенствованию наиболее эффективных способов применения бактериологического оружия наступил период его массового производства в целях применения в любых направлениях по первому указанию императорской ставки.

Все было подготовлено. Ожидали только сигнала из Токио. Но такого сигнала не последовало: замыслы правящей клики были сорваны Вооруженными Силами Со-

ветского Союза, которые предотвратили развязывание японскими империалистами бактериологической войны.

Хабаровский процесс показал: изуверские планы завоевания мирового господства порождают изуверские же способы и методы реализации этих планов.

Советский народ, миллионы простых людей во всем мире с удовлетворением восприняли приговор Военного трибунала шайке палачей, грозивших человечеству бедствиями бактериологической войны, который строго наказал 12 японских военных преступников.

Советский Союз предложил назначить специальный Международный военный суд и предать ему главных вдохновителей и организаторов бактериологической войны. Опубликованная 3 февраля 1950 г. Нота Советского правительства правительствам США, Великобритании и Китая с предложением создать Международный военный суд для наказания японских военных преступников, изобличенных как главных организаторов и вдохновителей подготовки бактериологической войны и применения бактериологического оружия, свидетельствует о том, что СССР неуклонно боролся и последовательно борется с поджигателями войны и добивается справедливого наказания военных преступников, что является одним из важных условий сохранения мира во всем мире.

Представители правящих кругов США пытались взять под защиту японских военных преступников, которых судили в Хабаровске. По сообщению агентства „Юнайтед пресс“, сотрудник штаба Макартура после опубликования обвинительного заключения по делу Ямада, Такахаши и других заявил, что химический отдел штаба будто бы провел „полное расследование“, но не мог обнаружить никаких данных, свидетельствующих о применении Японией бактериологического оружия. Необоснованность такого утверждения штаба Макартура очевидна

уже из факта опубликования в январе 1946 года доклада Мерка — консультанта военного министерства США по вопросам бактериологической войны. *Из этого доклада, опубликованного самим военным министерством, видно, что американской разведке было известно о подготовке японскими милитаристами бактериологической войны.*

Стремление американской реакции заглушить резонанс процесса в Хабаровске продиктовано и опасениями, что могут всплыть кое-какие факты о подготовке бактериологической войны в самих Соединенных Штатах.

Заокеанские агрессоры пытаются продолжить черное дело, начатое нацистскими и японскими империалистами, — подготовку бактериологической войны. Они уже применили бактериологическое оружие против корейского и вьетнамского народов, испытали это оружие в 1949 году на эскимосах Канады, вызвав среди них эпидемию чумы.

Главарь антикубинской контрреволюционной группировки „Омега-7“, базирующейся в США, Эдуардо Аросена признал в нью-йоркском суде, что члены его банды принимали участие в бактериологической войне США против Кубы, в результате которой в 1981 году вспыхнула эпидемия лихорадки денге. (Правда, 20 октября 1984 г.)

В лабораториях США, Англии, ФРГ, Японии ведутся поиски выращивания особо патогенных бактерий, изготавливаются рецепты получения ядов.

В США в больших масштабах производятся фитотоксические яды, которые вначале планировалось применить против Японии. Летом 1945 года в пути находились препараты, предназначенные для уничтожения японских рисовых полей. Фитояды в больших количествах применялись США в 1961—1966 гг. во Вьетнаме для уничтожения посевов, пастбищ. Американская военщина превратила Вьетнам в полигон, где она на живых людях испытывала определенные виды ядохимикатов, химического оружия, подвергала чудовищным пыткам военно-

пленных, применяла тактику „выжженной земли“.

Преступления американских агрессоров во Вьетнаме воскрешают в памяти злодеяния гитлеровских агрессоров, бывшие предметом разбирательства Международного военного трибунала в Нюрнберге. Чудовищное преступление совершил Пентагон в бассейне Амазонки, на северо-востоке Бразилии. В результате проведенного Пентагоном испытания двух видов высокотоксичных отравляющих веществ, схожих с дефолиантами, которые использовались американской военщиной во Вьетнаме, погибло более семи тысяч человек, полностью истреблены два индейских племени, непоправимый ущерб нанесен флоре и фауне. (Правда, 26 октября 1984 г.)

Милитаристские круги США немало сделали для того, чтобы в период пребывания у власти нынешней администрации увеличить и усовершенствовать арсенал химических вооружений Соединенных Штатов. Уже сейчас он самый большой в мире: 150 тысяч тонн боевых отравляющих средств и 3 миллиона единиц химических боеприпасов. (Международная жизнь, № 10, 1984)

Цинично попирая общепризнанные нормы международного права, закрепленные в Гаагских конвенциях 1899 и 1907 годов, Женевской конвенции 1949 года, Женевском соглашении 1954 года, принципы Устава ООН, империалисты США (как и их предшественники — немецкие фашисты) стали на путь совершения одного из наиболее тяжких международных преступлений — геноцида, который по определению, данному в Конвенции 1948 года, состоит в *предумышленном создании для какой-либо группы людей таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное их уничтожение. Участники этой Конвенции, в том числе и США, взяли на себя обязательство принимать меры предупреждения в отношении геноцида и карать за его совершение. За преступления геноцида нацистские варвары были преданы суду и понесли наказание. Не могут и не должны оставаться безнаказанными и их последователи.*

Состав суда (слева
направо) :
полковник юстиции
М. Л. Ильницкий,
генерал-майор
юстиции
Д. Д. Чертков,
подполковник
юстиции
И. Г. Воробьев,

запасный член суда
подполковник
юстиции
Т. П. Щербаков

Скамья подсудимых
(слева направо,
в первом ряду):
Ямада, Кадзицука,
Такахаси,
Кавасима;

в следующих рядах:
Карасава, Оноуз,
Сато, Хирадзакура,
Митомо, Кикүти,
Курусима

Адвокаты.

Слева направо:
руководитель
экспертной
комиссии член
Академии
медицинских наук
Н. Н. Жуков-Вереж-
ников, государ-
ственный
обвинитель —
государственный
советник юстиции
3-го класса
Л. Н. Смирнов,
военный следователь
подполковник
юстиции
Н. А. Базенко

Переводчики.
На заднем плане
подсудимые

Подсудимый Ямада
дает показания
на суде

Председательствующий
оглашает
приговор

Документы

ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО ДЕЛУ 12 БЫВШИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ЯПОНСКОЙ АРМИИ

Документы
предварительного
следствия

На протяжении многих лет империалистическая Япония являлась главным очагом агрессии на Дальнем Востоке.

Вступив в преступный заговор с гитлеровской Германией и фашистской Италией, правящая клика империалистической Японии планировала, развязывала и вела агрессивные войны против миролюбивых народов в целях установления совместно с гитлеровской Германией мирового господства.

Эти агрессивные войны имели целью создание так называемой „сферы сопроцветания великой Восточной Азии“ — колониального государства под японским господством. В создании такого государства путем насильственного отторжения обширных территорий миролюбивых соседей Японии выражались крайне экспансионистские намерения японских империалистов.

Следствием по настоящему делу установлено, что, планируя и готовя агрессивную войну против СССР и против других государств, японские империалисты для достижения своих целей намеревались в широких масштабах использовать и частично использовали преступные средства массового истребления людей — оружие бактериологической войны.

**Организация
специальных
формирований
для подготовки
и ведения
бактериологической
войны**

Как установлено расследованием, японским генеральным штабом и военным министерством вскоре после захвата Маньчжурии на ее территории была организована и включена в состав японской Квантунской армии бактериологическая лаборатория, возглавляемая известным в Японии идеологом бактериологической войны, впоследствии генерал-лейтенантом медицинской службы **Исии Сиро**, в которой производились *изыскания* в области использования бактерий острых инфекционных заболеваний для ведения наступательной бактериологической войны.

Согласно показаниям обвиняемого, бывшего генерал-майора медицинской службы японской армии **Кавасима Киоси**, генеральным штабом и военным министерством Японии в 1935–1936 гг. на территории Маньчжурии были уже развернуты два совершенно секретных формирования, предназначенные для подготовки и ведения бактериологической войны.

В целях конспирации одному из этих учреждений, организованному на базе лаборатории Исии, было присвоено название „Управление по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии“, другому — „Иппозеизоотическое управление Квантунской армии“. В 1941 году, после нападения гитлеровской Германии на СССР, эти учреждения были зашифрованы соответственно как „отряд № 731“ и „отряд № 100“. Во главе отряда № 731 был поставлен упоминавшийся выше **Исии Сиро**. Во главе отряда № 100 — генерал-майор ветеринарной службы **Вакамацу**.

Эти отряды были укомплектованы специалистами-бактериологами; их личный состав насчитывал значительное число научных и технических сотрудников, руководимых виднейшими бактериоло-

гами Японии. Об объеме проводимых бактериологическими отрядами работ свидетельствует, в частности, тот факт, что только в отряде № 731 имелось около 3000 сотрудников.

На содержание отрядов, подготавливавших оружие для бактериологической войны, японское командование отпускало весьма значительные суммы. Так, для развертывания отряда № 731 в районе станции Пинфань, расположенной в 20 км от Харбина, к 1939 году был отстроен большой военный городок с многочисленными лабораториями и служебными зданиями. Были созданы значительные запасы сырья. Вокруг городка в целях обеспечения особой секретности работ была создана запретная зона. Отряд имел свою авиационную часть, а на станции Аньда — специальный полигон.

Отряд № 100 также располагал обширными помещениями, специальным оборудованием и земельными участками в районе местечка Могатон, в 10 км южнее г. Чанчунь.

Отряды № 731 и № 100 имели густую сеть филиалов, приданных частям и соединениям японской Квантунской армии, расположенных на основных стратегических направлениях на границе с Советским Союзом.

[т. 14, л. д. 29]

Главная задача филиалов состояла в подготовке к *практическому* применению в войне бактериологического оружия, вырабатываемого отрядами.

Бактериологические отряды и их филиалы непосредственно подчинялись главнокомандующему японской Квантунской армией.

Это, помимо показаний свидетелей и обвиняемых, подтверждается захваченным советскими частями в 1945 году в Маньчжурии секретным приказом бывшего главнокомандующего японской Квантунской армией — генерала Умэдзу Иосидзиро от 2 декабря 1940 г. об организации и дислокации четырех новых филиалов отряда № 731.

[т. 15, л. д. 3]

Сменивший Умэдзу на посту главнокомандующего японской Квантунской армией генерал Ямада, обвиняемый по настоящему делу, в своих показаниях также подтвердил, что бактериологические формирования подчинялись непосредственно ему.

[т. 18, л. д. 383]

Характеризуя назначение отряда № 731, обвиняемый Ямада Отодзо показал:

„... Отряд № 731 был организован в целях подготовки бактериологической войны главным образом против Советского Союза, а также против Монгольской Народной Республики и Китая“.

[т. 18, л. д. 382]

Как показал Ямада, подготовка бактериологической войны велась Японией и против других государств.

[т. 18, л. д. 383]

Ямада также показал, что деятельность отряда № 100 заключалась в производстве бактериологического оружия для бактериологической войны.

[т. 18, л. д. 382]

Помимо этого, на отряд № 100 *„возлагалась задача по проведению диверсионных мероприятий, т. е. заражению эпидемическими*

[т. 18, л. д. 171] *бактериями пастбищ, скота и водоемов. В этой части отряд № 100 в своей работе был тесно связан с разведывательным отделом штаба Квантунской армии...*

[т. 11, л. д. 54] Бывший начальник ветеринарной службы японской Квантунской армии обвиняемый генерал-лейтенант ветеринарной службы Такахаши также показал, что задачей „эпизоотических отрядов“ являлись подготовка и ведение бактериологической войны и диверсий.

В отрядах и их филиалах систематически производились изыскания в области бактериологии с целью установления наиболее эффективных видов бактерий, пригодных в качестве бактериологического оружия, а также изыскания способов их массового производства и техники их использования для истребления больших масс людей и нанесения экономического ущерба путем заражения скота и посевов.

[т. 2, л. д. 263] В отряде № 731 имелось восемь отделов. Из них только один *третий отдел* занимался вопросами водоснабжения и профилактики. Но и в третьем отделе производственные мастерские, имевшиеся в его составе, вырабатывали корпуса для специальных бактериологических снарядов, названных „авиабомбами системы Исии“. Эти снаряды предназначались для сбрасывания с самолетов блох, зараженных чумой.

Остальные отделы отряда № 731 целиком занимались вопросами подготовки и ведения бактериологической войны.

Материалами предварительного следствия установлено, что *первый отдел* специально занимался исследованием и выращиванием для бактериологической войны возбудителей — чумы, холеры, газовой гангрены, сибирской язвы, брюшного тифа, паратифа и других — в целях их использования в бактериологической войне.

В процессе этих исследований производились опыты не только над животными, но и над живыми людьми, для чего была организована *внутренняя тюрьма*, рассчитанная на 300—400 человек.

Второй отдел — так называемый экспериментальный — производил проверку бактериологического оружия в условиях полигона, а также в боевой обстановке.

Второму отделу подчинялись *специальная авиационная часть* с самолетами, оборудованными особой аппаратурой, и полигон на станции Аньда. Этому же отделу подчинялось отделение по культивированию и размножению паразитов для распространения эпидемий чумы.

[т. 16, л. д. 16] Второй отдел разрабатывал *специальные виды вооружения* для распространения бактерий: распылители в виде автоматических ручек, тросточек, фарфоровые авиабомбы и т. п. Из обнаруженного в японских архивах табеля вооружения диверсионных групп видно, что распылители-авторучки были приняты японцами на вооружение.

В целях массового изготовления бактерий в количестве, достаточном для обеспечения бактериологической войны, отряд № 731 имел *четвертый (производственный) отдел*, представлявший собой, по

выражению его начальника — обвиняемого Кавасима, „фабрику“ по массовому изготовлению различных бактерий.

Этот отдел имел мощную аппаратуру, разделенную на две секции, каждая из которых могла самостоятельно производить бактерии.

Первая секция имела следующее основное оборудование: 4 котла для приготовления питательной среды для бактерий емкостью в одну тонну каждый; 14 автоклавов для стерилизации питательной среды длиной 3 м и диаметром 1,5 м каждый. В таком автоклаве помещалось до 30 культиваторов особой системы, изобретенной начальником отряда № 731 Исии. В первой секции имелись две комнаты для охлаждения питательной среды. В каждой из них могло быть одновременно помещено до 100 культиваторов. В этой же секции имелось 5 термостатов общей емкостью в 620 культиваторов системы Исии.

Вторая секция имела 2 котла емкостью 2 тонны каждый, 8 автоклавов вместимостью каждый по 60 культиваторов и другое оборудование.

Исходя из имеющихся данных о мощности ведущих звеньев оборудования для выращивания бактерий в отряде № 731, *экспертиза определила*, что за один производственный цикл, длящийся всего несколько дней, это оборудование могло обеспечить выход в одном только отряде № 731 не менее 30 000 000 млрд. микробов. Экспертиза подчеркивает, что это количество микробов, учитывая срок изготовления, следует считать исключительно большим.

Такое интенсивное производство привело работников отрядов № 731 и № 100 к измерению производимой ими бактериальной массы килограммами. Этим и объясняется, что в показаниях обвиняемых фигурирует измерение количества бактерий килограммами, причем речь идет о весе густой сметанообразной бактериальной массы, непосредственно снятой с поверхности питательной среды.

Так, определяя производственную мощность отряда № 731, обвиняемый Кавасима показал:

[т. 3, л. д. 317] *„... Производственный отдел, исходя из наличия производственной аппаратуры и степени ее мощности... мог ежемесячно изготавливать до 300 кг бактерий чумы“.*

Другой обвиняемый, Карасава, дал аналогичные показания:

[т. 4, л. д. 286] *„Производственную мощность отдела по изготовлению бактерий в течение одного месяца можно было довести... при условии переключения всей аппаратуры... до 300 кг бактерий чумы“.*

Как установлено следствием и подтверждено экспертизой, все эти огромные массы болезнетворных микробов, в числе которых были возбудители чумы, холеры, брюшного тифа и другие, предназначались для производства бактериологического оружия с целью массового истребления людей.

В отряде № 731 и его филиалах производилось также массовое выращивание блох для последующего заражения их бактериями. Для разведения и заражения блох применялись крысы, мыши и другие грызуны, которые заготавливались не только личным составом

вом бактериологических формирований, но и специальными командами, выделяемыми линейными частями Квантунской армии.

Что касается масштабов выращивания блох, то они определялись наличием в отряде № 731 *4500 питомников (инкубаторов)*, предназначенных *для разведения блох* путем вскармливания их на грызунах.

Производственная мощность этих инкубаторов позволяла на протяжении коротких сроков получать, как об этом показывают обвиняемые, *килограммы блох, зараженных чумой*, что соответствует, по исчислению экспертов, многим десяткам миллионов экземпляров этих паразитов, которые были предназначены исключительно в качестве бактериологического оружия.

О масштабах работ по разведению блох свидетельствует хотя бы тот факт, что только в одном филиале № 543 в Хайларе летом 1945 года, по показаниям свидетеля Морита, одновременно содержалось около *13 тыс. крыс*.

[т. 2, л. д. 239]

Как установлено предварительным следствием, такая же подготовка к бактериологической войне велась японскими бактериологическими отрядами, имевшими условные наименования „Нами” и „Эй” в Центральном и Южном Китае, которыми командовал в 1941–1943 гг. обвиняемый генерал-майор медицинской службы Сато.

По личному признанию обвиняемого Сато, отряд „Эй” располагал большой производственной мощностью по выращиванию бактерий для ведения бактериологической войны.

По заключению судебно-медицинской экспертизы, производственная мощность отряда № 731 и № 100 и характер их деятельности были рассчитаны на ведение активной бактериологической войны.

[т. 9, л. д. 155]

Как показал обвиняемый Ямада, японской армией *„были утверждены и приняты на вооружение три основных метода применения бактериологического оружия, т. е. распыление бактерий с самолета, сбрасывание бактериологических бомб и, наконец, метод диверсий...”*

[т. 18, л. д. 131]

По планам японских империалистов специально оборудованные самолеты, особо обученные воинские команды, банды диверсантов должны были распространять на фронте и в тылу противника в больших количествах смертоносные бактерии чумы, холеры, тифа, сапа, сибирской язвы и других острых инфекционных болезней, заражая всевозможными способами населенные пункты, водоемы, колодцы, посевы и скот. Рассчитывая использовать свойства быстрого размножения смертоносных бактерий, злодейские планы японских империалистов предусматривали распространение среди войск и мирного населения эпидемий чумы, холеры и других, которые, по их замыслам, должны были повлечь за собой страшный мор, мучительную смерть миллионов людей. Они готовы были применить это бесчеловечное оружие, представляющее собой громадную угрозу не только для населения воюющих стран, но и для нейтральных государств.

**Преступные
опыты
над живыми
людьми**

Основным методом проверки действия бактериологического оружия являлись преступные, бесчеловечные опыты над живыми людьми, проводившиеся систематически и в массовых масштабах.

Преступные опыты производились над китайскими патриотами — участниками движения Сопротивления против японских оккупантов и над советскими гражданами, которых органы японской жандармерии обрекали на мучительное уничтожение.

Как установлено следствием, зверское умерщвление людей путем производства над ними преступных опытов производилось работниками японских бактериологических отрядов с ведома и согласия командующего Квантунской армией.

Обвиняемый Ямада признал, что он допускал производство опытов над живыми людьми.

Ямада показал:

„Я... допускал их проведение и тем самым фактически санкционировал насильственное умерщвление китайцев, русских и маньчжур, направленных для производства опытов подчиненными мне органами Квантунской жандармерии и японских военных миссий...“

[т. 18, л. д. 174]

* Фуруити — преступник. Дело о нем „выделено“.

О производстве опытов по заражению людей тифом показал допрошенный в качестве свидетеля Фуруити*.

„...Примерно в начале 1943 года я впервые принял участие в опытах по заражению тифом людей, содержащихся в тюрьме 731-го отряда, по указанию начальника первого отдела Табэи. Я приготовил один литр подслащенной воды, которую заразил бактериями тифа. Этот литр впоследствии был мною разведен водой, которая была роздана, примерно, 50-ти заключенным китайцам, насколько я помню, военнопленным, причем только некоторым из них до этого была сделана противотифозная прививка“.

[т. 5, л. д. 308]

Допрошенный по поводу деятельности первого отдела отряда № 731 обвиняемый Кавасима Киоси показал:

„...В 731-м отряде широко применялись эксперименты по действию всех смертоносных бактерий на живых людях. Материалом для этого являлись заключенные, которых органы японской контрразведки обрекли на истребление...“.

[т. 3, л. д. 59]

„...для размещения и содержания заключенных 731-й отряд имел специальную тюрьму, где в условиях строгого режима и изоляции содержались подопытные, которые сотрудниками отряда в целях конспирации обычно назывались „бревнами“.

[т. 3, л. д. 146]

Бесчеловечные опыты над живыми людьми проводились также в полевых условиях, близких к боевой обстановке, на специально оборудованных полигонах. Заключенных привязывали в поле к железным столбам, после чего на них испытывали действие различных бактериологических снарядов.

Обвиняемый Карасава показал:

„...Мне лично пришлось дважды присутствовать на полигоне Аньда при производстве испытаний действия бактерий на живых людях в полевых условиях. Первый раз я был на полигоне в конце 1943 года; в этом случае на полигон было доставлено человек 10,

которых привязали к заранее вкопанным в землю столбам в пяти метрах один от другого, и метрах в 50 от них была взорвана с помощью электрического тока осколочная бомба. В результате часть подопытных людей была ранена осколками бомбы и одновременно, как потом мне стало известно, заражена сибирской язвой, так как бомба была начинена этими бактериями..."

„Второй раз я присутствовал на полигоне весной 1944 года; было доставлено человек 10, которые, как и в первом случае, были привязаны к столбам. Затем был взорван баллон, наполненный бактериями чумы, примерно в 10 метрах от подопытных людей“.

[т. 4, л. д. 42]

Другой участник аналогичных преступных опытов на полигоне в районе станции Аньда, обвиняемый Ниси Тосихидэ, показал:

„...В январе 1945 года в моем присутствии на полигоне отряда № 731 станции Аньда начальником второго отдела отряда, подполковником Икари, вместе с научным сотрудником того же отдела Футаки был произведен опыт над 10 военнопленными китайцами по заражению газовой гангреной. Все 10 человек пленных китайцев на расстоянии 10–20 метров один от другого были привязаны к столбам, затем электротоком была взорвана бомба, в результате все 10 человек получили ранения шрапнелью, зараженной газовой гангреной, и через неделю все они умерли в тяжелых мучениях“.

[т. 7, л. д. 113]

Допрошенные по делу свидетели и обвиняемые показали о бесчеловечных пытках, насилиях и издевательствах, которым подвергались все, кто попадал в качестве „подопытного материала“ в застенки внутренней тюрьмы отряда № 731.

Свидетель Куракадзу показал:

„... На каждом из этажей было по несколько комнат для лабораторий, а в середине размещались камеры, где содержались подопытные люди, или, как мне говорил фельдфебель Тасака, эти люди назывались в отряде „бревнами“... Среди содержащихся в тюрьме людей, кроме китайцев, я хорошо помню, что были и русские люди. В одной из камер я видел женщин-китайнок... Все люди, содержащиеся в камерах, на ногах имели кандалы... у 3 китайцев пальцы на руках отсутствовали, а у остальных видны были кости пальцев. Иосимура мне пояснил, что это результат проводимых им опытов по обмороживанию...“

[т. 2, л. д. 371]

Допрошенный бывший заместитель начальника японского лагеря „Хогоин“ Ямагиси показал:

„... Фамилий всех лиц, отправленных на уничтожение в 731-й отряд, я не помню. До сего времени сохранились в памяти следующие лица: ...Солдат Советской Армии Демченко, который в категорической форме отказался давать какие-либо сведения о Советском Союзе. С моего разрешения к нему применялись меры физического воздействия. Его следователи подвергали пытке, подвешивая за руки, за ноги к балке. Демченко все же показаний не давал. Тогда я решил его физически уничтожить и с этой целью отправил его в 731-й отряд“.

[т. 2, л. д. 174]

Об отправке из лагеря „Хогоин“ советских людей для уничтожения показал также свидетель Иидзима.

Над заключенными, попавшими в отряд № 731, бесчеловечные опыты продолжались до тех пор, пока не наступала смерть.

„Если заключенный, несмотря на заражение его смертоносными бактериями, выздоравливал, — показал обвиняемый Кавасима, — то это не спасало его от повторных опытов, которые продолжались до тех пор, пока не наступала смерть от заражения. Лиц, подвергавшихся заражению, лечили, исследуя различные методы лечения, нормально питали и после того, как они окончательно поправлялись, их использовали для следующего эксперимента, заражая другим видом бактерий. Во всяком случае живым из этой фабрики смерти никто никогда не выходил...“

[т. 3, л. д. 60]

Органы японской жандармерии и японских военных миссий в Маньчжурии в соответствии с имевшимися у них указаниями и по договоренности с начальниками отрядов направляли в отряды заключенных из числа китайцев, маньчжур и советских граждан, которые и служили в качестве „специального материала“ для так называемых „исследований“. Для конспирации в официальных жандармских документах был выработан специальный термин — „особые отправки“.

Бывший японский советник жандармерии армии Маньчжоу-го Татибана Такэо показал:

„... была категория таких подследственных, которая по линии особого отдела вверенного мне жандармского управления подлежала уничтожению. К ним относились... партизаны, лица, резко настроенные против японских властей в Маньчжурии, и др. На этих арестованных дела в суд не оформлялись, так как мы их направляли для уничтожения в 731-й бактериологический отряд...“

[т. 6, л. д. 95]

Официальные документы японских жандармских управлений, захваченные советскими войсками в японских архивах в Маньчжурии, подтверждают, что с 1939 года и позже существовали так называемые „особые отправки“ заключенных. В частности, был обнаружен приказ № 224 начальника жандармерии Квантунской армии генерал-майора Сирокура об „особой отправке“ в 1939 году 30 заключенных отряду Исии.

[т. 17, л. д. 35–38]

О массовом характере истребления заключенных свидетельствуют показания обвиняемого Кавасима Киоси:

„В 731-й отряд ежегодно доставлялось от 500 до 600 заключенных. Я видел, как сотрудники первого отдела отряда принимали их от жандармерии целыми партиями.“

[т. 3, л. д. 59]

„На основании известных мне сведений, которыми я располагаю по роду своей службы в отряде, я могу сказать, что в 731-м отряде ежегодно умирало от производства опытов, примерно, не менее 600 человек.“

[т. 3, л. д. 146]

„За пять лет пребывания отряда на станции Пинфань, т. е. с 1940 по 1945 год, через эту фабрику смерти было пропущено не менее 3000 человек, уничтоженных путем заражения смертоносными бактериями. Какое количество погибло до 1940 года, мне неизвестно.“

[т. 3, л. д. 60–61]

Аналогичные преступления совершались и в отряде № 100, где производством опытов над живыми людьми специально занималось шестое отделение второго отдела.

Характеризуя деятельность отряда № 100, лаборант этого отряда Хатаки Акира заявил:

[т. 13, л.д. 111]

„...отряд № 100 Квантунской армии назывался противозэпизоотическим, фактически же он являлся бактериологическим отрядом, так как там размножались и культивировались бактерии сапа, сибирской язвы, чумы рогатого скота, т. е. возбудителей эпизоотических болезней. В отряде № 100 исследование действия бактерий производилось путем опытов над домашними животными и живыми людьми, для чего в отряде имелись лошади, коровы и другие животные, а также в изоляторе содержались и живые люди, о чем мне известно из того, что я видел сам лично“.

[т. 12, л.д. 192]

Обвиняемый Митомо, служивший в отряде № 100, признал, что лично им был умерщвлен ряд заключенных после производства над ними бесчеловечных опытов.

Митомо показал:

[т. 12, л.д. 149]

„...Был такой случай: Над одним русским в течение двух недель в августе месяце 1944 года проводились различные опыты. Организм его истощал, и Мацзи дал указание убить этого русского путем введения в организм цианистого калия...

Под видом лечения ему был сделан укол... цианистого калия, и русский сразу же после укола умер. Укол сделал я в карцере...

Двое русских при мне были расстреляны жандармом в начале сентября 1944 года на скотомогильнике и там зарыты в землю. Они были расстреляны по указанию поручика Накадзима. Расстреляли их потому, что над ними нельзя было больше проводить опыты ввиду их истощенности и непригодности для дальнейших опытов“.

Помимо преступных опытов по заражению заключенных чумой и другими острыми инфекционными заболеваниями, в отряде № 731 широко производились бесчеловечные эксперименты по обмораживанию конечностей живых людей. Заключенных заставляли держать руки и ноги в специальных ящиках со льдом до тех пор, пока не наступало обмораживание конечностей.

Свидетель Фуруити показал:

[т. 5, л.д. 317]

„...Группы русских, маньчжур, китайцев, монголов с закованными в кандалы ногами каждый раз в количестве от 2 до 16 человек выводились на мороз, где их под угрозой оружия заставляли погрязать оголенные руки (иногда по одной, иногда обе сразу) в бочки с водой, затем оголенные смоченные руки заставляли держать на морозе от 10 минут до 2 часов, в зависимости от температуры воздуха, и, когда наступало обморожение, отводили их (людей) в лабораторию при тюрьме“.

В большинстве случаев эти преступные опыты кончались гангреной, ампутацией конечностей и смертью подопытных людей. Целью этих опытов было изыскание способов борьбы с обмораживанием конечностей во время запланированных боевых действий против Советского Союза.

Применение
бактериологичес-
кого оружия
для войны
против Китая

Готовясь к бактериологической войне в крупных масштабах, японские империалисты уже в 1940 году частично применили бактериологическое оружие в ходе развязанной ими агрессивной войны против Китая.

Летом 1940 года специальная бактериологическая экспедиция, возглавляемая начальником 731-го отряда генералом Исии, была направлена в район боевых действий в Центральный Китай. В районе Нимбо самолеты отряда № 731 произвели заражение территории противника чумой с помощью чумных блох, в результате чего там вспыхнула эпидемия чумы.

[т. 3, л.д. 73]

Допрошенный по поводу организации указанной экспедиции обвиняемый Карасава Томио показал:

„... Во второй половине 1940 года от моего непосредственного начальника майора Судзуки я получил приказание изготовить 70 кг бактерий брюшного тифа и 50 кг бактерий холеры. При этом майор Судзуки мне пояснил, что распоряжение об изготовлении бактерий он получил от начальника отряда генерала Исии, который готовился к осуществлению специальной экспедиции отряда по применению бактерий против китайской армии. Мною это распоряжение было выполнено. Одновременно, со слов сотрудников второго отдела, мне было известно, что для экспедиции генерала Исии вторым отделом было выращено 5 кг блох, зараженных чумой, как распространителей этой инфекции. В сентябре 1940 года генерал Исии с группой других офицеров отряда выехал в г. Ханькоу и возвратился обратно в декабре 1940 года. Офицеры, выезжавшие с генералом Исии, по возвращении в отряд рассказывали, что применение блох, зараженных чумой, дало положительные результаты. Вследствие распространения блох вспыхнула эпидемия чумы. Один из участников этой экспедиции, майор Нодзаки, в качестве доказательства показал мне китайскую газету, где была помещена статья, в которой указывалось, что в районе г. Нимбо вспыхнула эпидемия чумы. Далее автор статьи делал правильный вывод о том, что виновниками этой вспышки чумы являются японцы, так как очевидцы видели японский самолет, пролетавший в этом районе и что-то сбрасывавший на небольшой высоте. Указанную статью я читал лично сам“.

[т. 4, л.д. 43]

Обвиняемый Ниси Тосихидэ, лично видевший в отряде № 731 секретный документальный кинофильм, отображавший боевые действия японского бактериологического отряда против китайских войск, показал:

„... На экране были показаны следующие кадры: к самолетам прикрепляют специальные сосуды, причем в пояснении говорилось, что в этих сосудах помещены блохи, зараженные чумой... Самолет снят в воздухе над расположением противника. На земле видно какое-то движение китайских войск и населенный пункт“.

[т. 7, л.д. 58]

Помимо приведенных выше показаний обвиняемых Карасава и Ниси, факт переброски специальной экспедиции в район боевых действий в Центральном Китае подтверждается обнаруженными в архивах японской Квантунской армии документами. В частности.

[т. 15, л. д. 35–39]

был обнаружен приказ бывшего командующего японской Квантунской армией — генерала Умэдзу от 25 июля 1940 г. № 659-Хэй, которым начальнику полевой железной дороги Квантунской армии предписывалось произвести переброску в Центральный Китай группы сотрудников отряда № 731 и специального особо секретного груза. Был также найден изданный во исполнение этого приказа приказ начальника полевой железной дороги Квантунской армии генерал-лейтенанта Кусаба от 26 июля 1940 г. № 178, в котором также была подчеркнута особая секретность груза, ввиду чего предлагалось не вписывать в график его наименования, и был указан маршрут: станция Пинфань — Харбин — Мукден — Шаньхайгуань и Тяньцзинь.

В 1941 году состоялась экспедиция отряда № 731 в Центральный Китай в район г. Чандэ. Во время этой экспедиции японские самолеты произвели заражение местности чумными блохами.

В 1942 году, в момент отступления японских войск на одном из участков боевых действий в Центральном Китае, отрядом № 731 была организована еще одна экспедиция.

О подготовке этой экспедиции обвиняемый Карасава показал:

„...Экспедиция под руководством генерала Исии против китайских войск состоялась в середине 1942 года.

...Перед этой экспедицией, для ее осуществления, под моим руководством, по распоряжению того же майора Судзуки, было изготовлено 130 кг бактерий паратифа и сибирской язвы. Насколько мне известно, в этой экспедиции использовались и блохи как распространители эпидемий... Для проведения экспедиции генерал Исии с группой выезжал в Центральный Китай, где в это время японские войска отступали. Используя отступление войск, участники экспедиции распространяли бактерии на оставляемой территории для поражения эпидемиями наступающих китайских войск”.

[т. 4, л. д. 44]

Это показание обвиняемого Карасава полностью подтвердил другой обвиняемый — Кавасима Киоши:

„Наступающие китайские войска вступали в зараженную зону и подвергались действию бактериологического оружия”.

В этой операции, как устанавливается показаниями свидетеля Мисина Такаоки, бывшего начальника информационно-разведывательного отдела штаба 13-й японской армии, участвовали также сотрудники бактериологического отряда „Эй”.

[т. 6, л. д. 307]

Активизация подготовки бактериологической войны против СССР

В 1941 году, после вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР, японские милитаристы, выжидая удобный момент для вступления в войну против Советского Союза, деятельно форсировали развертывание и подготовку в Маньчжурии бактериологических отрядов и их филиалов, созданных для ведения бактериологической войны.

В соответствии с планом „Кан Току Эн” (т. е. планом развертывания японской Квантунской армии для нападения на СССР, принятым летом 1941 года) отрядами № 731 и № 100 была организо-

вана специальная подготовка кадров офицеров и унтер-офицеров по освоению и применению бактериологического оружия.

Бывший начальник ветеринарной службы Квантунской армии — генерал-лейтенант Такахаси Такаацу показал:

„... После выхода в свет оперативного плана „Кан Току Эн“ при штабе каждой армии, находившейся в Маньчжурии, были созданы „эпизоотические“ отряды. Начальниками этих отрядов были врачи — специалисты-бактериологи, направленные из отряда № 100... Инициатором создания таких отрядов являлось первое оперативное управление генерального штаба японской армии... Задачами эпизоотических отрядов являлись подготовка и ведение бактериологической войны и диверсий против Советского Союза...“

[т. 11, л. д. 53–54]

Обвиняемый Кавасима, касаясь вопроса об усилении Японией подготовки к бактериологической войне в 1941 году, показал:

„... Летом в 1941 году, после начала войны Германии с Советским Союзом, в одно из моих посещений генерала Исии в присутствии начальников отделов подполковника Мураками и полковника Оота Акира генерал Исии, говоря о необходимости усиления работы отряда, зачитал нам приказ начальника генерального штаба Японии, который требовал форсировать работы по исследованию бактерий чумы как средства бактериологической войны. В приказе особо отмечалась необходимость массового выращивания блох — переносчиков чумных болезней“.

[т. 3, л. д. 28–29]

В 1942 году отрядами № 731 и № 100 была произведена специальная разведка пограничных районов Советского Союза для подготовки к ведению бактериологической войны. Еще ранее отрядом № 100 по указанию штаба японской Квантунской армии систематически направлялись на границы Советского Союза бактериологические группы, производившие на протяжении ряда лет в диверсионных целях заражение пограничных водоемов, в частности в районе Трехречья.

[т. 12, л. д. 94 и 192;
т. 13, л. д. 57–58]

Факты эти устанавливаются показаниями обвиняемых Хирадзакура, Митомо, а также свидетелей Иосикава и др.

Накануне капитуляции в целях сокрытия следов совершенных злодеяний японское командование уничтожило здания, оборудование и документы бактериологических отрядов и их филиалов.

Таким образом, предварительным следствием установлено, что направляемая генеральным штабом Японии и командующим Квантунской армией практическая деятельность бактериологических отрядов № 731 и № 100 заключалась в подготовке и ведении бактериологической войны и входила составной частью в общий план преступного заговора правящей клики империалистической Японии.

Установлено также, что для достижения своих преступных планов японские милитаристы не останавливались ни перед какими злодеяниями, вплоть до бесчеловечных опытов над живыми людьми и истребления нескольких тысяч заключенных путем насильственного заражения их смертоносными бактериями.

16 декабря 1949 г.

ПОКАЗАНИЯ ОБВИНЯЕМЫХ И СВИДЕТЕЛЕЙ

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО ЯМАДА ОТОДЗО

6 декабря 1949 г.

г. Хабаровск

Допрос произведен на японском языке через переводчика Цвилова, который предупрежден об ответственности за заведомо ложный перевод по ст. 95 УК РСФСР.

Подпись:

Цвилов

Вопрос: *Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении в соответствии с объявленным вам постановлением от 5 декабря 1949 г.?*

Ответ: *Да, я полностью признаю себя виновным по всем пунктам предъявленного мне обвинения, изложенным в постановлении о предъявлении обвинения от 5 декабря 1949 г.*

Вопрос: *В чем конкретно вы признаете себя виновным?*

Ответ: *Прежде всего я признаю себя виновным в том, что с 1944 года по день капитуляции, являясь главнокомандующим Квантунской армией, я осуществлял непосредственное руководство работой подчиненных мне бактериологических отрядов № 731 и № 100 по изысканиям наиболее эффективных способов применения бактериологического оружия и его массовому производству для военных целей. Другими словами, я признаю себя виновным в том, что я осуществлял непосредственное руководство подготовкой бактериологической войны против СССР, Китая, Монгольской Народной Республики, Англии, США и других стран. Я также должен признать, что в основном эта подготовка была направлена против Советского Союза. Именно этим и объясняется, что бактериологические отряды 731-й и 100-й и их филиалы были расположены поблизости от границы с Советским Союзом.*

Конкретно моя практическая деятельность как главнокомандующего японской Квантунской армией в руководстве по подготовке бактериологической войны выразилась в следующем.

С приездом в Маньчжурию, после вступления на пост главнокомандующего Квантунской армией, из докладов, сделанных мне в июле 1944 года подчиненными мне начальниками санитарного управления и ветеринарного управления Кадзицука и Такахаси, я узнал о том, что подчиненные мне бактериологические отряды № 731 и № 100 занимаются изысканием и массовым производством бактериологического оружия.

Несколько позже я лично посетил отряд № 731 с целью инспектирования его работы по подготовке бактериологического оружия. Отряд № 731 я посетил в августе 1944 года и лично ознакомился с работой этого отряда по изысканиям и массовому производству бактериологического оружия. Причем при ознакомлении с работой этого отряда я был поражен размахом

работ, которые проводились в направлении производства огромного количества бактерий, предназначенных для использования в качестве бактериологического оружия. После ознакомления с этими работами я их одобрил и тем самым санкционировал дальнейшее проведение. Таким образом, в мою бытность командующим Квантунской армией отряды № 731 и № 100 с моего ведома продолжали работы по изысканиям наиболее эффективных видов бактериологического оружия и массовому производству смертоносных бактерий, предназначенных для применения в качестве боевого оружия. О ходе этих работ я получал информацию от моих подчиненных и таким образом был постоянно в курсе всей подготовки бактериологической войны.

Эту информацию я получал от начальников санитарного и ветеринарного управления, о чем я показал выше, от начальника отряда № 731 и от подчиненных мне работников штаба, которые имели непосредственное отношение к деятельности отрядов № 731 и № 100 по подготовке бактериологической войны. Вопросы, связанные с тактическим применением бактериологического оружия, мне докладывались начальником штаба и соответствующими работниками оперативно-стратегического отдела.

Будучи осведомленным о работе этих отрядов, я как командующий принимал все необходимые меры по обеспечению их постоянной боевой готовности.

В июне 1945 года по моему заданию начальник отдела кадров штаба Квантунской армии Тамура инспектировал работу отряда № 731. Это инспектирование было вызвано необходимостью принятия надлежащих мер по обеспечению увеличения производства бактериологического оружия. О результатах этого инспектирования Тамура представил мне подробный доклад.

Будучи главнокомандующим Квантунской армией, я лично одобрил два наиболее эффективных способа применения бактериологического оружия по представленным мне докладам начальника отряда № 731.

В ноябре 1944 года начальник отряда № 731 Китано сделал мне доклад в присутствии начальника штаба Касахара Юкио, начальника оперативно-стратегического отдела Мацумура Томокацу и штаб-офицера оперативно-стратегического отдела подполковника Мията (принц Такэда).

Доклад Китано состоялся в штабе Квантунской армии. Китано сделал мне доклад, обобщающий результаты опытов по применению в качестве бактериологического оружия блох, зараженных чумой. Доклад Китано сопровождался иллюстрацией различных схем о результатах опытов и просмотром специального кинофильма об опытах по заражению чумой с помощью блох. Этот доклад мной был одобрен, и предложенный Китано способ применения чумных блох считался принятым для практического использования как один из видов бактериологического оружия.

В том же 1944 году, в конце июля, я ознакомился с письменным докладом начальника отряда № 731 Исии, в котором излагалось описание бактериологической бомбы „системы Исии“ и способа

ее применения. Этот доклад мной также был одобрен, и предложенный в нем способ я признал эффективным.

Весной 1945 года, после завершения работ по изысканию наиболее эффективных способов применения бактериологического оружия, последовало указание военного министерства об увеличении производства бактериологического оружия. В связи с этим указанием мной были приняты все необходимые меры для его выполнения.

Я помню, что в связи с этим я поручил начальнику 1-го оперативно-стратегического управления Мацумура принять меры по линии стратегического отдела к обеспечению производства различных бактерий в соответствии с полученным указанием. Одновременно мной было дано указание об укомплектовании отряда № 731 необходимым количеством офицеров-специалистов и обеспечении необходимым оборудованием.

Касаясь работы отряда № 100 по подготовке бактериологической войны, я должен сказать, что на отряд № 100 возлагались задачи по проведению диверсионных мероприятий, т. е. заражению эпидемическими бактериями пастбищ, скота и водоемов. В этой части отряд № 100 в своей работе был тесно связан с разведывательным отделом штаба Квантунской армии. Исходя из общих задач отряда № 100, я знал, что в отряде ведутся соответствующие работы по производству бактериологического оружия, а также изучению способов его применения.

Однако как практически проходили эти работы, я не знал, так как всеми этими вопросами непосредственно занимался подчиненный мне разведывательный отдел. В частности, я не помню, чтобы мне докладывали о работе по проведению бактериологической разведки пограничных с Советским Союзом районов Северо-Хинганской провинции. Я подтверждаю, что все эти работы проводились по указанию штаба Квантунской армии, и в этой части я не снимаю с себя ответственности, так как эти действия имели место в мою бытность главнокомандующим Квантунской армией. Я не отрицаю, что отряд № 100, цели и задачи которого заключались также в подготовке бактериологической войны, занимался изысканиями конкретных способов проведения диверсионных мероприятий и вел активную подготовку к проведению этих диверсий против Советского Союза, что прямо вытекало из практических задач отряда, но в этой части я достаточным образом осведомлен не был.

В целях испытания эффективности производимого в отряде № 731 бактериологического оружия отрядом производились опыты по применению этого оружия над живыми людьми в лабораторных и в полевых условиях, приближенных к боевой обстановке. Опыты в полевых условиях производились отрядом № 731 на специально оборудованном полигоне на станции Аньда.

Об опытах над живыми людьми мне стало известно из докладов Китано и Тамура. Кроме того, из просмотренного мной кинофильма я также знал, что опыты по испытанию действия бактериологического оружия производились над живыми людьми. Из доклада Китано в ноябре 1944 года я узнал о том, что на

полигоне станции Аньда производятся опыты над живыми людьми. Из доклада Тамура в июне 1945 года я узнал о том, что подопытные люди содержатся в специальной тюрьме отряда № 731.

Опыты над живыми людьми были санкционированы моими предшественниками — генералом Умэдзу или Уэда. В этой части я признаю себя виновным в том, что я, зная о производстве опытов над живыми людьми, допускал их проведение и тем самым фактически санкционировал умерщвление китайцев, русских и маньчжур, направленных для производства опытов подчиненными мне органами Квантунской жандармерии и японских военных миссий.

Направление подопытных заключенных для производства опытов, или так называемые „особые отправки“, также было санкционировано одним из моих предшественников — Уэда или Умэдзу. Эта санкция мной также не отменялась, и установленный порядок „особых отправок“ продолжал действовать и при мне. Я не знаю, сколько людей было умерщвлено в результате этих опытов, так как я этим не интересовался.

В части подготовки специальных кадров, предназначенных для использования при применении бактериологического оружия, я должен сказать, что такие кадры действительно готовились отрядами № 731 и № 100. По мере подготовки эти кадры рассредоточивались по филиалам указанных отрядов и частям и соединениям Квантунской армии. Эти кадры в военное время должны были использоваться для формирования специальных бактериологических боевых отрядов, предназначенных для практического применения бактериологического оружия. Сколько всего было подготовлено таких кадров, я не знаю, но полагаю, что их было вполне достаточно для практического применения средств бактериологической войны.

С началом военных действий, в августе 1945 года, в соответствии с моим приказом бактериологические отряды № 731 и № 100 и их филиалы были полностью уничтожены с целью сокрытия следов подготовки бактериологической войны. Личный состав указанных отрядов был эвакуирован в Корею.

Вопрос: *Каким образом предполагалось практическое применение бактериологического оружия против Советского Союза в случае возникновения военных действий?*

Ответ: *Вопросы применения бактериологического оружия не включались в оперативные планы. Однако в связи с проводившейся подготовкой применения бактериологического оружия эти вопросы изучались в оперативно-стратегическом отделе штаба.*

Лично я как командующий Квантунской армией считал, что бактериологическое оружие против Советского Союза должно быть применено в случае возникновения военных действий с Советским Союзом с помощью авиации для заражения тыловых районов Советского Союза и путем проведения диверсионных мероприятий по линии отряда № 100.

Если бы военные действия с Советским Союзом не возникли, то бактериологическое оружие могло быть применено против США и других стран.

Вопрос: *С какой целью в 1945 году Исии снова был назначен в отряд № 731?*

Ответ: *Отряд № 731 был детищем Исии, и поэтому в 1945 году он снова был назначен на должность начальника этого отряда. Лично я считаю, что назначение Исии на должность начальника отряда № 731 находилось в прямой связи с задачами активизации работы бактериологических отрядов в это время и в связи с указаниями военного министерства об увеличении производства бактериологического оружия...*

Больше по существу дела показать ничего не имею, записано с моих слов правильно и мне через переводчика прочитано на японском языке.

Подпись:

Ямада

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО КАДЗИЦУКА РЮДЗИ

6 декабря 1949 г.

г. Хабаровск

Допрос произведен на японском языке через переводчика Болховитинова, который предупрежден об уголовной ответственности за заведомо ложный перевод по ст. 95 УК РСФСР.

Подпись:

Болховитинов

Вопрос: *Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении согласно объявленному вам постановлению от 5 декабря 1949 г.?*

Ответ: *В предъявленном мне обвинении я виновным себя признаю, за исключением непосредственного руководства работой отряда № 731 по изготовлению, испытанию и применению бактериологического оружия, так как этой работой непосредственно руководили начальники отряда № 731 Исии и Китано.*

Вопрос: *В чем конкретно вы признаете себя виновным?*

Ответ: *Конкретно я признаю себя виновным в том, что, разделяя с 1931 года идею Исии Сиро о подготовке Японии к бактериологической войне, я, возглавляя с 1934 по 1937 год санитарный отдел медицинского управления военного министерства Японии, активно участвовал в создании в составе Квантунской армии специального формирования, отряда № 731, предназначенного для изыскания бактериологического оружия и противоэпидемической работы, а также в укомплектовании этого отряда соответствующими специалистами, содействовал назначению на должность начальника отряда № 731 одного из идеологов бактериологической войны — Исии Сиро. Являясь с декабря 1939 по август 1945 года начальником санитарного управления Квантунской армии, я осуществлял общее руководство научно-исследовательской работой отряда № 731 по всестороннему изучению и культивации бактерий, изучению насекомых — распространителей эпидемических заболеваний, изучению малоизученных эпидемических*

заболеваний, изысканию наиболее эффективных средств и способов излечения и предупреждения эпидемических заболеваний.

Я также признаю, что научно-исследовательская работа отряда № 731 проводилась не только для противоэпидемических целей, но и для изыскания, изготовления и испытания бактериологического оружия, но в части изготовления, испытания и практического применения бактериологического оружия непосредственное руководство осуществлялось начальниками отряда № 731 Исии и Китано. В этой части Исии и Китано руководствовались указаниями оперативно-стратегического отдела штаба Квантунской армии и японского генерального штаба.

Я знал о проводимых отрядом № 731 опытах по изысканию и испытанию бактериологического оружия, по изысканию средств и способов излечения и предупреждения эпидемических заболеваний и что эти опыты проводятся на живых людях.

О результатах опытов по испытанию бактериологического оружия и о практическом применении отрядом № 731 боевых бактериологических средств против китайской армии и местного китайского населения в 1940—1942 гг. мне докладывал в устной форме начальник отряда № 731 Китано. О результатах опытов по изысканию наиболее эффективных средств и способов излечения эпидемических заболеваний, по изучению малоизвестных эпидемических заболеваний, об опытах по обмораживанию начальники отряда № 731 Исии и Китано периодически докладывали мне в письменной форме.

Я принимал непосредственное участие в создании в 1940 году расположенных вдоль границы с Советским Союзом четырех филиалов отряда № 731: в Хайлине, Линькоу, Сунью и Хайларе; обеспечивал отряд № 731 и его филиалы оборудованием и другими техническими средствами и готовил кадры для ведения бактериологической войны.

Я также признаю, что Японией бактериологическая война готовилась главным образом против Советского Союза, Монгольской Народной Республики, Китая, а также против Англии и Соединенных Штатов Америки.

Вопрос: *Значит, вы принимали участие в создании отряда № 731 и его филиалов, которые занимались изысканием, изготовлением и испытанием бактериологического оружия, предназначенного для войны главным образом против Советского Союза, Монгольской Народной Республики, Китая, а также против Англии и США, знали о проводимых отрядом № 731 опытах на людях по испытанию бактериологического оружия, занимались подготовкой кадров для бактериологической войны?*

Ответ: *Да, это так.*

Протокол записан с моих слов верно и мне прочитан на японском языке.

Подпись:

Кадзицука

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО
ТАКАХАСИ ТАКААЦУ

6 декабря 1949 г.

г. Хабаровск

Допрос произведен на японском языке через переводчика Протасова, который предупрежден об ответственности за заведомо ложный перевод по ст. 95 УК РСФСР.

Подпись:

Протасов

Вопрос: *Вам предъявляется постановление о привлечении вас к уголовной ответственности. Сущность обвинения изложена в объявленном вам постановлении. Вы признаете себя виновным?*

Ответ: *Да, в предъявленном мне обвинении виновным себя признаю полностью. Действительно, находясь в должности начальника ветеринарной службы Квантунской армии с 1941 по август 1945 года, т. е. по день капитуляции Японии, я принимал активное участие в подготовке Квантунской армии к бактериологической войне и диверсиям против Советского Союза. О плане подготовки к бактериологической войне мне стало известно на совещании в сентябре 1941 года лично от командующего Квантунской армией Умэдзу.*

Моя деятельность по подготовке Квантунской армии к бактериологической войне и диверсиям заключалась в том, что я, руководя практической деятельностью отряда № 100, давал указания о массовом изготовлении бактериологического оружия, в частности возбудителей остроинфекционных болезней: сапа, сибирской язвы, чумы рогатого скота, овечьей оспы и мозаики.

Я контролировал, как отрядом № 100 выполняются эти задания по изготовлению в массовом масштабе бактериологического оружия. С этой целью примерно один раз в месяц я лично приезжал в отряд № 100, где проверял исполнение моих приказов в области изготовления бактериологических средств войны. Кроме того, по этим вопросам я принимал устные доклады от начальника отряда № 100 Вакамацу.

Для увеличения производства бактериологического оружия в декабре 1943 года по согласованию со вторым разведывательным отделом штаба Квантунской армии и по моему указанию в отряде № 100 в составе второго отдела было создано шестое отделение, в задачу которого входило массовое изготовление бактериологического оружия...

Летом 1942 года по моему указанию в районе Трехречья на реке Дербул группой сотрудников отряда № 100 во главе с научным сотрудником Ида Киёси был произведен опыт заражения животных для проверки эффективности бактериологического оружия в наиболее приближенных к территории Советского Союза климатических условиях.

На основании моего распоряжения на полигоне отряда № 731 на станции Аньда производился эксперимент по заражению животных острыми инфекционными болезнями. Из доклада начальника отряда № 100 Вакамацу мне известно, что результат этого опыта был удачным — все 10 подопытных коров пали. В марте 1944 года

по моему указанию и с ведома второго разведывательного отдела штаба Квантунской армии из работников отряда № 100 была организована специальная экспедиция в районы Северо-Хинганской провинции, которая впоследствии возглавлялась поручиком Хирадзакура, для разведки наличия дорог, летних и зимних пастбищ скота, состояния водоемов и наличия скота у местного населения с целью подготовки бактериологических диверсий против Советского Союза. Назначение этой группы было оформлено оперативным приказом главнокомандующего Квантунской армией.

Выполняя этот приказ, Хирадзакура дважды докладывал мне о проделанной им работе. Первый доклад он сделал в сентябре 1944 года в кабинете начальника отряда № 100 Вакамацу.

На группу Хирадзакура возлагалась задача провести разведку, а также закупку скота — 500 овец, 100 голов крупного рогатого скота и 90 лошадей — с целью их заражения острыми инфекционными болезнями с последующим оставлением этого скота в тылу советских войск.

Во время второго доклада Хирадзакура я вместе с научными сотрудниками отряда № 100 Осака, Ида и начальником отряда № 100 Вакамацу обсуждал вопрос, какими бактериями нужно заразить скот, находившийся у местного населения Северо-Хинганской провинции. Были намечены следующие способы заражения скота: рогатый скот должен быть подвергнут заражению сибирской язвой и чумой рогатого скота при помощи самолетов, принадлежащих отряду № 731. Имелось в виду, что заражению должен быть подвергнут скот только местного населения на пастбищах. Лошадей предполагалось заразить сибирской язвой.

Скот, закупленный Хирадзакура в 1945 году, впоследствии мы решили заразить посредством впрыскивания: овцам — возбудителя овечьей оспы, рогатому скоту — вируса чумы рогатого скота, лошадям — сибирской язвы. Зараженный рогатый скот, овец и лошадей намечалось распустить в разные стороны, чтобы скот попал на территорию действия советских войск. Подробности всех намеченных тогда нами мероприятий из-за давности времени не помню.

Вопрос: Какие ветеринарные части Квантунской армии, кроме отряда № 100, готовились к бактериологической войне и диверсиям против Советского Союза?

Ответ: Отряд № 100 имел два филиала в городах Дайрен и Рако. Кроме того, при каждой армии в июле 1941 года были созданы армейские эпизоотические отряды, которые дислоцировались в городах Кокузан, Тоан, Кэйнэй и Тонэй. Все эти отряды предназначались использовать как специальные подразделения для применения бактериологического оружия против Советского Союза.

Вопрос: Когда и что вы докладывали бывшему главнокомандующему Квантунской армией Ямада о деятельности отряда № 100?

Ответ: Я трижды докладывал генералу Ямада о работе отряда № 100 по изысканию и производству бактериологического оружия.

Первый доклад генералу Ямада я сделал в июле 1944 года, через несколько дней после моего официального представления ему

как новому главнокомандующему. Я ему доложил о секретной работе по производству бактериологического оружия, производившейся в отряде № 100. В частности, рассказал об изготовлении шестым отделением второго отдела отряда № 100 в массовом масштабе возбудителей чумы рогатого скота, овечьей оспы, бактерий сапа и красной ржавчины. В этой связи я доложил Ямада о количестве бактерий, производимых в отряде № 100.

Следующий доклад Ямада я сделал в ноябре 1944 года. Во время моего доклада присутствовали: начальник штаба Касахара, его заместитель Икэда, начальник второго отдела Сасаи, начальник отряда № 100 Вакамацу и, кажется, начальник первого отдела Мацумура. Я доложил о результатах исследовательской работы специально направленной группы работников отряда № 100 во главе с поручиком Хирадзакура с целью изучить возможность заражения скота в районах Северо-Хинганской провинции. Замечаний по поводу доклада от Ямада я не получил и полагаю, что доклад им был одобрен.

В феврале 1945 года я сделал третий доклад генералу Ямада о работе отряда № 100 по производству в отряде № 100 бактериологического оружия. Это был очень небольшой доклад, в котором содержалась информация о том, что работы в отряде ведутся по-прежнему и никаких изменений не произошло. По этому докладу специальных указаний от Ямада я не получил.

Вопрос: *Кем и как финансировалась деятельность отряда № 100?*

Ответ: *Отряд финансировался по двум источникам: военное министерство Японии выделяло средства на содержание личного состава отряда № 100 и на изготовление препаратов для профилактической работы в Квантунской армии.*

На изыскание и производство бактериологического оружия средства отпускались по линии секретных фондов штаба Квантунской армии, через второй разведывательный отдел.

Вопрос: *Какая сумма денег отпускалась на эти нужды?*

Ответ: *Я хорошо помню, что военным министерством Японии на период с 1 апреля 1944 г. по 1 апреля 1945 г. на содержание личного состава отряда № 100 и на изготовление профилактических средств было отпущено 600 тыс. иен. На изыскание и производство бактериологического оружия вторым отделом штаба Квантунской армии на указанный период было отпущено 1 млн. иен. Однако эта сумма ни в коей мере нас не лимитировала, ибо при необходимости было бы отпущено столько средств, сколько бы потребовалось. Какие средства отпускались до 1944 года, сейчас не помню.*

Вопрос: *Что вам известно о деятельности отряда № 731 по подготовке к бактериологической войне?*

Ответ: *В сентябре 1941 года бывший командующий Квантунской армией Умэдзу на совещании начальников отделов и управлений штаба армии сказал, что из генерального штаба императорской ставки получено указание о подготовке Квантунской армии к бактериологической войне. На этом же совещании Умэдзу приказал начальнику отряда № 731 Исии начать массовое производство возбудителей инфекционных заболеваний. С этого времени я знаю, что отряд № 731 готовился к бактериологической войне.*

Вопрос: *Кто руководил практической деятельностью отряда № 731 по подготовке к бактериологической войне?*

Ответ: *Руководство и контроль за практической деятельностью отряда № 731 по подготовке к бактериологической войне командующим Умэдзу в сентябре 1941 года были возложены лично на начальника санитарной службы Квантунской армии Кадзицука.*

Протокол с моих слов записан верно, мне прочитан на японском языке.

Подпись:

Такахаси

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО САТО СЮНДЗИ

6 декабря 1949 г.

Хабаровск

Допрос произведен на японском языке через переводчика Корнилова, который предупрежден об ответственности за заведомо ложный перевод по ст. 95 УК РСФСР.

Подпись:

Корнилов

Вопрос: *Понятны вам пункты обвинения и признаете ли себя виновным в предъявленном вам обвинении?*

Ответ: *Предъявленные мне пункты обвинения ясны. В предъявленном мне обвинении признаю себя виновным полностью. Моя вина заключается в том, что я, действительно, с декабря 1941 по февраль 1943 года руководил деятельностью квантунского отряда „Нами“ № 8604, а затем с февраля 1943 по март 1944 года я также возглавлял руководство работой нанкинского отряда „Эй“ № 1644. Оба эти отряда занимались изысканиями и массовым производством смертоносных бактерий, предназначенных для боевого применения против китайских войск и мирного населения. ... Нанкинский отряд „Эй“ № 1644 совместно с бактериологическим отрядом № 731 японской Квантунской армии принимал непосредственное участие в применении бактериологического оружия против китайских войск и местного населения во время боевых операций японских войск...*

Я, занимая пост начальника отряда „Эй“ № 1644, возглавлял руководство отрядом по изысканию и массовому производству бактериологического оружия. С этой целью нанкинский отряд „Эй“ № 1644 был снабжен мощным оборудованием, укомплектован специалистами-бактериологами и в массовом масштабе изготовлял различные смертоносные бактерии. Действительно, под моим руководством имевшийся в нанкинском отряде „Эй“ № 1644 учебный отдел готовил кадры бактериологов ежегодно до 300 человек с целью использования их в бактериологической войне. Я с марта 1944 года, будучи начальником санитарного управления 5-й армии, входившей в состав японской Квантунской армии, оказывал активную помощь и поддержку филиалу № 643 отряда № 731 в увеличении производства бактериологического материала.

С этой целью мною был издан специальный приказ частям 5-й армии о вылавливании грызунов, необходимых для производства бактериологического оружия, и направлении их в филиал № 643 отряда № 731.

Вопрос: *Уточните свои показания относительно производственной мощности нанкинского отряда „Эй“ № 1644 и о наличии в нем технического оборудования.*

Ответ: *Производственная мощность нанкинского отряда „Эй“ № 1644 по изготовлению смертоносных бактерий была до 10 кг за цикл. С моих слов записано правильно, мне протокол допроса прочитан на японском языке.*

Подпись:

Сато

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ МАЦУМУРА ТОМОКАЦУ

27 октября 1949 г.

Хабаровск

Старший лейтенант Корсаков допросил в качестве свидетеля Мацумура Томокацу — 1899 года рождения, уроженец г. Токио, японец, подданный Японии, образование высшее, до пленения в 1945 году — заместитель начальника штаба Квантунской армии, женат, жена — Мацумура Хидэко, из семьи служащего, бывшего генерал-майора японской армии.

Свидетель Мацумура Томокацу предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР.

Подпись:

Мацумура

Вопрос: *На каком языке вы желаете давать свои свидетельские показания?*

Ответ: *Свои показания я буду давать на родном — японском языке.*

Вопрос: *Ваш допрос будет производиться через переводчика Пахомова. Возражений не имеете?*

Ответ: *Нет, не имею. Его разговорная речь мне хорошо понятна.*

Переводчик Пахомов предупрежден об ответственности за заведомо ложный перевод по ст. 95 УК РСФСР.

Подпись:

Пахомов

Вопрос: *Расскажите о вашей службе в японской армии.*

Ответ: *В 1928 году я закончил Военную академию, после чего в течение одного года работал командиром взвода в 34-м пехотном полку.*

В 1929 году я был направлен на работу в генеральный штаб японской армии, где работал: с 1929 по декабрь 1932 года — в отделении военных формирований первого отдела, с 1932 по 1936 год по заданию генштаба находился в заграничной

командировке. По возвращении из-за границы в течение 1936 года преподавал военную историю в Военной академии.

С 1937 и до октября 1939 года я являлся сотрудником отдела формирования, затем с октября 1939 по октябрь 1941 года работал в отделе военной истории, вначале сотрудником, а затем начальником этого отдела.

С октября 1941 по август 1943 года возглавлял 5-й русский отдел 2-го разведывательного управления генштаба Японии. В августе 1943 года приказом военного министра я был назначен на должность начальника 1-го оперативно-стратегического отдела штаба Квантунской армии и в этой должности состоял до марта 1945 года. С марта 1945 года до дня капитуляции Японии в августе 1945 года занимал пост второго заместителя начальника штаба Квантунской армии.

Вопрос: *Что вам известно о существовании на территории Маньчжурии бактериологических отрядов?*

Ответ: *Мне хорошо известно, что в составе Квантунской армии существовали два таких отряда, которые именовались: первый отрядом № 731 и второй – № 100.*

Вопрос: *В какой мере отряд № 731, возглавляемый генерал-лейтенантом Исии, был подчинен штабу Квантунской армии?*

Ответ: *Отряд № 731, возглавляемый генерал-лейтенантом Исии, являлся отрядом непосредственного подчинения командующему Квантунской армией, вначале Умэдзу, а затем Ямада, и вся работа, проводимая отрядом, проходила под непосредственным руководством штаба Квантунской армии.*

Вопрос: *В чем выражалось руководство деятельностью этого отряда со стороны главнокомандующего – полного генерала Ямада Отодзо и штаба Квантунской армии?*

Ответ: *Руководство деятельностью отряда № 731 главнокомандующий осуществлял через начальника санитарного управления Квантунской армии – генерал-лейтенанта Кадзицука, следовательно, штаб Квантунской армии в первую очередь нес ответственность за деятельность этого отряда.*

Вопрос: *В чем выражалась подготовка бактериологической войны против СССР, которую проводил отряд № 731?*

Ответ: *Подготовка бактериологических средств войны выражалась в том, что отряд № 731 занимался изучением применения бактерий чумы, холеры, тифа и других заразных заболеваний; для этой цели отряд имел специальные учреждения, где производились опыты и выращивание бактерий.*

Наряду с этим отряд № 731 имел свои филиалы в Муданьцзяне, Хайларе, Сунью и Тоане, в которых также занимались выращиванием и испытанием бактерий.

Вопрос: *Вы как начальник стратегического отдела и заместитель начальника штаба Квантунской армии какое имели отношение к отряду № 731?*

Ответ: *Мое отношение к отряду № 731 заключалось в оформлении пропусков на право посещения территории этого отряда лицам,*

которым было разрешено посетить отряд. Разрешение на право посещения отряда № 731 выдавал лично командующий Ямада. Непосредственно выдачей пропусков в отряд № 731 ведал заместитель начальника стратегического отдела, возглавляемого мною, принц Такэда, он же подполковник Мията. Лица, посетившие отряд, пропуска сдавали обратно принцу Такэда.

Вопрос: *Скажите, кому докладывали важнейшие моменты своей работы начальники санитарного и ветеринарного управлений штаба Квантунской армии?*

Ответ: *Начальник санитарного управления, генерал-лейтенант Кадзицука, и начальник ветеринарного управления, генерал-лейтенант Такахаси Такаацу, важнейшие моменты своей работы докладывали непосредственно главнокомандующему Ямада.*

Вопрос: *Как часто главнокомандующий Квантунской армией Ямада посещал отряд Исии?*

Ответ: *Я хорошо помню, что главнокомандующий Ямада вскоре после своего приезда в Маньчжурию, что было в июле 1944 года, посетил отряд Исии в Харбине, где провел инспектирование этого отряда, но деталями этой инспекторской проверки Ямада при возвращении в Чаньчунь ни с кем не делился, и мне об этом ничего неизвестно.*

Вопрос: *Что вам известно об уничтожении лабораторий отрядов № 731 и № 100?*

Ответ: *9 или 10 августа 1945 г. в связи с началом военных действий главнокомандующий Ямада принял решение уничтожить все лаборатории и ценное оборудование по культивированию бактерий, с тем чтобы эти научные лаборатории не попали в руки Советской Армии; моим подчиненным, полковником Кусадзи, был составлен приказ об уничтожении вышеуказанных отрядов и об эвакуации личного состава этих отрядов в г. Сеул (Южная Корея). В тот же день приказ был подписан главнокомандующим Ямада и для исполнения направлен начальникам отрядов № 731 и № 100.*

Приказ главнокомандующего явился основанием, по которому генерал-лейтенант Исии и генерал-майор Вакамацу получили содействие местных саперных отрядов для подрыва и разрушения названных отрядов.

Вопрос: *Лабораторное оборудование этих бактериологических отрядов также было вывезено в Корею?*

Ответ: *На этот вопрос дать ответ затрудняюсь, так как в сообщениях об этом не говорилось, тем более о результатах эвакуации этих отрядов в Корею доклада в штаб Квантунской армии не поступало. По всей вероятности, наиболее ценное бактериологическое оборудование отрядов № 731 и № 100 было вывезено в Южную Корею.*

Записано с моих слов правильно, протокол мне прочитан на японском языке, в чем и подписываюсь.

Подпись:

Мацумура

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ
МАЦУМУРА ТОМОКАЦУ

16 ноября 1949 г.
Хабаровск

Свидетель Мацумура предупрежден об
ответственности за дачу ложных показаний
по ст. 95 УК РСФСР.

Подпись: *Мацумура*

Допрос произведен через переводчика Пляченко,
который предупрежден за заведомо ложный
перевод по ст. 95 УК РСФСР.

Подпись: *Пляченко*

Вопрос: *По каким причинам отряд № 731 был организован именно на территории Маньчжурии?*

Ответ: *Отряд № 731, являвшийся крупным бактериологическим комбинатом по изысканию и изготовлению бактериологического оружия, был организован на территории Маньчжурии из стратегических соображений, так как Япония готовилась к войне с Советским Союзом и вся деятельность этого отряда сводилась к подготовке бактериологической войны против СССР. Расходы, связанные с организацией этого отряда и исследовательскими работами по изысканию бактериологического оружия, которые проводились в отряде, входили в общий чрезвычайный военный бюджет Квантунской армии, не требовавший специальных отчетов перед парламентом, что давало возможность законспирировать деятельность отряда от лиц, сидевших в парламенте и не сведущих в военных вопросах.*

Вопрос: *Какая категория лиц использовалась в качестве подопытных?*

Ответ: *Со слов полковника Тамура мне известно, что в отряде № 731 опыты производились на живых людях из числа солдат и партизан Китайской народно-революционной армии.*

Вопрос: *Откуда вам известно, что отряд Исии вел научно-исследовательскую работу в области изыскания и изготовления бактерий?*

Ответ: *В августе 1943 года во время приема дел от бывшего начальника оперативно-стратегического отдела штаба Квантунской армии генерал-майора Тамура Иоситоми я узнал от него, что отряд Исии вел научно-исследовательскую работу в области изыскания бактериологического оружия и способов его применения. Летом 1944 года, месяца точно не помню, я окончательно убедился, что отряд № 731 занимается этими вопросами, из доклада моего подчиненного штаб-офицера — подполковника Мията, которого по приказанию начальника штаба генерал-лейтенанта Касахара Юкио я лично направлял в отряд Исии для проверки состояния производства специальных бомб, начиненных эпидемическими бактериями. Кроме того, о производстве бактериологического оружия в отряде № 731 я знал из поступающих докладов на имя главнокомандующего Квантунской армией, о которых я скажу ниже.*

Вопрос: *Мог ли отряд № 731 по состоянию на 1945 год обеспечить Квантунскую армию нужным количеством бактериологического оружия?*

- Ответ:** *На основании материалов, представленных в оперативно-стратегический отдел штаба Квантунской армии, и доклада подполковника Мията отряд № 731 по состоянию на 1945 год мог производить массовое количество различных эпидемических бактерий, достаточное для применения их в качестве бактериологического оружия. К тому времени велись усиленные работы по изысканию специальных бомб как наиболее эффективного способа применения бактериологического оружия.*
- Вопрос:** *Как практически предусматривалось использование бактерий в войне против СССР?*
- Ответ:** *Использование бактерий в войне против СССР предусматривалось путем сбрасывания бомб, начиненных бактериями, и путем рассеивания бактерий с самолетов. Других методов применения бактериологического оружия в войне против СССР я не знал.*
- Вопрос:** *В чем выражалось руководство деятельностью отряда № 731 со стороны штаба Квантунской армии?*
- Ответ:** *На допросе 27 октября 1949 г. я показал, что отряд № 731, возглавляемый генерал-лейтенантом Исии, являлся отрядом непосредственного подчинения командующему Квантунской армией, и вся работа этого отряда проходила под непосредственным руководством штаба Квантунской армии.*
Главнокомандующий Умэдзу, а затем — с июля 1944 года — Ямада Отодзо руководило деятельностью отряда № 731 по стратегическим вопросам осуществляли через оперативно-технический отдел, возглавляемый мною, а по вопросам научно-техническим — через начальника санитарного управления штаба Квантунской армии — генерала Кадзицука Рюдзи, в ведение которого входили вопросы научно-технического исследования в области бактериологии, вопросы подготовки кадров бактериологов, а также вопросы противозидемической службы и водоснабжения.
- Вопрос:** *Какие поступали доклады о деятельности отряда № 731 на имя главнокомандующего и какие по этим докладам им были приняты решения?*
- Ответ:** *Насколько я сейчас припоминаю, таких докладов на имя главнокомандующего Квантунской армией поступило два. Первый — от начальника отряда Исии о методах сбрасывания бактерий с самолетов путем рассеивания их из специальных резервуаров — поступил во второй половине 1943 года.*
Главнокомандующий, в то время полный генерал Умэдзу Иосидзиро, ознакомившись с методами, выдвигаемыми генералом Исии в данном докладе, признал их малоэффективными, указав при этом, что при таком методе применения бактериологического оружия мы понесем большие потери как в живой силе, так и в технике, ибо не сможем оградить свои войска от заражения. Главнокомандующий Умэдзу через начальника штаба армии Касахара приказал начальнику отряда Исии разработать другой метод применения бактериологического оружия, который бы являлся более эффективным.
Примерно через год на имя главнокомандующего поступил доклад о новых методах применения бактериологического оружия. В этом

докладе генерал-лейтенантом Исии был разработан метод применения бактериологического оружия путем сбрасывания специальных фарфоровых бомб, начиненных эпидемическими бактериями. Главнокомандующий Умэдзу никаких замечаний по докладу не дал и этот документ хранил у себя до своего ухода с поста командующего, т. е. до июля 1944 года. Из практики работы мне известно, что, если командующий не дает никаких указаний по тому или иному докладу, который поступает на его имя, значит, он согласен с мероприятиями, выдвигаемыми в документе.

Так было и в данном случае. Умэдзу считал этот метод использования бактериологического оружия в войне против СССР наиболее подходящим.

Полный генерал Ямада Отодзо в июле 1944 года, при вступлении на пост главнокомандующего Квантунской армией, с этим документом и деятельностью отряда Исии был ознакомлен своим предшественником Умэдзу, и когда данный доклад поступил для хранения ко мне, Ямада Отодзо также никаких указаний не дал, что означало, что и он был согласен с мероприятиями, выдвинутыми в докладе.

Поскольку в то время отряд № 731 нужным количеством бактериологического оружия обеспечить Квантунскую армию не мог, с приходом Ямада на пост командующего армией, в свете указаний военного министерства Японии об увеличении выпуска бактериологического оружия, отряд № 731 был значительно расширен, он получил новое лабораторное оборудование, следовательно, было увеличено производство и бактериологического оружия.

Вопрос: Когда было получено указание военного министерства об увеличении выпуска бактериологического оружия?

Ответ: Указание военного министерства об увеличении выпуска бактериологического оружия в штаб Квантунской армии поступило в мае 1944 года, т. е. до приезда Ямада, и мне кажется, хотя утверждать этого не могу, что указание министерства предусматривало обеспечение бактериологическим оружием не только Квантунской армии, но и армии на Тихом океане.

Вопрос: В приказе командующего, который был издан 9 или 10 августа 1945 г., говорилось только об уничтожении отряда № 731 или включались и другие вопросы, касающиеся этого отряда?

Ответ: В приказе командующего Квантунской армией генерала Ямада от 9 или 10 августа 1945 г., помимо уничтожения путем подрыва отряда № 731 и отряда № 100, также предусматривалась эвакуация личного состава и ценного оборудования обоих отрядов в Южную Корею. Согласно этому же приказу, был эвакуирован в глубокий тыл топографический отряд Квантунской армии.

Вопрос: Почему именно в Корею было вывезено ценное оборудование отрядов № 731 и № 100?

Ответ: В то время Южная Корея являлась наиболее безопасным местом, тем более войска, дислоцирующиеся в Корее, были подчинены главнокомандующему Квантунской армией, и мы не рассчитывали, что Корея будет захвачена противником.

Вопрос: *На какие части Квантунской армии было возложено уничтожение отряда № 731?*

Ответ: *В момент издания приказа об уничтожении отряда № 731 в районе Харбина находилась смешанная бригада генерал-майора Убэ, и, по всей вероятности, подрыв отряда производили саперы данной бригады, но утверждать этого не могу, так как в приказе прямо не предусматривалось, какая часть должна участвовать в уничтожении отряда.*

Показания с моих слов записаны правильно, мне прочитаны на японском языке, правильность их подтверждаю.

Подпись:

Мацумура

**ПОДЛИННЫЕ СЕКРЕТНЫЕ ЯПОНСКИЕ ДОКУМЕНТЫ,
ИЗВЛЕЧЕННЫЕ ИЗ ЗАХВАЧЕННОГО В МАНЬЧЖУРИИ
СЕКРЕТНОГО АРХИВА КВАНТУНСКОЙ ЖАНДАРМЕРИИ,
ФИГУРИРОВАВШИЕ НА ПРОЦЕССЕ В КАЧЕСТВЕ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ**

Арх. дело № 869
Страницы 31, 32

*Перевод
с японского*

Подшивка „Дополнения к сборнику
законов и указаний”

Страница 31
Штаб Квантунской Армии
1-й отдел
30 июня 1938 г. № 1539

Начальник штаба Квантунской армии

**ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ОСОБОЙ ВОЕННОЙ ЗОНЫ
В РАЙОНЕ ПИНФАНЬ**

На основании приказа довожу до сведения, что по существу данного вопроса принято нижеследующее решение.

Страница 32

1. Постройки отряда Исии в Пинфань (на участке, обнесённом внешним забором) считать постройками особого военного значения.

2. Согласно „Правилам о соблюдении закона о сохранении военной тайны в Маньчжурии”, зону „Ко”, обозначенную на прилагаемой схеме, считать участком „Ко” зоны третьего разряда. На него распространяются все ограничительные статьи упомянутых выше правил.

3. В зоне „Оцу“, обозначенной на прилагаемой схеме, запрещается строительство новых построек свыше двух этажей.

4. Гражданской авиации (авиационной компании „Мансю кабусики кайся“) указываются воздушная трасса и запретная воздушная зона.

5. О границах зон „Ко“ и „Оцу“ и об ограничительных статьях объявляет министерство общественного спокойствия Маньчжоу-го, а о зоне, в которой находятся военные сооружения, объявляет командующий обороной.

6. Все вышеизложенное довести до сведения лишь тех частей, которые имеют к этому непосредственное касательство; никаких официальных объявлений не делать.

Без приложения.

Перевела:

*старший переводчик,
кандидат исторических наук*

Подпись:

Подпалова

Арх. дело № 864
Страницы 245, 246

*Перевод
с японского*

Подшивка „Разная переписка“
1-го отдела штаба квантунской
жандармерии за 1943 год

Документы относятся к вопросам
организации, комплектования,
обучения и т.д.

Совершенно секретно
Копия

Страница 245
Штаб квантунской
жандармерии
Отдел по особо
важным делам
12 марта 1943 г.
№ 120

Читали:
Фудзисиге
(личная печать)
Хара Горо
(личная печать)
Иси
(личная печать)

Начальник отдела полицейской службы
штаба квантунской жандармерии

**УВЕДОМЛЕНИЕ
ПО ПОВОДУ „ОСОБЫХ ОТПРАВOK“
(„Токуи ацукаи“)**

На основании приказа довожу до сведения, что, хотя в данном вопросе следует руководствоваться документами № 58 отдела полицейской службы штаба квантунской жандармерии от 26 января 1938 г., тем не менее при отборе желательно придерживаться норм, изложенных в нижеследующем приложении.

Разослано всем начальникам отрядов квантунской жандармерии (включая начальников отдельных жандармских отделений и исключая начальников 86-го и учебного отрядов).

Перевела:

*старший переводчик,
кандидат исторических наук*

Подпись:

Подпалова

Арх. дело № 845
Страницы 45—47

*Перевод
с японского*

Служебный дневник
жандармской части Хирано
с 17 июля по 19 сентября
1939 г.

Секретно

Страница 45
8 августа

Приказ о конвоировании
„специальных перевозок“**

ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ КВАНТУНСКОЙ ЖАНДАРМЕРИИ № 224

Приказ квантунской жандармерии
Штаб квантунской жандармерии
8 августа 16 час. 00 мин.

1. Во второй партии „специальных перевозок“ („Токусю юсо“), проводимой на основании оперативного приказа квантунской жандармерии № 222, следует около 90 человек. Партия прибывает на станцию Шаньхайгуань 9 августа. Перевозка со станции Шаньхайгуань производится в одном пассажирском вагоне. Отправка со станции Шаньхайгуань — 10 августа в 11 час. 15 мин. (вагон прицепляется к пассажирскому поезду Шаньхайгуань — Мукден). Прибытие на станцию Сунью — 13 августа в 00 час. 13 мин.

2. Конвоирование вышеозначенной партии от Шаньхайгуань до Сунью возлагается на начальника цзиньчжоуского жандармского отряда.

Из общего числа этапирруемых до конца следует 60 человек, остальные на станции Харбин передаются начальнику отряда Исии. Для этого заранее отделить группу людей, предназначенных для передачи начальнику отряда Исии, чтобы во время передачи не было никаких осложнений.

* Термин, аналогичный „особым отправкам“. — *Перев.*

Страница 46

Для конвоирования означенной партии из жандармского отряда в Чэндэ выделяется один офицер, из отряда Хирано — 25 унтер-офицеров и солдат и из учебного отряда квантунской жандармерии — один унтер-офицер медицинской службы. Цзиньчжоуский жандармский отряд выделяет одного переводчика.

3. Не позже 9 августа начальник жандармского отряда в Чэндэ направляет в Шанхайгуань капитана Сибao из чэндэского жандармского отделения, начальник отряда Хирано — 25 унтер-офицеров и солдат (в том числе одного фельдфебеля), начальник учебного отряда квантунской жандармерии — одного унтер-офицера медицинской службы. Означенные лица должны поступить в распоряжение начальника цзиньчжоуского жандармского отряда.

4. Начальнику харбинского жандармского отряда установить тесную связь с начальником отряда Исии и обеспечить на станции Харбин и в дальнейшем пути следования все меры предохранения от иностранной разведки и необходимые меры надзора.

5. Путевые расходы лиц, направляемых из отряда Хирано и из учебного отряда квантунской жандармерии, покрываются за счет штаба квантунской жандармерии.

6. В остальных вопросах руководствоваться оперативным приказом № 222 квантунской жандармерии.

*Начальник
квантунской
жандармерии
генерал-майор
Сирокура*

Приказ

ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ № 1 ЖАНДАРМСКОГО ОТРЯДА ХИРАНО

Приказ по отряду Хирано
Учебный отряд квантунской жандармерии
8 августа. 17 час. 00 мин.

1. Вторая „специальная перевозка“, проводимая на основании оперативного приказа квантунской жандармерии № 222, производится согласно параграфу 1 оперативного приказа квантунской жандармерии № 224.

Страница 47

2. Отряд Хирано обеспечивает вторую „специальную перевозку“ частью своих сил.

3. Фельдфебелю Инамура во главе 24 жандармов (поименованных в приложении) и одного унтер-офицера медицинской службы немедленно выехать из Синьцзина и по прибытии в Шанхайгуань поступить в распоряжение начальника цзиньчжоуского жандармского отряда.

До отправления в Шанхайгуань получить из штаба квантунской жандармерии средства для сопровождения арестованных (ножных кандалов — 81 шт.,

ручных кандалов — 52 шт., веревок для связывания при задержании — 40 шт., веревок для связывания при конвоировании — 25 шт.) и из мукденского жандармского отряда ручных кандалов — 30 шт. и веревок для связывания арестованных при конвоировании — 40 шт.

4. Снабжение в пути с пятидесятипроцентной надбавкой на основании табл. 5 временных правил довольствия в Маньчжурии производится за счет штаба квантунской жандармерии.

5. В остальных вопросах руководствоваться оперативным приказом квантунской жандармерии № 222.

*Начальник отряда
капитан
Хирано*

Перевела:

*старший переводчик,
кандидат исторических наук*

Подпись:

Подлалова

**Арх. дело № 140
Страницы 33, 49**

*Перевод
с японского*

**Подшивка материалов
по диверсионной войне**

**Из дел Муданьцзянской ЯВМ
по русскому белогвардейскому
отряду в Хандаохэцзы**

Совершенно секретно

Страница 33

**Второй отдел сухопутных сил
императорской ставки
20 января 1944 г.**

**Печать:
„Муданьцзянская
ЯВМ
Получено 20 февраля
1944 г. Вх. № 1008”**

Перепечатано Харбинской ЯВМ

ТАКТИКА РЕЙДОВОЙ ДИВЕРСИОННОЙ ВОЙНЫ

Страница 49

Глава 3

Проведение операции

83. При определении момента для проведения секретной операции следует учитывать положение объекта, условия подхода и время, необходимое для отхода по окончании операции. Кроме того, необходимо пользоваться наиболее слабыми местами в охране противника.

В качестве средств для уничтожения людского состава противника во время операции по секретному нападению используются химикалии, бактерии

или же подрывные средства с часовыми механизмами. Материальная часть разрушается в зависимости от ее вида взрывами с применением подрывных средств с часовыми механизмами, поджогами или другими средствами разрушения. Вместе с тем рекомендуется или одновременно с этими действиями, или особо искусно использовать диверсионную пропаганду в целях подрыва морального духа солдат противника. По окончании дела лучше не оставлять следов, по которым можно было бы определить, что операция произведена нашим диверсионным отрядом. Если это невозможно, необходимо добиться наибольшего эффекта в первой же операции.

Перевела:

*старший переводчик,
кандидат исторических наук*

Подпись:

Подпалова

Арх. дело № 830
Страницы 922, 925

*Перевод
с японского*

Подшивка оперативных приказов
за 1940 год

Из дел штаба квантунской
жандармерии

Совершенно секретно

Страница 922
Оперативный приказ
Квантунской армии
№ 398/1—КО

Штамп:

Хара*

Получено

Читали:

Начальник квантунской жандармерии
Такзүти (личная печать)

Начальник общего отдела
Кикүти (личная печать)

Начальник отдела
Хонда (личная печать)

Ответственный исполнитель
Канадзавва (личная печать)

Сотрудник-исполнитель
(печати нет)

Начальник отдела полицейской службы
Нагатоми (личная подпись)

Сотрудники, имеющие отношение к делу:
Цудзүки (личная печать)

Офицер из отдела полицейской службы
Кои (личная печать)

* Печать лица, отправившего документ.

**ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ
КВАНТУНСКОЙ АРМИИ**

**Синьцзин. Командование армии
2 декабря. 12 час 00 мин.**

1. Поименованные в отдельном приложении части формируются вновь и поступают в мое распоряжение.

(Пункты от 2 до 16 включительно в переводе опускаются. — *Перев.*)

Страница 925

17. Начальнику Управления водоснабжения и противоэпидемической службы Квантунской армии расположить следующие части в поименованных ниже пунктах:

Муданьцзянский филиал	— в Хайлине
Филиал в Линькоу	— в Линькоу
Филиал в Сунью	— в Сунью
Филиал в Хайларе	— в Хайларе.

*Командующий
Квантунской армией
генерал
Умэдзу*

Страница 925

Примечания переводчика:

1. Перед словами „Начальнику управления водоснабжения и противоэпидемической службы Квантунской армии” имеется надпись на полях карандашом: „Харбин, отряд Исии (отряд Камо)”.

2. Четыре перечисленных филиала заключены в скобку, перед которой сделана пометка красным карандашом: „Вновь сформированные”.

3. К документу подклеена записка, на которой написано чернилами следующее: „Сочтено необходимым, чтобы отряд Исии, находящийся в Харбине (Управление водоснабжения и противоэпидемической службы Квантунской армии, другое его название — отряд Камо), был как особая часть усилен и имел филиалы на местах. На этот раз филиалы созданы в четырех местах (прикомандировано 3 жандарма)”.

Перевела:

*старший переводчик,
кандидат исторических наук*

Подпись:

Подпалова

Арх. дело № 48
Страницы 90, 112, 113, 124, 125, 126

*Перевод
с японского*

Подшивка „Руководство
для оперативного сотрудника
(часть 1-я)“

Из дел Муданьцзянской ЯВМ

Совершенно секретно

Страница 90

Военно-исследовательский отдел
генерального штаба
Перепечатано частью № 471—МАНСЮ

Печать:
„Муданьцзянская
ЯВМ
Получено 14 июня
1945 г. Вх. № 9“

РУКОВОДСТВО ПО СЛУЖБЕ СЕКРЕТНОЙ ВОЙНЫ

Страница 112

Приложение

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДОПРОСА ВОЕННОПЛЕННЫХ

Страница 113

Общие положения

1. В настоящих положениях предусматриваются случаи производства допроса в целях сбора информации, но сюда не включается допрос преступников.

2. Лица, сдавшиеся в плен, перебежчики, захваченные шпионы противника, нарушители границы, экипажи самолетов, совершивших вынужденную посадку, или кораблей, вынужденно приставших к нашим берегам, бежавшие из плена лица, служившие ранее в нашей армии, население вновь оккупированных нами районов, а также бежавшие к нам мирные жители из сферы влияния противника допрашиваются, за исключением особых вопросов, применительно к методам ведения следствия и допроса военнопленных.

Страница 124

62. Иногда, в зависимости от обстановки, выгодно применять пытку, но нередко это может вызвать вредные последствия, и поэтому, прежде чем применять ее, необходимо тщательно взвесить, следует ли это делать или нет. Вместе с тем пытка должна производиться таким образом, чтобы это не имело для нас дурных последствий.

Страница 125

63. Пытка, причиняя физические страдания, должна поддерживаться и продолжаться таким образом, чтобы не было иных способов избавиться от страданий, кроме дачи правдивых показаний.

Пытка является выгодной с точки зрения скорости, с которой сравнительно легко можно заставить лиц со слабой силой воли дать правдивые показания, но при этом имеется опасность, что допрашиваемый, чтобы избежать страданий или стараясь угодить допрашивающему, наоборот, исказит истину.

У лиц с сильной волей пытка может усилить волю к сопротивлению и после допроса оставить озлобление против империи.

64 В отношении лиц со слабой силой воли пытка обычно применяется в тех случаях, когда даже при наличии улики допрашиваемый не говорит правду, но имеются полные основания полагать, что этот человек в случае применения пытки будет говорить откровенно.

65. Необходимо иметь в виду, что способы пытки должны быть такими, чтобы их было легко применять, чтобы можно было без чувства жалости поддерживать страдания и чтобы в результате их не оставалось ни ран, ни шрамов. Однако в тех случаях, когда необходимо вызвать чувство опасения за жизнь, можно не считаться с причинением допрашиваемому вреда, но необходимо делать это так, чтобы не лишиться возможности продолжать допрос.

Можно привести следующие примеры пыток:

1. Заставлять сидеть прямо и неподвижно.
2. Заложив между пальцами по карандашу недалеко от оснований пальцев, связать концы пальцев веревкой и шевелить их.
3. Положив допрашиваемого на спину (ноги рекомендуется положить немного выше), капать воду одновременно в нос и рот.
4. Положив допрашиваемого боком, топтать ему щиколотку.
5. Ставить под полку, находящуюся на такой высоте, чтобы под нею допрашиваемый не мог стоять прямо.

66. В том случае, если допрашиваемому случайно нанесено ранение, необходимо, учитывая общую обстановку и пользу родины, принимать решительные меры, беря за это на себя ответственность.

67. При получении показаний в результате применения пыток следует проверить, не являются ли эти показания результатом стремления избежать мучений и угодить допрашивающему; в этих случаях необходимы какие-либо подтверждения правдивости показаний.

Страница 126

68. После применения пытки необходимо убедить человека, подвергнутого пытке, в том, что применение к нему пытки было вполне естественной мерой, или же принять такие меры, чтобы он из чувства самолюбия, из чувства чести и т.п. не сказал об этом впоследствии. В отношении же лиц, от которых нельзя этого ожидать, принимать такие же меры, как указано в отношении случаев случайного нанесения ранений.

69. О применении пыток не должен знать никто, кроме лиц, имеющих к этому отношение. Ни в коем случае нельзя, чтобы об этом знали другие пленные. Очень важно принимать меры к тому, чтобы не были слышны крики.

Перевела:

*старший переводчик,
кандидат исторических наук*

Подпись:

Подпалова

ВЫПИСКА ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА
ДЛЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ТОКИО

От 29 августа 1946 г.

...Г-н Саттон*: *Обвинение далее предлагает в качестве доказательства документ № 1706. Это „Итоговый доклад о расследовании японских военных преступлений, совершенных в Нанкине“. Доклад составлен прокурором районного суда Нанкина.*

Председатель: *Принят на общих условиях.*

Секретарь суда: *Документ обвинения № 1706 будет помечен как экзибит № 327. (После чего экзибит обвинения № 327 был принят в качестве доказательства.)*

Г-н Саттон: *С разрешения суда я зачитаю только часть этого документа... „Подробности относительно других зверств.*

Подразделение противника „Тама“ отвозило захваченных гражданских лиц в медицинскую лабораторию, где на них испытывали действие отравленных сывороток. Это подразделение было одной из самых секретных организаций. Количество людей, убитых этим подразделением, нельзя точно установить“.

Председатель: *Не собираетесь ли вы дать нам еще какие-нибудь доказательства о так называемых лабораторных испытаниях на действие отравленных сывороток?*

Это что-то совершенно новое, мы об этом до сих пор не слыхали. Неужели вы собираетесь остановиться на этом?

Г-н Саттон: *В настоящее время мы не собираемся вносить дополнительные доказательства по этой теме...*

ВЫПИСКА ВЕРНА:

Заведующий Секретариатом Советской части
в Международном военном трибунале
для Дальнего Востока

Полковник юстиции

Подпись:

Н. Виноградов

*Примечание
автора*

Государственный обвинитель на Хабаровском процессе в своей речи кратко прокомментировал данный документ и подчеркнул, что американскому главному обвинителю передал письменные показания Кавасима и Карасава, но „по-видимому, какие-то влиятельные лица были заинтересованы в том, чтобы воспрепятствовать разоблачению чудовищных преступлений японской военщины, и документы о преступной деятельности отряда „Тама“ и отряда Исии Трибуналу не были представлены.

Полагаю, что следует дополнить этот комментарий.

* Один из американских обвинителей

На Хабаровском процессе было установлено, что нанкинский бактериологический отряд „Эй“ № 1644 (отряд „Тама“), который совместно с экспедицией отряда № 731 (отряд Исии) применял бактериологическое оружие против китайского народа, давнс готовил это злодеяние, испытывая действие бактериологических средств и отравленных сывороток на китайском мирном населении. 29 августа 1946 г. Международному военному трибуналу для Дальнего Востока в Токио был представлен доклад прокурора районного суда г. Нанкина.

Однако ни американский, ни гоминдановский обвинители не пожелали раскрыть правду и уклонились от дополнительного расследования, которого потребовал Трибунал. Из публикуемой выдержки из стенограммы читателю известна реплика председательствующего и ответ американского обвинителя Саттона. И действительно, ни в то время, ни позже американские обвинители не представили Трибуналу дополнительных доказательств, хотя возможность представить такие доказательства имелась: в сентябре советские обвинители передали Кинану показания Кавасима и Карасава.

Продержав у себя эти показания около четырех недель, Кинан категорически отказался представить их Трибуналу (а в тот момент только он был правомочен их представить) и заняться дальнейшим расследованием. Более того, Кинан поспешил заявить, что он якобы произвел какую-то проверку и факты не подтвердились.

Абсурдность этого заявления бесспорна: еще в январе 1946 года в американской прессе был опубликован доклад консультанта военного министерства США по вопросам бактериологической войны Джорджа Мерка, в котором говорилось об успехах Японии в этой области и о том, что действие различных видов бактериологического оружия было практически проверено в армейских испытательных станциях.

Кинан — человек, близкий Трумэну и генералу Макартуру, — не мог не знать этого. Чем же объяснить, что он пошел на явное укрывательство японских преступников и лгал о якобы произведенной проверке переданных ему материалов? Причина в том, что при рассмотрении дела в Трибунале вскрылось бы преступное соучастие Дугласа Макартура. Ведь именно он в 1945 году помог Исии Сиро и 18 японским специалистам-бактериологам выехать в США и вывести всю лабораторию подготовки смертоносного бактериологического оружия, включая препараты и культуры бактерий.

Материалы судебного разбирательства в Хабаровске

ИЗ ПРОТОКОЛА СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

25—30 декабря 1949 г.

Хабаровск

Военный трибунал Приморского военного округа в открытом судебном заседании в г. Хабаровске в составе:

Председательствующий:	генерал-майор юстиции Чертков Д. Д.
Члены:	полковник юстиции Ильницкий М. Л., подполковник юстиции Воробьев И. Г.,
запасной член суда:	подполковник юстиции Щербаков Т. П.

секретари: старший лейтенант
Коркин Н. А.
лейтенант
Варавко В. В.

с участием
представителя
государственного
обвинения государственного советника юстиции 3-го класса
Смирнова Л. Н.

адвокаты: Белов Н. П., защищавший подсудимого
Ямада,
Санников С. Е., защищавший подсудимого
Кадзицука,
Зверев А. В., защищавший подсудимого
Такахаси,
Боровик Н. К., защищавший подсудимого
Кавасима,
Богачев П. Я., защищавший подсудимого
Сато,
Лукьянцев В. П., защищавший подсудимых
Карасава и Оноуэ,
Болховитинов, защищавший подсудимых
Ниси и Хирадзакура,
Прокопенко Г. К., защищавший подсудимых
Митомо, Кикүти и Курусима,

РАССМОТРЕЛ ДЕЛО ПО ОБВИНЕНИЮ

Ямада Отодзо, Кадзицука Рюдзи, Такахаси Такаацу, Кавасима Киоши,
Ниси Тосихидэ, Карасава Томио, Оноуэ Масо, Сато Сюндзи,
Хирадзакура Дзэнсаку, Митомо Кадзуо, Кикүти Норимичу
и Курусима Юдзи.

В 12 час. дня 25 декабря председательствующий объявляет судебное заседание открытым.

Секретарь доложил, что все подсудимые, находившиеся до суда под стражей, в судебное заседание доставлены под конвоем и находятся в зале суда.

Председательствующий объясняет вызванным в суд переводчикам Перемякову, Киму, Цвинову, Байкову и Огородникову их обязанности в судебном процессе, затем предупреждает переводчиков об их ответственности по ст. 95 УК РСФСР за заведомо ложный перевод, о чем отбирает от них подписки.

Председательствующий удостоверяется в самоличности подсудимых, которые на заданные им вопросы ответили:

Ямада: *Обвинительное заключение мною получено.*
Кадзицука: *Обвинительное заключение мною получено.*
Такахаси: *Обвинительное заключение мною получено.*
Кавасима: *Обвинительное заключение мною получено.*
Ниси: *Обвинительное заключение мне вручено.*

- Карасава:** *Обвинительное заключение мною получено.*
- Оноуз:** *Обвинительное заключение мною получено.*
- Сато:** *Обвинительное заключение мною получено.*
- Хирадзакура:** *Обвинительное заключение мною получено.*
- Митомо:** *Обвинительное заключение мною получено.*
- Кикүти:** *Обвинительное заключение мною получено.*
- Курусима:** *Обвинительное заключение мною получено.*

Председательствующий объявляет состав суда, после чего опрашивает стороны, имеют ли они заявления об отводе состава суда и секретарей суда, на что представитель государственного обвинения, адвокаты и подсудимые заявили, что отвода составу суда и секретарям суда они не имеют.

Председательствующий опрашивает адвокатов и подсудимых, имеют ли они заявления об отводе государственного обвинителя, на что адвокаты и подсудимые заявили, что отвода государственному обвинителю они не имеют.

Председательствующий опрашивает стороны, имеют ли они заявления об отводе переводчиков, на что государственный обвинитель, адвокаты и подсудимые заявили, что отвода переводчикам они не имеют.

Секретарь доложил, что в судебное заседание вызывались и явились следующие свидетели: Тамура Тадаси, Одзэки Сигэо, Сасаки Косукэ, Сэгоси Кэнити, Куракадзу Сатору, Татибана Такэо, Фуруити Иосио, Канадзава Кадзухиса, Хотта Рёотиро, Минзёй Киюяси, Сайто Масатэру, Фукудзүми Мицүёси, Кувабара Акира, Сакурасита Киёси, Хатаки Акира, Мисина Такаюки.

Председательствующий удостоверяется в самоличности явившихся свидетелей, которые на заданные им вопросы ответили:

- Тамура:** *Тамура Тадаси, 1905 года рождения, полковник, начальник отдела кадров штаба Квантунской армии.*
- Одзэки:** *Одзэки Сигэо, 1921 года рождения, вольнонаемный отряда № 731 японской Квантунской армии.*
- Сасаки:** *Сасаки Косукэ, 1921 года рождения, старший ефрейтор, в японской армии занимал должность рядового.*
- Сэгоси:** *Сэгоси Кэнити, 1920 года рождения, поручик, фармацевт.*
- Куракадзу:** *Куракадзу Сатору, 1915 года рождения, фельдфебель, сотрудник харбинской жандармерии.*
- Татибана:** *Татибана Такэо, 1896 года рождения, полковник жандармской службы, советник по делам жандармерии правительства Маньчжоу-го.*
- Фуруити:** *Фуруити Ёсио, 1924 года рождения, курсант филиала отряда № 731 в г. Сунью.*
- Канадзава:** *Канадзава Кадзухиса, 1917 года рождения, капитан медицинской службы, начальник 1-го отдела филиала № 673 отряда № 731.*
- Хотта:** *Хотта Рёотиро, 1920 года рождения, подпоручик интендантской службы, сотрудник хайларского филиала отряда № 731.*
- Минзёй:** *Минзёй Киюяси, 1922 года рождения, вольнонаемный филиала № 643 отряда № 731.*
- Сайто:** *Сайто Масатэру, 1917 года рождения, вольнонаемный сотрудник филиала № 643 отряда № 731.*

- Фукудзуми:** *Фукудзуми Мицуюси, 1924 года рождения, подпоручик ветеринарной службы, врач отряда № 100.*
- Кувабара:** *Кувабара Акира, 1927 года рождения, вольнонаемный сотрудник отряда № 160.*
- Сакурасита:** *Сакурасита Киёси, 1921 года рождения, вольнонаемный сотрудник отряда № 100.*
- Хатаки:** *Хатаки Акира, 1924 года рождения, вольнонаемный сотрудник отряда № 100, позже поступил в армию и был рядовым стрелком.*
- Мисина:** *Мисина Такаюки, 1903 года рождения, полковник, начальник штаба 39-й дивизии.*

Председательствующий разъясняет свидетелям их обязанности в судебном процессе, затем предупреждает свидетелей об их ответственности по ст.ст. 92 и 95 УК РСФСР за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, о чем отбирает от них подписку, и дает указание коменданту суда об удалении свидетелей из зала суда.

Председательствующий объявляет, что в суд вызваны судебно-медицинские эксперты: действительный член Академии медицинских наук СССР Жуков-Вережников Н. Н., полковник медицинской службы Краснов В. Д., заведующий кафедрой микробиологии Хабаровского медицинского института, профессор Косарев Н. Н., доцент той же кафедры Ливкина Е. Г., подполковник ветеринарной службы Александров Н. А., паразитолог Козловская О. Л.

Председательствующий опрашивает стороны, имеют ли они заявления об отводе экспертов, на что государственный обвинитель, адвокаты и подсудимые заявили, что отвода экспертам они не имеют.

Председательствующий разъясняет экспертам их обязанности в судебном процессе, затем предупреждает экспертов об ответственности по ст. 95 УК РСФСР за дачу заведомо ложного заключения, о чем отбирает от них подписку.

Председательствующий опрашивает стороны, имеются ли у них ходатайства о вызове новых свидетелей и экспертов или об истребовании других доказательств и документов.

Государственный обвинитель и адвокаты заявили, что в данный момент у них подобного рода ходатайств нет, но они просят сохранить за ними право на заявление ходатайств в ходе судебного следствия.

Подсудимые заявили, что никаких ходатайств они не имеют.

Председательствующий разъясняет подсудимым, что в ходе судебного следствия они имеют право задавать вопросы свидетелям, экспертам, другим подсудимым и давать объяснения по существу дела.

В 13 час. объявлен перерыв на 15 мин.

В 13 час. 15 мин. судебное заседание продолжается.

Суд переходит к судебному следствию.

Председательствующий оглашает обвинительное заключение и определение подготовительного заседания Военного трибунала. Одновременно обвинительное заключение оглашается на японском языке по трансляции.

В 14 час. 50 мин. объявлен перерыв на 15 мин.

В 15 час. 05 мин. судебное заседание продолжается.

Председатель суда: *Подсудимый Ямада, понятно ли вам предъявленное обвинение?*

Подсудимый

Ямада: *Понятно.*

Вопрос: *Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?*

- Ответ: *Признаю.*
- Председатель суда: *Подсудимый Кадзицука, понятно ли вам предъявленное обвинение?*
- Подсудимый
Кадзицука: *Понятно.*
- Вопрос: *Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?*
- Ответ: *Признаю.*
- Председатель суда: *Подсудимый Кавасима, понятно ли вам предъявленное обвинение?*
- Подсудимый
Кавасима: *Понятно.*
- Вопрос: *Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?*
- Ответ: *Признаю.*
- Председатель суда: *Подсудимый Ниси, понятно ли вам предъявленное обвинение?*
- Подсудимый Ниси: *Понятно.*
- Вопрос: *Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?*
- Ответ: *Признаю.*
- Председатель суда: *Подсудимый Карасава, понятно ли вам предъявленное обвинение?*
- Подсудимый
Карасава: *Понятно.*
- Вопрос: *Признаете ли вы себя виновным в предъявленном обвинении?*
- Ответ: *Признаю.*
- Председатель суда: *Подсудимый Оноуз, понятно ли вам предъявленное обвинение?*
- Подсудимый Оноуз: *Понятно.*
- Вопрос: *Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?*
- Ответ: *Признаю.*
- Председатель суда: *Подсудимый Сато, понятно ли вам предъявленное обвинение?*
- Подсудимый Сато: *Понятно.*
- Вопрос: *Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?*
- Ответ: *Признаю.*
- Председатель суда: *Подсудимый Такахаси, понятно ли вам предъявленное обвинение?*
- Подсудимый
Такахаси: *Понятно.*
- Вопрос: *Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?*
- Ответ: *Признаю.*
- Председатель суда: *Подсудимый Хирадзакура, понятно ли вам предъявленное обвинение?*
- Подсудимый
Хирадзакура: *Понятно.*
- Вопрос: *Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?*
- Ответ: *Признаю.*
- Председатель суда: *Подсудимый Митомо, понятно ли вам предъявленное обвинение?*
- Подсудимый
Митомо: *Понятно.*

- Вопрос:** *Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?*
- Ответ:** *Признаю.*
- Председатель суда:** *Подсудимый Кикүти, понятно ли вам предъявленное обвинение?*
- Подсудимый Кикүти:** *Понятно.*
- Вопрос:** *Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?*
- Ответ:** *Признаю.*
- Председатель суда:** *Подсудимый Курусима, понятно ли вам предъявленное обвинение?*
- Подсудимый Курусима:** *Понятно.*
- Вопрос:** *Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?*
- Ответ:** *Признаю.*
- Председатель суда:** *Суд выслушает заявления сторон по вопросу о том, в каком порядке должно производиться исследование дела во время судебного следствия. Государственный обвинитель, какое Ваше мнение по этому вопросу?*
- Государственный обвинитель:** *В соответствии со ст. 281 УПК РСФСР я предлагаю следующий порядок судебного следствия. Начать с допроса подсудимых в следующей очередности: Кавасима Киоси, Карасава Томио, Ямада Отодзо, Ниси Тосихидэ, Кадзицука Рюдзи, Сато Сюдзи, Хирадзакура Дзэнсаку, Митомо Кадзуо, Такахаси Такаацу, Оноуэ Масао, Күкүти Норимицу, Курусима Юдзи.*
- Дальнейшее судебное следствие вести в следующем порядке. Допросить свидетелей Тамура и Фуруити, после этого поставить вопросы экспертам и затем допросить свидетелей: Татибана, Куракадзу, Хотта, Сэгоси, Сасаки, Одзэки, Канадзава, Минзэй, Сайто, Кувабара, Сакурасита, Фукудзүми, Хатаки, Мисина.*
- После этого заслушать заключение экспертов и произвести их допрос.*
- Председатель:** *Защита, каково ваше мнение по вопросу о порядке ведения судебного следствия?*
- Адвокат Белов:** *Защита не возражает против порядка ведения судебного следствия, предложенного прокурором, и считает его приемлемым.*

Порядок ведения судебного следствия, предложенный прокурором, переводится на японский язык.

У подсудимых нет возражений против предложенного порядка судебного следствия.

Военный трибунал, совещаясь на месте, определил: судебное следствие начать с допроса подсудимых в следующей очередности: Кавасима Киоси, Карасава Томио, Ямада Отодзо, Ниси Тосихидэ, Кадзицука Рюдзи, Сато Сюдзи, Хирадзакура Дзэнсаку, Митомо Кадзуо, Такахаси Такаацу, Оноуэ Масао, Кикүти Норимицу, Курусима Юдзи.

После допроса подсудимых допросить свидетелей: Тамура и Фуруити.

Затем поставить на разрешение экспертизы вопросы суда, государственного обвинителя, защиты и подсудимых, после чего допросить свидетелей: Татибана, Куракадзу, Хотта, Сэгоси, Сасаки, Одзэки, Канадзава, Минзэй, Сайто, Кувабара, Сакурасита, Фукудзүми, Хатаки, Мисина.

После этого заслушать заключение экспертизы и произвести допрос экспертов в установленном порядке.

Определение суда переводится на японский язык.

В 16 час. председательствующий объявляет перерыв до 19 час.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 29 ДЕКАБРЯ

Председатель суда: *Судебное следствие по делу объявляю законченным. Суд приступает к выслушиванию прений сторон.*

Речь государственного обвинителя и речи защитников для подсудимых будут транслироваться на японском языке.

Подсудимые могут слушать эти речи на японском языке.

Слово предоставляется государственному обвинителю — государственному советнику юстиции 3-го класса т. Смирнову Л. Н.

Государственный обвинитель произносит речь, которая прилагается к протоколу.

Речь транслируется одновременно на японском языке.

ИЗ РЕЧИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ — ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТНИКА ЮСТИЦИИ 3-ГО КЛАССА Л. Н. СМИРНОВА

Т о в а р и щ и с у д ь и !

Значение дела, которое в течение этих дней столь тщательно исследовалось вами, далеко выходит за пределы установления личной вины и определения степени ответственности преступников, сидящих на скамье подсудимых.

Бесспорно, что единая цепь тягчайших преступлений против мира и человечества связывает бывшего командующего японской Квантунской армией генерала Ямада с исполнителями злодейских предначертаний японских милитаристов — бактериологами из специальных секретных формирований Квантунской армии.

Но, как было установлено на судебном следствии, эта цепь не обрывается на скамье подсудимых.

Бактериологическая война планировалась и готовилась преступным японским империализмом как часть общего заговора агрессии против миролюбивых народов.

В течение многих лет империалистическая Япония была главным очагом агрессии на Дальнем Востоке.

На закончившемся в 1948 году международном процессе главных японских военных преступников в Токио со всей очевидностью было установлено, что Япония на протяжении многих лет готовилась напасть на Советский Союз. В Приговоре Международного военного трибунала записано:

„Трибунал считает, что агрессивная война против СССР предусматривалась и планировалась Японией в течение рассматриваемого периода (т.е. с 1928 года); что она была одним из основных элементов японской национальной политики и что ее целью был захват территорий СССР на Дальнем Востоке“.

Подстрекаемые сросшимися с военно-феодальной верхушкой страны крупнейшими японскими монополистическими объединениями, так называемыми „дзайбацу“, японские империалисты заранее включили советский Дальний Восток и даже „Сибирь до Урала“ в состав так называемой „сферы процветания великой Восточной Азии“.

Однако одно дело „планировать“ агрессию против СССР в кабинетах генерального шта-

ба, лабораториях императорского института тотальной войны или специальных комитетах пресловутого „исследовательского общества“ японских империалистов, так называемого „Кокусаку кэнкю кай“, другое дело осуществить эту агрессию на практике.

Много раз японский генеральный штаб составлял и пересоставлял агрессивные планы войны с Советским Союзом, и, конечно, не миролюбием японских генералов и не гуманностью готовых на любое преступление ради лишнего процента прибылей японских дзайбацу нужно объяснить то, что эти планы откладывались исполнением.

Вторжение в Маньчжурию и оккупация ее в 1931 году означали новый этап развития японской агрессии. Для японских империалистов военная оккупация не была самоцелью, она должна была подготовить новые территориальные захваты и новые акты агрессии. Маньчжурия имела для них значение важнейшего плацдарма для нападения на Советский Союз и для вторжения в Китай.

Вот почему, захватив Маньчжурию, они с первых же дней установления своего господства в этой стране стали готовить ее как плацдарм для нападения на нашу Родину.

В Маньчжурии была сконцентрирована основная ударная сила японского империализма — Квантунская армия. В Маньчжурию направлялась новейшая военная техника, создаваемая японской промышленностью. Оккупированная страна покрывалась густой сетью аэродромов и стратегических дорог. И, как известно суду, именно в Маньчжурии были развернуты секретные формирования японской армии, готовившие бактериологическую войну — тайное оружие японского империализма.

Вместе с гитлеровскими людоедами японские империалисты мечтали об установлении господства над миром. Для достижения этой цели они готовились применить наиболее мучительные и бесчеловечные средства массового истребления людей. Они хотели утвердить свое господство на развалинах человеческой цивилизации. В этом преступном заговоре против мира и человечества, каким являлся союз гитлеровской Германии и империалистической Японии, бактериологическая война была одним из средств заранее планируемого истребления одной

части населения мира для полного порабощения другой.

Судебный процесс показал, что японские милитаристы самым деятельным образом готовились к бактериологической войне, изыскивая наиболее эффективные средства этой войны и способы их применения.

Готовя бактериологическую войну, японский империализм создал мощное бактериологическое оборудование. Так же как и гитлеровцы, японские милитаристы использовали новейшую технику, призванную служить прогрессу человечества, для целей мучительного человекоистребления.

В акте судебно-медицинской экспертизы особо отмечено: *„Необходимо подчеркнуть, что некоторые возбудители из числа применявшихся отрядами в естественной обстановке обладают способностью образовывать более или менее стойкие очаги заразных болезней, которые были ликвидированы или ограничены прогрессом науки и которые обвиняемые пытались вновь искусственно насаждать“.*

Так пытались вернуть человечество ко временам моровой язвы, к губительным эпидемиям холеры и чумы, к наиболее мрачным периодам средневековья злодеи, часть которых посажена на скамью подсудимых.

В 20 км от Харбина находятся разрушенные взрывами и пожаром строения большого военного городка. Как это установлено на предварительном следствии и на суде, там помещалось специальное бактериологическое формирование Квантунской армии — отряд № 731, или „отряд Исии“, — в течение ряда лет планомерно готовившее бактериологическую войну, начиная от выбора смертоносных инфекций, испытания их на тысячах беззащитных жертв и разработки методов культивирования бактерий, кончая массовым производством всего необходимого для ведения в громадных масштабах агрессивной бактериологической войны.

Мы знаем, что бывший командующий Квантунской армией, ныне подсудимый на этом процессе генерал Ямада, считал отряд Исии находившимся в боевой готовности и способным выполнить любые задания. Мы знаем также, что означала эта „боевая готовность“ отряда Исии.

Из показаний Ямада видно, что японским генеральным штабом были утверждены три основных метода применения бактерий для целей войны: распыление бактерий с боевых самолетов, сбрасывание с самолетов специальных бактериологических бомб и наземное заражение населенных пунктов, водоемов, пастбищ и т. д. по методу бактериологических диверсий.

Сама природа бактериологического оружия такова, что пределы его действия не ограничиваются линией фронта, вооруженными силами противника или даже территорией подвергшейся нападению страны. Развязываемая японскими империалистами бактериологическая война принесла бы неисчислимые бедствия не только населению страны, подвергшейся нападению, но и народам нейтральных стран. Это входило в злодейские планы японских военных преступников, для которых нейтральные государства должны были являться объектами новых актов агрессии.

Так, мечтая о мировом господстве, о „великой Восточной Азии“ под гегемонией Японии, правящая клика империалистической Японии готовилась обратить против человечества злейших его врагов — невидимый мир наиболее опасных бактерий. Ради достижения этих преступных экспансионистских целей в специальных камерах выращивались сотни миллионов блох, которые должны были быть заражены чумой и, помещенные в специальные бомбы или развешенные с самолета, служить переносчиками инфекции. Ради этой преступной цели устанавливалось мощное специальное оборудование и четвертый отдел отряда №731 в течение одного „производственного“ цикла вырабатывал десятки килограммов бактерий — миллионы миллиардов микробов, которые должны были заразить водоемы и пастбища, быть сброшены на города и села и привести к гибели тысяч и тысяч мирных людей.

Ради этой преступной цели обрекались на мучительную гибель китайские патриоты и советские люди, закованные в кандалы и беззащитные в руках злодеев-экспериментаторов, мучительно умерщвляемые во внутренней тюрьме отряда Исии.

Ради этой преступной цели умерщвлялись китайские женщины и дети, зараженные

холерой и чумой во время экспедиций отряда Исии в Китай.

Начиная с 1940 года отряд Исии проводил бактериологические атаки против китайских войск. Во время этих нападений исследовались все виды бактериологического оружия, в том числе рассеивание чумных блох с самолетов, бактериальный дождь, заражение водоемов, пищи, населенных пунктов методом диверсий.

Систематически готовилась бактериологическая война против Монгольской Народной Республики.

Подсудимый Ямада подтвердил на судебном следствии, что японская армия намеревалась обрушить град смертоносных бактерий на народы других государств, в частности на народы и армии, находившиеся в состоянии войны с Японией, — США и Великобританию.

Об этом свидетельствуют также другие представленные суду доказательства. В апреле 1945 года генерал Исии, получивший секретные указания японского генерального штаба об активизации подготовки бактериологического оружия, прямо говорил на оперативном совещании руководящего офицерского состава отряда № 731 о неизбежности бактериологической войны против США и Великобритании.

Анализируя положение в районе Южных морей, Исии называл дату начала бактериологической войны — 1945 год. Он заявил тогда: „Нам придется применить последние средства, в том числе и бактериологическое оружие, для того чтобы добиться перелома в пользу Японии“.

Материалами судебного следствия установлено, что наибольшее внимание бактериологи из отряда Исии уделяли преступным экспериментам с возбудителями инфекций сибирской язвы, холеры и в особенности чумы.

Давая показания суду, подсудимый Ямада заявил, что после инспекторского осмотра отряда Исии ему особенно запомнились мощное оборудование для производства бактерий и специальные ящики с содержавшимися в них, как говорит сам Ямада, „в огромном количестве“ живыми блохами, которые после заражения их должны

были бы использованы для возбуждения эпидемии чумы.

Вряд ли мы можем, однако, поверить заявлению Ямада о том, что „колоссальные возможности“ отряда в области подготовки бактериологической войны стали ему впервые ясны и так поразили его только после личного инспекторского смотра отряда Исии.

Из показаний самого Ямада видно, что непосредственно после назначения на должность командующего Квантунской армией он нашел в числе других наиболее секретных документов, хранившихся в личном сейфе его предшественника, ныне осужденного Международным военным трибуналом главного японского военного преступника генерала Умэдзу, чертеж и описание бактериологической бомбы „системы Исии“, наполняемой чумными блохами. Этот тип бомбы был утвержден генералом Умэдзу, и Ямада согласился с мнением своего предшественника. При посещении отряда Исии Ямада лично осмотрел образцы этих бомб.

Бесспорно установлено, однако, что после личного посещения отряда № 731 Ямада согласился с давно развиваемыми Исии преступными планами использования для бактериологической войны чумноносящих блох.

Этого не отрицает сам Ямада, заявляя: „При мне был окончательно усовершенствован способ применения блох, зараженных чумой, путем рассеивания их с самолетов с помощью специальных приспособлений и сбрасывания специальных бомб“.

Вся деятельность отряда Исии и других бактериологических формирований японской армии является доказательством поистине чудовищного заговора японских империалистов против мира и человечества, заговора, который предусматривал применение смертоносного оружия бактериологической войны.

Вы слышали во время судебного следствия показания бывшего курсанта отряда № 731 Фуруити Есио, лично раздавшего во время экспедиции отряда Исии в Китай голодным китайским военнопленным три тысячи булочек, которые он перед этим заразил бактериями брюшного тифа.

В отряде Исии готовились непосредственные исполнители бактериологических диверсий и участники бактериологических атак, люди, обученные убивать расчетливо, хладнокровно и безнаказанно.

Таково было основное секретное бактериологическое формирование японской армии — отряд генерала Исии.

Ряд показаний характеризует отряд № 731 как основной центр подготовки бактериологической войны.

В соответствии с указаниями японского генерального штаба штабом Квантунской армии было принято решение — при возникновении войны с Советским Союзом бомбить авиационными снарядами, зараженными чумными блохами, дальневосточные советские города и производить заражение советских тыловых районов путем распыления с самолетов.

Автор этого преступного и бесчеловечного плана — бывший начальник оперативно-стратегического отдела штаба Квантунской армии генерал Мацумура показал:

„На случай войны с Советским Союзом бактериологическое оружие должно быть применено в районе городов Ворошилова, Хабаровска, Благовещенска и Читы“.

Товарищи судьи!

С чувством глубокой скорби о мучительно умерщвленных японскими извергами людях я перехожу к анализу тех окруженных до недавнего прошлого глубокой тайной чудовищных преступлений, которые совершались в отряде Исии при производстве бесчеловечных опытов над живыми людьми.

На судебном заседании эта сторона дела была исследована с максимальной полнотой.

Медленное, мучительное умерщвление тысяч живых людей, переданных японскими жандармами на растерзание злодеям-экспериментаторам, полностью доказано не только показаниями подсудимых и свидетелей, но и подлинными документами, извлеченными из захваченных войсками Советской Армии архивов японской жандармерии.

Мы знаем детали и порядок производившихся в отряде Исии опытов над людьми, так же как никаких сомнений не оставляет и тот факт, что ни один из тех несчастных,

которые были отправлены в отряд Исии в порядке так называемых „токуи ацукаи“ — „особых отправок“, не вышел оттуда живым.

Из внутренней тюрьмы отряда, начальником которой являлся родной брат Исии — Сиро, заключенные туда люди попадали после произведенных над ними экспериментов только в печь крематория.

Японская жандармерия отправляла для уничтожения в тюрьму отряда Исии людей различных национальностей, пола, возраста. Среди них были старики и юноши, мужчины, женщины и даже дети.

Жизнь некоторых из них обрывалась через несколько дней после поступления в отряд. Мучительное существование других тянулось многие месяцы.

Эти люди, схваченные японской жандармерией и отданные на произвол экспериментаторов, подвергались невероятным физическим страданиям и непрерывно находились под страхом смерти. Из захваченных Советской Армией документов японской жандармерии нам известны имена некоторых жертв.

Мы не знаем, однако, имен большинства жертв. Попадавшие в тюрьму отряда Исии люди теряли имя. Им присваивали номер, остававшийся за ними до смерти. Когда после произведенных над ним опытов человек умирал, писарь первого отдела вычеркивал номер из учетной карточки, тело умерщвленного сжигалось в печи крематория, и в снятые с него кандалы заковывалась очередная жертва.

Невозможно представить себе более циничный и бесчеловечный документ, чем имеющаяся в распоряжении суда совершенно секретная инструкция штаба квантунской жандармерии от 12 марта 1943 г. о контингенте лиц, подлежащих уничтожению в порядке „особых отправок“ в отряде Исии. Согласно этой инструкции, могли подвергнуться уничтожению не только все лица „просоветски или антияпонски настроенные“, но и вообще все лица, заподозренные японской жандармерией в антиправительственной деятельности или настроенных, даже в тех случаях, когда, как говорится в инструкции, „состав преступления дает основание предполагать, что при передаче

дела в суд лицо будет оправдано или осуждено на короткий срок“.

Уничтожению в порядке „особых отправок“ подлежали не только сами заподозренные в антияпонской деятельности, но, как гласила инструкция, „единомышленники лиц, попадающих под категорию „спецотправки“ („токуи ацукаи“)… если, несмотря на незначительность преступления, освобождение их нежелательно“. Уничтожению по этой инструкции подлежали также попавшие в руки жандармерии лучшие, передовые люди, которые были обозначены в инструкции особой графой — „идейные преступники, связанные с национальным и коммунистическим движением“.

В „примечании“ к инструкции подчеркивалось, что начальники жандармских отрядов „с полной решимостью“ могут ходатайствовать перед начальником квантунской жандармерии о применении „спецотправки“ („токуи ацукаи“) ко всем перечисленным в инструкции категориям арестованных.

Из этой инструкции видно, что в отряде Исии уничтожались не только лица, активно боровшиеся против японского гнета, но даже и те заподозренные, дела в отношении которых не могли быть направлены в японский суд ввиду полной недоказанности какой-либо их вины.

Обреченных на смерть людей направляли в отряд Исии не только органы японской жандармерии, но и так называемые „японские военные миссии“ — разведывательные органы японской армии.

На судебном следствии было установлено, в частности, что в Харбине при центральной японской военной миссии существовал специальный лагерь для русских, называемый „Хогоин“, из которого систематически отправлялись в отряд № 731 для истребления многие десятки русских людей. Это были люди, не желавшие выполнять требований японских разведывательных органов — вести враждебную работу против СССР. Это были люди, настроенные антияпонски, но судить их было не за что, так как даже по японским законам они не совершили никаких преступлений, за которые их можно было бы наказать по суду. Судьбой этих людей полностью распоряжался начальник лагеря „Хогоин“ Иидзима и его заместитель

Ямагиси, простой записки которых было достаточно для того, чтобы схватить намеренную жертву и отправить ее в отряд № 731, откуда не было возврата.

Суду представлены доказательства того, что на протяжении всех лет, в течение которых существовала тюрьма отряда № 731, в нее доставлялись обрекаемые на смерть русские женщины и китайки, схваченные японскими военными миссиями и жандармерией.

Число жертв, уничтоженных японскими бактериологами во время производства преступных экспериментов, было огромно. По показаниям подсудимого Кавасима, который никак не заинтересован в том, чтобы преувеличить количество погибших, только в отряде № 731 ежегодно истреблялось до 600 человек, а с 1940 года по день капитуляции японской армии было лишено жизни не менее 3000 человек. Представленные суду доказательства, и в частности данные о произведенных в отряде за эти годы экспериментах, свидетельствуют о том, что названное подсудимым Кавасима число жертв является самым минимальным.

Таким образом, массовое уничтожение живых людей, совершавшееся в отряде Исии, полностью доказано материалами дела.

Доказано, что преступные опыты на живых людях производились в отряде № 731 как в так называемых „лабораторных условиях“, т. е. во внутренней тюрьме и в прилегающих к ней лабораториях, так и на специальном бактериологическом полигоне отряда близ станции Аньда.

Доказано, что в отряде № 731 производились на живых людях бесчеловечные эксперименты, не только связанные с подготовкой бактериологической войны, но и другие, не менее бесчеловечные и мучительные опыты, которые не были непосредственно связаны с подготовкой бактериологической войны, но тем не менее велись в широких масштабах. Эти опыты преследовали цели изучения пределов выносливости организма человека в определенных условиях, изучения отдельных вопросов профилактики и лечения неинфекционных заболеваний, которые могли интересовать только специальные отделы или санитарное управление штаба японской Квантунской армии.

Для производства подобных опытов над живыми людьми отряд № 731 имел барокамеру, в которой выяснялись пределы выносливости организма человека на больших высотах. Таким образом экспериментаторы из отряда Исии производили те же опыты зловещего эзэсовского экспериментатора — доктора Рашера, которые Нюрнбергский международный трибунал по справедливости отнес к числу наиболее жестоких и бесчеловечных экспериментов над живыми людьми, совершавшихся гитлеровскими злодеями.

Помещаемый в барокамеру человек умирал медленной смертью, в невероятных мучениях.

Готовясь к войне с Советским Союзом в зимних условиях, японские врачи ставили жестокие опыты по обмораживанию весьма широко. Для них строилось специальное помещение, в котором низкие температуры и подачи ледящего ветра должны были создаваться искусственно.

Все эти опыты не имели прямого отношения к подготовке бактериологических атак, но они должны быть отнесены к числу наиболее жестоких и преступных экспериментов на живых людях.

Только лишенные чести, пресмыкающиеся перед японским империализмом, морально растленные человеконенавистники могли совершать эти противные природе человека преступления. В отряде Исии поступившие туда для уничтожения люди не считались людьми. С кощунственным глумлением для них было создано особое условное название „бревна“.

Я перехожу к доказательствам, представленным суду в подтверждение того, что уже к 1939 году бактериологические формирования японской армии вышли из области исследования бактериологического оружия, из области лабораторных и полигонных испытаний этого оружия над людьми и встали на путь практического применения созданного ими оружия в боевых действиях, которые в то время вела японская армия на разных театрах войны.

Из показаний подсудимого Ниси видно, что впервые диверсионные группы отряда Исии, так называемый „отряд смертников“, под командованием одного из наиболее жесто-

ких экспериментаторов над людьми и участника почти всех бактериологических атак, подполковника Икари, применили в боевой обстановке оружие бактериологической войны против советско-монгольских войск. Это было в 1939 году, во время вероломного нападения Японии на Монгольскую Народную Республику в районе реки Халхин-Гол. При отступлении японских войск „отряд смертников“, давший особое обязательство и скрепивший его иероглифами, написанными кровью (Ниси лично видел это обязательство при приемке дел), отступая последним после разгрома японских войск, заразил воды реки Халхин-Гол бактериями острокишечных заболеваний. За этот преступный „подвиг“ командовавший японскими войсками под Халхин-Голом, жестоко битый советско-монгольскими войсками и сам еле унесший ноги японский генерал Огису Риппо наградил отряд Исии похвальной грамотой и ходатайствовал о производстве Икари в полковники.

Однако бактериологическая атака против советско-монгольских войск, совершенная так называемыми смертниками Икари, привыкшими безнаказанно умерщвлять беззащитных людей в лабораториях отряда, была только началом широкого применения бактериологического оружия в военной обстановке, к которому с 1940 года перешел отряд Исии.

Во время бактериологических нападений на мирное китайское население были широко применены те виды бактериологического оружия, которые, по мнению японских военных преступников, являлись основными в планируемой ими бактериологической войне. В частности, особенно широко были применены во время этих бактериологических атак зараженные чумой блохи, сбрасываемые с самолетов с помощью особых приспособлений.

Международному военному трибуналу в Токио был представлен отчет прокурора нанкинского городского суда, в котором особо отмечалось, что отряд „Тама“ — одно из наиболее секретных учреждений японской армии, систематически производивших злое деяние эксперименты над живыми людьми, делая им прививки отравленными сыворотками. В отчете указывалось, что количество жертв отряда не поддается исчислению.

Это сообщение о зверствах японских захватчиков привлекло внимание Международного военного трибунала, который попросил американское обвинение, представлявшее на токийском процессе интересы гоминдановского Китая, представить более подробные доказательства преступной деятельности отряда „Тама“.

Вскоре после этого советское обвинение в Международном военном трибунале передало американскому главному обвинителю Джозефу Б. Кинану письменные показания Кавасима и Карасава, с достаточной полнотой раскрывавшие преступления японской правящей клики по производству злодейских опытов над живыми людьми при испытании бактериологического оружия.

Но, по-видимому, какие-то влиятельные лица были заинтересованы в том, чтобы воспрепятствовать разоблачению чудовищных преступлений японской военщины, и документы о деятельности отряда „Тама“ и об аналогичных опытах, производившихся в отряде Исии, Трибуналу не были представлены.

Между тем факт участия отряда „Эй“ 1644 в экспедиции 1942 года полностью установлен показаниями бывшего начальника этого отряда — подсудимого Сато, подсудимых Кавасима и Карасава, показаниями бывшего полковника японской армии Мисина и рядом других доказательств.

После окончания экспедиции 1942 года в Китай генерал Исии сделал официальное заявление на оперативном совещании руководящего состава отряда о том, что применение бактериологического оружия в Чжеганском районе дало значительные результаты и вызвало ряд эпидемий тяжких инфекционных заболеваний. Это заявление Исии соответствовало действительности, что видно, в частности, из захваченных в свое время японской 13-й армией документов китайского командования, в которых говорилось о вспышке чумы, вызванной японцами на оставленной ими территории.

Перехожу к анализу доказательств, устанавливающих личную ответственность каждого из подсудимых.

Я считаю, что в результате судебного следствия полностью установлена виновность всех преданных суду преступников. Все они — от бывшего главнокомандующего

японской Квантунской армией подсудимого Ямада до лаборанта отряда № 100 Мито-мо, — но, конечно, в разной степени, активно участвовали в подготовке бактериологической войны, знали о страшных последствиях этой войны и понимали преступность своих действий.

Большинство из них были активными участниками или инициаторами преступных опытов над живыми людьми. Никакая ссылка на приказ вышестоящего начальника или на положение военнослужащего не может служить оправданием тех тягчайших преступлений, которые были совершены ими и полностью доказаны перед судом.

Еще несколько лет назад преступники были уверены в безнаказанности и, пользуясь ею, они свирепо глумились над беззащитными жертвами. В штабных кабинетах и в спрятанных от мира секретных лабораториях они вынашивали злодейские планы мучительного умерщвления миллионов людей. В ожидании начала бактериологической войны они проверяли смертоносное действие бактерий на мирных китайских женщинах и детях, на тысячах беззащитных людей, переданных в их руки безжалостной жан-дармской машиной.

Они не думали тогда о часе расплаты.

Сейчас, схваченные рукой правосудия и посаженные на скамью подсудимых, они пытаются трусливо оправдываться. Некоторые из них, в том числе даже такие, как главный преступник на этом процессе, который по справедливости должен быть отнесен к числу главных японских военных преступников — подсудимый Ямада, делают вид, что они потрясены услышанным на суде.

Жестокие человеконенавистники пытаются ныне принять вид людей, догадывавшихся о преступлениях, но не вполне осведомленных о них, или замаскироваться под слепых исполнителей приказа, не размышлявших о его преступном характере.

Но никого не смогут обмануть эти трусливые полупризнания пойманных и изобличенных злодеев.

Товарищи судьи! Ужасны и отвратительны преступления, совершенные злодеями, посаженными на скамью подсудимых.

Те злодеяния, которые совершались этими

человеконенавистниками из секретных бактериологических формирований японской армии, воистину не имеют себе равных.

Определяя ответственность преданных суду преступников, мы должны учитывать не только уже содеянные ими преступления, уже совершенные и законченные. Несмотря на всю чудовищность этих преступлений, мы ни на одну минуту не можем забывать о том, что они служили целям подготовки новых, еще более чудовищных злодеяний. Мучительные убийства тысяч людей должны были подготовить убийства миллионов.

Безжалостные опыты над живыми людьми должны были предшествовать эпидемиям черной оспы и холеры.

По замыслам японских империалистов, бактериологическое оружие должно было принести неисчислимые бедствия и страдания всему миролюбивому человечеству, повлечь истребление миллионов людей и опустошение необозримых пространств.

Вот почему, решая судьбу преступников, суд должен иметь в виду конечные цели этого преступного заговора против мира и человечества, во имя которых готовилось оружие бактериологической войны.

Ваш приговор должен не только сурово и справедливо покарать преданных суду преступников и заклеить злодеяния японских агрессоров.

Этот приговор должен прозвучать как грозное предостережение для поджигателей новой мировой войны, таких же безжалостных и жестоких человеконенавистников, как и те, преступления которых будут осуждены вами.

Пусть помнят все замышляющие новые злодеяния против человечества и готовящие новые средства массового человекоистребления, что мир не забыл уроков второй мировой войны.

На страже мира и безопасности стоят миллионы простых людей, могучий фронт демократических сил, возглавляемый великим Советским Союзом.

Это могучая и всепобеждающая сила, которая сумеет остановить и сурово покарать любых поджигателей новой войны.

Грозным напоминанием об этом пусть прозвучит ваш приговор, товарищи судьи!

РЕЧИ ЗАЩИТНИКОВ

В утреннем заседании 30 декабря начались выступления адвокатов.

Задача адвокатов на этом судебном процессе была не из легких: там не было места каким-либо прениям относительно фактов и доказательств, какие обычно бывают в суде. И свидетельские показания, и имеющиеся в деле подлинные японские документы из захваченного Советской Армией в Маньчжурии секретного архива квантунской жандармерии, и детальные объяснения подсудимых в совокупности своей подтвердили фактическую сторону обвинения, вмененного подсудимым. Однако адвокат в Советском Союзе обязан использовать все указанные в законе средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность, и оказывать обвиняемому необходимую юридическую помощь.

Первым выступил адвокат **Н. П. Белов**, защитник бывшего главнокомандующего бывшей японской Квантунской армией — генерала **Ямада**. Это была весьма оригинальная по форме и тщательно продуманная по содержанию защитительная речь.

Адвокат начал с объяснения тактики защиты на Хабаровском процессе, того факта, почему адвокаты задавали подсудимым мало вопросов. „*Это явилось логическим следствием того, — сказал защитник, — что обвинение было подтверждено показаниями подсудимых и свидетелей, а также общенными к делу документами*“.

Н. П. Белов формулирует свою позицию в отношении подзащитного Ямада, четко разграничивает защиту подсудимого от смягчения опасности совершенного им преступления.

„Разумеется, я не собираюсь защищать те поистине исключительные по своей тяжести преступления, о которых так подробно, оперируя фактами и документами, говорил в своей речи государственный обвинитель.

Тяжка вина моего подзащитного перед законом, а также перед разумом и совестью тех народов, над сынами и дочерью кото-

рых он вместе с другими применял бактериологическое оружие, но есть и ряд моментов и обстоятельств, которые объясняют его вину и которые во имя правосудия должны быть учтены вами, товарищи судьи, при вынесении приговора. Я хочу сказать о том, под влиянием каких именно факторов формировались разум, воля, характер и моральный облик моего подзащитного Ямада, которому теперь уже около 70 лет.

Позвольте мне, товарищи судьи, просить вас вспомнить, что, как это видно из материалов дела, мой подзащитный Ямада родился в 1881 году. Величайший мыслитель Карл Маркс о Японии того времени писал:

„Япония с ее чисто феодальной организацией землевладения и с ее широко развитым мелкокрестьянским хозяйством дает гораздо более верную картину европейского средневековья, чем все наши исторические книги, проникнутые по большей части буржуазными предрассудками“.

Именно средневековьем с его господством грубой силы, произвола, с его политическим бесправием, темнотой и заботостью народных масс, владычеством церкви, преследованием науки, зверскими расправами с передовыми людьми того времени, — именно так охарактеризовал основоположник научного коммунизма ту историческую среду и условия общественного бытия, в которой родился и провел свои ранние годы Ямада“.

Далее адвокат привел краткий исторический обзор становления и развития империалистических японских монополий, неограниченной власти императора, агрессивных войн японских милитаристов, которые в течение полувека вела Япония в Китае и Маньчжурии. Японский император Хирохито назвал вторую мировую войну „священной войной Японии“, хотя все знали, что ее подготовили империалистические монополии, известные под названием дзайбацу, и велась она в интересах этих монополий. За пятилетний период, предшествовавший войне, капиталы дзайбацу удвоились, а за

пять лет войны увеличились в 10 раз. 360 новых громадных заводов питали гигантскую и весьма выгодную для монополий „человеческую мясорубку“. Они выбрасывали на поля сражений пушки, снаряды, бомбы, самолеты. Это по воле дзайбацу, готовилось и применялось бактериологическое оружие.

Именно они, наиболее хищнические и разбойничьи японские империалисты, понимая невозможность ведения войны без мобилизации широких масс населения, установили государственную систему отравления сознания японского народа ядом воинствующего национализма и шовинизма. Для воспитания военнотружущих и всего народа в воинственно-агрессивном духе широко культивировалось внедрение так называемого „самурайского духа“, под которым разумелся дух превосходства японцев как особой, избранной свыше нации, дух презрения и безграничной жестокости к врагу, как существу низшему, „варвару“.

„Подсудимый Ямада был одним из многих исполнителей злодейских преступлений японского империализма“, — подчеркивает адвокат.

Защитник неоднократно возвращается к историческим условиям, настойчиво акцентируя внимание суда на этом обстоятельстве и не только в отношении своего подзащитного, но и других подсудимых, которые, являясь преступниками против человечества, сами стали жертвами японского империализма.

„Нашему, советскому, правосудию присуща подлинная справедливость, во имя которой я и прошу Военный трибунал, — сказал в заключение Н. П. Белов, — при вынесении приговора моему подзащитному учесть его подлинную, а не кажущуюся роль в преступлениях японских империалистов. Ямада достоин не только осуждения, но и сожаления. При вынесении приговора прошу учесть и то, что Ямада нашел в себе силу и мужество как на предварительном следствии, так и в судебном заседании полностью признать свою вину. Он осознал глубину своего падения. Не выгораживая и не щадя самого себя, он подробно осветил как свою преступную деятельность, так и еще более преступную деятельность других вдохновителей и организаторов преступлений,

установленных данным судебным процессом“.

Вторым выступил адвокат Н. К. Боровик в защиту Кавасима Киоси.

Он начал свое выступление с заявления, что тяжесть совершенных преступлений сидящих на скамье подсудимых велика, но в силу закона он, как и другие защитники, призван донести до Трибунала все то, что смягчает вину подсудимых.

Прежде чем перейти к защите подсудимого Кавасима, Н. К. Боровик счел необходимым обратить внимание суда на то, что в этом, как и в любом другом, деле, где скамью подсудимых занимает не один, а несколько обвиняемых, особенно сложным является определение роли и степени участия каждого подсудимого в отдельности, определение ответственности каждого из обвиняемых в совершении преступления. По этой причине он начал свою защитительную речь с определения роли и места Кавасима Киоси в данном деле.

Анализируя материалы дела, адвокат считает, что вина его подзащитного доказана, да и сам Кавасима с первых дней предварительного расследования полностью признал себя виновным, однако его роль и степень участия отличны от роли других сообвиняемых, и особенно она отличается от роли тех главных военных преступников, которые уклонились от ответственности, несмотря на тяжесть совершенных преступлений.

Когда по секретному указу императора в Японии в 1936 году была создана фабрика смерти на станции Пинфань, Кавасима занимал скромную должность помощника начальника санитарного управления одной токийской дивизии. Когда отряд № 731 развернул свою деятельность по производству бактериологического оружия, строил аэродромы, полигоны, тюрьму, печи-крематории, подполковник медицинской службы Кавасима состоял преподавателем гигиены на подготовительном отделении Токийского военного училища, а затем переехал на работу в Пекин. Кавасима в то время и понятия не имел, что в районе Нимбо ведутся бактериологические военные операции против китайского народа с использованием продукции страшной фабрики смерти, созданной Исии Сиро. И только в 1941 году он

узнал из приказа военного министра Японии о существовании пинфаньского отряда.

„А в это время в стране, полностью захваченной японской военщиной, — говорит Н. К. Боровик, — в стране, где пышным цветом расцвели самые крайние, самые дикие формы реакции и мракобесия, идет бешеная подготовка к войне. Победоносные реляции бесноватого фюрера, захватившего к этому времени уже ряд европейских стран, не дают покоя японским милитаристам. Японская реакция торопится, она боится опоздать, она боится упустить благоприятный момент. Эта волна военной истерии и психоза, волна дикого ажиотажа японской военщины захлестнула Кавасима, как и многих других, и он, попав в отряд № 731, меньше всего рассуждал и думал о том, что делает и куда он попал. Так началось грехопадение Кавасима“.

Адвокат считает, что Кавасима за два года работы в отряде № 731 совершил ряд преступлений, и это установлено. Однако немаловажным обстоятельством, смягчающим вину подсудимого, является и то, что он полностью признал себя виновным и раскаялся в совершенных преступлениях. Не верить в искренность его поведения нет достаточных оснований.

При допросе 30 октября 1949 г. Кавасима сказал: „...Я сознаю, что применявшиеся нами опыты над живыми людьми, массовое умерщвление их путем воздействия смертоносных бактерий являются преступлением против человечества... Я в 731-й отряд вступил не добровольно, а по приказу военного министра Японии, который не выполнить я не мог. Я сознаю, что 731-й отряд являлся преступной организацией. И как участник его готов в настоящее время понести наказание...“

Адвокат заканчивает свое выступление следующим образом.

„Что же на него повлияло? Какой фактор оказал на него действие? Мне представляется, что этим фактором, несомненно, явилось время. Ведь более четырех лет находился в плену Кавасима. Срок вполне достаточный, чтобы за это время можно было кое о чем подумать, да и кое-какие ценности переоценить. Кавасима не мог не задуматься над тем, как получилось, что Совет-

ский Союз, потеряв в свое время большие территории, воюя один на один с вооруженным до зубов врагом, сумел не только выстоять, но и добиться полного разгрома отборнейших гитлеровских дивизий. Кавасима не мог также не призадуматься над причинами столь плачевной судьбы своей собственной армии. Не могли не интересоваться Кавасима и сдвиги, происшедшие в результате войны у него на родине в Японии, и многое другое.

Я думаю, что эти мысли не могли не оказать влияния на его сознание и психологию. Вот в чем мне представляются истинные корни того, что заставило Кавасима в известной степени пересмотреть свои позиции. Вот что приводит к выводу, что здесь мы имеем дело с раскаянием Кавасима.

Тяжкое преступление совершил Кавасима. Нелегко ему сейчас здесь на скамье подсудимых. Но одно несомненно: уйдет отсюда Кавасима с чувством облегчения, с чувством того, что здесь, на суде, он вел себя честно.

Я прошу вас, товарищи судьбы, о смягчении ему наказания“.

Третьим выступил адвокат С. Е. Санников с речью в защиту подсудимого Кадзицука Рюдзи. Как и выступавшие до него адвокаты, он отметил сложность и трудность защиты на данном процессе, обусловленную характером совершенных подсудимыми преступных действий и тяжестью предъявленного им обвинения. Хабаровский процесс по своей специфике и характеру преступлений является исключительным, таких процессов в судебной практике не было, и история их не знает. Из формул обвинительного заключения следует, что основа обвинения — подготовка бактериологической войны; в этом обвиняется и подсудимый Кадзицука, бывший начальник санитарного управления Квантунской армии, генерал-лейтенант медицинской службы, доктор медицинских наук.

„Много лет существует учение о микробах. Передовые ученые мира Пастер, Кох, Мечников и другие, — подчеркнул адвокат, — долгие годы трудились над изучением микробов, отдавая свой труд и свой ум, здоровье и жизнь на благо человечества, боролись с ужасным бичом человечества — эпидемическими болезнями, боролись за продление

человеческой жизни. Но в этом процессе мы видим, что находящиеся на скамье подсудимых военные и медицинские специалисты японской армии использовали гуманную науку в ином направлении — в интересах войны против человечества, приспособили учение о микробах для целей агрессивной войны против Советского Союза и других государств”.

Всякая война уносит много человеческих жизней и приносит тяжкие страдания человечеству. Подсудимые, как они выражаются, готовили самое эффективное оружие войны, в действительности же самое ужасное оружие, направленное против человечества. В этом тяжком преступлении обвиняется и Кадзицука, который на предварительном и судебном следствии в основном признал правильным предъявленное ему обвинение. *„Наш законодатель установил, — сказал адвокат, — что независимо от характера преступления и тяжести улик адвокат обязан сказать свое слово в защиту подсудимого.”*

Кадзицука признал свое непосредственное участие в формировании 731-го отряда и то, что он знал о его практической деятельности. Вместе с тем Кадзицука утверждает, что отряд находился в двойном подчинении, вследствие чего отдельные факты деятельности 731-го отряда ему не были известны. То, что отряд находился в двойном подчинении, установлено показаниями свидетелей и другими материалами дела. В описательной части обвинительного заключения сказано: *„Бактериологические отряды и их филиалы непосредственно подчинялись главнокомандующему японской Квантунской армией...”*

Казалось бы, что 731-й отряд по своей деятельности должен был, входя в систему санитарного управления Квантунской армии, полностью находиться в подчинении этого управления, возглавляемого подсудимым Кадзицука. Однако установлено, что отряд выполнял ряд стратегических функций и эта часть работы отряда, как утверждает Кадзицука, не находилась в его непосредственном подчинении.

Утверждение Кадзицука находит свое подтверждение в показаниях свидетелей: полковника Тамура Тадаси и генерал-майора Мацумура. В частности, на очной ставке с

Кадзицука Мацумура подтвердил, что вопросами тактического использования бактериологического оружия руководил оперативно-стратегический отдел штаба Квантунской армии.

„Приведенные мною соображения, — сказал адвокат С. Е. Санников, — не снимают ответственности с подсудимого Кадзицука, но они могут служить основанием для постановки вопроса о смягчении его вины и его соучастия. Я прошу учесть в отношении Кадзицука изложенные мною смягчающие обстоятельства, прошу учесть также чистосердечное признание им своей вины и в соответствии с этим определить ему меру наказания”.

Председатель суда предоставляет слово адвокату А. В. Звереву, защищавшему подсудимого генерал-лейтенанта Такахаси Такаацу — бывшего начальника ветеринарной службы Квантунской армии.

Свое выступление А. В. Зверев начал с констатации, что его подзащитный обвиняется в преступных действиях, направленных против человечества, в деяниях, которые в любой цивилизованной стране признаются тяжким преступлением. Рассматриваемое дело имеет огромное общественное значение, оно еще раз напоминает человечеству, какие неисчислимы бедствия нес с собой фашизм, добиваясь мирового господства. Империалистической Японии были чужды законы и обычаи войны. Верхушка японской военной клики решила обратить все достижения науки не на пользу людей, а во вред человечеству.

В мире нет ни одной страны, где бы в целях избавления людей от страшных эпидемий и мора не велась бы работа по изысканию способов и методов борьбы с возбудителями этих болезней. Сколько великих ученых посвятило свою жизнь этой благородной цели, сколько таких тружеников пожертвовало своей жизнью в борьбе с эпидемией, и все человечество с любовью произносит и чтит имена Сеченова, Пирогова, Виноградского, Мечникова, Пастера и других корифеев науки. А в империалистической Японии отдельные ученые, используя опыт и достижения мировой науки, направили свои познания на разработку и решение иных проблем — проблем изыскания способов

искусственного распространения в возможных широких размерах эпидемий чумы, холеры, сибирской язвы, сапа, тифа и др. В Японии идеолог бактериологической войны — ученый генерал Исии, и этот ученый возглавил пропаганду применения бактериологического оружия в готовящейся захватнической войне против мирных народов.

„Но дело не только в Исии, — подчеркивает А. В. Зверев. — Верхушка японской военной клики, обуреваемая захватническими стремлениями, делала ставку на новый вид оружия — на смертоносные бактерии.

...Во исполнение императорского указа родились два новых военных формирования — отряды № 731 и № 100, включенные в состав Квантунской армии. Эти отряды, особенно отряд № 731, постепенно расширили свою деятельность, организовали филиалы и, наконец, создали свои ячейки в виде подразделений при армейских частях. Второй разведывательный отдел штаба Квантунской армии, руководивший диверсионной деятельностью, не оставался в стороне от этого дела. Он начал использовать достижения и личный состав этих отрядов для совершения диверсионных актов“.

Исследуя всю историю развития подготовки бактериологической войны в Японии, необходимо отметить, что основные идеологи и организаторы бактериологической войны, которые должны нести не меньшую, а большую ответственность, чем подсудимые на настоящем процессе, остаются за пределами Советского Союза, и мы не видим их на скамье подсудимых.

Такахаси, бесспорно, виновен в предъявленном ему обвинении, он и сам не отрицал и не отрицает своей вины. Он не оспаривает показаний подсудимого Митомо и свидетелей Фукудзумы и Хатаки о производимых в отряде № 100 преступных опытах над людьми.

Обращаясь к суду, адвокат сказал: „Вы судите Такахаси, ему больше 60 лет, и для вас не безразлично, как он прошел свой жизненный путь, как он дошел до такого состояния, как и почему случилось, что Такахаси пошел по пути, который привел его на скамью подсудимых в качестве обвиняемого в столь тяжких преступлениях?

Такахаси был человеком одаренным, перед ним была широкая дорога для честного труда, он мог посвятить себя служению благим целям избавления своей страны от разного рода эпизоотий, но он не пошел по этому хорошему пути. Он стал военным. Будучи воспитан в духе слепого повиновения приказам, руководствуясь единственным законом — военным уставом, Такахаси перестал отличать хорошее от плохого, допустимое от недопустимого, он забыл законы человеческой морали, стал выполнять преступные приказы, приказ глушил голос его разума, голос его совести!“

Адвокат обращает внимание Трибунала на то, что преступная деятельность Такахаси связана только с отрядом № 100 и лишь с 1941 года, когда в этом отряде и вообще в Квантунской армии подготовка к бактериологической войне была уже в полном разгаре. Основываясь на этом, он считает возможным сделать вывод, что при наличии вины Такахаси в преступлениях он все же не может быть отнесен к числу вдохновителей и инициаторов подготовки бактериологической войны.

А. В. Зверев заканчивает защитительную речь следующими словами:

„Я прошу определить Такахаси наказание лишь в меру содеянного им. Я прошу, товарищи судьи, определить Такахаси такое наказание, которое дало бы ему надежду остаток своей жизни посвятить служению человечеству и тем искупить свою вину не только перед нами, но и перед своим народом, перед всем миром“.

Слово для защиты подсудимого Сато Сюндзи предоставляется адвокату П. Я. Богачеву.

Он говорит, что те злодеяния, которые были предметом разбирательства на Хабаровском процессе, имеют нечто общее со зверствами, чинимыми немецкими фашистами на временно оккупированных территориях Советского Союза и других стран Европы. Они имеют под собой и единую идеологическую основу. Совершенные преступления — прямой результат союза империалистической Японии и фашистской Германии, они являются следствием того, что правящая клика Японии увлекалась фашистскими идеями о мировом господстве, о расовом превосходстве японской нации над все-

ми другими народами земного шара, о завоевании дальневосточных территорий Советского Союза. Японская газета „Ниппон Таймс“ в декабре 1944 года, не стесняясь, писала, что „основные цели, которые заставили Японию и Германию взяться за оружие, были одни и те же“. Для достижения своей цели правящая клика Японии не пренебрегала никакими средствами, она действовала по принципу „цель оправдывает средства“. Советским людям, носителям великих идей гуманизма, воспитанным в духе уважения к человеку, трудно себе представить допустимость использования бактерий для массового уничтожения людей. Мы хотим видеть людей, подобных юноше Данко, который вырвал из своей груди горящее сердце и высоко поднял его над головой, освещая им путь людям, заблудившимся во тьме.

„И вот за эти дни процесса, — говорит П. Я. Богачев, — мы столкнулись с иными взглядами на ценность человека. В капиталистическом мире человек — товар, источник прибыли. Я коснулся этого вопроса о прибыли потому, что это обстоятельство имеет существенное значение для защиты Сато.

Он — исполнитель воли тех, кто систематически вколачивал в сознание японцев звериную идеологию расовой ненависти, кто в 1945 году в бессильной злобе отдал приказ быть готовым к бактериологической войне, еще раз подтвердив этим, что они не считаются с интересами японского народа, обрекая страну на неисчислимые жертвы. Организаторы преступлений — это монополистические объединения Японии, это дзайбацу.

Сато, доктор медицинских наук, преподаватель Военно-медицинской академии, патолог по специальности, назначается начальником бактериологического отряда.

Трудно сейчас судить об активности Сато на занимаемых должностях, как об этом сказано в обвинительном заключении и на что указывал государственный обвинитель. У меня по этому вопросу возникают некоторые соображения, которые я считаю необходимым довести до вашего сведения, товарищи судьи. В совещательной комнате, когда вы будете решать судьбу Сато, вы их учитете. Сато — врач-патолог, он по этой специ-

альности преподавал в Военно-медицинской академии, он на эту тему защищал докторскую диссертацию. Естественно, отсутствие специальных бактериологических познаний если не лишало, то существенно снижало его активность в руководстве бактериологическими отрядами“.

Адвокат говорит, что Сато в период с 1941 по 1945 год, т. е. по день пленения его советскими войсками, не получил ни одной награды. Это маленькая деталь, но она в известной мере характеризует отсутствие усердия со стороны Сато в выполнении возложенных на него заданий. Если нет наград, значит, нет и особых заслуг. Сато был назначен начальником отряда „Нами“ в 1941 году, т. е. несколько лет спустя после того, как работа этого отряда была организована и налажена. Это обстоятельство полностью не оправдывает Сато, но оно снижает его роль и ответственность.

П. Я. Богачев напоминает, что Сато числится по списку обвиняемых на восьмом месте, после Нисии, Карасава и Оноуэ, стоящих на должностной лестнице на несколько ступеней ниже его. И это вовсе не случайно. На фоне проводимых бактериологических диверсий и экспериментов над живыми людьми, на фоне 3000 человек, замученных в застенках внутренней тюрьмы отряда №731, роль Сато снижается. Есть основания утверждать, что он не обогрел свои руки кровью тех несчастных, которые, попав в „особые отправки“, подвергались насилию и издевательствам, находясь на положении „подопытного материала“. Обвинительное заключение не вменяет в вину Сато этих зверств. Лишь в мае 1945 года на его пути становится Оноуэ со своей просьбой о вылавливании грызунов и отправке их в Хайлинский филиал № 643. Он дал соответствующее указание частям 5-й армии, оказал некоторое содействие в подготовке бактериологического оружия, но здесь нет его инициативы.

Заключает адвокат свою защитительную речь таким образом:

„В свете этих данных я прошу, товарищи судьи, обсудить вопрос о правильности отнесения Сато к той группе руководящих преступников, которые участвовали в реализации преступных планов правящей клики империалистической Японии. Я прошу

реально оценить все содеянное Сато и его далеко не основную роль в подготовке бактериологической войны.

Я надеюсь, товарищи судьи, на ваш гуманный приговор”.

Подсудимых Ниси Тосихидэ и Хирадзакура Дзэнсаку защищал адвокат Д. Е. Болховитинов. Это выступление главным образом состояло из анализа вины Ниси и Хирадзакура.

„Мне кажется, — сказал адвокат, — что, анализируя вину каждого из них, будет правильным утверждать, что ни бывший подполковник японской армии Ниси Тосихидэ, ни бывший поручик Хирадзакура Дзэнсаку не могут быть отнесены к группе организаторов и вдохновителей преступлений. Оба моих подзащитных полностью признали свою виновность. Я имею все основания утверждать, что оба они осознали тяжесть преступлений, совершавшихся в отрядах № 731 и № 100”.

Итак, и в этом выступлении адвоката продолжалась линия защиты — смягчающими обстоятельствами являются признание своей вины и второстепенная роль того или иного подсудимого, раскаяние в совершении преступления.

Д. Е. Болховитинов напоминает, что Ниси свою вину признал полностью, без каких-либо отклонений от формулы обвинения. На предварительном следствии Ниси заявил:

„...Я понимаю, что готовившаяся война должна была повлечь многочисленные жертвы среди мирного населения, что средства этой бактериологической войны и методы испытания бактериологических средств на живых людях путем их насильственного заражения являются преступными и бесчеловечными”.

На судебном заседании на вопрос адвоката, осознал ли он всю преступность конечных целей работы, выполнявшейся в отряде, Ниси ответил: „да” и заявил, что раскаивается в совершенном.

Адвокат считает, что раскаяние Ниси вполне искренне.

Исключительно кратким было выступление Д. Е. Болховитинова в защиту Хирадзакура: „Переходя ко второму моему подзащитно-

му, бывшему поручику ветеринарной службы японской Квантунской армии Хирадзакура Дзэнсаку, я должен отметить, что он также полностью признал свою вину и как на предварительном, так и судебном следствии дал откровенные подробные показания, сожалел и раскаиваясь в совершенном преступлении. Хирадзакура вырос, воспитывался и работал в аналогичных условиях с Ниси Тосихидэ в империалистической Японии, и, только находясь в советском плену, он осознал преступность проводимой им работы в отряде № 100. По своей роли в группе подсудимых он как субъект преступления также должен быть отнесен к группе исполнителей.

Таковы мои краткие соображения об обстоятельствах, смягчающих вину подсудимых Ниси и Хирадзакура.

Мне кажется, что приведенные мною доводы ни в чем не расходятся с действительностью, и это дает мне основание просить вас, товарищи судьи, о снисхождении”.

Слово для защитительной речи предоставляется адвокату Г. К. Прокопенко, защищающему Митомо Кадзуо, Кикиути Норимицу и Курусима Юдзи.

После вступления адвокат начал излагать доводы защиты в отношении Митомо, Кикиути, которые обвинялись в том, что являлись сотрудниками специальных формирований японской армии, созданных для подготовки и ведения бактериологической войны, принимали участие в преступной деятельности этих формирований по производству оружия для массового истребления людей. Митомо, кроме того, обвинялся в личном участии в умерщвлении людей путем производства над ними бесчеловечных опытов и в бактериологических диверсиях против СССР.

Кикиути был призван в ряды японской армии, он обязан был служить, но, разумеется, не должен был выполнять явно преступные приказы. В данном случае Кикиути являлся пособником своих начальников. Что касается меры наказания, то необходимо учесть незначительность степени его вины по сравнению с генералами, сидящими рядом (впервые за всю жизнь он сидел рядом с генералами высоких рангов), чистосердечное признание вины и раскаяние и по

справедливости определить Кикиути небольшую меру наказания.

Что касается Митомо, то нельзя не учесть, что он выполнял приказания своих хозяев — умерщвлял людей, затем анатомировал их, чтобы установить изменения, происшедшие в результате отравления. Он не был важным механизмом в адской машине смерти, организованной императором Японии, он полностью признал свою вину и раскался в совершенных тяжких злодеяниях.

„Прошу определить ему меру наказания, — сказал Г. К. Прокопенко, — с учетом всех особенностей обстановки, породившей Митомо таким, каким он был до августа 1945 года“.

В отношении Курусима судебным следствием установлено, что участие его в производимых маневрах для испытания бактериологических снарядов в районе станции Пинфань выразилось в том, что он нес охрану учебного полигона, а также подсчитывал блох в специально расставленных ящиках, для того чтобы определить степень рассеивания блох, сбрасываемых с самолетов, ловил крыс и мышей. Курусима был призван в армию в январе 1944 года и выполнял все, что ему приказывали.

В заключение своего выступления адвокат подчеркнул:

„Я не сомневаюсь, что Курусима 1944 года уже нет. Есть Курусима другой, Курусима, осуждающий свое прошлое. Пусть падет ответственность за подготовку бактериологической войны на ее вдохновителей и организаторов. Поэтому, товарищи судьи, я прошу в отношении Курусима максимального снисхождения“.

Завершил выступления защиты адвокат В. П. Лукьянцев. Он защищал Карасава Томио и Оноуэ Масао.

Адвокат сказал, что анализ материалов судебного следствия свидетельствует о доказанности предъявленного подсудимым обвинения и он не располагает данными, которые давали бы ему основания опровергать эти обвинения. Вина Карасава в прямом участии в подготовке бактериологической войны против СССР и других государств не вызывает сомнений. Но в данном

деле он не основной, не главный преступник. Карасава, выполнял приказы бывшего начальника отдела — генерала Кавасима, бывшего начальника отряда — генерала Исии, бывшего главнокомандующего Квантунской армией — генерала Умэдзу и волю императора Японии, которые должны нести главную ответственность за подготовку и применение бактериологического оружия.

„У защиты имеется надежда, что Трибунал при определении меры наказания примет во внимание эти обстоятельства, а равно признание Карасава своей вины и его раскаяние в качестве смягчающих его вину обстоятельств. Карасава последовательно и честно разоблачал преступления и свои, и своих сообщников“.

Переходя к защите Оноуэ, В. П. Лукьянцев отметил, что в качестве начальника филиала № 643 бактериологического отряда № 731 Оноуэ посвятил свою службу главным образом организации ловли и культивирования крыс и мышей и разведению блох как вида бактериологического оружия. По показаниям Оноуэ, его филиал выловил и размножил более 7000 крыс и выращивал блох, которых впоследствии отправлял в отряд № 731. В возглавляемый им филиал поступило оборудование для культивирования бактерий и 75 тонн материалов для изготовления питательной среды, необходимой в целях производства смертоносных бактерий, что свидетельствует о большом размахе преступной деятельности филиала. Это обязывает его, В. П. Лукьянцева, как защитника, согласиться с предъявленным его подзащитному обвинением и считать его вину установленной. Однако и в деле Оноуэ имеются обстоятельства, смягчающие его вину.

Одним из них следует считать признание им своей вины в совершенных преступлениях.

„Я твердо убежден, — заявил адвокат, — что ваш приговор, товарищи судьи, будет вынесен во имя Закона, во имя спокойствия и благополучия миролюбивого человечества, что вместе с тем при вынесении приговора и определении моим подзащитным Карасава и Оноуэ мер наказания будут учтены доводы защиты и ваш приговор будет справедливым и гуманным“.

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА ПОДСУДИМЫХ

Кавасима: *С Вашего разрешения я скажу свое последнее слово. До того, как я впервые приехал в Советский Союз, я имел о нем совершенно неверное представление. Это было вызвано только недопониманием, и впервые после того, как я прибыл в Советский Союз, пленный советскими войсками после капитуляции Японии, я понял ошибочность своих взглядов.*

Первое, что я почувствовал, и почувствовал очень отчетливо, — это гуманное отношение ко мне со стороны советских людей.

Я задумался о причинах такого отношения ко мне со стороны советских людей и увидел, что это не случайно, что это вызвано тем, что в Советском Союзе нет национальной вражды, что Советский Союз является демократической страной, которая заботится о благосостоянии народа и стоит на страже мира.

Это заставило меня осознать всю глубину моего преступления. Это заставило меня изменить мои взгляды.

Я понял, что совершенные мною преступления позорны не только для меня одного, но и для всей моей страны, и раскаялся в них.

Это заставило меня понять, что раньше я ошибался в своих взглядах на Советский Союз. Я стал понимать, что Япония после капитуляции должна развиваться как демократическое государство, что для этого все старые злодеяния должны быть разоблачены и вырваны с корнем.

То, что я сказал, явилось моим раскаянием, моей исповедью. Поэтому с самого начала предварительного следствия я стал рассказывать о преступных фактах, связанных с деятельностью того отряда, в котором я служил. Для меня это было нелегким и мучительным делом.

Гуманное отношение со стороны следствия помогло мне вовремя найти для себя правильный выход из этого нелегкого положения.

Я хорошо чувствую, что совершенные мною преступления являются громадным злодеянием против человечества.

Сейчас я не впервые так думаю, эти мысли не новы для меня, но здесь, в зале суда, я особенно укрепился в этих мыслях, в своих чувствах.

Я готов принять самый строгий приговор суда.

Карасава: *Еще в 1946 году, в то время, когда велось предварительное следствие по делу главных военных преступников в Токийском международном трибунале, я допрашивался в качестве свидетеля.*

Я разоблачил все преступления, которые были совершены мною и отрядом № 731. Сейчас я как простой человек, как рядовой человек выскажу все, что накопело у меня на сердце.

В Японии сейчас проживает моя мать, ей 80 лет, кроме того, жена и двое детей.

Раньше они существовали на мою заработную плату. Но я понимаю

всю тяжесть моей вины и раскаиваюсь в преступлениях, совершенных мною.

Я обещаю в будущем стать совершенно новым человеком. Прошу у суда справедливого решения.

Ямада: *Прежде всего я приношу благодарность суду за предоставление мне и другим подсудимым защитников.*

Я хочу обобщить все мои показания и уточнить мое положение.

Я родился в семье военного. С юных лет я служил в армии и воспитан в духе послушания приказу и сознания своего воинского долга и ответственности.

После своего назначения на пост главнокомандующего Квантунской армией я верно и последовательно выполнял все приказы и указания военного министерства и генерального штаба Японии, таким образом стараясь усилить боевую подготовку Квантунской армии.

Я признаю свою ответственность в деле усиления боевой готовности по подготовке к бактериологической войне.

Что касается тех чудовищных преступлений, которые были совершены ради подготовки бактериологической войны, то я понимаю, что ответственность за это ложится на начальников бактериологических отрядов № 731 и № 100 и всех главнокомандующих Квантунской армией, кончая мною.

Но я хочу сказать, что все, кто имел отношение к этим отрядам, действовали согласно приказанию, действовали, выполняя волю начальников этих отрядов и командующих.

О злодеяниях в этих отрядах, вообще о злодеяниях, совершенных ради подготовки бактериологической войны, сейчас говорил подсудимый Кавасима. Я не имею ничего больше добавить к его словам. Нет никаких оправданий для этих злодеяний.

Как я уже говорил, я признаю свою вину за все злодеяния, которые были совершены в этих отрядах ради подготовки к бактериологической войне в тот период, когда я был главнокомандующим Квантунской армией, т.е. с июля 1944 года до августа 1945 года.

Я понимаю всю тяжесть своей вины. Я понимаю всю тяжесть своих преступлений и не задумываюсь о том, будет ли наказание за это мне суровым или легким.

Вот все, что я имел сказать в своем последнем слове.

Ниси: *Я приношу признательность суду за предоставление мне защитника на этом процессе.*

Больше ничего сказать я не имею. Теперь я жду справедливого приговора от советского суда.

Кадзицука: *Я признаю себя виновным в предъявленных мне обвинениях и готов понести любое суровое наказание.*

Мне предоставлена возможность сказать мое последнее слово, но у меня нет намерения оправдываться.

Я выскажу только свои чувства.

Я раскаиваюсь в том, что имел к этим злодеяниям отношение.

Я чувствую себя виновным перед народами за совершенные мною преступления.

Сато: *С 1941 года я был начальником двух бактериологических отрядов и непосредственно руководил подготовкой бактериологической войны. Кроме того, являясь начальником санитарного отдела 5-й армии, я оказывал содействие в подготовке бактериологической войны.*

Совершенное мною преступление противоречит долгу врача, противоречит медицинской этике. Эти преступления были направлены против человечества. Моя деятельность была направлена против всего хорошего.

Сейчас в суде я полностью раскаиваюсь в совершенных мною преступлениях. Я благодарю защиту и должен сказать, что мне стыдно было, что такого преступника, как я, защищает адвокат. Я считаю себя недостойным этого.

Теперь я прошу справедливого приговора, который будет полностью соответствовать совершенным мною преступлениям и моей вине.

Хирадзакура: *Я скажу с Вашего разрешения свое последнее слово.*

Суровое наказание нас, участников подготовки бактериологической войны, явится предостережением и назиданием для тех преступников, которые и сейчас пытаются подготовить вторую бактериологическую войну. Я надеюсь, что несущие вину за подготовку бактериологической войны и наиболее ответственные за эту подготовку генерал Исии и генерал Вакамацу будут строго наказаны.

Я уверен и надеюсь, что те преступники, виновные в подготовке бактериологической войны, которых нет сейчас на скамье подсудимых, будут также сурово наказаны.

Митомо: *В то время, когда я работал в отряде № 100, я не сознавал всей глубины своих злодеяний и преступлений, но, прожив четыре года здесь, в Советском Союзе, а также, особенно, пробыв здесь эти дни на суде, я глубоко прочувствовал всю тяжесть совершенных мною преступлений.*

Здесь я впервые узнал правду о Советском Союзе, я узнал советских людей, я увидел, как они гуманны и благородны.

Я понял всю свою ответственность. Я раскаиваюсь в своем участии в злодеяниях.

Такахаси: *То, о чем говорил в своем последнем слове подсудимый Кавасима, а именно о возрождении новой, светлой Японии, совершенно справедливо. Я полностью с этим согласен и не могу добавить больше ничего.*

Я благодарю за предоставление мне защитника, я благодарю за те теплые слова, которые он нашел сказать обо мне, и я глубоко раскаиваюсь в совершенных преступлениях. Я осознал всю

глубину, всю тяжесть этих преступлений, но сегодня я хочу просить смягчения наказания. Я прошу справедливого приговора для того, чтобы я мог отдать свои силы на пользу людям.

Кикиути: *С самого раннего детства меня учили быть преданным японскому государству, быть преданным японскому императору. Я думал, что я своей работой послужу на пользу своему народу, но меня обманули.*

Здесь, за четыре года моего пребывания в Советском Союзе, благодаря человеческому отношению ко мне и другим японцам со стороны советских властей я понял, как я был обманут, каким ложным и неправильным было воспитание, которое я получал с детских лет у себя на родине.

В моей душе произошел перелом, который не смог бы произойти за всю мою жизнь, и теперь я хочу в будущем исправить все свои ошибки.

И здесь, на суде, я сожалею о том, что на скамье подсудимых не сидят главные преступники, главные организаторы и вдохновители бактериологической войны.

Я преисполнен чувства ненависти и отвращения к ним.

Мне ясен тот путь, по которому я должен идти.

Курусима: *Я сознаю тяжесть своей вины, тяжесть своих преступлений, которые были совершены мной как работником филиала 162 отряда № 731, занимавшегося массовым изготовлением бактерий, которые были предназначены для уничтожения многих людей. Я полностью сознаю свою вину и раскаиваюсь в совершенных мною злодеяниях.*

В заключение я благодарю за то, что здесь ко мне, как и к другим военнопленным, относились сердечно.

Я благодарю за то, что Советский Союз относился к нам без расовой дискриминации. Благодарю за человеческое отношение ко мне здесь, во время суда, благодарю за предоставление мне адвоката в качестве защитника.

Оноуз: *И на предварительном следствии, и здесь, в суде, я искренне признался в моем участии в тех злодеяниях, которые были совершены мной лично и вообще работниками отряда № 731.*

Я раскаиваюсь еще раз в тех преступлениях, к которым я имел отношение и которые я сам совершал в качестве начальника филиала этого отряда.

Я благодарю суд за предоставление мне авторитетной защиты.

Я понимаю тяжесть своей вины, я понимаю то, что я не был рядовым сотрудником, я был руководящим лицом, начальником филиала, и раскаиваюсь в совершенных мною преступлениях.

В будущем я постараюсь направить свои силы на борьбу против подобных бесчеловечных актов, на борьбу за мир.

В заключение я прошу суд о смягчении мне наказания, если это суд сочтет возможным.

ИЗ ПРИГОВОРА ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Материалами предварительного и судебного следствия Военный трибунал округа установил:

Правящая клика империалистической Японии в течение ряда лет подготавливала агрессивную войну против Союза Советских Социалистических Республик.

Охваченные бредовой идеей превосходства японской расы и создания под эгидой Японии „великой Восточной Азии“ и поставив себе целью установление совместно с гитлеровской Германией мирового господства путем развязывания агрессивных войн, японские милитаристы не останавливались для достижения этой цели ни перед какими чудовищными преступлениями против человечества.

В своих преступных планах агрессивных войн против миролюбивых народов японские империалисты предусматривали применение бактериологического оружия для массового истребления войск и мирного населения, в том числе стариков, женщин и детей, путем распространения смертоносных эпидемий чумы, холеры, сибирской язвы и других тяжелых болезней.

В этих целях в японской армии были созданы особые формирования, предназначенные для производства бактериологического оружия, и подготавливались специальные воинские команды и диверсионные банды для заражения бактериями городов и сел, водоемов и колодцев, скота и посевов на территории государств, подвергшихся японской агрессии.

Еще в 1931 году, после захвата японцами Маньчжурии и превращения ее в плацдарм для нападения на Советский Союз, в составе японской Квантунской армии в целях подготовки бактериологической войны была создана под зашифрованным наименованием „отряд Того“ бактериологическая лаборатория под начальством одного из идеологов и организаторов бесчеловечной бактериологической войны Исии Сиро.

В 1936 году, когда военные приготовления Японии к войне против СССР были усилены, генеральный штаб японской армии развернул на территории Маньчжурии два крупных бактериологических учреждения, рассчитанных не только на изыскания способов ведения бактериологической войны, но и на производство бактериологического оружия в размерах, достаточных для полного снабжения японской армии.

Изыскания способов и средств ведения бактериологической войны, проводившиеся в отрядах № 731 и № 100, сопровождалась преступными, бесчеловечными опытами по проверке действенности бактериологического оружия на живых людях. Во время этих опытов японские изуверы умертвляли зверским способом тысячи попавших им в руки жертв.

На протяжении нескольких лет в отрядах № 731 и № 100 производились опыты по заражению людей выращенными в лабораториях бактериями чумы, холеры, тифа, сибирской язвы, газовой гангрены. Большинство зараженных умирали в страшных мучениях. Те же, кто выздоравливал, подвергались повторным опытам и в конце концов умерщвлялись.

Люди, предназначенные для мучительного истребления, доставлялись в специальную внутреннюю тюрьму, существовавшую в отряде № 731, японской жандармерией, имевшей для подобных операций условное название „особые отправки“. Этими жертвами японских изуверов были китайские патриоты и советские граждане, заподозренные в антияпонской деятельности и обреченные на уничтожение. Исключительный цинизм японских убийц выражался, в частности, и в том, что содержащиеся в тюрьме и предназначенные для преступных экспериментов люди условно назывались ими „бревнами“.

Как установлено показаниями подсудимого Кавасима, только в отряде № 731 ежегодно истреблялось не менее 600 заключенных, а с 1940 года по день капитуляции японской армии в 1945 году было умерщвлено не менее 3000 человек.

Преступные эксперименты производились и над целыми группами заключенных. На полигоне, в районе станции Аньда, людей привязывали к железным столбам, а затем в целях их

заражения в непосредственной близости от них взрывали бактериологические снаряды, наполненные бактериями чумы, газовой гангрены и других тяжелых болезней.

Помимо преступных экспериментов по заражению людей бактериями острых инфекционных заболеваний, отряд № 731 производил опыты по обмораживанию конечностей заключенных. Большинство несчастных жертв зверских опытов после заболевания гангреной и ампутации конечностей умирали.

Испытания бактериологического оружия не ограничивались только опытами, проводимыми внутри отрядов № 731 и № 100. Японские империалисты применяли бактериологическое оружие в войне против Китая и в диверсионных вылазках против СССР.

Отрядом № 100 на протяжении ряда лет на границу СССР направлялись бактериологические группы, в состав которых входили подсудимые Хирадзакура и Митомо. Эти группы проводили бактериологические диверсии против Советского Союза путем заражения пограничных водоемов, в частности в районе Трехречья.

Таким образом, предварительным и судебным следствием установлено, что японские империалисты готовились к тому, чтобы, развязав агрессивную войну против СССР и других государств, широко применить в ней бактериологическое оружие и затем ввергнуть человечество в пучину новых бедствий.

Осуществляя подготовку к бактериологической войне, они не останавливались ни перед какими злодеяниями, умерщвляя во время своих преступных опытов по применению бактериологического оружия тысячи китайских и советских граждан и распространяя эпидемии тяжелых заболеваний среди мирного населения Китая.

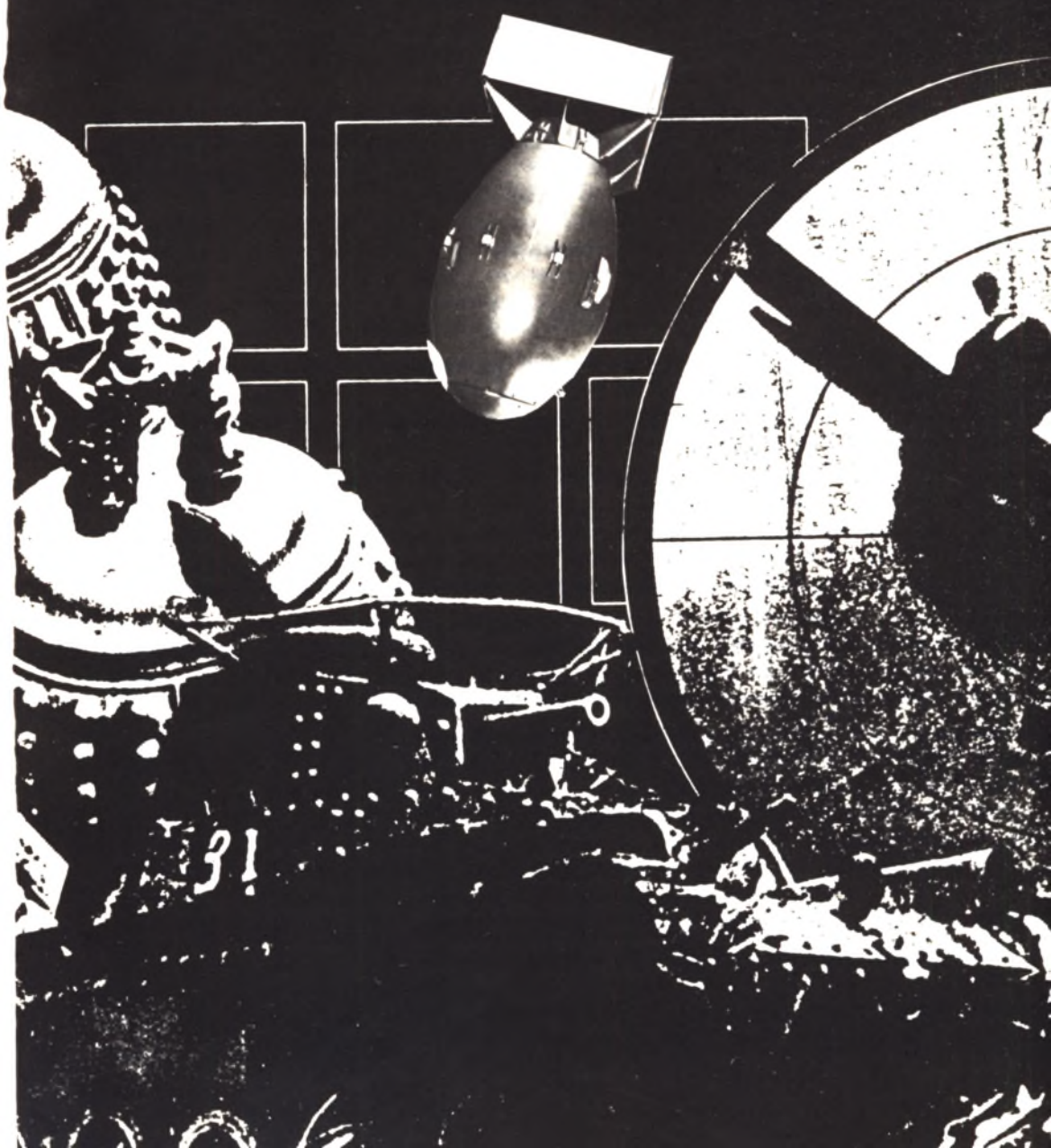
На основании изложенного Военный трибунал округа

П Р И Г О В О Р И Л:

Ямада Отодзо	заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на двадцать пять лет.
Кадзицука Рюдзи	заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на двадцать пять лет.
Такахаси Такаацу	заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на двадцать пять лет.
Кавасима Киоси	заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на двадцать пять лет.
Ниси Тосихидэ	заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на восемнадцать лет.
Карасава Томио	заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на двадцать лет.
Оноуэ Масао	заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на двенадцать лет.
Сато Сюдзи	заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на двадцать лет.
Хирадзакура Дзэнсаку	заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на десять лет.
Митомо Кадзуо	заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на пятнадцать лет.
Кикиути Норимицу	заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на два года.
Курусима Юдзи	заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на три года.

Приговор может быть обжалован в кассационном порядке в Военную коллегия Верховного Суда СССР в течение 72 час. со дня вручения копии его осужденным.

Фотодокументы — немые свидетели прошлого — с поразительной точностью фиксируют и воспроизводят реальные события своего времени. Собранные в исторической последовательности эти документы беспристрастно отражают факты, обличающие японский милитаризм и позволяющие показать, к чему может привести агрессивная политика правящих кругов современной Японии

ФОТО

ДОКУМЕНТЫ

В первой части раздела

„Дорогой агрессии“

отражаются основные этапы разворачивания военной экспансии японского государства со времен русско-японской войны и до середины второй мировой войны

В разделе использованы фотоматериалы, взятые из различных источников, как советских, так и зарубежных, в том числе японских

Во второй части „Преступления против мира и человечности.“

„Военные преступления“

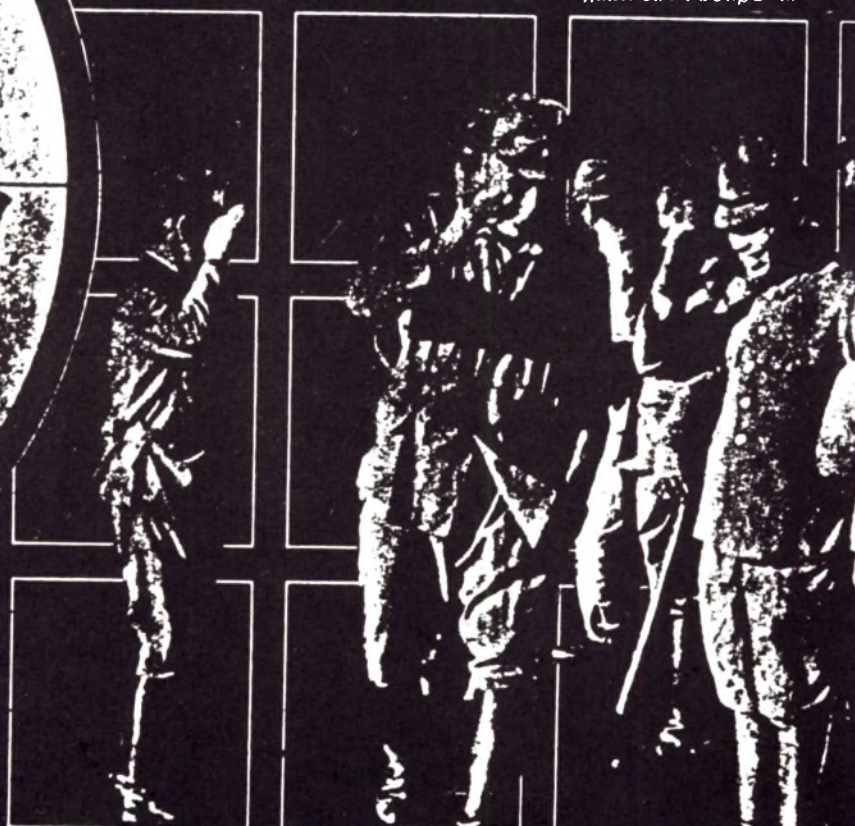
показываются главные виновники, толкнувшие Японию на путь военного разбоя, совершенные ими и их подручными военные преступления

В третьей части „Японский народ — жертва милитаризма“

вскрываются преступные действия японской военщины против собственного народа, последствия, к которым привела Японию агрессивная политика японского государства

В четвертой части „Вновь по пути милитаризма“

прослеживаются этапы происходившего против воли народа послевоенного возрождения японского милитаризма, раскрывается направленность боевой подготовки и идеологической обработки военнослужащих „сил самообороны“

Известное стремление японской реакции к агрессии и мировому господству выражено в древнем лозунге „Хакко Ити У” – „Объединить восемь углов (весь мир) под одной крышей”

„Сфера
сопроцветания
великой Восточной
Азии”

1905 г. Японские
войска перед
штурмом
укреплений
Порт-Артура

1905 г. Японские
войска в Порт-Артуре

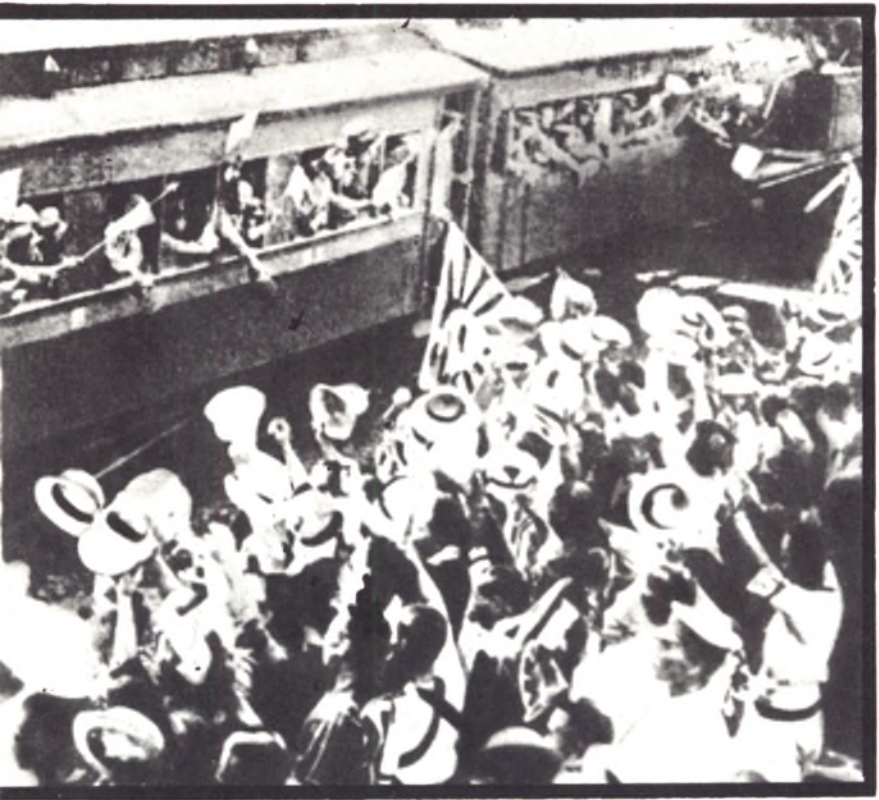
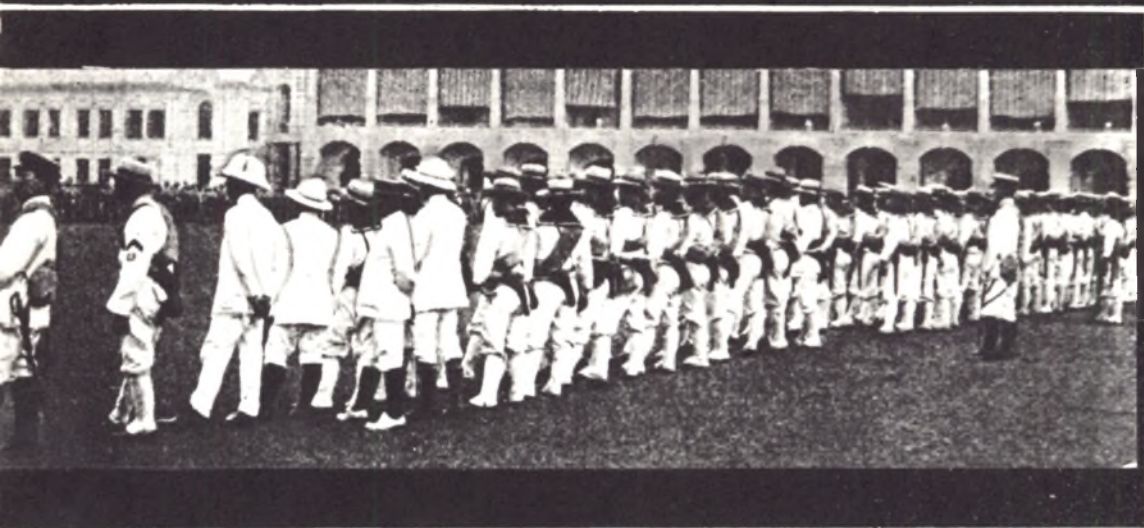

Август 1914 г.
Японская
артиллерия
в Шаньдуне. Китай

1914 г. Тяжелая
артиллерия
японских войск
ведет обстрел
немецкой военно-
морской базы
в Циндао

Ноябрь 1914 г.
Японские
оккупанты вошли
в Циндао

1915 г. Японский
морской десант
в Сингапуре

Август 1918 г.
Японские
интервенционист-
ские войска
отправляются
с Токийского
вокзала
в Советскую
Россию

1918 г. Боевые
корабли
интервентов —
Японии, Англии
и США — в бухте
Золотой Рог
во Владивостоке

Японские солдаты
вступают
во Владивосток

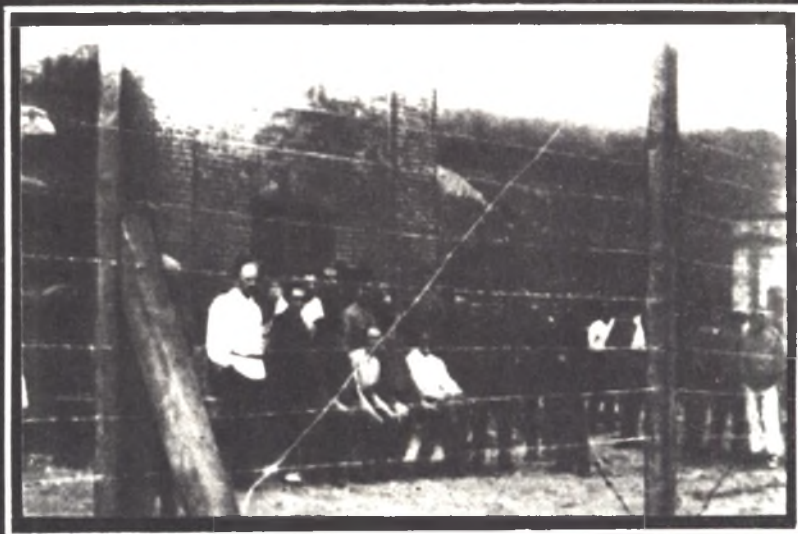

1918 г. Интервенты
и их белобандитские
лакеи
во Владивостоке

1919 г. Атаманы
Семенов, Калмыков
и японское
командование

Члены
Владивостокского
Совета и другие
ответственные
работники
советских
организаций
в тюрьме после
захвата города
интервентами
и белочехами

1920 г. Военные
действия
в окрестностях
Хабаровска

1920 г. Японские интервенты у разрушенных зданий в Хабаровске

Март 1920 г. Разрушения и пожарища в Николаевске-на-Амуре

Станция Байкал после взрыва

1920 г.
Разрушенный
железнодорожный
мост через
реку Онон

Японские офицеры
и солдаты над
телами
замученных ими
партизан

Май 1928 г.
Цзинаньский
инцидент.
Японские войска
на улицах Цзинаня
в период расправ
над населением
города. Потери
китайцев
в результате
инцидента —
4704 чел. убитыми,
материальный
ущерб —
26 млн. долл.

4 июня 1928 г.
Таким образом
убит ехавший
поездом из Пекина
в Мукден
китайский маршал
Чжан Цзолин,
ставший
препятствием
на пути
осуществления
японской политики
в Маньчжурии

18 сентября 1931 г.
Японская военщина
приступила к
оккупации северо-
восточной части
Китая
(Маньчжурии).

Главной целью
оккупации было
создание плацдарма
войны против СССР.
Флаг Маньчжоу-го

Река Тумыньцзян.
В этом месте к реке
сходятся границы
трех государств --
СССР, Кореи и
Китая. Справа --
территория
Советского Союза

Японская разведка
вела постоянное
наблюдение
за советской
территорией.
Японский
наблюдательный
пункт на берегу
р. Амур в районе
г. Хэйхэ

В конце января 1932 г. вспыхнули антияпонские выступления в Шанхае. Для подавления на помощь морской пехоте были брошены крупные силы сухопутных войск. „Шанхайский инцидент“ сопровождался погромами и массовыми убийствами и репрессиями

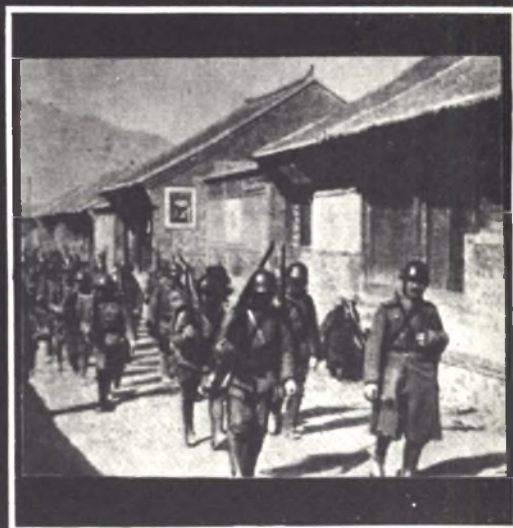

Артиллерия японской морской пехоты ведет обстрел мирных кварталов Шанхая

Февраль 1932 г.
Массовые аресты
шанхайцев

Март 1933 г.
Части 8-й дивизии
японских войск
вошли
в г. Губэйкоу,
пров. Жэхэ

Позиции японских войск в районе маньчжурского города Хайлара (близ границы с СССР). Пока еще настроение у завоевателей хорошее — из Японии получены благотворительные посылки

7 июля 1937 г. по требованию военщины Япония пошла на развязывание крупномасштабной войны против Китая

Японские войска выдвигаются из провинции Цзянси к столице Китая Нанкину

1938 г. Японский бронепоезд в китайской пров. Шанси

В соответствии с рекомендациями дипломатов и органов разведки правящие круги Японии приступили к ускоренной подготовке войны против СССР. Эти приготовления отвечали духу и букве „антикоминтерновского пакта“, заключенного между Японией и Германией в ноябре 1936 г. В 1937 г. к пакту присоединилась и Италия

Подписание
„антикоминтернов-
ского пакта“
японской стороной

Участники боев в
районе озера
Хасан собирают
японские трофеи

К реке Халхин-Гол.

В соответствии с вариантом „Б“ (нанесение главного удара в направлении Забайкалья) плана „Операции № 8“ японская военщина в мае 1939 г. развернула боевые действия против Монгольской Народной Республики и Советского Союза в районе р. Халхин-Гол

Советские пехота
и танки
в наступлении

Сбитый в районе
Халхин-Гола
японский самолет

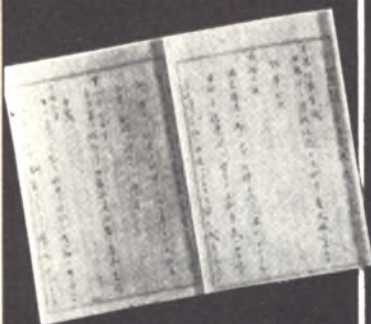

Трофейная японская
артиллерия

Рассчитанная на продвижение в глубь советской территории военная авантюра потерпела полный провал. 16 сентября 1939 г. японское командование было вынуждено пойти на заключение соглашения о прекращении вооруженного конфликта

Уроки Хасана и Халхин-Гола заставили японскую военщину на время сменить тактику подготовки войны против СССР. В этих целях был взят курс на более тщательную подготовку к войне в коалиции с фашистскими государствами — Германией и Италией с целью завоевания безраздельного господства Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Токио. 27 сентября
1940 г. Здесь
был подписан
„Тройственный
пакт“

Принятая 27 июля 1940 г. „Программа мероприятий в соответствии с изменениями в международной обстановке“, закрепившая курс на усиление японского влияния в районе Южных морей

Подготовка плацдармов для расширения агрессии

По согласованию с французским правительством Виши японские войска в сентябре 1940 г. вошли в северную, а в июле 1941 г. и в южную часть Французского Индокитая.

Вступление оккупационных войск в Лангшон (верхний снимок) и Ханой (снимок в центре)

Войска японских карателей в Корее

Высадка японских
войск на побережье
Южного Китая

4 февраля 1941 г.
Штурм частями
18-й пехотной
дивизии г. Даньшуй,
который в декабре
этого же года
превращен в один
из плацдармов
нападения на
британскую
колонию в Китае
Гонконг

1941 г. Дунцзянская
операция японских
войск в Южном
Китае. Штаб
18-й пехотной дивизии

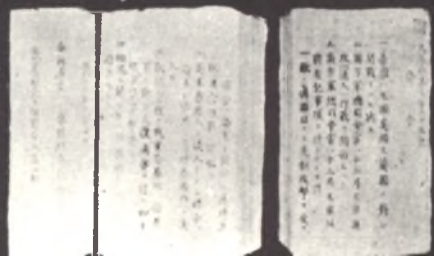

Дислокация японских
войск в Китае, Корее,
на Тайване,
Филиппинах,
Сахалине
и Курильских о-вах

Документы,
принятые
в присутствии
императора:
от 6 сентября 1941 г.
„О решимости
не останавливаться
перед войной с США,
Англией
и Голландией“ и от
1 декабря 1941 г. —
о начале войны на
Тихом океане

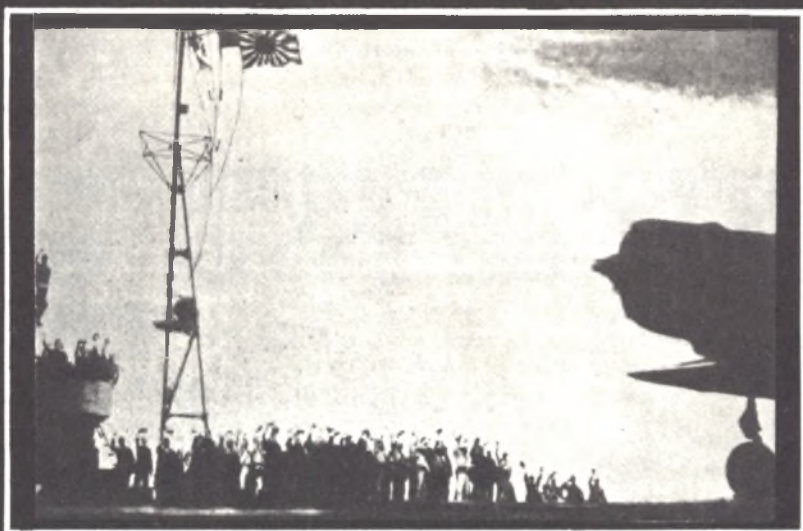
Приказы
императорской
ставки:
№ 564 о подготовке
к ведению боевых
действий в Южном
направлении и № 569
о развертывании
продвижения
на юг

Декабрь 1941 — ноябрь 1942 гг. Расширение военной экспансии Японии в зоне Тихого океана и на континенте

7 декабря 1941 г.
Ударом японской
авианосной авиации
по Перл-Харбору —
главной базе
Тихоокеанского
флота ВМС США
было положено
начало войне
на Тихом океане

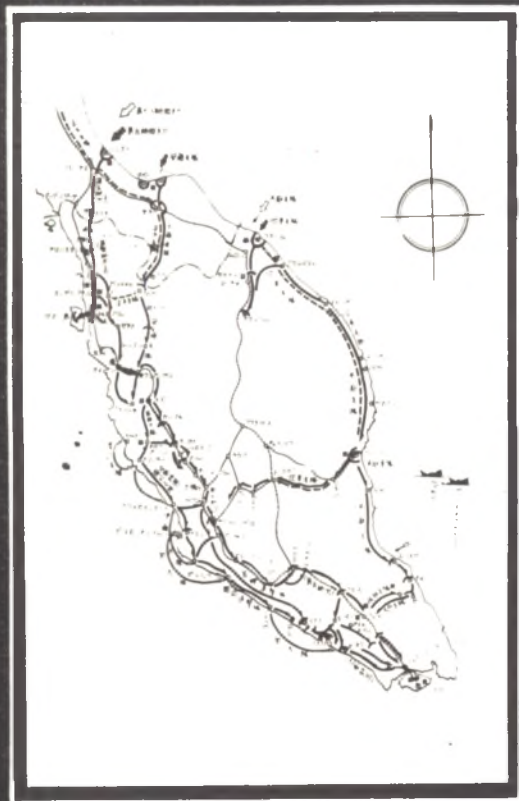
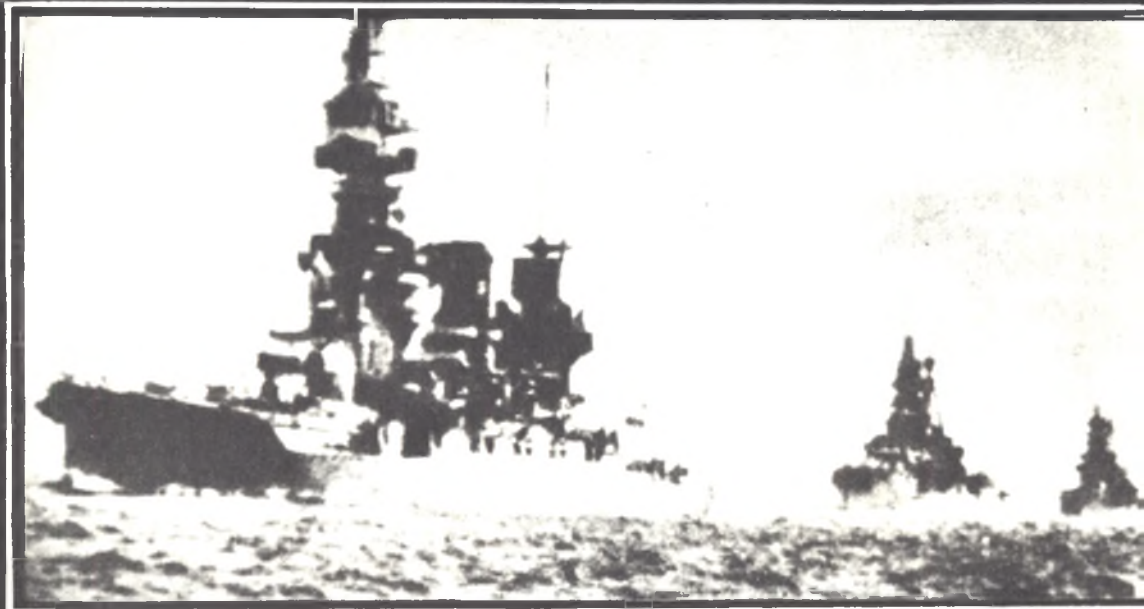
Самолеты первого
зшелона
покидают палубу
авианосцев.
Гавийская
операция началась

Перл-Харбор в огне

Практически одновременно с налетом на Гавайи начались операции вооруженных сил Японии по захвату Малайи, Филиппин, Борнео, Гонконга, Гуама, Уэйка и других территорий, был осуществлен ввод японских войск в Таиланд.

К ноябрю 1942 г. японская империя расширила свои владения вплоть до Бирмы на западе, Голландской Индии (Индонезии), о-ва Новая Гвинея и Соломоновых о-вов на юге, Маршалловых о-вов и о-вов Гилберта на востоке

Декабрь 1941 г.
Сосредоточение
японских
военно-морских
сил у берегов
Малайи.
Впереди линкоры
„Хисо“ и „Кирисима“

Куала-Лумпур

Ход операции
японских войск
по овладению
Малайей
и Сингапуром

Части 18-й
пехотной дивизии
держат путь
на Сингапур

Дислокация японских войск Южного направления

Огромные масштабы приняла Филиппинская операция японских войск и сил флота

Танки и пехота
из состава
14-й армии
продвигаются
в глубь о. Лусон
по мелководью
впадающей
в зал. Лингаен
р. Агуно

22 декабря 1941 г.
Войска 14-й армии
высаживаются
в зал. Лингаен
(о. Лусон)

25 декабря 1941 г.
На побережье
о. Лусон
высаживается
штаб 14-й армии
во главе
с командующим
генералом Хомма

П-ов Батаан
(о. Лусон).
Японские войска
на марше
в направлении
столицы
Филиппин
Манилы

6 мая 1942 г.
Японские захватчики
празднуют победу
в боях за крепость
Коррехидор,
где вплоть
до бегства
в конце марта
с Филиппинских
островов
укрывался штаб
командующего
американо-
филиппинскими
войсками
генерала
Д. Макартура

Капитуляция
американских
войск

1 мая 1942 г.
Войска 15-й
армии оккупировали
важный
стратегический
пункт
Бирмы
г. Мандалай

В июне 1942 г.
японский флаг
был поднят на о-вах
Кыска
и Атту
(Алеутские о-ва)

Нанесение
ударов авиацией
по американской
военно-морской базе
Датч-Харбор

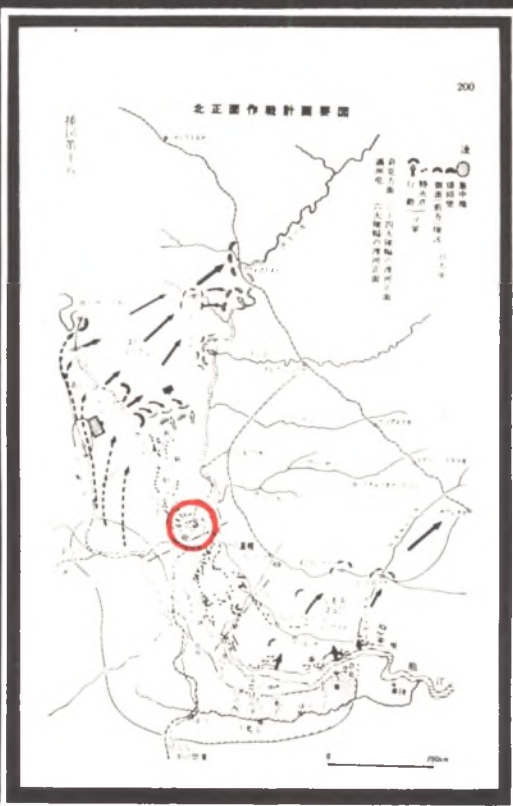
План операции
японских ВМС
в районе
Соломоновых о-вов

Захватывая территории на юге, японская военщина преследовала цель: накопить достаточное количество военных ресурсов, чтобы в удобный момент напасть на СССР

Приказ ставки на введение в действие плана „Кан Току Эн“, предусматривавшего усиление подготовки к войне против СССР

Планы на ведение боевых действий против Советского Союза в рамках „Кан Току Эн“. На схеме слева район Амурской области. В центре г. Благовещенск. На схеме справа — планы наступления на Хабаровск. Внизу — район Магдагачи

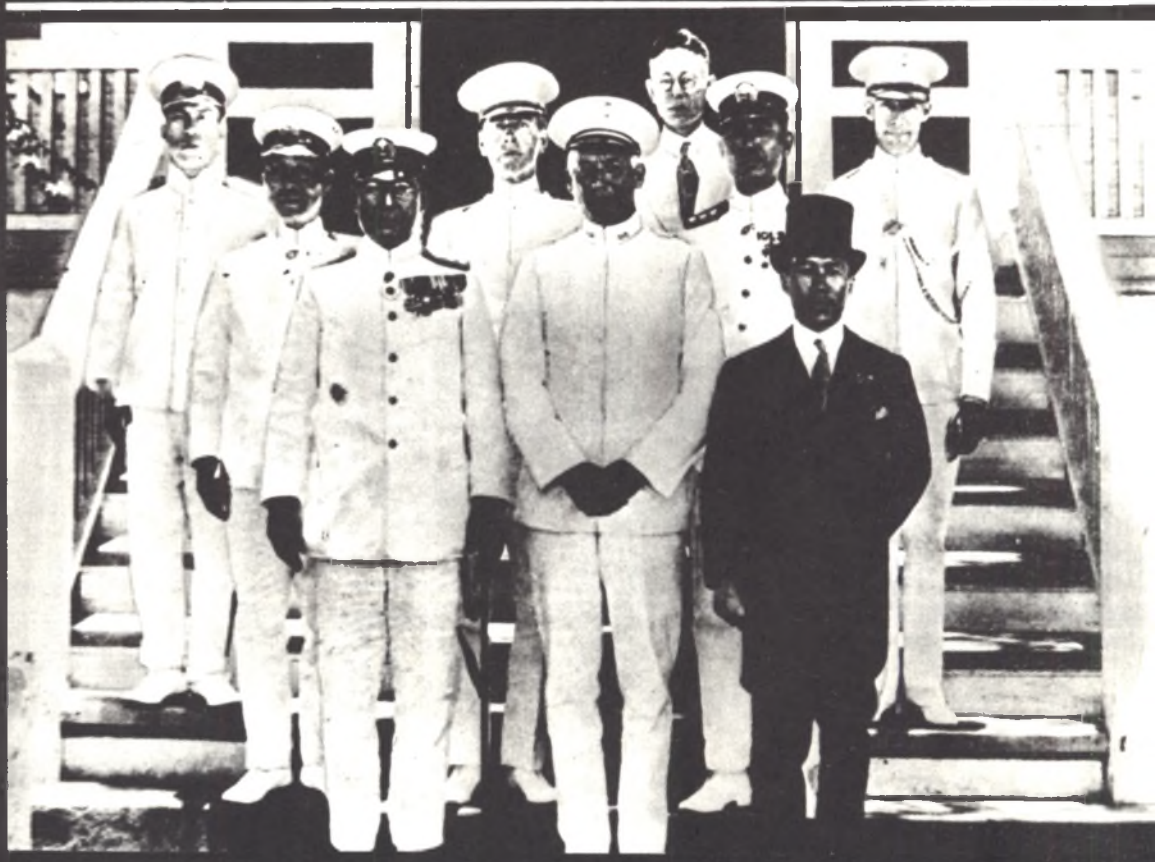
Намерения японского руководства захватить наряду с Сибирью и Приморьем Камчатку подкреплялись созданием на ранее отторгнутых у России Курилах крупных гарнизонов войск

Курилы. Подготовка
японских войск
к действиям
в суровых зимних
условиях

У истоков второй мировой войны стоял международный империализм, стремившийся к новому переделу поделенного в ходе первой мировой войны мира и к подавлению набравших силу революционных и национально-освободительных движений. До самого начала войны на Тихом океане империалистические круги США и Англии не теряли надежды на то, что главным противником Японии станет Советский Союз, и продолжали осуществлять с ней всесторонние связи.

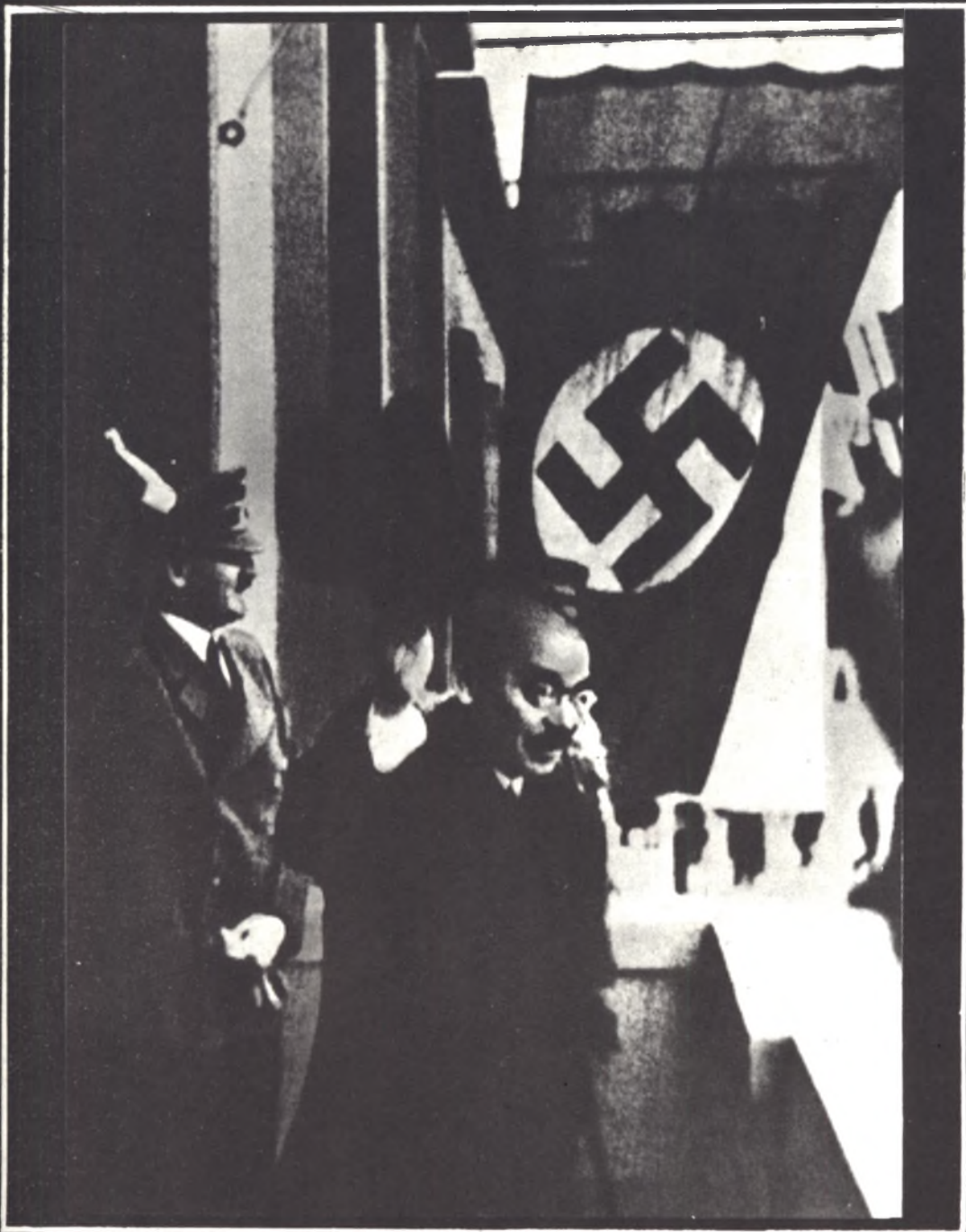
Такая политика подтолкнула Японию к осуществлению военной экспансии в Азии

1929 г. Адмирал Номура — посол в США в период развязывания войны на Тихом океане — на ежегодной встрече представителей вооруженных сил США и Японии в Гонолулу.

31 января 1941 г.
Прием в Берлине
японской
военной делегации

Март 1941 г.
Берлин. Гитлер
и Мацуока
после переговоров
приветствуют
с балкона
рейхсканцелярии
нацистскую
демонстрацию

1940 г. Соединенные Штаты поставляют Японии значительное количество сырья, продовольствия, металлолома и других средств, необходимых для усиления японского военного потенциала. Доля США в японском импорте материалов военного значения в этом году составила: по нефти и нефтепродуктам — **65,6%**; по металлоизделиям и машинам — **77%**; по стали и металлолому — **90,4%**; по металлическим сплавам — **99,3%**; по самолетам и запчастям к ним — **76%**. Значительна была помощь Японии и со стороны других капиталистических государств.

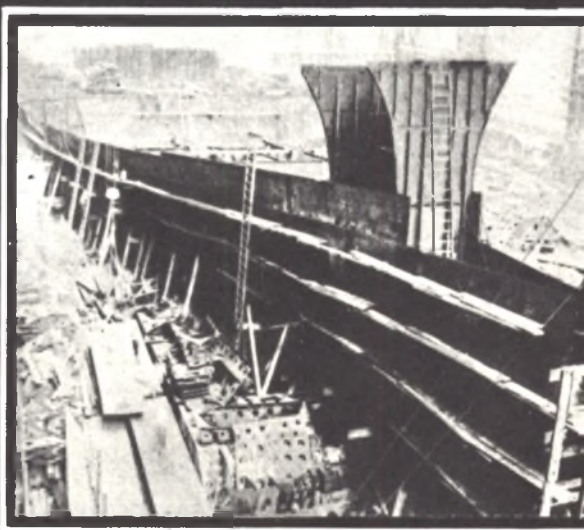
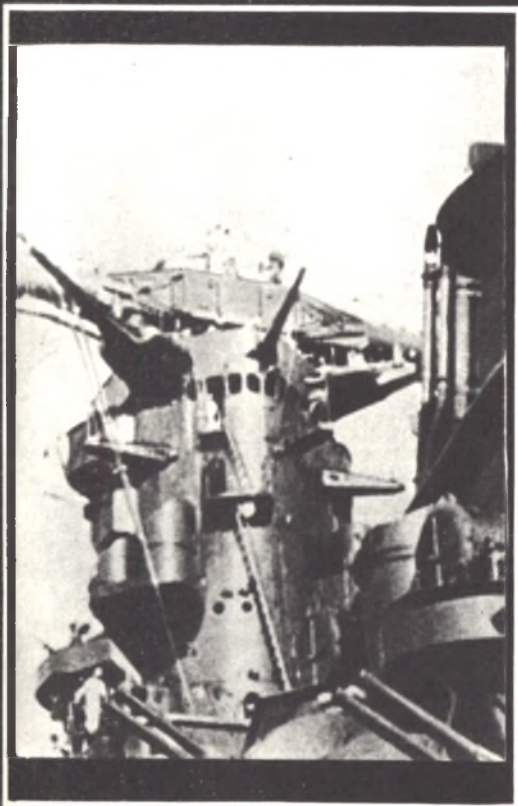
Главными виновниками преступной войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе являлись дзайбацу — монополии и военщина во главе с императором, располагавшим неограниченной властью главы государства и верховного главнокомандующего вооруженными силами.

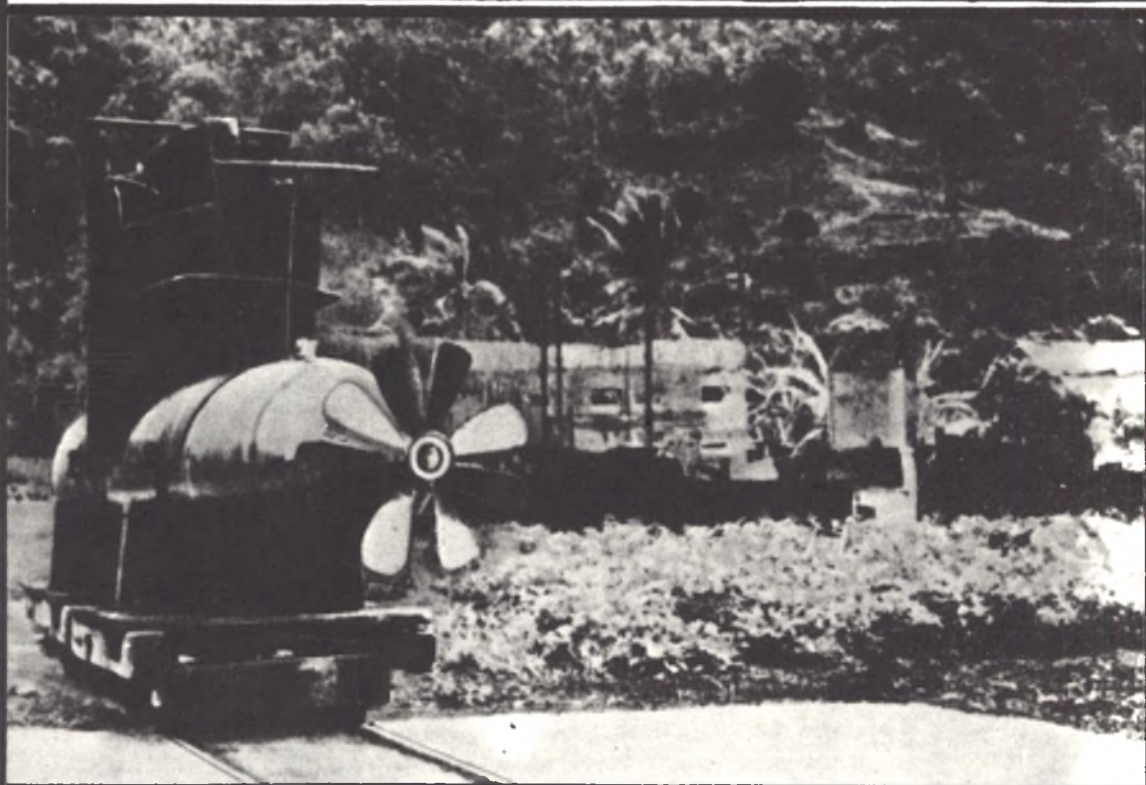
Только на Филиппинах грабежом национальных ресурсов занималось около 50 компаний и банков. На эксплуатации богатств Маньчжурии нажили огромные прибыли так называемые новые концерны, такие как „Ниттицу“, „Ниссо“, „Мори“, „Ниссан“ и др.

Заводы и верфи
концерна
„Мицубиси“

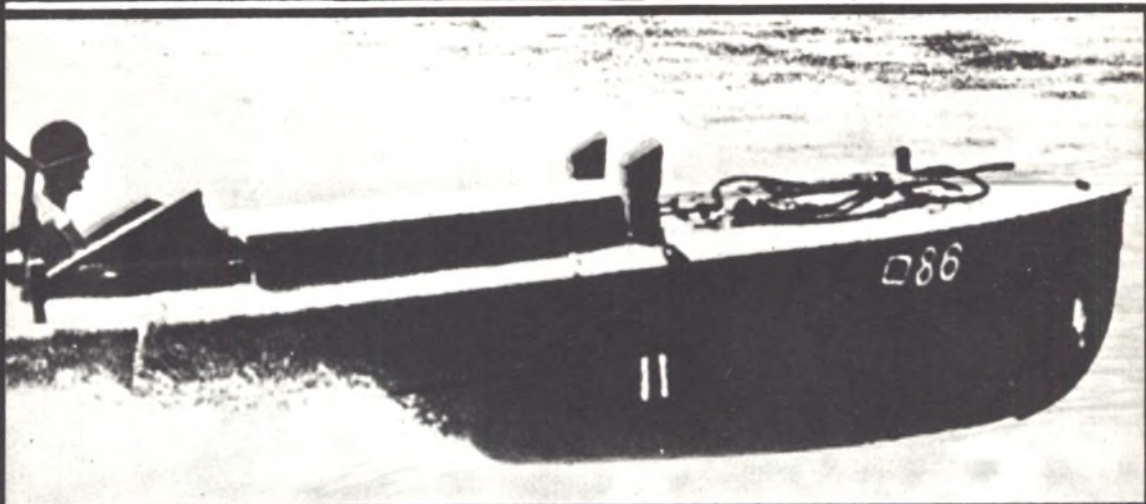
С началом войны в Китае верфь фирмы „Мицубиси дзюкогё“ в Нагасаки стала крупнейшим в Японии производителем авианосцев и др., оснащенных мощным вооружением крупных боевых кораблей

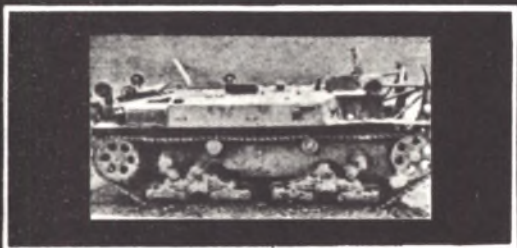
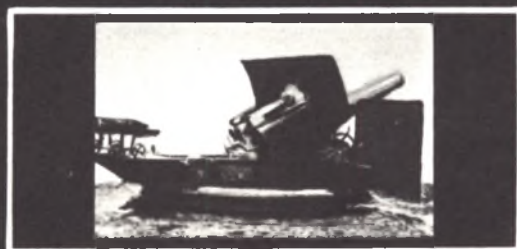
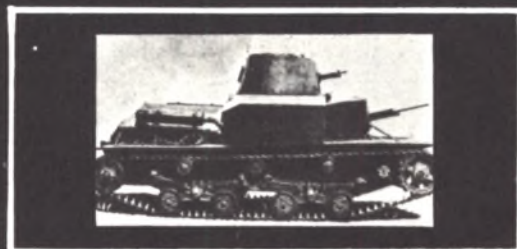
Торпеда „кайтэн”,
управляемая
водителем-
смертником

Несущий на себе
заряд большой
мощности
взрывающийся
катер „сине”

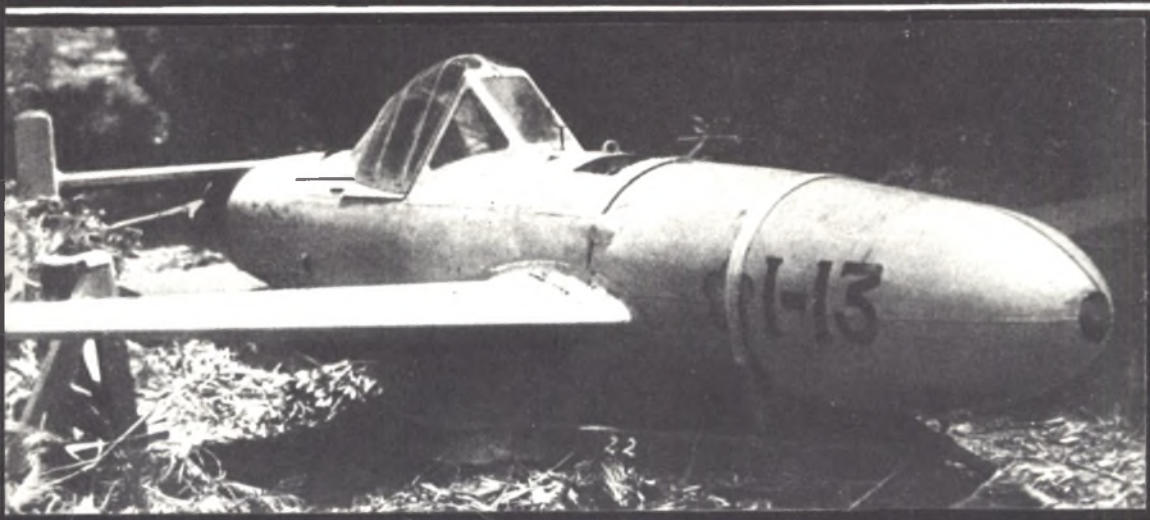
Некоторые образцы
военной техники
периода второй
мировой войны,
созданные
на военных заводах
Японии

В огромном количестве в вооруженные силы поступало оружие и боевая техника, выпускаемые на военных заводах в Японии и на заморских территориях

Завод
по производству
артиллерийских
систем

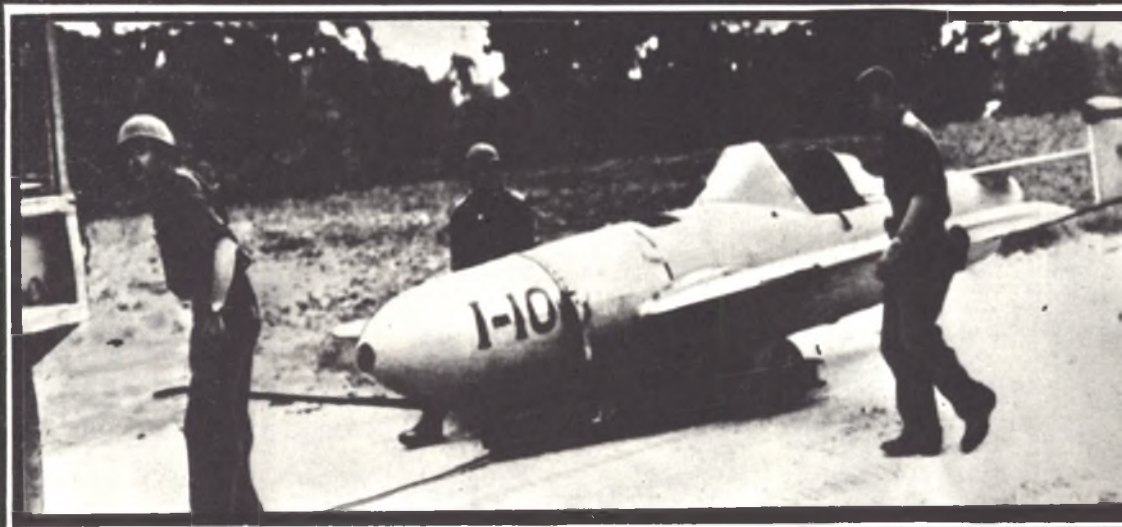
Самолеты-снаряды,
пилотируемые
смертниками
(„камикадзе“).

Многие сотни этих
смертоносных
для противника и
для самого летчика
крылатых адских
механизмов были
поставлены в войска
на завершающей
стадии второй
мировой войны

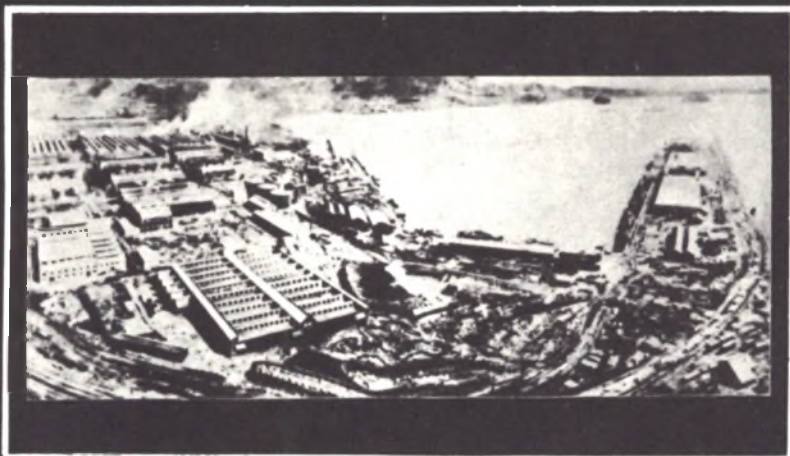

Летчики-смертники
„камикадзе“.
Ритуальный поклон
императору перед
боевым вылетом

Оружие
„камикадзе“ —
пилотируемая
бомба с ракетным
двигателем „Ока“,
обнаруженная
американцами
на Окинаве

Япония нещадно эксплуатировала сырьевые и производственные ресурсы оккупированных стран

Химический завод
в Корее,
превращенный
по приказу
японского военного
командования
в предприятие,
производящее
взрывчатые
вещества

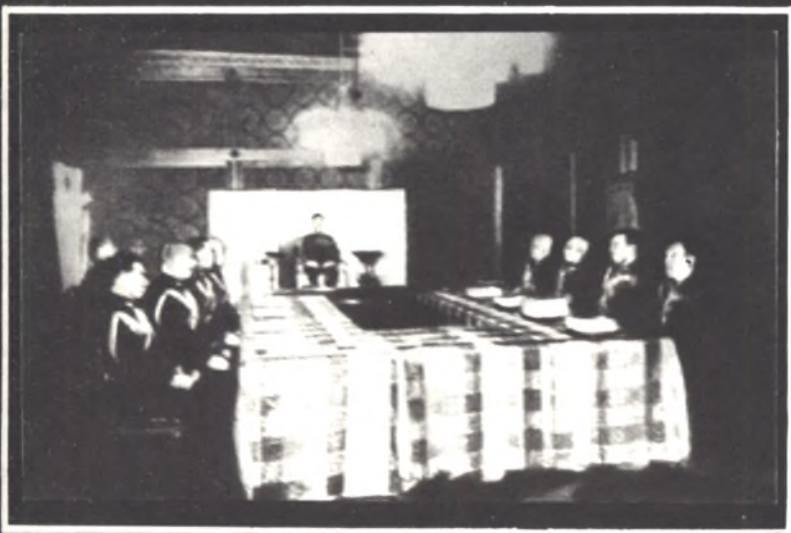
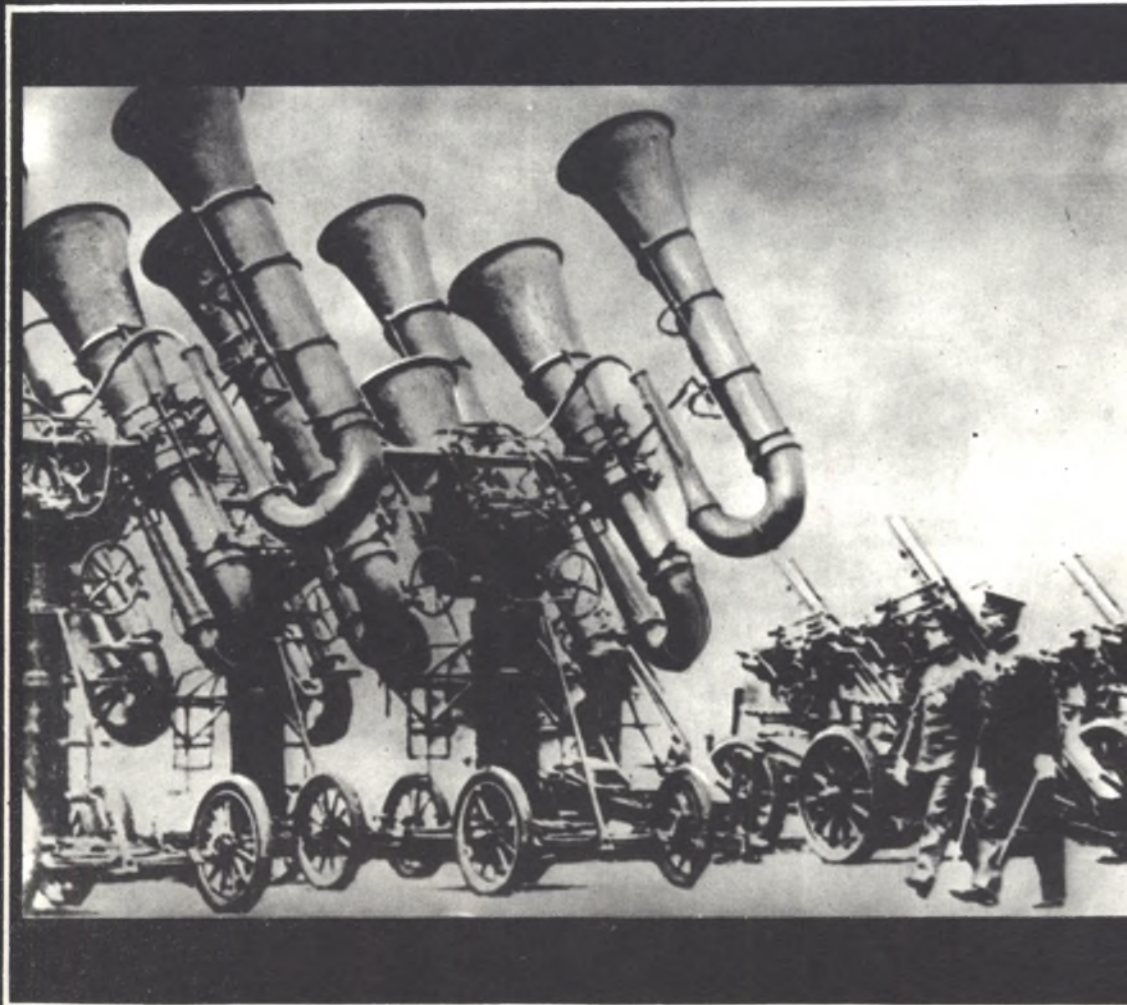

Вырубка леса
в Корее
для строительства
военных дорог

15 февраля 1942 г.
Крупный
воздушный десант
японских войск
ведет бой
за захват
нефтяных
месторождений
Палембанга
(Голландская
Индия)

Японский император, генералиссимус Хирохито (на снимке слева) — один из инициаторов развязывания второй мировой войны — инспектирует войска в районе Токио

На одном
из заседаний ставки.
В центре —
император,
непосредственно
осуществлявший
руководство
военными
действиями
Японии

Принц Коноэ,
неоднократно
возглавлявший
пост
премьер-министра
Японии

В период, когда
Коноэ
возглавлял свое
первое
правительство,
была развязана
война
с Китаем (1937 г.).
В 1940 г. он стал
главным
вдохнителем
движения
за фашизацию
Японии

Август 1941 г.
Военный министр,
а затем премьер-
министр Японии
Тодзио

1941 г.
Начало войны
на Тихом океане.
Кабинет министров
во главе с Тодзио

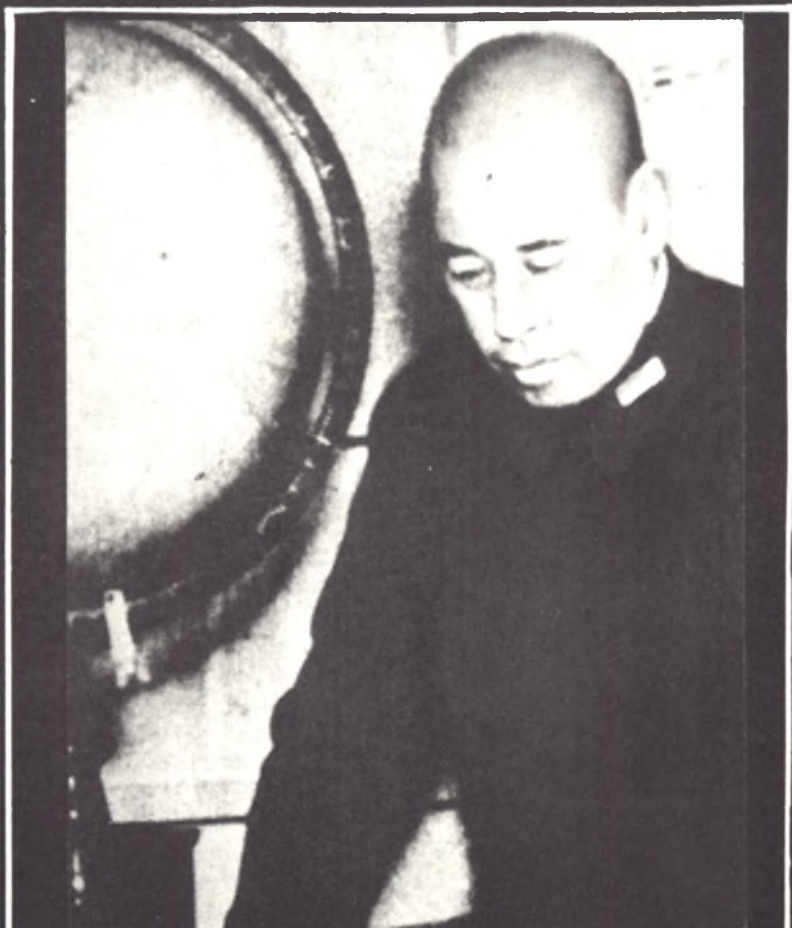

Октябрь 1941 г.
Начальники
генерального штаба
и морского
генерального штаба
генерал Сугияма
(слева)
и адмирал Нагано.

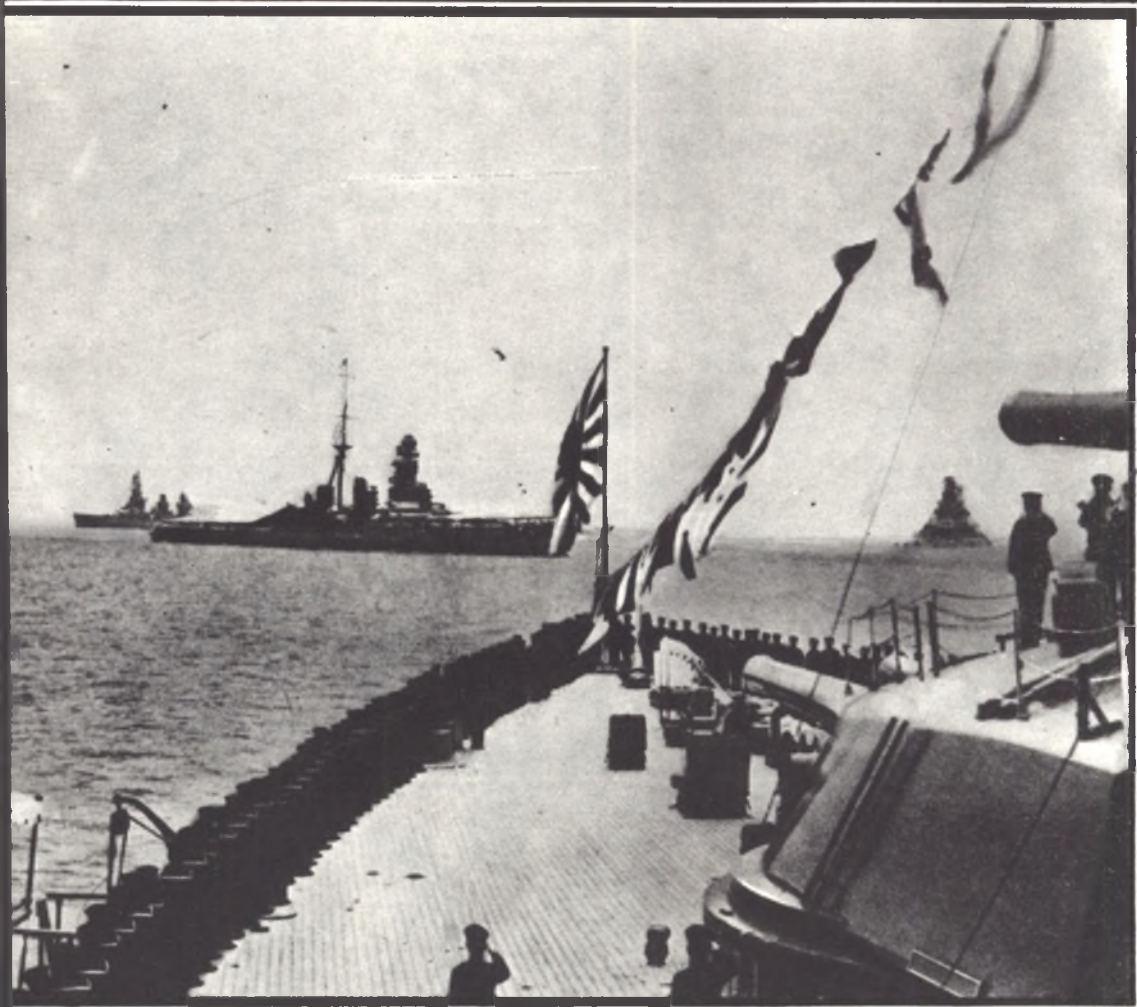

Непосредственно
руководили
разработкой
военных планов
Японии. Имели
доступ
к императору,
минуя кабинет
министров

Декабрь 1941 г.
Один из
инициаторов
развязывания
войны на Тихом
океане, автор
идеи нападения
на Перл-Харбор,
главнокомандую-
щий Объединенным
флотом японских
ВМС — адмирал
Ямамото

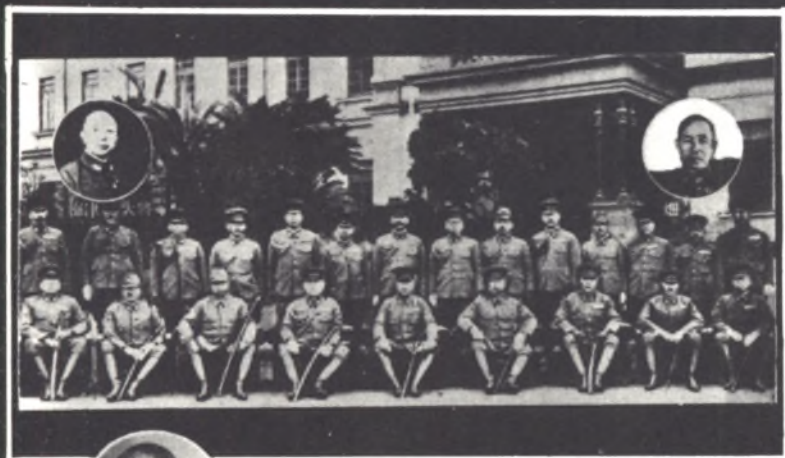

Большую роль в проведении агрессивной политики японских милитаристов сыграли императорские военно-морские силы

Группа
руководителей
японских ВМС
после завершения
Гавайской операции
(удара по
Перл-Харбору).
В круге — адмирал
Кога

Они сеяли смерть и разрушения

Декабрь 1941 г.
Высший командный
состав сухопутных
войск Японии.
В центре —
главнокомандую-
щий Южной
группой
армий генерал
Тэраути. В круге
слева —
главнокомандую-
щий Квантунской
группировкой
генерал Умэдзу,
справа —
командующий
Экспедиционными
силами в Китае
генерал Хата

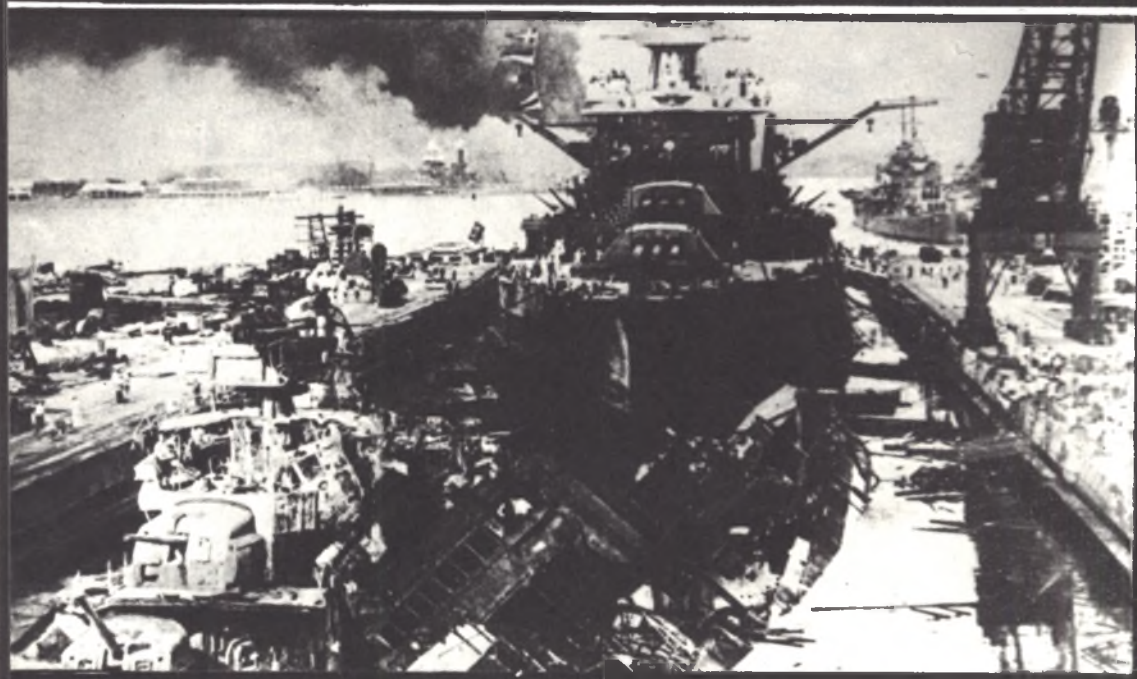

Штаб 15-й армии,
под руководством
которого была
осуществлена
оккупация Бирмы.
В круге —
командующий
войсками
Бирманского
фронта — генерал
Кавабэ

Командование
14-й армии,
оккупировавшей
Филиппины

7 декабря 1941 г. Внезапный удар, без объявления войны нанесенный японским авианосным соединением по главной военно-морской базе Тихоокеанского флота США в бухте Перл-Харбор, привел к потере или длительному выходу из строя **16 кораблей**, уничтожению **188 самолетов**, выводу из строя **свыше 3 тысяч** американских военнослужащих

Гибель в бухте
Перл-Харбор
крейсера „Аризона“

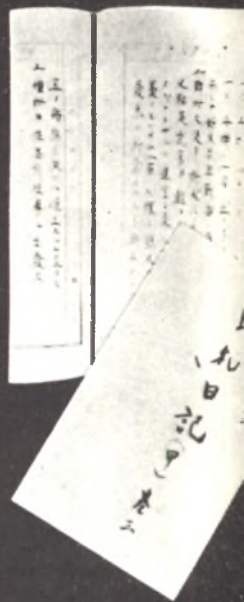

Перл-Харбор.
Горят нефтехранилища,
корабли,
самолеты

Декабрь 1941 г.
Филиппины.
Бомбардировщики,
на которые
делало главную
ставку
американское
командование,
не смогли даже
подняться
в воздух.
В ходе
Филиппинской
операции
японская авиация
вывела из строя
свыше
150 самолетов
ВВС США

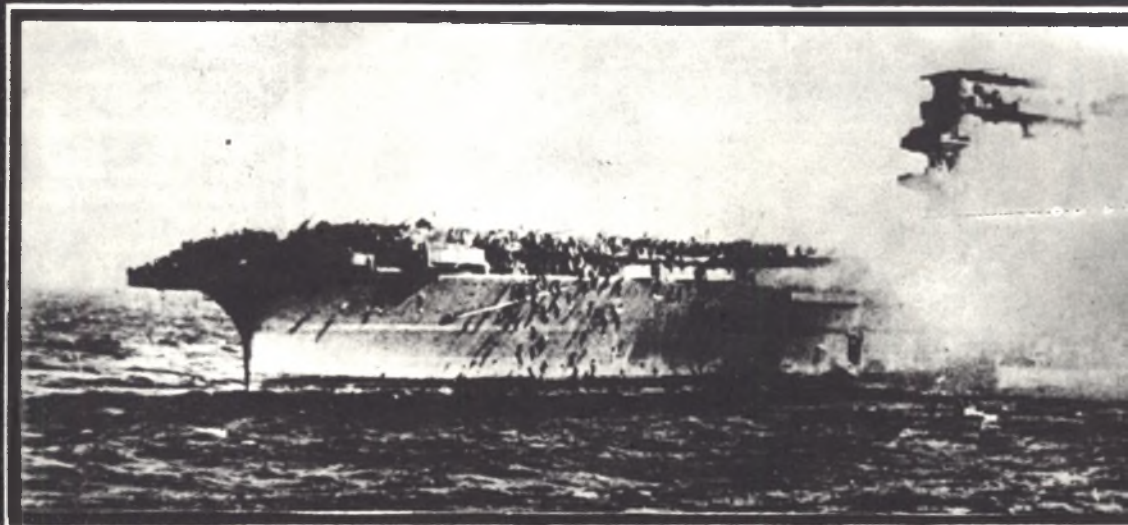
В первые дни войны
на Тихом океане
во время Малайской
операции
в Сиамском заливе
были потоплены
главные боевые
корабли
английского флота:
линкор
„Принс оф Уэлс“
и линейный крейсер
„Рипалс“

С первых дней
войны велся
так называемый
дневник войны —
дневник
преступлений

1 марта 1942 г.
В морском бою
у о. Ява погибли
английский
тяжелый крейсер
„Эксетер“
и эскадренные
миноносцы „Поуп“
и „Инкаунтер“.
На снимке —
последние минуты
крейсера „Эксетер“

Май 1942 г.
Авианосец
„Лексингтон“,
торпедированный
японцами
в Коралловом море

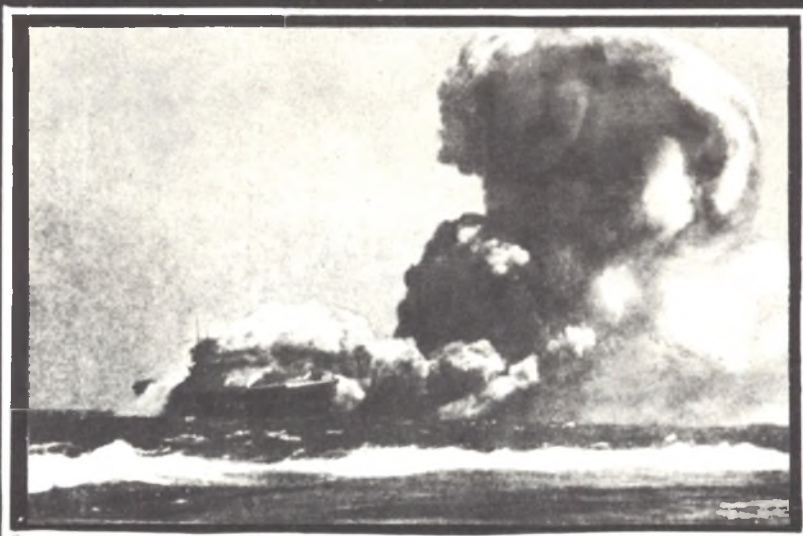

Экипаж корабля
выбрасывается за борт

Последние минуты
„Лексингтона“

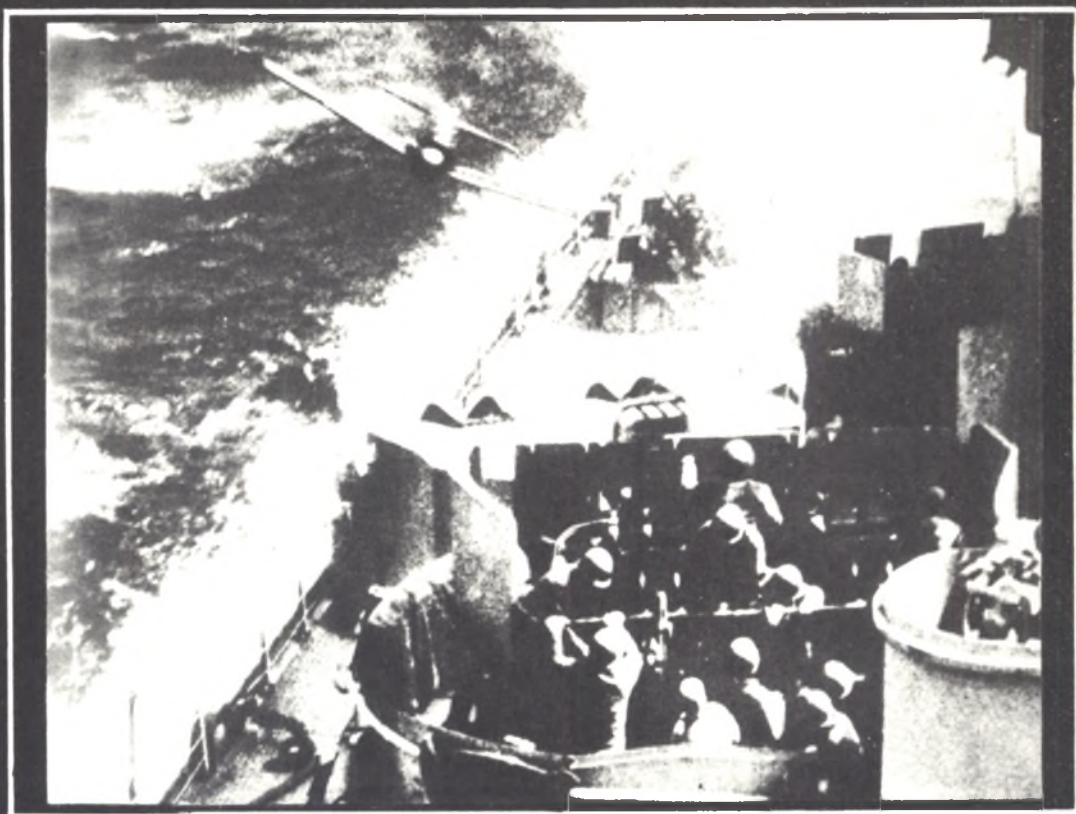
Июнь 1942 г.
Гибель
американского
авианосца
„Йорктаун“ в битве
за о-в Мидуэй

Сентябрь 1942 г.
Ожесточенное
морское сражение у
Соломоновых о-вов.
Торпедированный
в районе
о-ва Гуадалканал
японской подводной
лодкой
американский
авианосец „Уосп“

Удар „камикадзе“
по американскому
линкору „Миссури“,
на борту которого
2 сентября 1945 г.
был подписан
Акт о капитуляции
Японии

В первые месяцы войны на Тихом океане японские войска имели большое преимущество в воздухе и на море. Пользуясь этим, они безжалостно уничтожали отдельные гарнизоны противника на захваченных территориях

Последствия боевых
действий для
американских войск
на Филиппинских
островах

Кладбище
американских
военнослужащих
Маккирей
на Филиппинах

Многие населенные пункты, памятники национальной культуры были превращены японскими захватчиками в объекты варварских бомбардировок авиации и обстрела артиллерии, подверглись разрушению или полному уничтожению

1941 г. Китай.
г. Чанчунь.
Город-мишень
для японской
авиации

Пылающие
кварталы
Чунцина (Китай)

1941 г.
Части 18-й
пехотной дивизии
вступают
в г. Даньшуй,

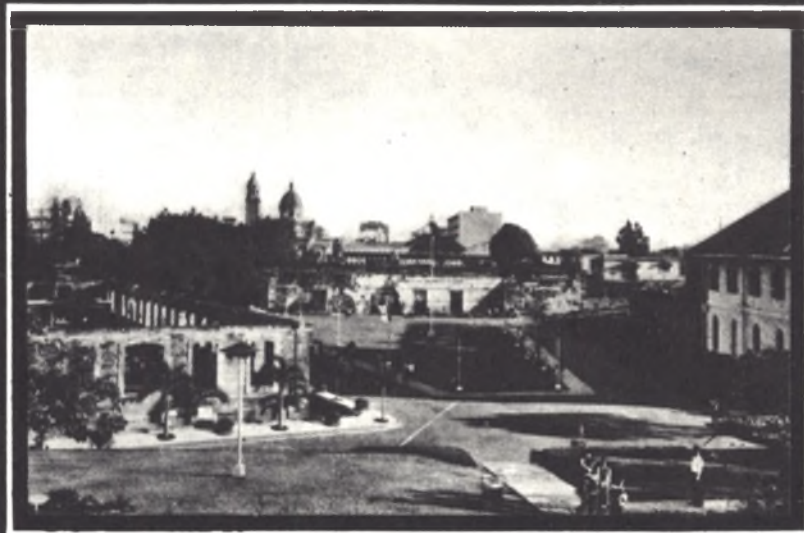
10 января 1942 г.
Японцы вступают
в охваченную
пожарами
столицу Малайи
Куала-Лумпур

Последствия
бомбардировок
японской авиации
Джоржтауна.
О-в Пенанг
(Малайя)

Разрушенное
здание в Багио
(Филиппины)

Стены разрушенного
японцами
памятника
испанской культуры
замка Форт-Сантьяго
(Филиппины)

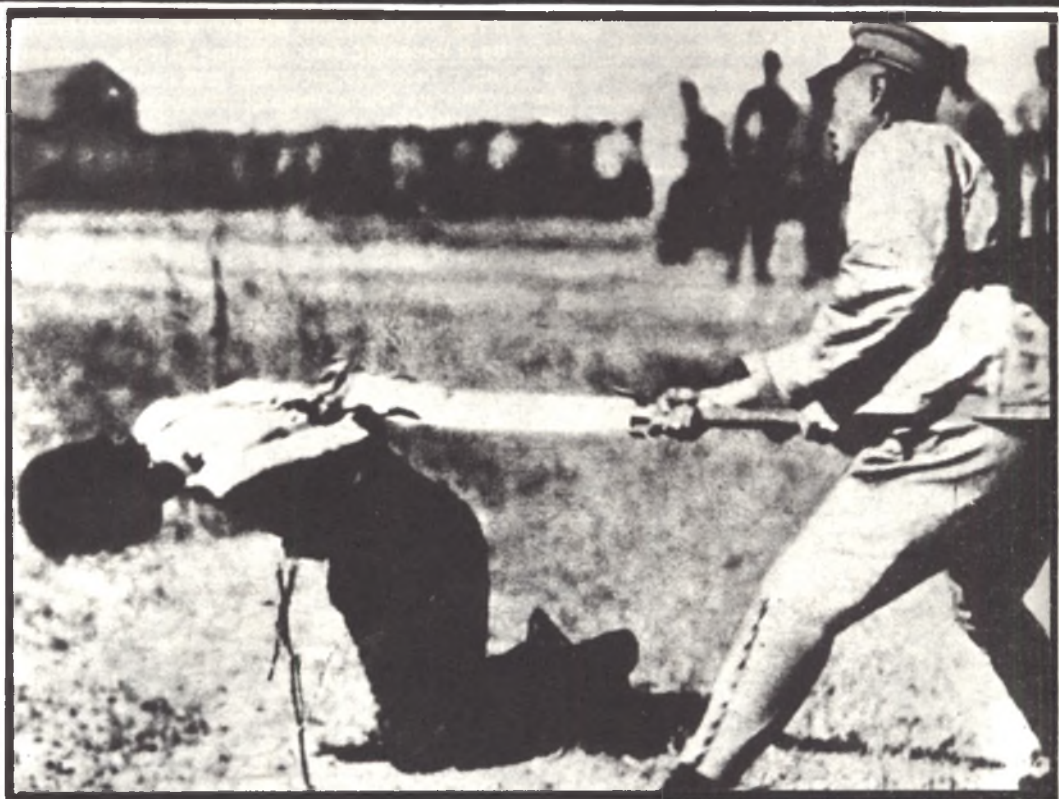
Взятая штурмом
святыня
бирманского
народа —
буддийский замок —
в г. Мандалай

Японские самураи XX века. Неслыханные зверства творили они везде, где только ступал их кованый сапог. Грабежи и погромы, убийства и насилия, изощренные пытки, применение варварских средств уничтожения всего живого были характерны для действий японской военщины в Китае, Бирме, Малае, Индонезии, на Филиппинах... Наиболее массовый характер японские злодеяния носили на территории Китая

1932 г. Жертвы
японских
милитаристов
в Маньчжурии

1937 г. Зверства
японских
захватчиков
в Китае

1938 г.
Одна из жертв
массовой
резни, учиненной
японскими
головорезами
в Нанкине.
Всего в этом
городе было
уничтожено
более 200 тыс.
жителей

Последствия
японской
бомбардировки
Сингапура

Опираясь на грубую военную силу, японские власти вынуждали правительства некоторых стран, например, Таиланда, к заключению выгодных Японии договоров и соглашений, создавали марионеточные правительства, беззащитно эксплуатировали людские ресурсы, грабили национальные богатства поработанных государств. Среди населения азиатских стран усиленно пролагандировался миф об освободительной миссии японских вооруженных сил к борьбе против „засилия белой расы“

Согнанные японскими солдатами для проведения инженерных работ корейские крестьяне

Так под дулами танковых орудий достигались нужные японцам „соглашения“ с тайландскими властями

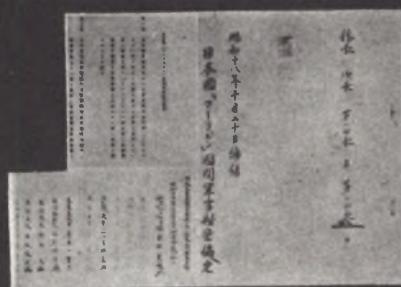
Танки и корабли в демагогически объявленной японцами 27 декабря 1941 г. „демилитаризованном городе“ столице Филиппин Маниле

На улицах Манилы. Японцы и введенная в заблуждение японской пропагандой некоторая часть филиппинцев приветствуют премьер-министра Японии генерала Тодзио, прибывшего 5 мая 1943 г. на Филиппины с целью инсценировать превращение их в „независимую страну“ во главе с продажным правительством

Секретное соглашение о сотрудничестве по военным вопросам между Японией и марионеточным „Филиппинским государством“

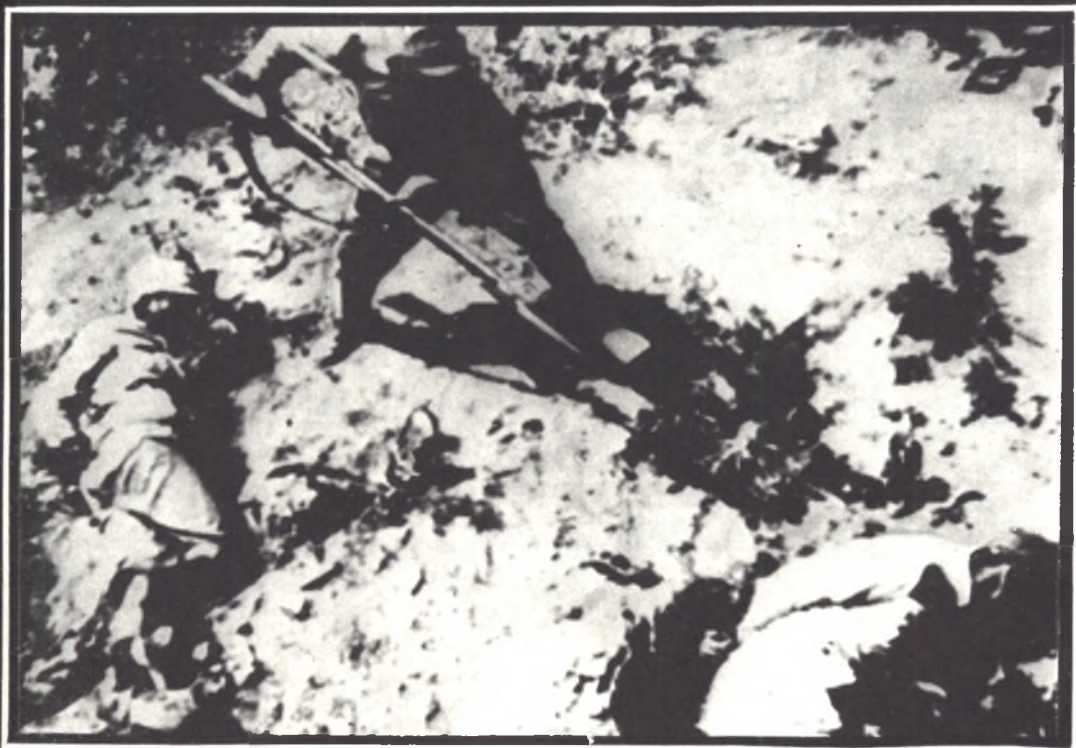

Ноябрь 1942 г. Создание Японией заграничного (в Сингапуре) „временного правительства свободной Индии“ во главе с Чандрой Босом. Поддерживающие Босу войска, так же как и вооруженные формирования марионеточных государств, использовались японцами для борьбы с партизанами и войсками союзников по антифашистской коалиции

Превращение Филиппин, части Китая, Бирмы и некоторых других стран и территорий в составные элементы „сферы сопроцветания великой Восточной Азии“ сопровождалось жесточайшими репрессиями в отношении народных масс, выступающих против марионеточных и оккупационных режимов военной диктатуры. За каждый случай „попыток причинить вред японским солдатам или частным лицам“ на Филиппинах, например, грозил расстрел десяти заложников. „Любые действия, противоречащие интересам японских войск“, карались смертной казнью. По подозрению в содействии партизанам целые семьи, а зачастую поголовно все население деревни или городка, включая детей, сжигались заживо. Крупнейшие города страны — Манила, Илоило, Давао, Себу — были разрушены более чем на две трети, дотла сожжены сотни деревень. Около 120 тыс. филиппинцев убиты в боях и в ходе карательных операций. Всего же, вместе с потерями, вызванными получившими в условиях оккупации огромное распространение голодом и эпидемиями, за годы войны ушло из жизни более 1 000 000 филиппинцев. Общая сумма только прямых убытков, понесенных Филиппинами в результате военных действий, достигла 1250 млн. долл. (в довоенных ценах)

Надменность, высокомерие, крайняя жестокость отличали японских агрессоров в отношении к военнопленным

Японские солдаты
отрабатывают
штыковые приемы
на пленных
китайцах

Лейтенант
Роберт Хайт —
один из восьми
американских
летчиков,
захваченных
на территории
оккупированного
Китая и
доставленных
на самолете
в Токио. Трое
из этой восьмерки
казнены, остальные
умерли в тюрьме

Февраль 1942 г.
Капитуляция
английских войск
в Сингапуре

Командующий
25-й армией
принимает
капитуляцию
от английского
генерала
Персиваля

О-в Ява.
Командующий 16-й
армией генерал
Имамура
принимает
капитуляцию
голландских
войск

6 мая 1942 г.
Капитулировавший
перед японскими
войсками
командующий
объединенными
американо-филиппинскими войсками
американский
генерал Уэйнрайт
обращается к своим
войскам с призывом
сдаваться в плен.
С потерей Филиппин
США лишились
колонии, в которой
безраздельно
хозяйничали
с 1898 года

Группа
американских
военнопленных,
захваченных
японцами в боях
за п-ов Батаан
(о-в Лусон)

Среди узников войны свирепствовала, унося многочисленные жизни, малярия

„Дорогой смерти“ назвали путь, который пришлось преодолеть по п-ову Батаан **50 тысячам** американских и филиппинских военнопленных, и **20–30 тысячам** местных жителей. Огромное количество пленных было убито японскими солдатами, погибло от голода, болезней и изнурительного, почти стокилометрового, перехода

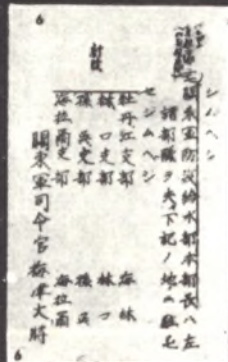
Чудовищные преступления были совершены японской военщиной против человечности. Более 10 лет, вплоть до поражения Японии во второй мировой войне, в строго засекреченных отряде № 100, отряде № 516 и особом отряде № 731 велась конкретная подготовка к ведению военных действий с применением химического и бактериологического оружия, в том числе массовые испытания на людях. Наиболее широко разработка этих варварских методов войны велась в располагавшемся в Маньчжурии особом отряде № 731, который в свою очередь имел целый ряд филиалов и испытательных полигонов. В этом возглавлявшемся генерал-лейтенантом Исии концлагере Квантунской группировки войск в неизмеримых мучениях погибло свыше **3 тыс.** военнопленных и других заключенных — китайцев, монголов, русских, американцев...

Военные преступники генералы Умэдзу (слева) и Ямада — бывшие главнокомандующие Квантунской группировкой войск. Первый из них санкционировал деятельность отряда № 731 в составе своих войск в 1933 г.; оба генерала осуществляли непосредственное руководство отрядом, главной задачей которого было создание потенциала ведения бактериологической войны против Советского Союза. На территории Китая существовало еще несколько отрядов, аналогичных отряду № 731

Руководство по службе секретной войны. Заглавный лист

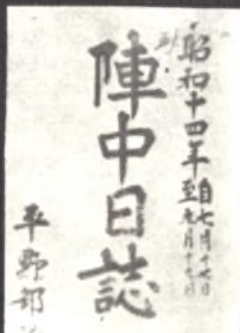

Так выглядели корпус особого отряда № 731

Оперативный приказ Квантунской группировки войск № 398/1-КО. Пункт 17 приказа (перечень филиалов отряда № 731)

Служебный дневник жандармской части Хирано с 17 июля по 19 сентября 1939 г. (массовая „особая отправка“). Заглавный лист

Пояснения к схеме

Хозяйственное управление. 1-й отдел, 4-й отдел. Лечебный отдел. Центральный коридор.

1-й этаж. 4-й отдел. Группы: Карасава (производство бактерий); Асахина (исследование сыпного тифа и производство вакцины).

2-й этаж. 1-й отдел. Группы: Иосимура (исследование обморожения); Минато (исследование холеры); Эдзима (исследование дизентерии); Оота (исследование сибирской язвы); Окамото и Исикава (исследование патогенеза); Утими (исследование сыворотки крови).

3-й этаж. 1-й отдел. Группы: Танабэ (исследование тифа); Футака (исследование туберкулеза); Кусами (фармакологические исследования).

Под цифрами

1. 1-й этаж. Лечебница, административно-хозяйственные органы.

2-й этаж. „Выставочная комната“ (образцы различных частей человеческого тела, отражающие результаты „исследований“), конференц-зал, „комната успешных“, кабинет начальника отряда, бухгалтерия, канцелярия, плановый отдел.

2. 1-й этаж. Почта, телеграф, административно-хозяйственные органы, библиотека.

2-й этаж. Классы для практических занятий.

3. Книгохранилище. 4. Группа Танака (исследование насекомых). 5. Группа Иосимура (исследование обморожения), холодильная камера. 6. Хозяйственные помещения. 7. „Бревна“, группа Арита (рентгеновская съемка). 8. „Бревна“. 9. Группа Касахара (исследование вирусов). 10. Группа Така-

хаси (исследование чумы). 11. Секционный зал (помещение для патологоанатомических вскрытий). 12. Печь для сжигания трупов. 13. Виварий спецгруппы. 14. Комната забора крови. 15. Конюшни. 16. Группа Ногути (исследование риккетсий). 17. Группа инженерных работ. 18. Газораспределительная камера. 19. Газгольдер. 20. Карательное помещение.

2-й отдел.

21. Метеогруппа. 22. Авиагруппа. 23. Ангарты. 24. Радиогруппа. 25. Группа Ягисава (исследование растений). 26. Взлетно-посадочная полоса. 27. Гаражи.

3-й отдел.

28. Транспортная группа.

Отдел материального снабжения.

30. Блок „ро“ (хранилище вакцины, стерильные холодильные камеры и термокамеры, термокамеры высокой температуры, канцелярия, гараж).

31–38. Административно-хозяйственные помещения. (Объектов под номерами 39–49 на схеме нет, так как они находились в Харбине).

Учебный отдел.

50–59. Учебные и административно-хозяйственные органы и помещения.

„Деревня Того“.

60. Синтоистский храм. 61–71, 73–74. Жилые и хозяйственно-бытовые помещения для сотрудников отряда. 72. Газовая камера. 75. Ограждения из колючей проволоки. 76. Земляной вал. Ров без воды. Ток высокого напряжения. 77. Земляной вал. Ров без воды.

Схема восстановлена на основании аэрофото съемки, произведенной в августе 1940 г. Схему выполнил бывший сотрудник военно-топографической группы исследовательского отдела хозяйственного управления отряда № 731 Тадзио Иосида.

СТИХИ О РАСПЯТЫХ

(отрывок)

Обмерзшие тела...
Их надо рисовать.
Дрожит рука художника от страха.

Вот узника рука,
Чернея, отмерзает,
Отваливаясь месивом кровавым.

Рассек живое тело
Скальпель острый.
И стынет, запекаясь, кровь на нем.

Палящий летний зной,
Колонна заключенных;
Звон кандалов зловещий, стоны, плач.

„Бежим!“ — звучит призыв,
Но выстрел раздастся.
Освобождением от муки стала смерть.

„Долой империализм!“ —
Так узники писали
Свою кровь на тюремных стенах.

В пылающем костре
Жгут трупы заключенных.
Все предают огню, чтоб замести следы.

Распятым на крестах
Подопытным отряда
Чумные блохи муки, смерть несут.

Кровавый дьявол
В облике врача
Вершил свои жестокие дела...

Стихи написаны одним из бывших служащих отряда № 731 через двадцать с лишним лет после эвакуации отряда из местечка близ Пинфань

История учит: расплата за агрессию неизбежна. Не является исключением и Япония, народ которой жизнями и кровью заплатил за преступления дзайбацу и гумбацу. Около **3,3 млн.** японцев погибли или пропали без вести в ходе и в результате военных действий. Свыше **300 тыс.** стали инвалидами

Бравурное начало ...

и бесславный конец. Многие тысячи японских солдат вернулись с полей сражений, неся на груди урны с прахом своих однополчан

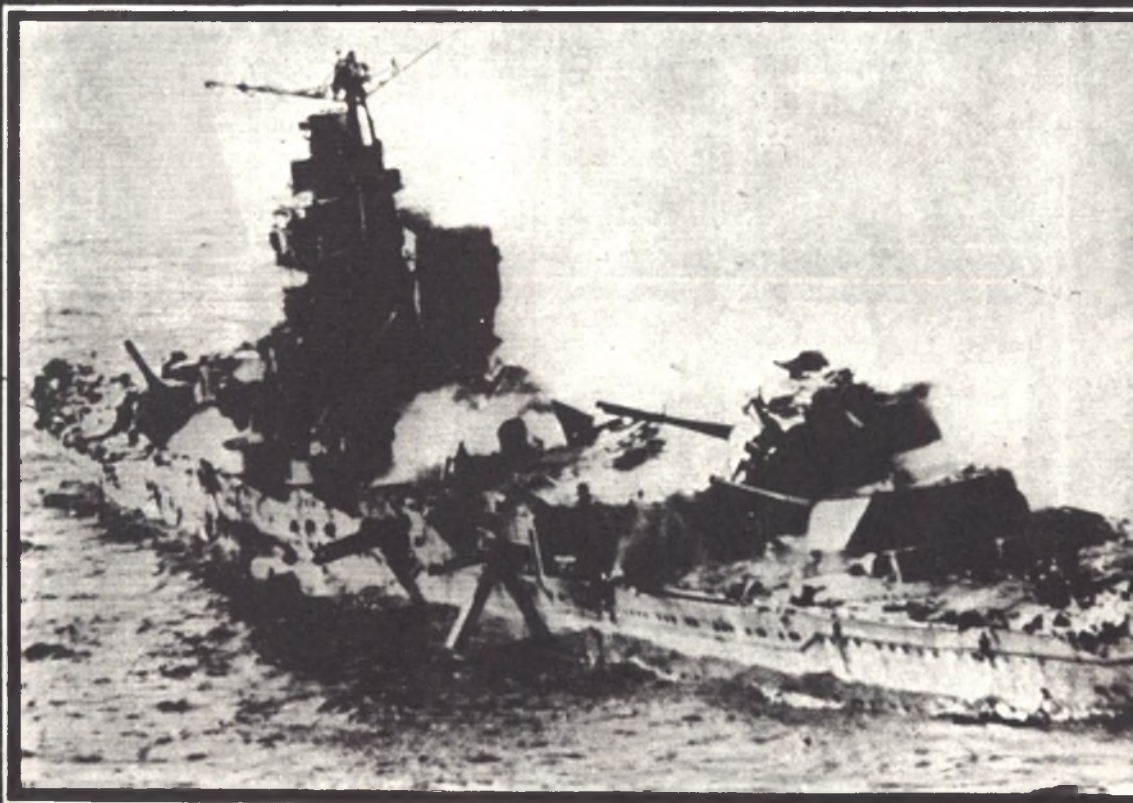
Общая сумма материальных потерь составила для Японии свыше **105 млрд.** иен в современных ценах. Общий тоннаж потерянных кораблей и судов японских ВМС (682 ед.) составляет около 6 млн. т, в том числе 79 крупных кораблей общим водоизмещением около 900 тыс. т. Страшными трагедиями для японского народа стали атомные бомбардировки американцами городов Хиросима и Нагасаки. Свыше **1000** японцев за военные преступления приговорены трибуналами и судами различных стран к смертной казни, по **941** из них приговор приведен в исполнение

7 мая 1942 г.
Коралловое море.
Первый потерянный
японцами авианосец
„Сёхо“

Июнь 1942 г.
Первое крупное
поражение
японского флота

В битве
за о-в Мидуэй
потеряно
4 авианосца,
крейсер,
250 самолетов.
На снимке —
гибель тяжелого
крейсера
„Микума“

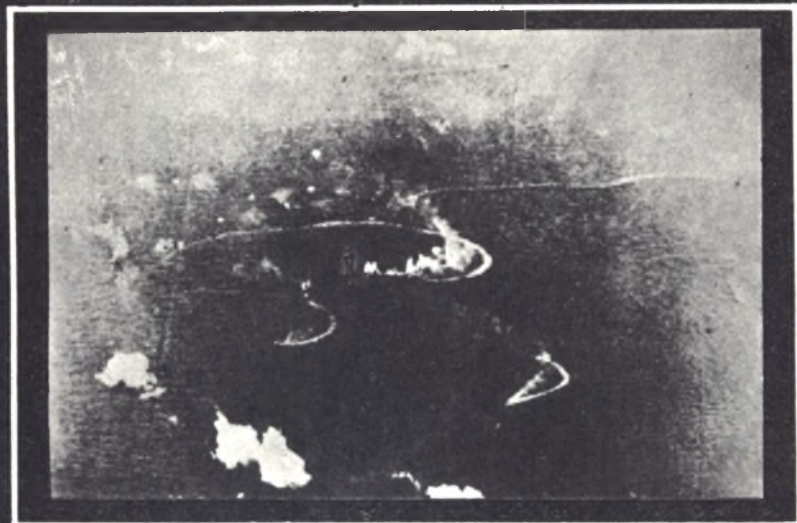

Осень 1943 г.
Американская
авиация наносит
удар по позициям
японской
18-й армии
в районе Саламоа
(Новая Гвинея)

7 апреля 1944 г.
Гибель
у о-ва Окинава
гордости японских
ВМС линейного
корабля „Ямато“

19 июня 1944 г.
Безраздельно
завладевшая
господством
в воздухе
авиация союзников
наносит удары
по японским
кораблям
в ходе крупного
морского сражения
у Марианских о-вов.
Из 9 японских
авианосцев лишь
2 после боя
остались в строю.
Из 360 самолетов
палубной авиации
уцелело только 25

Крупные потери
транспортный
флот Японии.
Гибель военного
транспорта
у о-ва Гуадалканал

Налеты
американской
авиации
на Японские о-ва.
Американские
бомбардировщики
на фоне священной
горы Фудзи

Пожары в Иокогаме

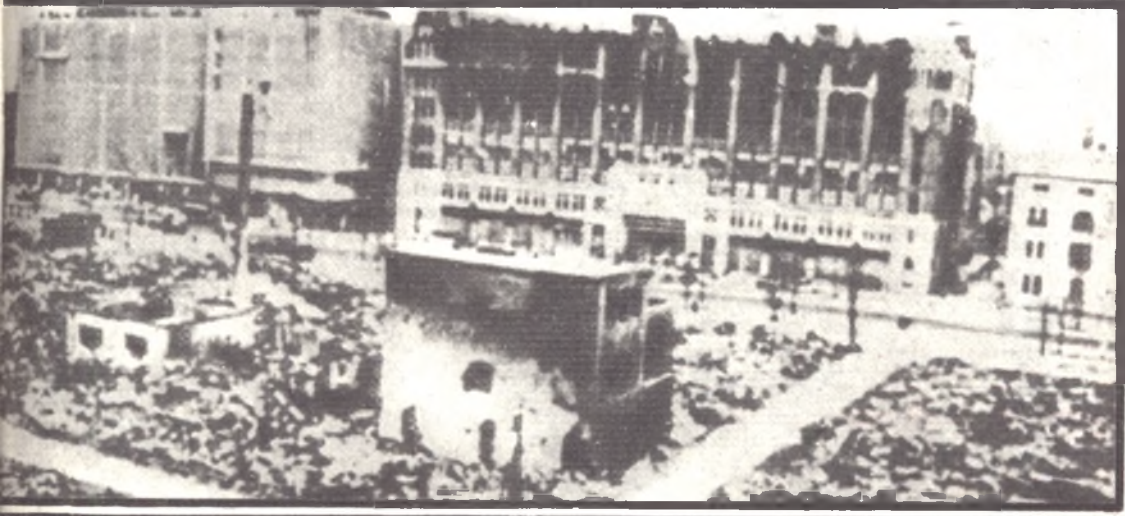
Горят жилые
кварталы

г. Осака,
разрушенный
американскими
стратегическими
бомбардировщи-
ками „В-29”

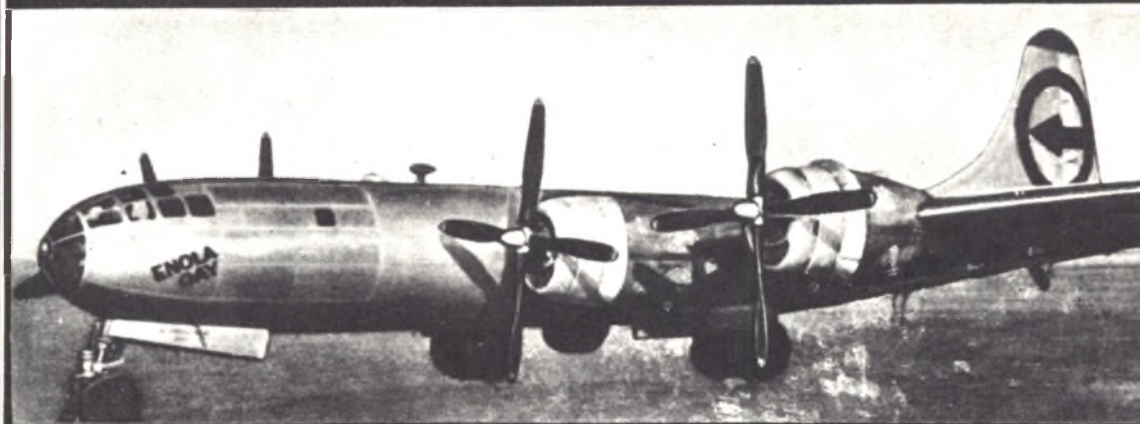

4 июля 1945 г.
Руины г. Такамацу
(преф. Кагава).
В результате налетов
бомбардиро-
вщиков США этот
город был
разрушен на 80%

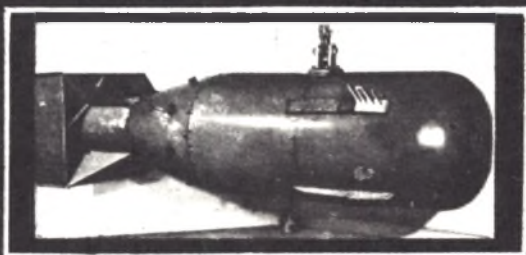

Разрушенный
6 августа 1945 г.
американской
атомной бомбой
г. Хиросима

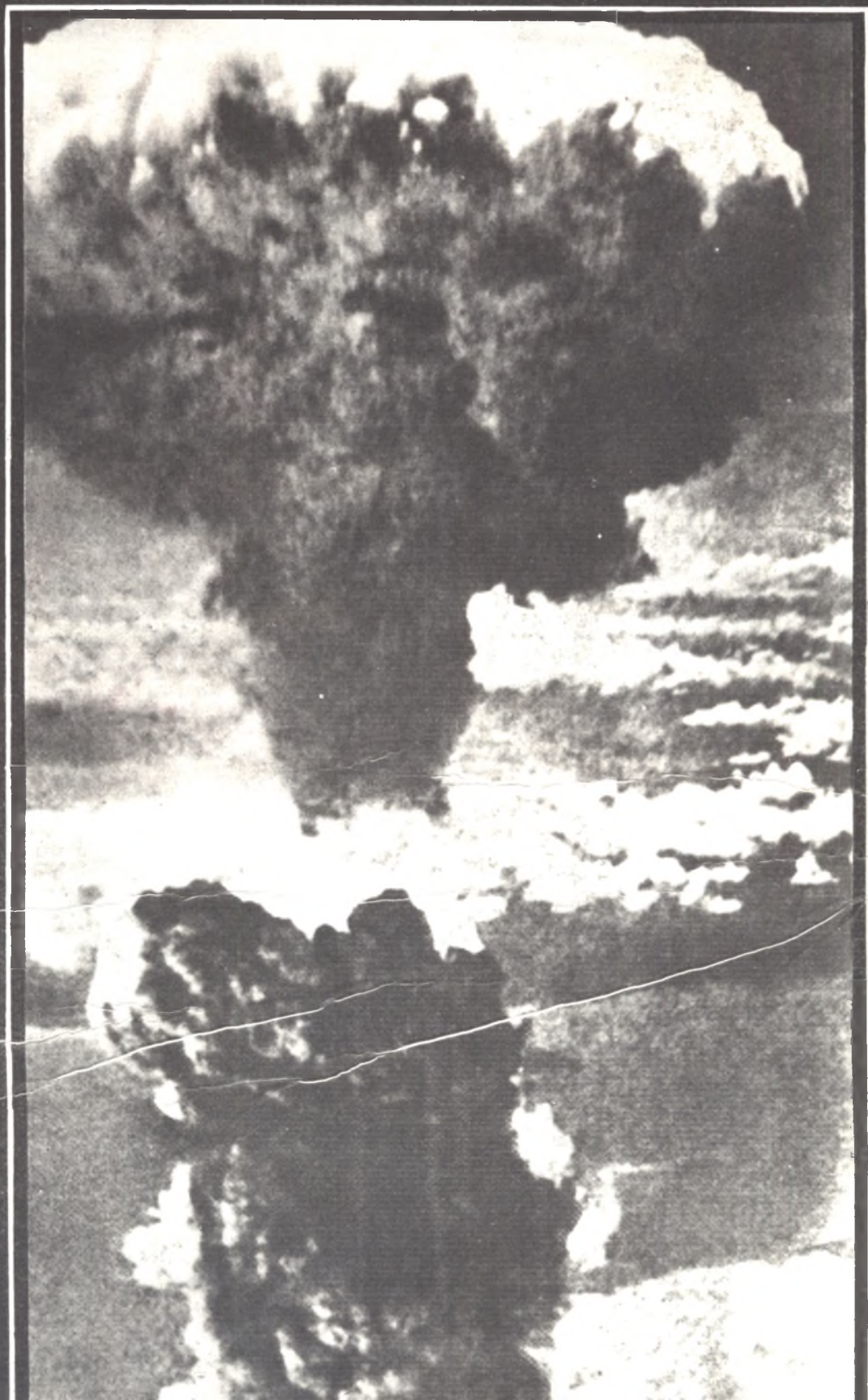
Американский
бомбардировщик
„Энола Гэй“,
с которого была
сброшена атомная
бомба на Хиросиму

Атомная бомба
„Малыш“,
сброшенная
на Хиросиму

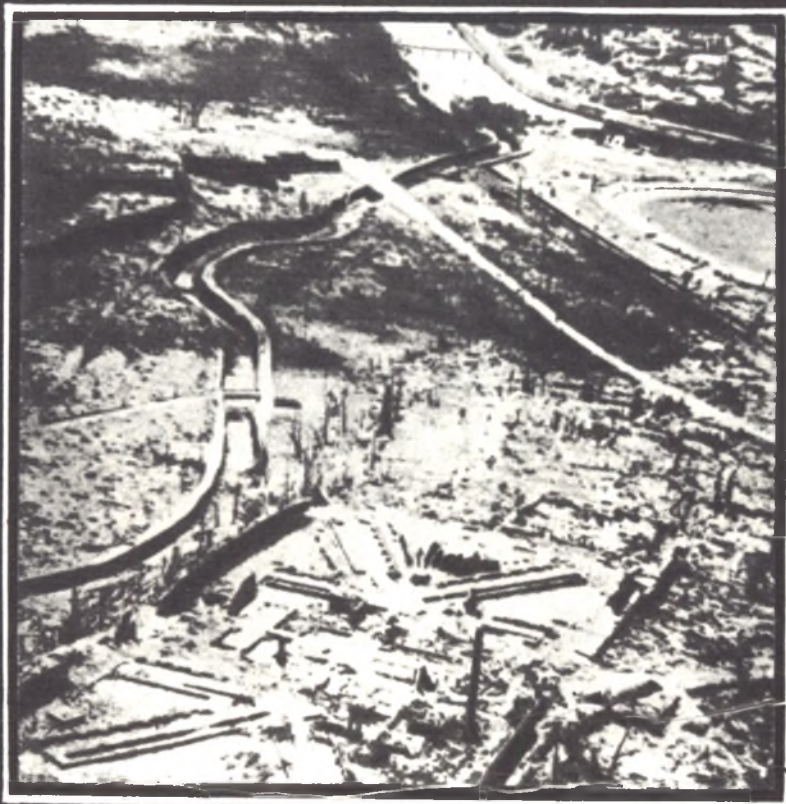
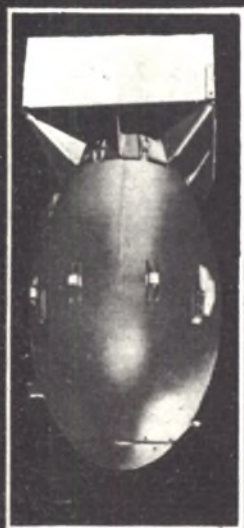
Командир экипажа
„Энолы Гэй“
П. Тиббетс

Атомный взрыв
над Нагасаки
9 августа 1945 г.

Развалины Нагасаки

Атомная бомба
„Толстяк”,
разрушившая
Нагасаки

Мучительная смерть
от атомного смерча

Жертвы атомной
бомбардировки
в Хиросиме
и Нагасаки

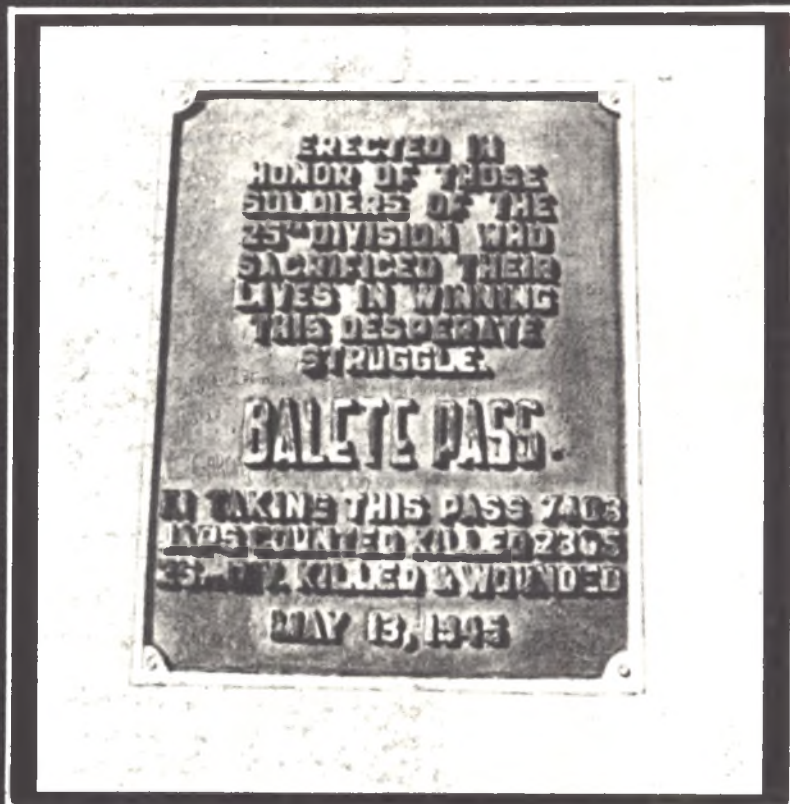
Свыше 2 млн.
солдат и офицеров
бессмысленно
сложили свои
головы во имя
интересов
японских
монополий и
военщины

Куда бы ни
ступала нога
японского
захватчика,
везде он встречал
вооруженное
сопротивление.
Последствия
столкновений
с китайскими
партизанскими
отрядами

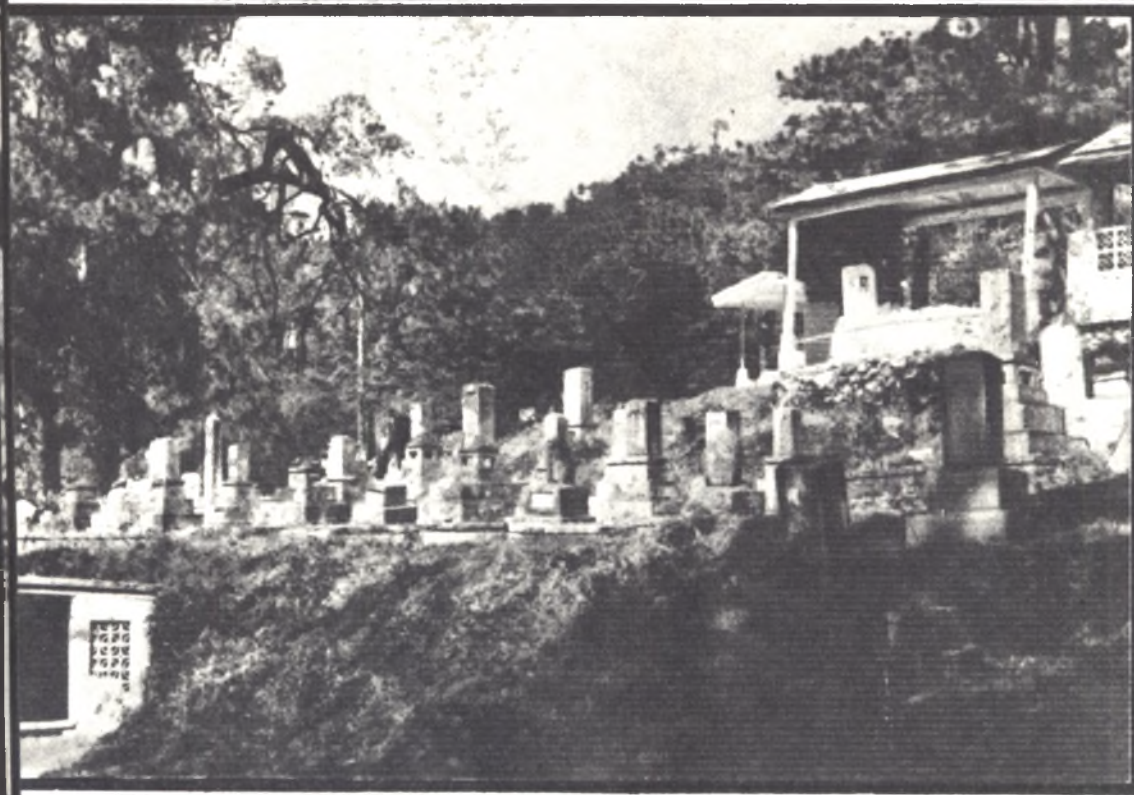
Многие солдаты
и офицеры
японского
войскового
соединения
„Хризантема“
похоронены
на этом кладбище
в Сингапуре

Филиппины.
7403 японских
солдата и офицера
погибли на перевале
Балете весной
1945 г.

Еще со времен
первых японских
колонистов
заложено это
кладбище на
о-ве Лусон

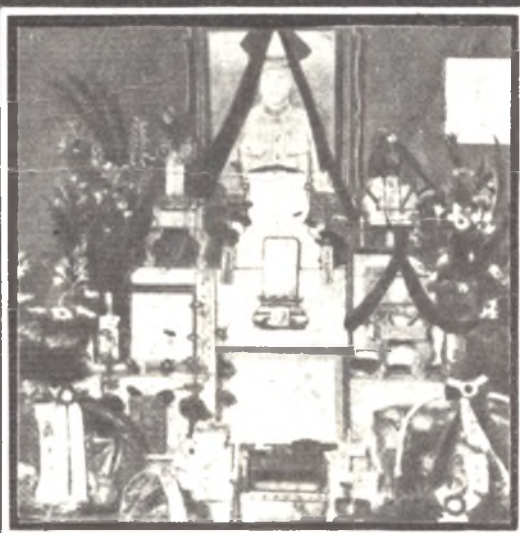

Потери японцев
на Филиппинах
в 1945 г.
достигали половины
численного состава
войск. Японское
кладбище
на о-ве Минданао

Прах японских
солдат на алтаре
буддийского храма

Захоронения
японских войск
на о-ве Окинава

Завершение
бесславного
похода в Китай

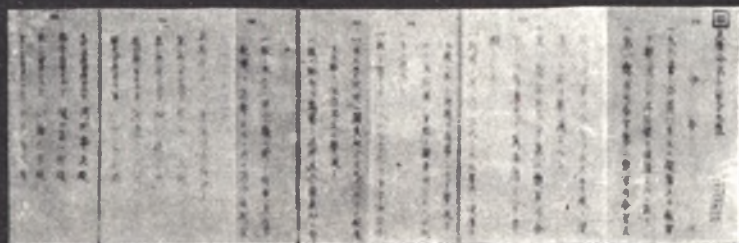
Кто вернет этому
японскому ребенку
отца, прах которого
он держит на груди?

На Окинаве
погибло около
165 тыс.
гражданских лиц.
Дети — жители
острова,
получившие ранения

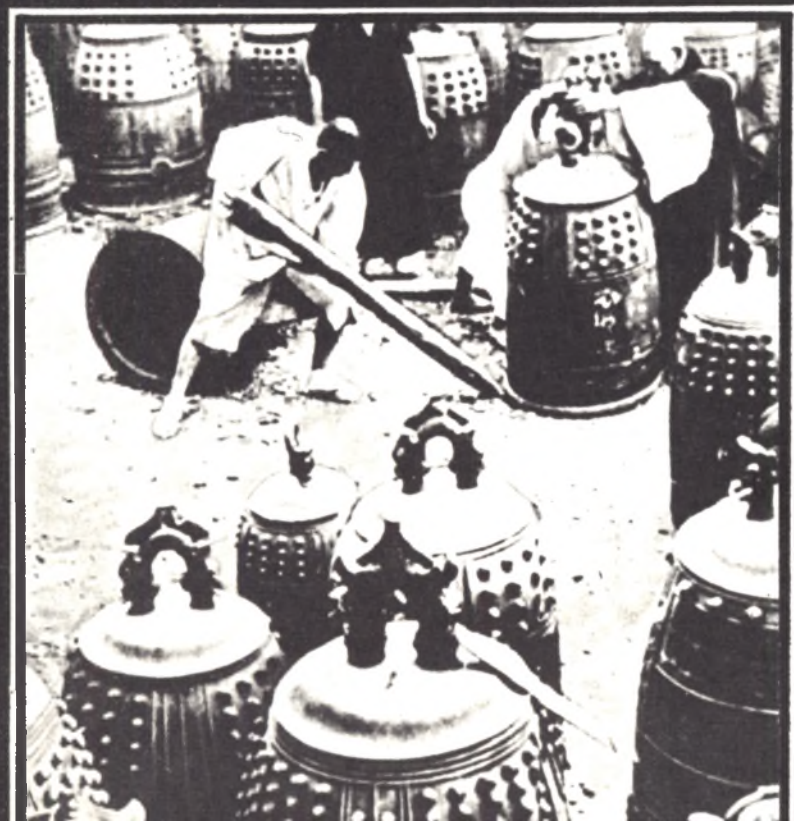
Несмотря на огромные потери и утрату инициативы на всех фронтах, милитаристская верхушка японского государства сделала ставку на ведение войны „до последнего солдата“ в течение 20 и более лет „вплоть до полной победы“

Правительство
адмирала Судзуки,
взявшее курс
на продолжение
войны

Приказ
императорской
ставки
„О подготовке
к решительным
боевым действиям
на территории
собственно
Японии“

Страна превращалась в единый военный лагерь, предусматривалось от мобилизовать 2,5 млн. человек, все ресурсы страны были направлены на обеспечение военных нужд. Готовилось убийство многих новых миллионов японцев и солдат противника

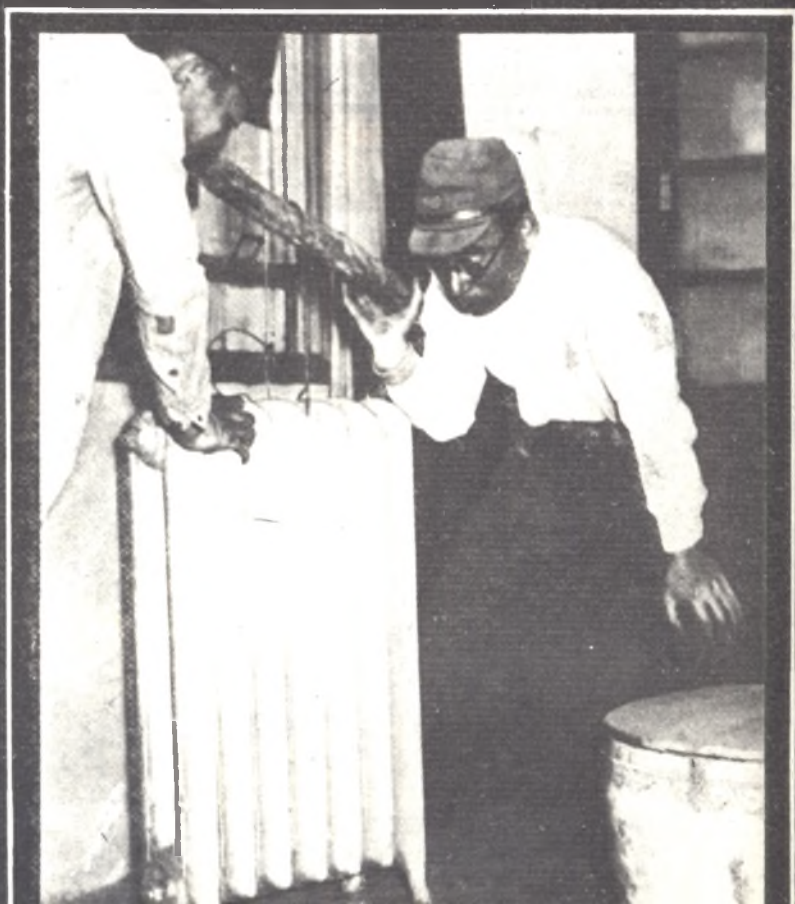
Буддийские монахи
приносят жертву —
колокола — молоху
войны

Принятый 8 июня
1945 г.
в присутствии
императора
„Основной курс
на дальнейшее
ведение войны“

Каждый клочок
земли — для
производства
продовольствия,
каждый грамм
металла — для
отливки пушек
и снарядов

Специально для защиты японской территории от налетов американских стратегических бомбардировщиков „В-29“ были разработаны самые мощные в мире 150-мм зенитные пушки. До конца войны заводы успели изготовить только две такие пушки

Члены „Женского общества защитников Великой Японии“ готовят посылки с медикаментами и продовольствием на фронт

Женщины и дети на строительстве бомбоубежищ в Токио

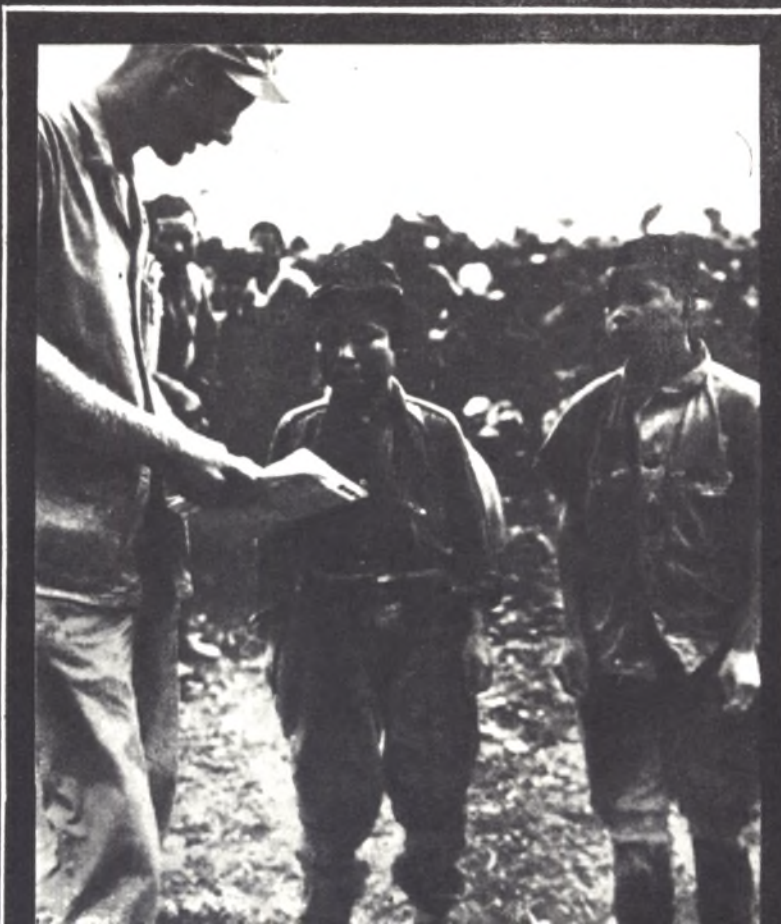

Студенческие
аудитории
превратились
в производственные
цеха

Всеобщая трудовая
повинность
распространилась
на школьников
младших классов

Все под ружье,
от мала до велика!
Юные
военнопленные
из рядов детской
императорской
гвардии „Тэккэцу“
(„Сталь и кровь“) —
японский вариант
„гитлерюгенда“, —
взятые в плен
американцами
на Окинаве

С первых дней войны с Китаем неукоснительно выполнялся лозунг военщины: „Каждый японец должен быть в первую очередь солдатом императора“

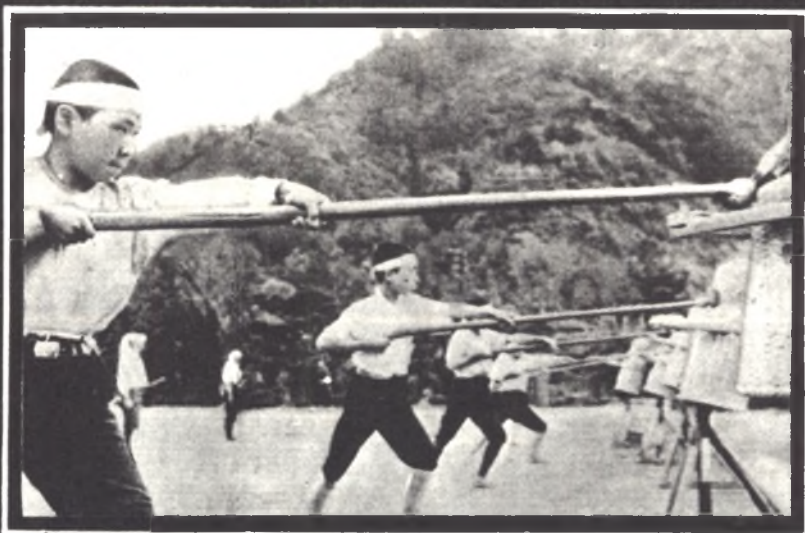

Военная подготовка
чиновников

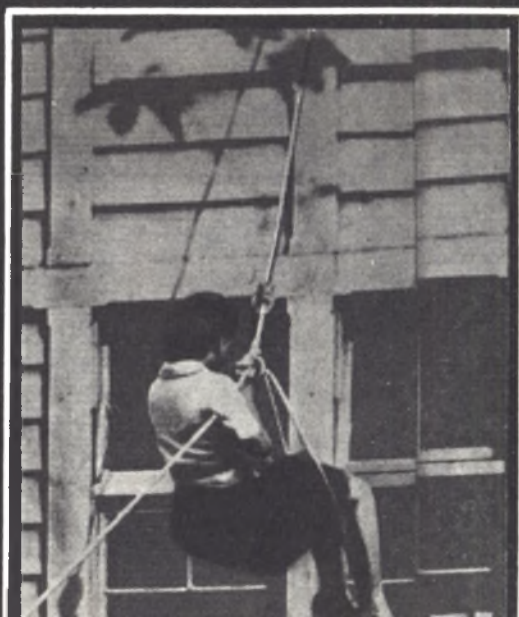
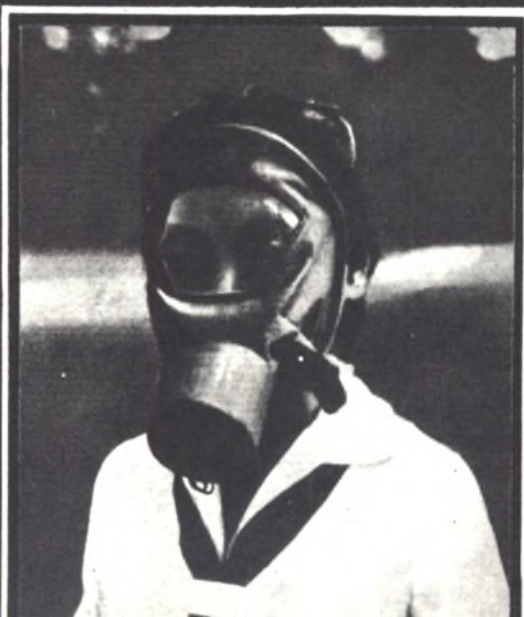

Обучение студенток приемам владения стрелковым оружием

г. Камакура.
Учащиеся средней общеобразовательной школы отрабатывают приемы штыкового боя

Массовые учения населения по гражданской обороне

Ложь и клевета, демагогия и дезинформация, разжигание националистических, шовинистических и откровенно расистских настроений, восхваление самурайских традиций и пресловутого „императорского пути“ („кодо“), антикоммунистическая пропаганда — вот далеко не полный перечень преступных приемов, форм и методов, использовавшихся правящими кругами Японии для идеологической и морально-политической подготовки армии и населения страны к проведению в жизнь агрессивных милитаристских планов

„Эйрэй“ — два иероглифа, означающие: „душа героя“. Каждый японский солдат, воспитывавшийся в духе верности „императорскому пути“, был искренне убежден, что даже если он не вернется с поля брани, умерев за императора, его душа, обернутая в белый саван, явится на родину предков и напомнит о нем

1923 г. Парад
военнослужащих
студенчества
принимает
военный министр
Японии

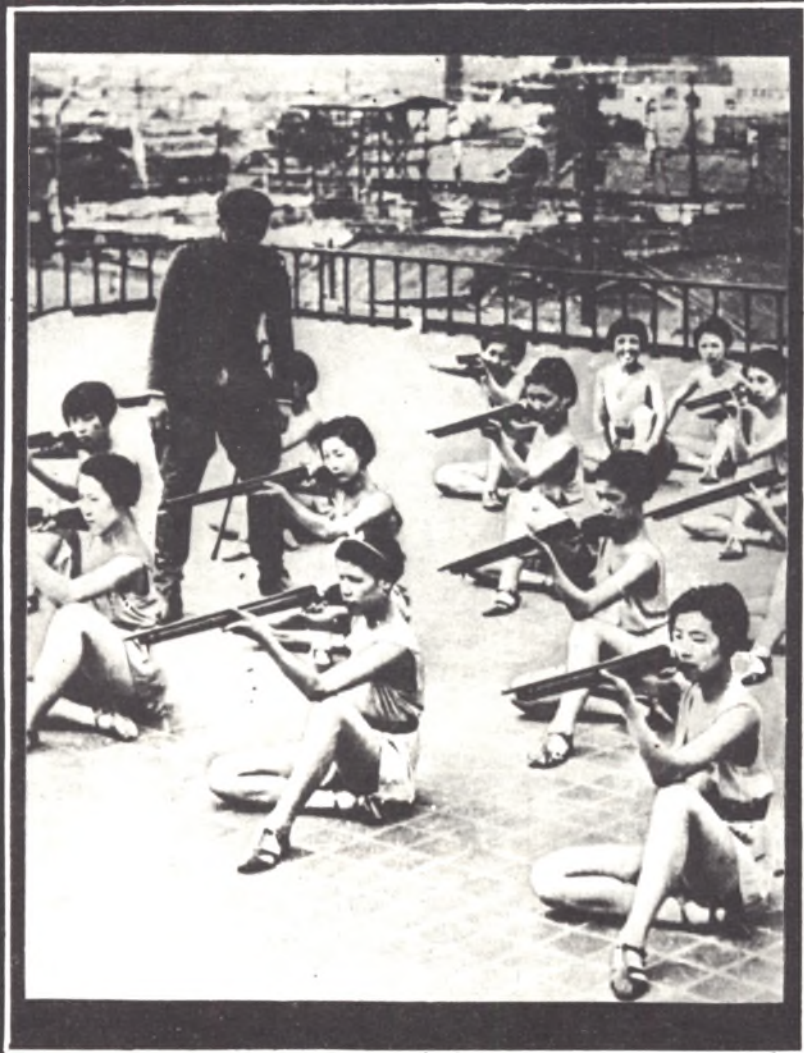
1937 г. Парад
морской гвардии
в Йокосуке

1938 г. Токио.
Демонстрация
преданности
императору
японскими
солдатами
и их родителями

Японское искусство на службе милитаризма

Японские
танцовщицы
релетируют
военизированные
элементы танца

1940 г.
Для поднятия
боевого духа в
Экспедиционные
войска в Китае
прибыл знаменитый
борец национальной
борьбы „Сумо”
Футабаяма

1941 г. „Неделя“
пропаганды войны
в Токио

Японские артисты
на военном
аэродроме

Спектаклями ура-патриотического содержания был заполнен репертуар всех без исключения театральных коллективов

Воинственный танец самурая в исполнении девятилетнего мальчика

Религия на службе милитаризма

Массовый заплыв.
Обряд очищения
от грехов

Тренировка воли
в духе буддийской
секты „Дзэн“:
„Думай только
об императоре
и о том, как быть
более полезным
нации“.
За малейшее
шевеление —
удар палкой

Цель всей системы морального и идейного оболванивания японцев в период второй мировой войны — воспитание верноподданнических настроений, фанатичной преданности „божественному микадо“ — императору. Правящим кругам в целом удалось репрессиями и террором, изощренной пропагандой ликвидировать инакомыслие в народной и солдатской массе, добиться слепой поддержки агрессивной захватнической войны

Коленопреклоненные и павшие ниц японцы слушают выступление императора по радио

Фанатизм, смертничество — высшие и самые преступные достижения идеологической машины, действовавшей в армии и на флоте.

Летчики-смертники „камикадзе“, водители человеко-торпед „кайтэн“, смертники-истребители танков, живые „минные поля“, групповые и одиночные самоубийства получили на завершающем этапе войны широкое распространение в вооруженных силах Японии

„Камикадзе“
перед вылетом
на последнее
задание.
Чашечка рисовой
водки сакэ перед
полетом в небытие

На всех фронтах: на Филиппинах, в Бирме, на Окинаве и других территориях войска союзников встречали ожесточенное сопротивление со стороны японских войск. Еще более жестокие бои ожидалась в Маньчжурии, Корее и на территории собственно Японии.

Самоубийство
японского
солдата-фанатика
на о-ве Атту

Длительного
времени
и значительного
числа жертв
требовали боевые
действия
с японскими
войсками,
засевшими
в джунглях

Горы отстрелянных
гильз от
артиллерийских
снарядов — один
из показателей
ожесточенности
сражений
на Окинаве

„Выкуривание“
японцев
из каменных нор —
огневых точек
на Окинаве

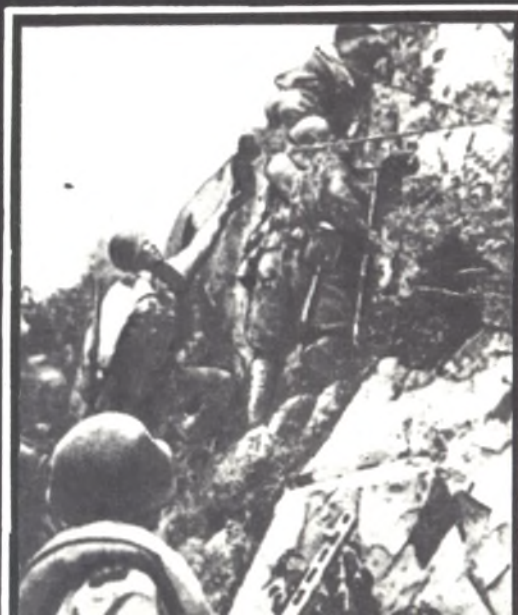

Несмотря на достигаемые ценой огромных усилий успехи союзных войск в сражении за тихоокеанские островные территории и постепенное приближение линии военного противостояния к японской метрополии с востока, сопротивление Японии на начало августа 1945 г. было далеко не сломлено. Проводились крупные мероприятия по укреплению положения японских войск на сухопутных фронтах в Китае, Корее, Маньчжурии, где находилась первоклассная Квантунская группировка войск, а также в собственно Японии. Продолжались боевые действия в Бирме, на Филиппинах, Новой Гвинее и ряде других территорий. По оценке американского военного командования, война с Японией могла затянуться еще на 1,5–2 года, унося с собой миллионные человеческие жертвы с обеих сторон. В этих условиях, в соответствии с взятым в ответ на неоднократные просьбы союзников на себя обязательством, Советский Союз вступил 9 августа 1945 г. в войну с Японией, в течение трех недель разгромил миллионную Квантунскую группировку, внося тем самым решающий вклад в завершение разгрома и принуждение к капитуляции японского агрессора

Советские войска
на марше в ходе
Маньчжурской
стратегической
наступательной
операции

Население
Харбина с радостью
и ликованием
встречает советских
воинов-
освободителей

Август 1945 г.
Советские
пехотинцы
преодолевают
крутые склоны
Большого Хингана

Только молниеносный всеокрушающий удар Советских Вооруженных Сил по костяку японских войск — Квантунской группировке — заставил Японию отказаться от продолжения войны и принять условия капитуляции, выдвинутые союзниками в Потсдаме

Приказы ставки о прекращении боевых действий, направленные в войска после объявления 15 августа 1945 г. императором решения о принятии условий Потсдамской декларации и капитуляции Японии. Против советских войск, однако, боевые действия японских войск не прекращались до конца августа

Август 1945 г., г. Чанчунь. Советские военные представители вручают ультиматум о капитуляции главнокомандующему Квантунской армии О. Ямада

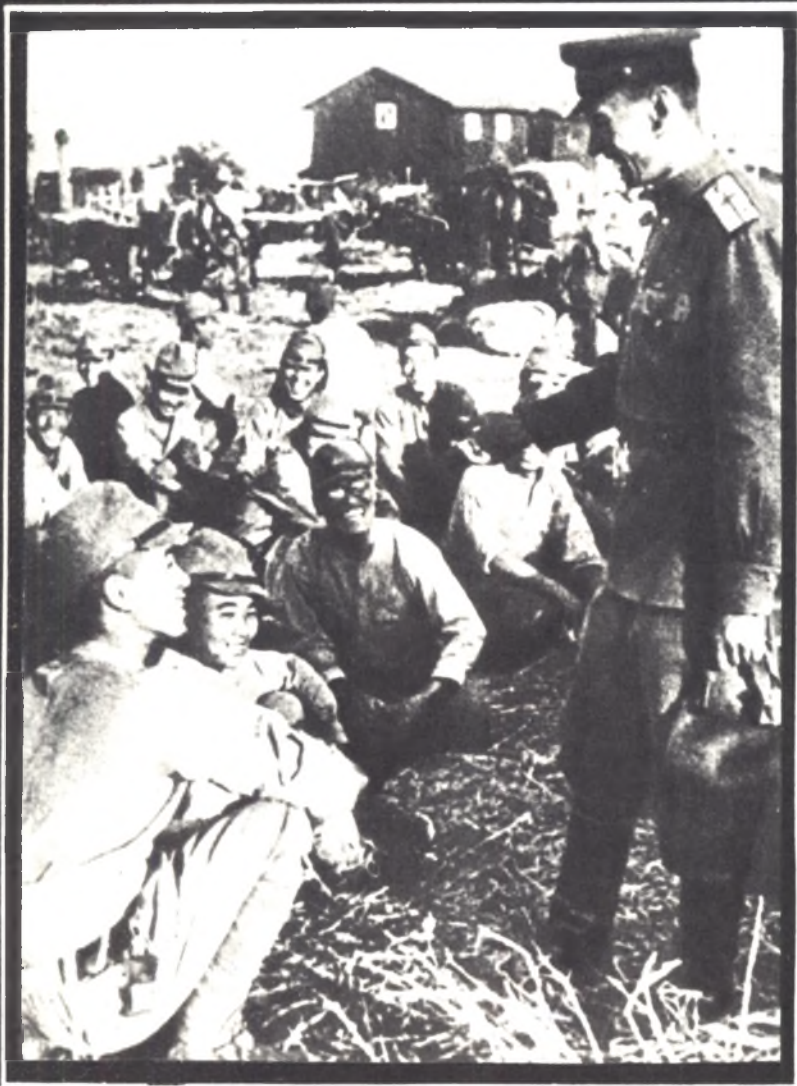

Конец Квантунской
группировки войск

Советские солдаты
сопровождают
колонну японских
военнопленных

16 августа 1945 г.
Пленение
марионеточного
императора
Маньчжурии
Генри Пу И

Группы
пленных японских
солдат во время
бесед с советскими
офицерами

Пленные японские
солдаты пишут
письма

2 сентября 1945 г.
Филиппины.
Командующий
14-м фронтом
генерал Ямасита
сдался
вместе со своим
штабом войскам
союзников

Лагерь для
японских
военнопленных
в Багио
(Филиппины)

Филиппины.
Японских
военнопленных
проводят
по улицам
разрушенного ими
города

Филиппины.
Этапирование
американцами
пленных
японских
солдат вдоль
морского
побережья
в лагерь для
военнопленных

На Филиппинах, так же как и в ряде других стран, были проведены судебные процессы по делам японских военных преступников, творивших злодеяния на их территории

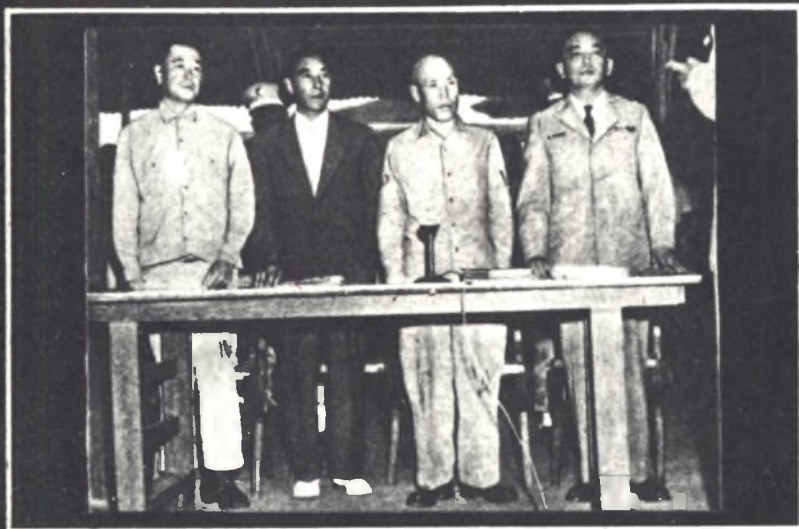
Готовые к смерти
пленные японские
офицеры пишут
завещания

Подследственные
направляются
на машине к месту
проведения
судебного заседания

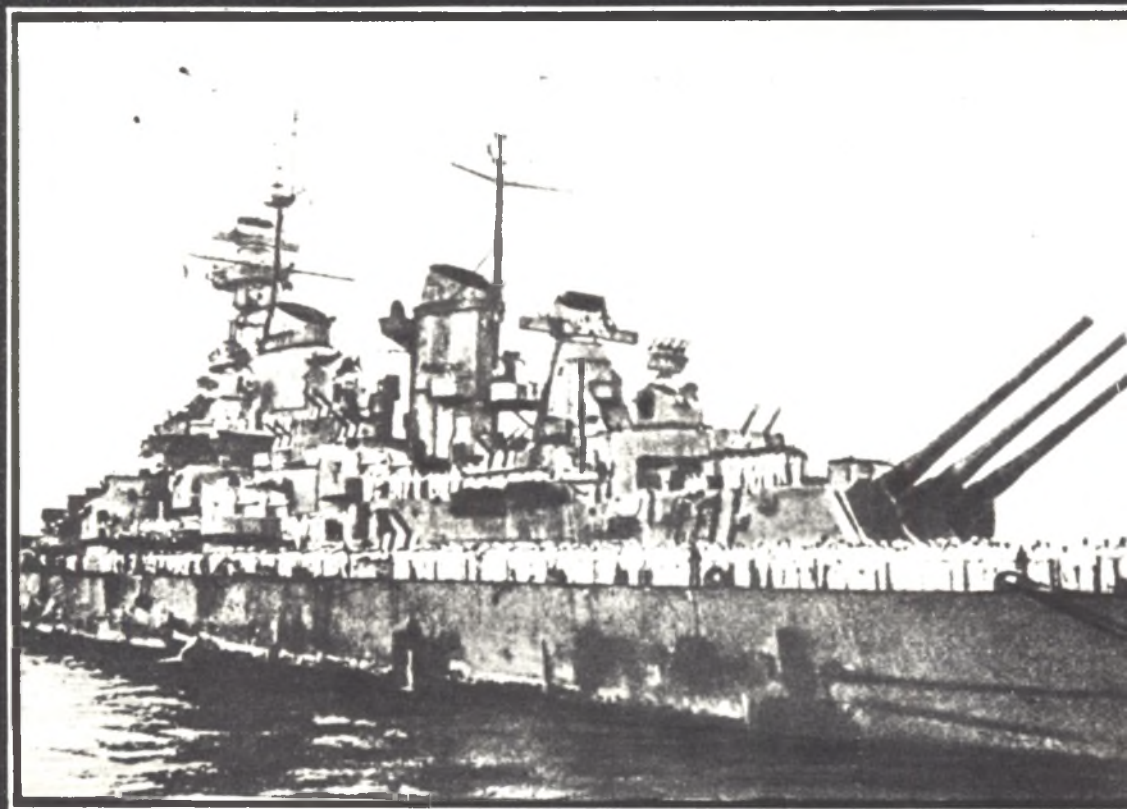

Бывший
командующий
14-й армией
генерал Курода
делает заявление
перед оглашением
приговора
трибунала

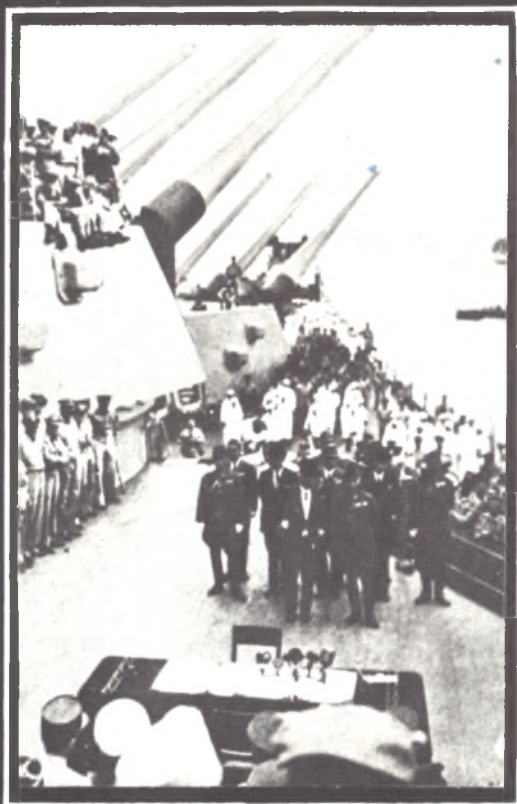

Генералы Кавагути
и Хаяси при
провозглашении
приговора военного
трибунала

2 сентября 1945 г. в Токийском заливе на борту американского линкора „Миссури“ в присутствии представителей союзных держав состоялось подписание Акта о безоговорочной капитуляции Японии. Вторая мировая война — самая кровопролитная из всех войн человечества завершилась полным разгромом агрессоров как на Западе, так и на Востоке

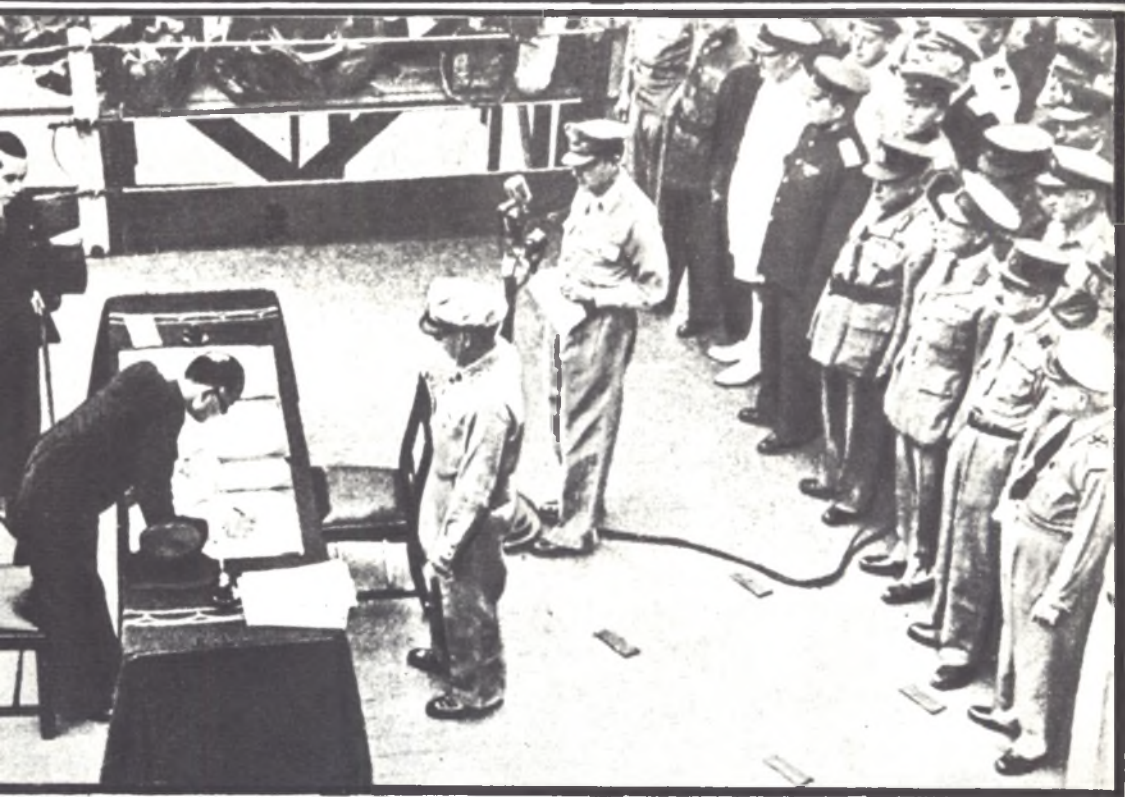
Минута позора
перед
подписанием Акта
о капитуляции
японской
стороной

Акт о капитуляции,
подписанный
представителями
воюющих сторон

Представитель
Японии министр
иностраных дел
Сигэмицу
подписывает Акт
о капитуляции

От имени
Советского Союза
Акт о капитуляции
Японии скрепил
своей подписью
генерал
К. Н. Деревянко

INSTRUMENT OF SURRENDER

W e, acting by command and in behalf of the Emperor of Japan, the Japanese Government and the Japanese Imperial General Headquarters, hereby accept the provisions for the cessation of hostilities issued by the Supreme Commander of the Allied Powers, China and Great Britain on 28 July 1945 at Potsdam, and subsequently adopted by the United States, Great Britain, and the Republic of China, which provisions are hereafter referred to as the Allied Powers.

We hereby proclaim the unconditional surrender to the Allied Powers of the Japanese Imperial General Headquarters and of all Japanese armed forces and all armed forces under Japanese control wherever situated.

We hereby command all Japanese forces wherever situated and the Japanese people to cease hostilities forthwith, to prevent and seek to repair damage to ships, aircraft, and military and civil property and to comply with all requirements which may be imposed by the Supreme Commander for the Allied Powers or by agencies of the Japanese Government at his direction.

We hereby command the Japanese Imperial General Headquarters to issue to those armed to the Commander of all Japanese forces and all forces under Japanese control wherever situated to surrender unconditionally themselves and all forces under their control.

We hereby command all civil, military and naval officials to obey and enforce all proclamations, orders and directives issued by the Supreme Commander for the Allied Powers to be given to effectuate this surrender and to report to him or under his authority and to direct all such officials to remove or cause to be removed to perform their non-combatant duties unless specifically retained by him or under his authority.

We hereby undertake for the Emperor, the Japanese Government and their successors to carry out the provisions of the Potsdam Declaration in good faith, and to issue whatever orders and take whatever action may be required by the Supreme Commander for the Allied Powers or by any other designated representative of the Allied Powers for the purpose of giving effect to that Declaration.

We hereby command the Japanese Imperial Government and the Japanese Imperial General Headquarters, at once to liberate all allied prisoners of war and civilian internees now under Japanese control and to provide for their protection, care, maintenance and immediate transportation to places as directed.

The authority of the Emperor and the Japanese Government to rule the state shall be subject to the Supreme Commander for the Allied Powers who will take such steps as he deems proper to effectuate these terms of surrender.

Form of 1945 and Form of 1945
of the 28th July 1945, at Potsdam, and of the 1st September, 1945

重光 葵

In Command and in behalf of the Emperor of Japan
and the Japanese Government

梅津美治郎

In Command and in behalf of the Japanese
Imperial General Headquarters

Accepted at _____ on _____ 1945
at the _____ of _____, 1945
for the United States, Republic of China, United Kingdom and the
Government of India, and in the interests of the other
Allied Powers as well as Japan.

Supreme Commander for the Allied Powers

United States Representative

Republic of China Representative

United Kingdom Representative

Government of India Representative

Commandant of Australian Representative

Representative of the Netherlands

Representative of the French Republic

Representative of the Philippine Republic

Representative of the United States Representative

40 лет прошло со времени окончания второй мировой войны. В результате происшедших в Японии изменений была принята конституция, которая декларировала отказ японского государства от создания впредь вооруженных сил, от самого права на войну как на средство разрешения международных споров. Согласно Потсдамской декларации, в стране должны были быть ликвидированы все корни милитаризма с тем, чтобы не допустить новой военной угрозы народам мира с территории Японских островов. Факты, однако, свидетельствуют о том, что реакционные силы Японии с первых послевоенных дней рассматривали капитуляцию и последовавший за ней период американской оккупации как отрезок времени, необходимый для перестройки своих сил, сохранения экономических, политических и идейных основ такого явления, как японский милитаризм, подготовки условий для создания на их базе новой современной военной машины, призванной обеспечивать далеко идущие интересы растущего империалистического государства.

Ныне в Японии воссозданы вооруженные силы, по своей боевой мощи в несколько десятков раз превышающие вооруженные силы страны периода второй мировой войны. Вновь в Японии набирает силу военно-промышленный комплекс — это чудовищное сращение военщины, реакционных политических кругов, представителей монополистического капитала и банкиров. Вновь правящие круги страны толкают Японию на путь подготовки к военным авантюрам, тесного военного сотрудничества в достижении империалистических целей с другими государствами, в первую очередь с США. Вновь в военно-политических кругах Японии вынашиваются планы ведения агрессивных войн, т.е. такие планы, за разработку которых наряду с другими преступлениями были осуждены военные преступники на Токийском и Хабаровском процессах. Вновь широкие масштабы приняла в Японии пронизанная духом антикоммунизма и антисоветизма милитаристская пропаганда.

Глава американских оккупационных войск в Японии генерал Макартур — ставленник монополистического капитала США. Он лично ответствен за то, что требования Потсдамской декларации о полной демилитаризации японского государства не были выполнены до конца

Значительную роль в возрождении японского милитаризма сыграли Соединенные Штаты Америки, увидевшие в лице Японии надежного союзника в борьбе с набирающим силу в Азии и во всем мире революционным и национально-освободительным движением

Один из активных инициаторов „холодной войны“ и возрождения японского милитаризма, прожженный американский политик Даллес.

Июнь 1950 г. Район 38-й параллели, разделяющий Корейский п-ов на два государства. Через месяц здесь будет развязана война, участие в которой примут японские военнослужащие, а сама Япония превратится в плацдарм и тыловую базу агрессивных действий американских войск

8 сентября 1951 г.
Подписание
японским
премьер-министром
Иосидо сепаратного
Сан-Францисского
мирного договора.
В тот же день
состоялось
заключение японо-
американского
„договора
безопасности“ —
военного союза двух
враждовавших
в ходе второй
мировой войны
держав

Вновь боевой клич
в устах японского
солдата

Снова война
в джунглях?
2-я дивизия
сухопутных войск
Японии на
совместных
японо-
американских
учениях
1983 г.

Отработка
боевых действий
в условиях
непогоды

Танкисты
и пехотинцы
„сил самообороны“
Японии
отрабатывают
взаимодействие
в наступательных
боевых действиях

Артиллеристы
„сил самообороны“
на учениях

Вертолетчики
военно-морских сил
Японии
отрабатывают
задачи
в климатических
условиях, близких
к условиям
в районах
Советского Дальнего
Востока и Северо-
Востока Китая

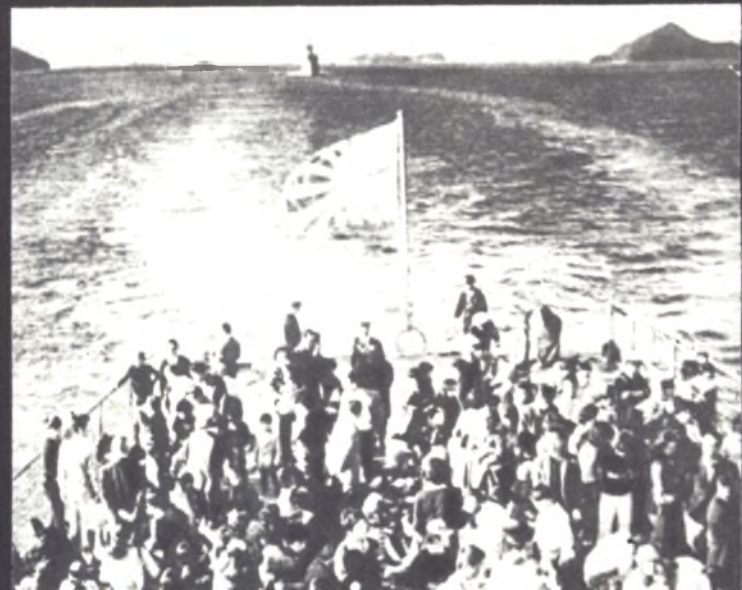
Снова подготовка
к захвату
стратегически
важных районов

Современные военно-морские силы Японии регулярно участвуют в пятисторонних (Япония, Канада, США, Австралия, Новая Зеландия) маневрах „Римпак” („Тихоокеанское кольцо”), готовятся вновь стать жандармом в зоне Тихого океана. На снимке группа кораблей во главе с ракетным эсминцем „Сиранэ” на одном из учений „сил самообороны” 1983 г.

Значительное внимание военно-политическое руководство Японии уделяет милитаризации сознания современных японцев, особенно послевоенных поколений. Содержание, формы и методы идеологической обработки те же, что и в годы второй мировой войны

Вновь гремят военные марши, перед тысячами зрителей проходит боевая техника, подразделения японских войск

Боевые корабли „сил самообороны” в походе с участием населения. Военно-морской район Куре

Демонстрация
полетов
перед местным
населением
на авиабазе в Наха,
Окинава

Для пропаганды
„сил самообороны“
целые семьи
приглашаются
на выходные дни
в военные городки

Послевоенное поколение японских детей подвергается милитаристской пропаганде

Дети знакомятся с вооружением „сил самообороны“ Японии

Миллионы японцев выступают против военно-политического курса правящих кругов страны, нацеленного на превращение Японии в военную державу, своего рода непотопляемый авианосец в западной части Тихого океана

Демонстрации, организуемые Японским советом борьбы за запрещение атомной и водородной бомб, являются мощным средством борьбы трудящихся Японии против превращения территории страны в ядерный плацдарм Пентагона

В мае 1983 г. в Японии проходила кампания „Дети за ядерное разоружение“. Японская школьница распространяет листовки, в которых написано: „Мы ненавидим войну и хотим мира“

Японские власти не могут полностью игнорировать миролюбивые выступления народных масс. Тем не менее спираль гонки милитаристских приготовлений раскручивается все быстрее и быстрее, угрожая жизненным интересам японского народа, миру и спокойствию в Азии и во всем мире

- Вторая мировая война. Краткая история.**
М., 1984.
- История второй мировой войны 1939—1945 гг.**
Т. 3, 4, 6, 11, 12.
М., 1973—1982.
- Новейшая история Китая, 1928—1949.**
М., 1984.
- Смирнов Л.Н.,
Зайцев Е.Б.**
Суд в Токио.
М., 1978.
- Фотодокументы
Архива
Центрального
музея Советской
Армии**
- Фотоматериалы
ТАСС**
- Исибаси М.**
Невооружен-
ный
нейтралитет.
Пер. с япон.
М., 1984.
- История войны
на Тихом океане.**
Пер. с япон.
Т. 1—4. М.,
1957.
- Кампании войны
на Тихом океане.**
Пер. с англ.
М., 1956.
- Моримура С.**
Кухня дьявола.
Пер. с япон.
М., 1983.
- Хаттори Т.**
Япония в
войне
1941—1945 гг.
Пер. с япон.
М., 1973.
- Шарман Ф.**
Американские
авианосцы в
войне на
Тихом океане.
Сокр.
пер. с англ.
М., 1956.
- Акияма Х.**
Токусю бутай
нанахяку
сандзю ити
(Специальный
отряд 731).
Токио, 1956.
- Бозй хакусё**
(Белая книга
по вопросам
обороны).
Токио, 1980.
- Гайти—ни нокору
нихон—но сэн реки**
(Японский
военный
послужной
список
за границей).
Т. 1—2. Токио,
1970.
- Гэндай си сирё**
(Материалы по
новейшей
истории
Японии). Т. 30,
кн. 6. Токио,
1976.
- Дайтоа сэнсо
кокан сэн си**
(Официальная
история войны
в великой
Восточной
Азии). Т. 73,
кн. 2. Токио,
1974.
- Тайхэйё сэнсо си**
(История
войны
на Тихом
океане).
Т. 1—6.
Токио,
1972—1973.
- Хаттори Т.**
Дайтоа сэнсо
дзэн си (Полная
история войны
в великой
Восточной
Азии). Токио,
1965.
- „Гундзи кэнкю”**
(Военные
исследования),
1976—1984.
- „Сюкан Иомиури”**
(Еженедель-
ник Иомиури),
1975,
15августа.
- Ten Years of
Japanese
Burrowing in the
Netherlands East
Indies.**
New York,
1952.
- Zich A. The Rising
Sun.**
Alexandria,
Virginia, 1977.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приговор Международного военного трибунала для Дальнего Востока, осудившего главных японских военных преступников в Токио, и приговор военного трибунала Приморского военного округа, осудившего в Хабаровске группу японских военных преступников во главе с бывшим главнокомандующим Квантунской группировкой войск, были встречены с большим удовлетворением всеми честными людьми во всем мире.

Международный военный трибунал для Дальнего Востока в своем Приговоре установил, что все войны, которые вела Япония, признаны агрессивными; что лозунг о создании „Сферы сопроцветания великой Восточной Азии“ был призван завуалировать захват Японией стран Восточной Азии; что за полтора года до нападения на американский флот лидеры Японии приняли решения об экспансии в районах Южных морей.

Токийский процесс, как и предшествовавший ему Нюрнбергский, явился выражением существующих принципов и норм международного права. Огромное историческое значение имел сам факт судебного преследования военных преступников и их наказание по приговору Международного военного трибунала.

Материалы Токийского и Хабаровского судебных процессов не утратили и поныне своего актуального значения потому, что в стране, где судили японских военных преступников, вновь возрождаются и развиваются те же самые опасные для дела мира тенденции, которые в конечном счете привели ее лидеров на скамью подсудимых.

В первые послевоенные годы американские оккупационные власти и японское правительство, вынужденные считаться с мировым общественным мнением и обстановкой в стране, характеризовавшейся активизацией прогрессивных сил, провели ряд политических реформ. Была принята новая конституция, запрещающая Японии иметь вооруженные силы и провозгласившая отказ от войны как суверенного права нации.

Однако уже в 1948–1949 гг. в обстановке „холодной войны“, начатой США против СССР, революционных и национально-освободительных движений и подготовки вой-

ны в Корею Япония стала постепенно превращаться в верного союзника и проводника американской политики на Дальнем Востоке, в своего рода „непотопляемый авианосец“. Началась подготовка к превращению Японии в державу с большим военным потенциалом, и это являлось одним из центральных направлений деятельности ее правительства.

Япония стала проявлять большую готовность взять на себя дополнительные обязательства в политической, а также военной областях в рамках японо-американского военно-политического союза. Такой курс вполне устраивал администрацию Вашингтона, которая, проводя глобальную антисоветскую стратегию, была заинтересована в более активном подключении к ней Японии, в первую очередь в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Не случайно, выступая 31 января 1982 г. в конгрессе, министр обороны США К. Уайнбергер приравнивал японо-американские отношения в военной области к отношениям США с их союзниками по НАТО.

Известно, что развязанные японским империализмом войны наряду с захватническими целями преследовали также закрепление классового господства дзайбацу, направленное против интересов трудящихся масс Японии и других стран. Накануне второй мировой войны реакционные правительства капиталистических государств стремились не к обеспечению национальных интересов их народов, а к уничтожению первого в мире социалистического государства — СССР. Мировая реакция с радостью встретила возможность разыграть „фашистскую карту“ в своих корыстных целях, видя в утверждении фашистских диктатур в третьем рейхе и милитаристской Японии укрепление позиций капитализма, барьер против подъема революционной борьбы.

Идеологи империализма стремятся извратить подлинную историю второй мировой войны, всячески преуменьшить роль Советского Союза в победе над фашистской Германией и милитаристской Японией, пытаются реабилитировать в глазах новых поколений, не знающих ужасов мировой войны, политику фашизма и его злодеяния. Фальсификация истории служит империалистической пропаганде для нагнетания

антисоветизма, раздувания зловредного вымысла о „советской угрозе“, для оправдания безудержной гонки вооружений.

8 сентября 1951 г. в г. Сан-Франциско Соединенные Штаты и ряд других капиталистических государств подписали с Японией сепаратный мирный договор. Одновременно США заключили с Японией „договор безопасности“, заложивший юридическую основу японо-американскому военно-политическому союзу. 19 января 1960 г. он был заменен „Договором о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности“, по которому США получили право сохранить военные базы и содержать сухопутные, военно-воздушные и военно-морские силы на территории Японии. Япония обязалась наращивать свой потенциал и предпринимать „действия для отражения общей опасности“.

В нарушение действующей конституции в июле 1950 года в Японии под видом „резервного полицейского корпуса“, преобразованного затем в „корпус национальной безопасности“, а в 1954 году — в так называемые „силы самообороны“, началось возрождение регулярной армии.

Председатель объединенного комитета начальников штабов японских „сил самообороны“ генерал Ватанабэ и командующий вооруженными силами США в Японии генерал Тиксиер подписали недавно протокол о совместных боевых операциях двух государств в случае „чрезвычайной обстановки“. Начало планированию совместных боевых операций США и Японии было положено несколько лет тому назад. Но прежде такие штабные разработки касались „чрезвычайной обстановки“ в Японии. „Теперь же, — подчеркнул В.Овчинников в статье „Мнимая жертва“, опубликованной в „Правде“ 29 декабря 1984 г., — речь идет о совместных действиях вооруженных сил двух стран и за пределами японских островов“.

В соответствии с утвержденными японским правительством в октябре 1976 года „Общими положениями планов обороны“, приверженность к которым была подтверждена начальником Управления национальной обороны Японии К.Като в январе 1985 года, „силы самообороны“ к 1987 году должны достигнуть численности в 300 тыс. человек.

После переговоров с Рейганом премьер-министр Накасонэ в интервью газете „Ва-

шингтон пост“ 19 января 1983 г. подчеркивал, что Япония должна стать сильным в военном отношении государством — „непотопляемым авианосцем“, способным оказывать противодействие советской стратегической авиации; контролировать проливы, используемые советским военно-морским флотом для выхода из Японского моря в Тихий океан, с тем чтобы иметь возможность „закупорить“ советский флот в этом районе в случае „чрезвычайных обстоятельств“, и, наконец, обеспечивать „безопасность морских коммуникаций в радиусе до 1000 миль от японских берегов“.

В июне 1982 года Управление национальной обороны предало гласности некоторые пункты разрабатывавшейся на 1983—1987 гг. программы модернизации и усиления „сил самообороны“, которая свидетельствует о том, что приоритет отдается именно наращиванию ВМС и ВВС с целью обеспечения задач по блокированию проливов и патрулированию морских коммуникаций в радиусе 1000 миль. В 1987 году „силы самообороны“ будут иметь 60 противолодочных кораблей, 16 подводных лодок, 75 противолодочных самолетов „Р-3С“, 150 истребителей „F-15“.

В стране ведется враждебная СССР кампания территориальных притязаний, инициатором и организатором которой выступает японское правительство. Масштабы этой кампании увеличиваются с каждым годом. В сентябре 1982 года в Японии принят „закон о специальных мерах для содействия решению проблем северных территорий“, направленный на поощрение притязаний на часть принадлежащих СССР Курильских островов. Возможность улучшения двусторонних отношений с СССР Токио неизменно ставит в зависимость от „уступок“ Советского Союза по так называемому „территориальному вопросу“.

Позиция Советского Союза в данном вопросе последовательна и принципиальна. Как отмечал в интервью газете „Асахи“ Председатель Совета Министров СССР Н.А.Тихонов, Советский Союз неоднократно, в том числе и на высоком уровне, заявлял, что в советско-японских отношениях „нет такой темы, как якобы нерешенный „территориальный вопрос“.

В последнее время наряду с кампанией территориальных притязаний в Японии все ак-

тивнее муссируется миф о „советской военной угрозе“, о „наращивании Советским Союзом военной мощи в прилегающих к Японским островам районах“. Японские политические деятели пытаются использовать измышления об „угрозе с севера“ для того, чтобы отвлечь внимание от курса на значительную активизацию японских военных приготовлений и расширение военно-стратегического сотрудничества с США, посеять в стране недоверие к Советскому Союзу, извратить его миролюбивую внешнюю политику.

Для оправдания курса на откровенное наращивание военной мощи японская официальная пропаганда неустанно муссирует фальшивый тезис о „военной угрозе с Севера“, стремясь склонить общественное мнение внутри страны к признанию „необходимости“ для Японии иметь сильные вооруженные силы.

О намерениях продолжать курс на наращивание военного потенциала свидетельствует то, что на реализацию шестого плана укрепления и развития „сил самообороны“ (1983—1987 гг.) предусмотрена сумма, в 4 раза превышающая ассигнования по предыдущему плану.

Советский Союз неоднократно заявлял о том, что он не угрожал и не угрожает Японии. Более того, была высказана готовность обсудить взаимные опасения и договориться об осуществлении приемлемых для обеих сторон мер по укреплению доверия как в политической, так и в военной областях. Остается в силе советское предложение о проведении переговоров о заключении договора о добрососедстве и сотрудничестве, в котором Советский Союз предлагает зафиксировать обязательства сторон разрешать свои споры исключительно мирными средствами и воздерживаться во взаимоотношениях от угрозы силой или ее применения.

Советский Союз предложил Японии обменяться мнениями относительно заключения соглашения о гарантиях, имея в виду зафиксировать в соответствующей договорно-правовой форме обязательство Советского Союза не применять против Японии ядерное оружие и обязательство Японии строго и последовательно соблюдать безъядерный статус — не производить, не приобретать и не допускать завоза на японскую территорию, а также в воздушное и мор-

ское пространство страны ядерное оружие. Заключение такого соглашения отвечало бы интересам безопасности обоих государств, явилось бы важным шагом к укреплению взаимного доверия. Однако официальные японские представители заняли позицию замалчивания.

Уход Японии от конструктивного рассмотрения советских предложений, продиктованных искренней заинтересованностью в укреплении советско-японских отношений на основе равенства, обоюдовыгодного сотрудничества, взаимной безопасности, убедительно свидетельствует, что не надуманные вопросы, не мнимая „советская военная угроза“, а позиция японского правительства является основным препятствием к переводу двусторонних отношений на рельсы поступательного развития.

Этим объясняется и активизация сил реакции на пересмотр японской конституции.

Движение за пересмотр конституции имеет длительную историю и берет начало с первых лет вступления ее в силу. Отказ Японии „от войны как суверенного права нации, а также от угрозы применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров“ явно не устраивал те реваншистские элементы, которые были заинтересованы в реставрации японского милитаризма. Конституция поставила вне закона право на ведение войны. Поэтому экстремистские круги, мечтающие возродить „былое японское величие“, стали изыскивать различные варианты произвольного толкования статьи 9 конституции.

Вдохновителем кампании за возрождение японской армии стал пресловутый генерал США Дуглас Макартур, который, видя заинтересованность определенных японских кругов в возрождении милитаристских тенденций, 1 января 1950 г. заявил, что Япония имеет право на самооборону. Это заявление Макартура было расценено как официальное разрешение главнокомандующего американскими оккупационными войсками в Японии на создание вооруженных сил.

Японские правящие круги пытаются сыграть и на националистических амбициях определенных слоев японского общества, увязывая политику милитаризации с курсом на „приведение международной политической роли Японии в соответствие с ее экономической мощью“. В „Белой

книге по вопросам обороны" за 1981 год подчеркивалось: „Вооруженные силы стали важным средством увеличения международного влияния... Для того, чтобы было возможно отвести сильное политическое давление или запугивание, подкрепленное военной мощью другого государства, необходимо иметь свою армию и систему обороны”.

С целью создать более благоприятные условия для действий в этом направлении японское руководство стремится ослабить миролюбивые настроения в стране, заставить японский народ позабыть уроки истории. Для этого в Японии развернута широкая пропагандистская кампания, направленная на возрождение самурайского духа, чувства национальной исключительности японцев. При этом сознательно искажаются исторические факты, изобличающие Японию как агрессора во второй мировой войне.

Еще в начале 50-х годов японские военные преступники были не только полностью реабилитированы, но и восстановлены в правах, допущены на руководящие должности в государственных учреждениях и частных компаниях. Десятки тысяч офицеров императорской армии нашли прибежище в „силах самообороны”, которые к тому времени были созданы. Имея в своих руках значительные богатства и восстановив прежние связи, многие военные преступники вновь заняли прочные позиции в государственном аппарате страны, став надежной опорой реакции.

Много лет в Японии проводятся меры по реабилитации преступных войн японского империализма и восхвалению „подвигов” солдат и офицеров императорской армии.

Японское правительство ввело практику посмертного награждения солдат и офицеров старой императорской армии. Только в 1970 году посмертно было награждено 12 674 человек, а 381 лицу присвоены придворные звания. Это ли не массовая индульгенция тем, кто организовывал, направлял и осуществлял преступные замыслы японских милитаристов?

На вершине горы Микэнояма, недалеко от крупного промышленного города стоит памятник „национальным героям, павшим во имя великой Японии”. Оказывается, что в „герои” произведены семь главных военных преступников, казненных по при-

говору Международного военного трибунала.

Начиная с 1975 года синтоистский храм Ясукуни, всегда являвшийся идеологическим центром пропаганды милитаризма и агрессии, стали посещать, сначала как частные лица, а затем официально, члены правительства, включая премьер-министра. В 1978 году главные японские военные преступники, казненные по приговору Токийского Международного трибунала, были отнесены в храме Ясукуни к лику святых как воины, отдавшие свои жизни за Японию. А в 1981 году было принято решение объявить 15 августа „днем поминовения павших в боях”.

В 1966 году под названием „день основания государства” был восстановлен отмечаемый 11 февраля довоенный праздник „кигэнсэцу” — „день основания империи”, бывший в свое время главным праздником милитаристской Японии. В основе его лежит миф о божественном происхождении Японии и японской нации и, следовательно, ее исключительности. В январе 1985 года премьер-министр Японии Я.Накасонэ заявил о намерении присутствовать на церемонии по случаю „дня основания государства”. Это первый в послевоенной истории случай, когда глава японского правительства принял участие в этом мероприятии.

Активно ведется кампания за „возрождение патриотизма” у молодого поколения японцев. Министерство просвещения настойчиво проводит линию на пересмотр школьных учебников истории, в результате которого из них исчезают упоминания об агрессии Японии в Азии. Буржуазные ученые стремятся представить политику Японии в те годы как „великую миссию по освобождению народов Азии от колониального ига белых”.

Под завесой широкой националистической пропаганды правящие круги Японии стремятся добиться ликвидации демократических завоеваний японского народа, достигнутых в послевоенный период. Готовят пересмотр конституции и исключение из нее антивоенных положений под тем предлогом, что, мол, они ущемляют суверенитет страны и являются незаконными, поскольку конституция якобы „была навязана Японии в период оккупации”.

Факты неопровержимо свидетельствуют, что экспансионистские устремления японского монополистического капитала, ведущие к участию Японии в агрессивных военных союзах, объясняются не „жизненно важной“ потребностью страны, не национальными интересами Японии, а законами, присущими капитализму.

В наши дни представители правящих кругов Японии все чаще и чаще вновь пускают в оборот версию об „общности судеб азиатских народов“ и об „особой“ роли Японии в Азии. Подобные утверждения становятся официальной доктриной Японии в ее политике в Азии.

Откровенно реваншистские круги Японии не скрывают, что экономическая экспансия, особенно в странах Азии, является лишь первым этапом восстановления утраченных в результате второй мировой войны позиций. Именно с этой целью японский империализм наращивает военный потенциал. Ремилитаризация осуществляется как в рамках японо-американского военного сотрудничества, так и по собственным, так называемым „планам обороны“. Уже нет сомнений, что японские правящие круги наряду с поддержкой американского агрессивного курса на Дальнем Востоке вынашивают собственные экспансионистские замыслы.

В современном внешнеполитическом курсе правящих кругов Японии просматривается „знакомый почерк“ правительства Японии времен второй мировой войны, приведший преступных правителей „страны восходящего солнца“ к приговору Международного военного трибунала. Сначала милитаризация, подобная той, которая проводилась в 30-х годах, как это установлено Приговором Трибунала, затем военно-политические блоки: прежде — „антикоминтерновский пакт“ и пакт трех держав, а теперь — блок с империалистами США.

В Японии, как и в ФРГ, требования шовинистических и реваншистских групп также нашли выражение в официальной государственной политике, оформленной в решении японского правительства 1982 года объявить 7 февраля „днем северных территорий“, иначе говоря днем требований пересмотра итогов второй мировой войны, приязаний на исконно русские земли.

В Японии замалчивают и извращают характер капитуляции, пытаются доказать не-

доказуемое — будто бы капитуляция Японии не была безоговорочной. Но акт о безоговорочной капитуляции Японии существует и известен представители государств, которые подписали его.

Нарастающие темпы и расширение милитаризации, включая ее идеологический аспект, вызывают серьезную озабоченность у демократических сил в Японии и за ее пределами, расцениваются ими как фактор, создающий реальную угрозу безопасности в Азии и во всем мире. Попытки японского руководства возродить в новых формах духовные ценности времен „великой империи“, обелить преступления, совершенные японской военщиной в годы минувшей мировой войны, создать в стране общественное мнение, поддерживающее нынешние опасные амбиции Токио, встречают решительный отпор со стороны всех прогрессивно мыслящих людей.

Прошли десятилетия со времени вынесения в Токио и Хабаровске приговоров японским военным преступникам. Многие изменилось в мире. Неизменной остается мирная внешняя политика Советского государства, основы которой были заложены великим Лениным. И сегодня мы руководствуемся его словами, сказанными 4 июня 1920 г. представителю японской газеты „Осака майнити“ К.Фусэ. В.И. Ленин заявил, что, несмотря на все, что произошло за последние годы между Россией и Японией, и на то, что некоторые круги Японии все еще стоят на непримиримой позиции к Советской России, он все-таки смотрит на будущие отношения обеих стран оптимистически*.

В этих условиях обращение к материалам Токийского и Хабаровского процессов полезно и своевременно.

Уроки второй мировой войны, имеющие непреходящее значение, вызывают к нашей бдительности. Главный из них состоит в том, что против войны надо бороться, пока она не началась. Исторический опыт учит: для того, чтобы отстоять мир, нужны активные действия всех миролюбивых сил против агрессивного авантюристического курса империализма.

* См. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 132.

Предисловие 3

Милитаризм и агрессия в истории Японии

Гумбацу и дзайбацу (военщина и монополии) 14	Вторжение в районе озера Хасан 21	Захваты, убийства... 25	Заявление Генштаба СССР 30
Японская интервенция в Советской России 16	„Операция № 8“ Халхин-Гол 21	Активизация подготовки Японии к агрессии против Советского Союза 26	Путч „молодых тигров“ 30
Захват Маньчжурии. Экспансия в Северный Китай и Внутреннюю Монголию 19	Союз агрессоров 22	План „Операции № 51“ 27	Объявление о капитуляции 31
„Антикоминтернов- ский пакт“ 20	Пакт о нейтралитете — ширма для японской агрессии 23	Последний шанс 27	„Секретные документы, сжечь!“ 31
Агрессия против Китая 20	Пёрл-Харбор 24	Правомерный гуманный акт СССР 28	Подписание акта о капитуляции 31
	Укрепление союза агрессоров 24	Принятие Потсдамской декларации 29	Итоги войны 32

Токио: суд народов. 1946—1948

Процесс 36	Подсудимые 45	Японские планы управления Сибирью 66	Документы 90
Организация судебного процесса 39	Тактика подсудимых и их защитников 52	Зверства японских милитаристов 67	
Судьи. Обвинители. Защитники 41	Доказательства 57	Приговор 70	

Хабаровск: преступники держат ответ. 1949

Процесс 160	Суд в Хабаровске 162	Распространение чумы и тифа в Китае 165	Документы 174
Преступное орудие войны 160	Отряды № 731, № 100 и другие 164	Ликвидация отряда № 731 167	

Фотодокументы 241

Заключение 355

Еще дороже война обо
японской агрессии.

Китай — погибли 10 млн
в том числе 1,3 млн. у

Индонезия — погибли
Филиппины — 1,1 млн.

обошлась жертвам

млн. человек,
убиты на поле боя.

ли 2 млн.,
млн. человек

ТОКИО: 1946–1948
суд народов

ХАБАРОВСК: 1949
преступники держат
ответ

Фотодокументы

